АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Дружбы народов Институт этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ДРЕВНЯЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Материалы
к историко-этнографическому атласу

Ответственный редактор
М. Г. РАБИНОВИЧ

МОСКВА · «НАУКА» · 1986

ВВЕДЕНИЕ

Одежда — один из наиболее важных разделов народной культуры. Вместе с жилищем, орудиями труда и производственными навыками, пищей и утварью она образует широкую область материальной культуры народа. Защищая человека от нежелательного воздействия природной среды — от холода или жары, от снега, дождя, ветра, она обеспечивает в значительной мере его существование. Наряду с этой функцией, которую мы условно назовем утилитарной, едва ли не с самого своего появления одежда выполняет еще одну, тесно с ней связанную, серьезную и ответственную функцию, которую столь же условно можно назвать дифференцирующей. Она несет (иногда довольно сложную) знаковую систему, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности. У большинства народов различаются одежда мужская и женская, одежда детей, девушек на выданье, молодых женщин и старух, мужчин-воинов, вошедших в зрелый возраст, и стариков, одежда крестьян и горожан, бедных и богатых, социальных низов и верхушки, одежда служителей культа, вообще одежда, употребляемая при ритуалах, одежда праздничная и будничная. Все эти признаки перекрещиваются между собой и изменяются сообразно природным, биологическим и производственным условиям, образуя в совокупности сложный комплекс народного костюма с его многочисленными вариантами.

Традиционный народный костюм не представляет собой чего-то статичного, застывшего. Он складывался исторически на протяжении веков и развивался непрерывно на всем пути существования народа. В процессе развития народной одежды сказывались как изменения быта народа, его социальной структуры, условий существования каждой этносоциальной группы, так и многообразные взаимосвязи и взаимовлияния различных народов — соседних или (в особенности на поздних исторических этапах) отдаленных. Большинство таких изменений оставляло след в комплексе народного костюма в целом (появление новых элементов) или в различных его компонентах (материале, покрое, орнаментации) и использовании (манера ношения).

Все вышесказанное делает народный костюм также важнейшим историческим источником для изучения происхождения народа, его этнического и социального развития, его исторической судьбы, его культурных связей и контактов. А сопоставление одежды различных народов может дать много и для изучения исторического процесса в более широких масштабах.

Ценность народной одежды для изучения и характеристики жизни и истории народа, а также многих других сторон исторического процесса

обусловила то, что в работе над историко-этнографическими атласами, ведущейся в нашей стране уже несколько десятилетий, народный костюм занимает значительное место. Народной одежде посвящены крупные самостоятельные разделы как в уже вышедших атласах (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961; Историко-этнографический атлас «Русские», 1967, 1970), так и в разрабатываемых региональных историко-этнографических атласах Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии, Кавказа, Средней Азии и Казахстана (например, Беларускае народнае адзенне, 1975; Костюм народов Средней Азии, 1979; см. также: *Брук* и др., 1978). В советской и зарубежной научной литературе имеются работы, посвященные полностью или частично истории народной одежды (библиографию см. в конце книги).

Работа над историко-этнографическими атласами показала, что большинство рассматриваемых в них явлений (и, в частности, явлений материальной культуры народов) уходит своими корнями в глубь веков. Для целостного показа народной культуры понадобится в дальнейшем вводная часть, которая обрисовала бы происхождение и пути развития этих явлений еще до тех пор, когда они стали объектом изучения этнографов, объектом непосредственного наблюдения исследователей, т. е. до конца XVIII — начала XIX в. Такая вводная часть может быть общей для нескольких историко-этнографических атласов, в частности для вышедшего уже атласа «Русские» и для подготавливаемых в настоящее время региональных атласов Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии.

В Институте этнографии АН СССР разработан план такого введения, идет подготовка и начата публикация материалов к этой вводной части. В 1975 г. вышла первая в этой серии книга — «Древнее жилище народов Восточной Европы», в которой по единой программе на основании всей совокупности имеющихся разнородных источников охарактеризованы жилища кочевого и оседлого населения региона с начала железного века до XVII—XVIII вв. н. э. Этот комплексный метод получил положительную оценку в зарубежной литературе (*Frolec*, 1977).

Предлагаемая монография о древней одежде продолжает эту серию. Как и в первой книге, исследованиями охвачена территория европейской части СССР — европейская часть РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия, Эстония, Латвия и Литва. Хронологические рамки исследования широки, так же, как и в первой книге, посвященной жилищу,— от раннего железного века до XVII—XVIII вв. н. э. Рассматривается одежда народов, населяющих этот обширный регион в наше время, и народов, живших здесь в далеком прошлом: скифов, гетов, даков, восточнославянских племен, русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, води и ижоры. Материал разделен по хронологическому, этническому и территориальному принципам на одиннадцать глав, посвященных одежде племен раннего железного века, восточнославянских племен VI—IX вв. н. э., древнерусской одежде IX—XIII вв., одежде русских в XIII—XVII вв., украинцев в XVI—XVIII вв., белорусов в XVI—XVIII вв., основного населения Литвы, Латвии и Эстонии — с первых веков нашей эры до XVII в., молдаван XV—XVII вв. Эти главы написаны по единой программе, предусматривающей системную характеристику материала одежды, ее покроя, орнамента, важнейших предметов одежды, комплекса сельского и

городского костюма, его разнообразных функций в семье и обществе, различий социальных, половозрастных. Выявляются и общие характерные черты костюма упомянутых народов.

Для осуществления этой обширной программы авторы привлекают широкий круг разнообразных источников: археологические материалы и реалии, сохранившиеся в музеях, древние изображения, описания одежды в художественных произведениях и записках путешественников-современников, нарративные источники и акты. Учтены также научные исследования, в той или иной мере касающиеся затронутого в книге круга вопросов. Однако не все народы, которых мы перечислили выше, и не все исторические периоды, которые были намечены, в достаточной мере обеспечены источниками, вследствие чего не представилось и возможности достигнуть полного единства всех глав, освещения в каждой главе всех намеченных программой вопросов. Не вполне идентичны хронологические рамки — для некоторых народов не оказалось источников по древнему периоду, для других нет достаточно представительного материала по XVIII в. Эти лакуны указывают направления будущих поисков.

В приложении дается описание русских мужских рубах XVI в., найденных при раскопках в Московском Кремле. Реставратор музеев Московского Кремля Т. Н. Кошлякова восстановила по остаткам, найденным в погребениях, рубахи, в которых были погребены царевич Иван Иванович, царь Федор Иванович и боярин князь М. В. Скопин-Шуйский. Это — первая публикация выдающейся археологической находки.

В целом народная одежда, предшествовавшая той, которую наблюдали этнографы в прошлом столетии, выявлена, как нам представляется, со всей возможной по состоянию источников и исследований полнотой.

Вышедшие уже и подготавливаемые в настоящее время историко-этнографические атласы охватывают, однако, не всю территорию Европейской части СССР. По некоторым ее регионам работы еще только намечены. Таковы Крайний Север, Поволжье и Приуралье.

Это обстоятельство отразилось и на содержании предлагаемой книги, включающей, как уже сказано, материалы к атласам, над которыми уже ведется работа. Читатель не найдет в ней сведений о древней одежде упомянутых северных и северо-восточных территорий, поскольку, хотя изучение ее уже ведется, но детальная разработка этой проблемы еще впереди. Материалы же об одежде русского населения Севера, Приуралья и Поволжья имеются в соответствующих по хронологии главах.

Для иллюстрирования книги авторы стремились привлечь по возможности подлинный материал: сохранившиеся в музеях и добытые при археологических раскопках реалии, древние изображения. Вместе с тем публикуются также научные реконструкции как самих древних предметов одежды и украшений, так и способа их ношения.

Книга вводит в научный оборот много новых важных материалов, которые помогут лучше представить себе происхождение и развитие традиционного народного костюма.

Техническая подготовка книги к изданию проведена И. С. Кызласовой.

М. Г. Рабинович

Глава первая

ОДЕЖДА НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ. СКИФЫ, САРМАТЫ И ГЕТО-ДАКИ (середина I тысячелетия до н.э. — середина I тысячелетия н.э.)

*

Э. А. Рикман

Литература и источники. Русские ученые — главным образом историки костюма и искусствоведы — уже давно исследовали одежду скифов, сарматов и гето-даков на широком историческом фоне. В. Прохоров (1881) рассматривал одежду скифов и гето-даков как явление славянской культуры. Большим шагом вперед стал труд П. К. Степанова (1916), исследовавшего одежду скифов и в небольшой мере — сарматов, выявившего ареал ее распространения и некоторые истоки формирования. Особое внимание привлекли своеобразные пышные головные уборы знатных скифов (*Ростовцев*, 1917; *Боровка*, 1921).

Затем интерес к изучению одежды упомянутых народов несколько упал. Одежда гето-даков советскими учеными вообще не рассматривалась, а в сводных трудах, посвященных скифам (*Смирнов А. П.*, 1966; *Ильинская*, 1968), содержатся только краткие общие сведения об их одежде. Б. Н. Граков (1971) коснулся одежды скифов в той же манере, не отделяя ее описания от характеристики оружия и украшений. Краткие очерки об одежде сарматов созданы К. Ф. Смирновым (1964) и М. И. Вязмитиной (*Вязьмітіна*, 1971). В последнем десятилетии исследование одежды (*Манцевич*, 1975, 1976), в особенности головных уборов скифов (*Клочко*, 1979; *Мирошина*, 1980), усилилось под влиянием новых открытий в скифских курганах.

Одежду гето-даков изучали румынские ученые, в особенности этнографы. Так, Ф. Б. Флореску исследовал ее синтетически, на основе древних письменных источников, скульптуры и этнографических аналогий, создав историографию этой темы, детально разработав типологию одежды, определив ее покрой, выявив ансамбль одеяний и корреляцию отдельных деталей, сравнив с одеждой других территориально близких и отдаленных народов (*Florescu*, 1961). Однако приводимые автором аналогии между древними изобразительными и современными этнографическими данными не всегда убедительны, ибо тут не всегда имеется полное соответствие; иногда толкование древних источников на основе этнографических данных просто бездоказательно.

В современных сводных обзорах истории костюма данные об одежде скифов, сарматов и гето-даков отсутствуют (*Тиль*, 1971; *Мерцалова*, 1972; *Киреева*, 1976; *Deslandres*, 1976).

Целостный обзор одежды раннего железного века предпринят нами впервые. Задача главы — суммировать, оценить представления об одежде,

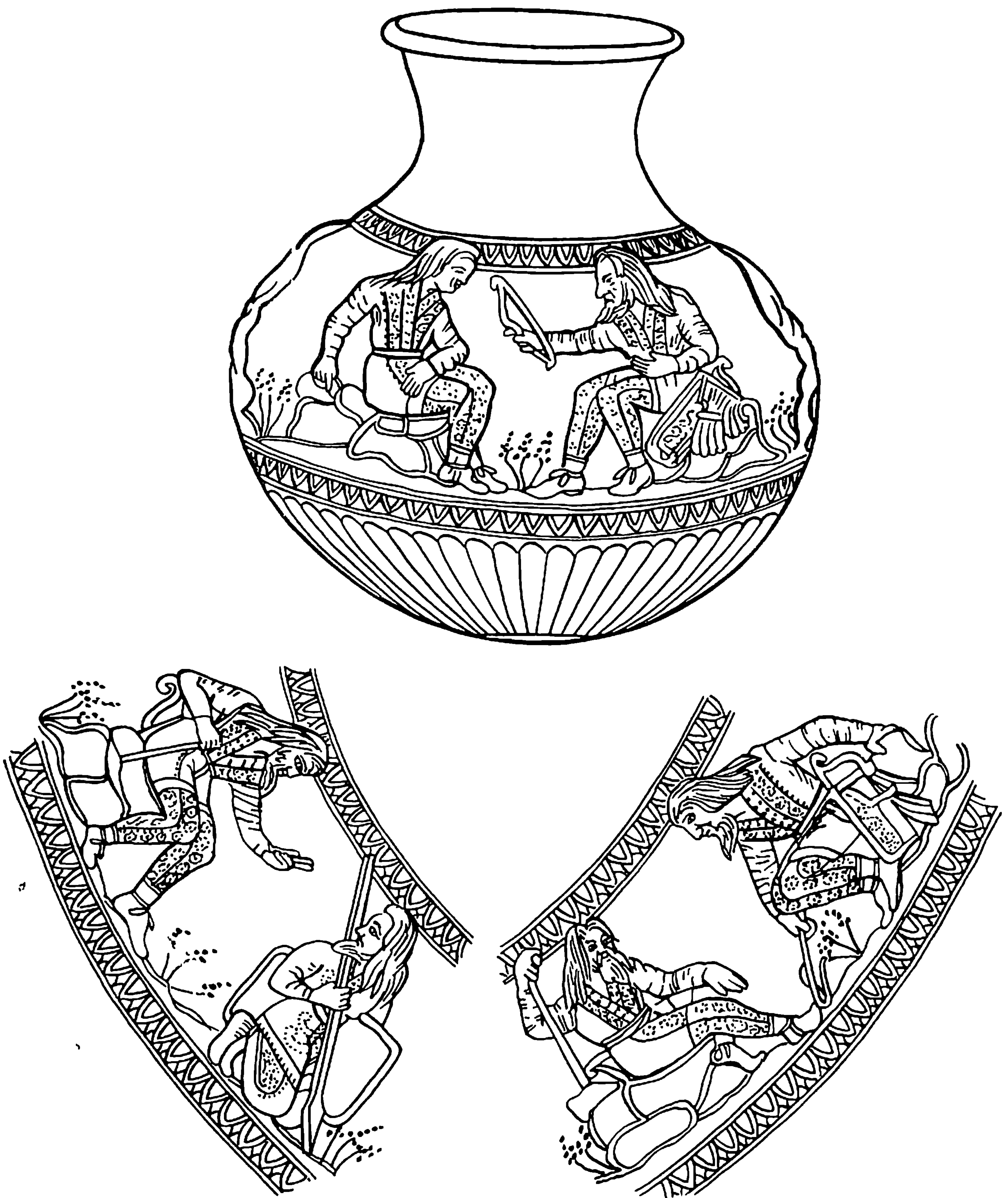


Рис. 1. Одежда скифов. Частые курганы

сложившиеся у предшествующих исследователей, попытаться с позиций современной науки охарактеризовать одежду скифов, сарматов и гето-даков. Одежда близкородственных фракийцев — гетов и даков — рассматривается в одном разделе, ибо данных о ней мало и разделить их применительно к упомянутым народам трудно. Совокупно используемые источники позволяют более или менее полно осветить одежду только этих народов. Равноценно охарактеризовать одежду других народов Восточной Европы этого времени из-за отсутствия данных невозможно.

Источники, которыми обычно пользуются, трех родов. Краткие, но ценные указания содержатся в трудах древних авторов. Чрезвычайно важны произведения античного искусства. Так, скифский костюм много-

кратно изображен в произведениях преисполненной этнографического реализма греческой торевтики. Но торевтика — источник односторонний, воспроизводящий преимущественно парадный канонизированный костюм скифской знати (рис. 1). В росписях греческих керамических ваз скифская одежда изображалась условно (*Ростовцев*, 1913, 1914). Костюм сарматов воспроизводился на керченских фресках, стелах и монетах. Одежда гето-даков, как знатных, так и рядовых, изображена в произведениях античной скульптуры, например в барельефах колонны Траяна и монумента в Адамклисси (II в. н. э.). Археологические материалы ограниченны, но объем их возрастает. Ткани и другие органические остатки одежд в земле почти не сохраняются. Археологи при раскопках добывают преимущественно металлические детали: бляхи обшивки, пряжки, фибулы, булавки, наконечники ремней и т. п.

Материал одежды. Данные о тканях, из которых скифы, сарматы и гето-даки шили одежду, невелики, но выразительны. Свидетельствами письменных и археологических источников установлено, что племена раннего железного века шили одежды из шерстяных тканей. Обработку шерсти скифами упоминает Помпей Трог на рубеже н. э. (*Граков*, 1971, с. 108; *Граков*, 1954, с. 103, 104; *Латышев*, 1904, с. 57). Сарматы, вероятно, наиболее широко использовали ткань из овечьей шерсти, так как ее обрывки чаще всего обнаруживают в могилах (*Смирнов К. Ф.*, 1975, с. 166). О существовании шерстяных тканей у гето-даков можно заключить из негативного сообщения Овидия: из грубой шерсти овец жительницы окрестностей города Томы якобы прясть нити не умели (*Овидий*, Письма с Понта, III, 8, 9—11). Великий поэт в данном случае ошибался. Шерстяные изделия были известны готам («валяльщик шерсти» упомянут в библии Ульфилы) и другим племенам черняховской культуры (*Рикман*, 1975, с. 186).

В обиходе были также ткани из растительных волокон. Б. Н. Граков считал, что скифы применяли коноплянную ткань. Такие же ткани были известны фракийцам, в частности гето-дакам, о чем красноречиво писал Геродот: «Фракийцы изготовляют из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит — льняные ли они или из конопли» (*Геродот*, IV, 74). Льняными и коноплянными тканями (наряду с шерстяными) пользовались также племена дьяковской, карпской, черняховской культур (*Шульц*, 1953, с. 22; *Дубынин*, *Розенфельдт*, 1966, с. 110; *Рикман*, 1975, с. 186).

О самих приемах ткачества в раннем железном веке сведений почти нет. Красный или синий шелковый атлас, из которого была сшита одежда скифянки из Толстой могилы, имел, по-видимому, основу из нитей. Ткани из угро-финских могильников Кошибеевского (II—IV вв. н. э.), Кузьминского (III—IV вв. н. э.), Армиевского (IV—VI вв. н. э.) — шерстяные ткани тончайшие или плотные и грубые все полотняного и диагонально-саржевого переплетения, а коноплянные (льняные) — только полотняного переплетения. Племена черняховской культуры также знали полотняное и саржевое переплетение из шерсти и растительного волокна (*Ефимова*, 1966, с. 127—135; *Рикман*, 1975, с. 196).

Знать пользовалась для шитья одежды импортными тканями, известными по угро-финским могильникам. А в скифских курганах обнаружены

ионийские и египетские ткани с орнаментом в виде фигур людей и животных, а также с растительным узором. Эти ткани хранятся в Государственном Эрмитаже (*Степанов*, 1916, с. 17). Судя по находке на акрополе Каменского городища медного вязального крючка, в скифском быту применялись вязаные шерстяные одеяния (*Граков*, 1954, с. 103, 104). Вязаную одежду, вероятно, надевали черняховцы: на их поселениях найдены обоюдоострые костяные иглы, предназначенные для вязания.

Для шитья одежды скифы, сарматы, племена черняховской культуры пользовались железными иглами длиной 4—20 см с ушком. Такие иглы обнаруживают в могилах, а также на скифских и черняховских поселениях.

Кроме тканей, скифы и сарматы для изготовления одежды пользовались кожей: «...кожи (σκῦτη), в которые они (*скифы.* — Э. Р.) одеваются», — писал Евстафий (XII в.) в Комментарии к землеописанию Дионисия, 728 (*Латышев*, 1893, с. 207; *Смирнов К. Ф.*, 1964, с. 138). Применяли также войлок и мех (*Артамонов*, 1966, с. 38, 62). Так, на пекторали из Толстой могилы представлены два скифа, шьющие иглами меховую одежду (*Мозолевський*, 1979, рис. 68—70).

Скифы

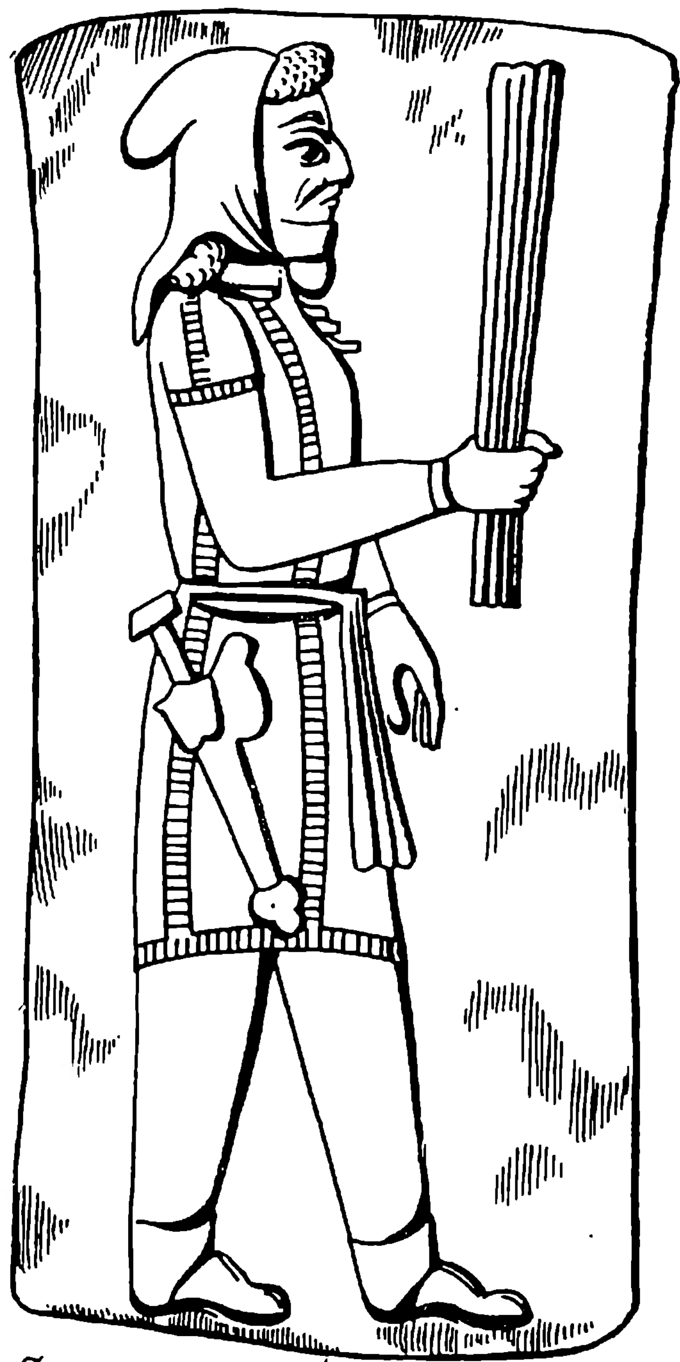
Мужская одежда. Мужчины-скифы (*Смирнов А. П.*, 1966, с. 178—179; *Ильинская*, 1968, с. 136—138; *Граков*, 1971, с. 89—90, 100, 103—104, 108, табл. VIII—IX, рис. на с. 149; Археология УРСР: с. 144—149) носили рубахи, спускающиеся ниже пояса, с длинными рукавами и вырезом для шеи, иногда оформленным в виде ворота. Лучшие изображения рубах имеются на калафе из кургана Большая Близница (IV в. до н. э., у г. Тамани; ниже даты приводятся из статей А. И. Мелюковой в Советской Исторической энциклопедии; см. также: *Артамонов*, 1966), на ножнах из кургана Чертомлык (IV в. до н. э., у Никополя).

Такие же рубахи видны на бляшках из курганов Журовских (V в. до н. э., Черкасская обл.; *Дэвлет*, 1966, с. 71—72, рис. 22) (рис. 2, *б*) Куль-Обы (IV в. до н. э., у Керчи), а также, вероятно, в схематичном виде на персидском цилиндре-печати (см. рис. 2, *а*), покрытом изображениями битвы персов с саками-скифами (*Степанов*, 1916, с. 13, рис. 3, табл. VII). Описанные выше рубахи в скифской среде известны до II в. до н. э. (изображение скифского царя Палака на рельефе из Неаполя Скифского; *Дашевская*, 1971, с. 187).

Кроме рубах, скифы носили верхнюю плечевую застегивающуюся или затянутую короткую куртку, изображенную на вазах из курганов Чертомлык (Древности, 1872, табл. XXX, *16*; XXXIII), Куль-Обы, из Частых курганов (IV в. до н. э., у Воронежа), на обивке налучья из кургана Солоха (IV в. до н. э., Запорожская обл.), на прямоугольных бляш-

Рис. 2. Одежда скифов и родственных племен:

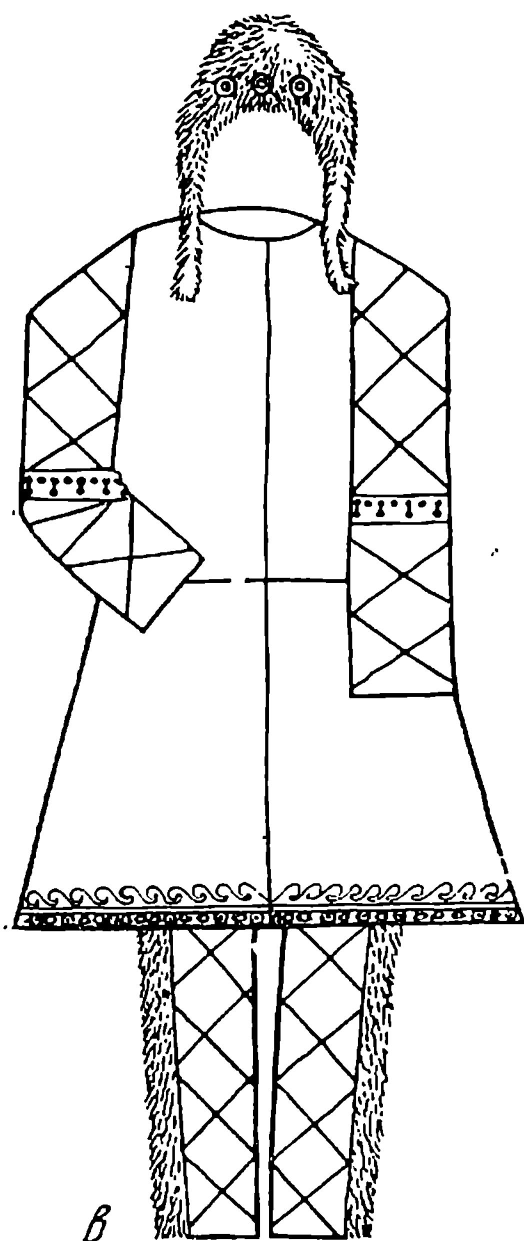
а — сакская (Амударьинский клад); *б* — скифская (Журовка); *в* — позднескифская (Неаполь Скифский); *г* — раннескифская (Карагодеуашх); *д* — этнографическая аналогия скифскому башлыку — башкирская шапка



а

б

г



в

д

ках из многих курганов, на пекторали из кургана Толстая могила (IV в. до н. э., Днепропетровская обл.; *Мозолевський*, 1979, с. 92, рис. 75—76). В такую куртку (исследователи иногда неточно называют ее кафтаном) был облачен скифский аристократ или царь, погребенный во II в. до н. э. в Неаполе Скифском (Шульц, 1953, с. 22) (рис. 2в). Эта же одежда широко представлена в памятниках изобразительного искусства, обнаруженных в упомянутом городе и относящихся к периоду до II—III вв. н. э. (*Дашевская*, 1971, с. 186—187, 189). Куртки были, следовательно, распространены широко. Сшитые из кожи, меха или ткани, они кроились узкими, обычно с продольным разрезом спереди, запахивались на левую полу и стягивались поясом. Рукава были короткими (выше локтей) или длинными. Вырез для шеи на груди переходил в остроугольник. Воротника и застежек не было. Куртки достигали бедер, причем на некоторых сбоку имелись остроугольные вырезы, что удобно при верховой езде. Спереди фалды выкраивались остроугольными и, складываясь, образовывали мыс, опускающийся почти до колен. Края ворота, борта, подола, рукава, по-видимому, были обшиты мехом. На спине посередине, на плечах, вдоль пол имелись иногда полосы геометрического орнамента. Вероятно, некоторые куртки обшивались в определенном порядке пластинами с различными изображениями или покрывались вышивками.

Рубахи и куртки скифы подпоясывали кожаными поясами. В могилах особенно знатных скифов иногда находят такие пояса шириной в 5—10 см, сплошь покрытые узкими поперечными или прямоугольными пластинами, чешуйками из золота, железа или бронзы. Поясом стянуто одеяние одной из фигур пекторали из Толстой могилы (*Мозолевський*, 1979, с. 91, рис.73—74). К такому поясу знатного скифа из Неаполя Скифского прикреплялись бронзовые пряжки и крючки для подвешивания оружия, воспроизводящие головки птиц и животных. Иногда к поясам прикреплялись даже чаши (*Шульц*, 1953, с. 24, 39). Такие же пояса высекали на чреслах каменных статуй воинов, установленных на курганах; они же изображены на золотых бляшках (*Дэвлет*, 1966, рис. 22).

Длинные штаны скифы носили навыпуск или вправленными в сапоги. Штаны бывали узкими (*Геродот*, VII, 64) (как, например, на изображении царя Полидевка) или широкими (шаровары). В них одеты скифы, изображенные на пластинках из Куль-Обы, на пекторали из Толстой могилы (*Мозолевський*, 1979, рис. 68—70, с. 87, 89). О шароварах, а также хитонах скифов упоминал Антифон (вторая половина II в. н. э.; *Юлий Полидевк*, Lib. VII, § 59; *Латышев*, 1896, с. 590). По бокам парадные штаны расшивали узором в виде завитков, крестов, кружков, зигзагов, ромбов, спиралей, может быть, и орнаментом звериного стиля (у аристократов — золотыми нитями — Неаполь Скифский). Судя по характеру изображений, штаны шили из шкур мехом внутрь, кожи и ткани (*Манцевич*, 1976).

Поверх рубах надевали безрукавки, вероятно, кожаные стеганые. Они застегивались налево, были опушены мехом и расшиты в том же стиле, что и куртки. Б. Н. Граков полагал, что некоторые безрукавки из толстой кожи служили панцирями.

Зимняя одежда напоминала тулуп — «плащ», сшитый из «козьих шкур» (*Геродот*, IV, 64). По-видимому, такую одежду описал Юлий Полидевк: «...сисирна — кожаный хитон, волосатый, с рукавами, упот-

ребляется скифами» (Lib. VII, § 70; *Латышев*, 1896, с. 590). Пуговицы на скифских костюмах были золотыми, бронзовыми и костяными (*Артамонов*, 1966, с. 30, 52).

Головные уборы — остроконечные шапки-башлыки, закрывавшие уши, затылок, шею, со слегка наклоненным вперед над лбом заостренным верхом, иногда завязывавшиеся у подбородка, многократно изображены на сосудах. Островерхие конические головные уборы у скифов отчетливо фиксирует Геродот: «Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так, что стояли прямо» (*Геродот*, VII, 64). Некоторые башлыки с плотными покрытиями использовались как боевые шлемы. Иногда на них надевали золотые цилиндрические футляры с рельефными изображениями (Куль-Оба) или обшивали башлыки золотыми пластинами с орнаментом в растительном или зверином стиле. Скифы носили башлыки и в III в. н. э. (изображения из Неаполя Скифского) (*Дашевская*, 1971, с. 186). Ближайшая этнографическая аналогия скифскому башлыку — башкирская шапка «колаксын» и «колапарэ»: с острым верхом и небольшим козырьком, длинными ушами, прикрывавшая также затылок и шею (см. рис. 2, *д*). Этот головной убор с глубокой древности носили степные кочевники — скотоводы Зауралья (Крестьянская одежда, 1971, с. 344, ил. 221). Со II в. до н. э. у скифов распространились также мягкие конусообразные шляпы с полями (рис. 3, *в*) (портрет скифа на гемме из Неаполя Скифского) (*Шульц*, 1953, с. 32, 33). Носили и колпаки (рис. 3, *г*).

Обувью служили кожаные мягкие (без каблуков и подошв) невысокие полусапожки с раструбами, закреплявшиеся на ногах ремнем или шнуром, стянутым у щиколоток и вкруговую через стопы. Сапоги представляли своего рода плотные чулки из кожи, именовавшиеся древними авторами «скифской» (*Полидевк*, Lib. VII, § 88; *Латышев*, 1896, с. 590) обувью. Сапоги такого типа носили, судя по находкам в Неаполе Скифском, до III в. н. э. Сапоги знатных скифов были обшиты золотыми орнаментированными пластинами (Толстая и Гайманова могилы, Мелитополь и т. д.).

В итоге характеристики мужского костюма скифов отмечу, что его ансамбль сформировался как одежда всадника, ибо куртка, штаны, сапоги и головной убор скифа функционально приспособлены для верховой езды.

Женская одежда. Костюм скифянок известен хуже, чем мужской. Его основу составляла свободная длинная сорочка, ниспадавшая к стопам широкими складками. Для шеи сделан округлый окаймленный вырез. Рукава длинные, широкие, с манжетами, на плечах и ниже украшенные нашивками. В талии сорочки стянуты поясами. По-видимому, такие сорочки (одна — длиной только до колен) обобщенно изображены на фигурках-пластинах из Толстой могилы и из Александропольского (Луговая могила) кургана (IV—III вв. до н. э., Днепропетровская обл.; *Степанов*, 1916, с. 23—34), причем платье, реконструируемое по данным, полученным в Толстой могиле, было, по-видимому, с разрезом до пояса, а ворот, отвороты и рукава его обшиты золотыми пластинами с изображениями грифона, льва, терзающего лань, и т. д.

Поверх сорочек надевали длиннополые широкие халаты без застежек, с длинными узкими рукавами. Ворот, полы, подол этого одеяния, вероятно, были опушены мехом, что показано на пластинках из курганов IV в. до н. э.: Чертомлыка, Куль-Обы, Мордвиновского, Верхнего Рога-

Рис. 3. Скифские и сарматский (*г*) головные уборы:

а — Бобрица и Синявка; *б* — Волковицы; *в, г* — Неаполь Скифский

чека (Херсонская обл.), Карагодеуашх (рис. 2, *г*) (Краснодарский край). Последний из упоминаемых здесь памятников считают синдомеотским, но одежда и другие элементы культуры близки скифским. Описанные выше скифские халаты напоминают одеяния халатообразного покроя русских крестьян XIX— начала XX в. (Крестьянская одежда, 1971, с. 17—18, 31). Существовал и легкий женский костюм, представленный на фигурках танцовщиц из курганов Большая Близница и Павловский (IV в. до н. э., у Тамани и Керчи): кофты и широкие складчатые юбки. А. П. Манцевич отмечает у последней фигурки рубашку-безрукавку розово-сиреневого цвета с синей каймой (*Манцевич*, 1976, с. 25, рис. 25—27). Женщины носили низкие кожаные башмаки (*Артамонов*, 1966, с. 67).

Головные уборы известны лучше, чем остальные принадлежности женского костюма. Кроме башлыка, который носили не только мужчины, но и женщины, исследователи выделяли два типа женских головных уборов (*Боровка*, 1921, с. 185, 190), но фактически их было четыре. Островерхие конические, с наклоном вперед колпаки, иногда спереди украшенные треугольными или трапециевидными бляхами с различными изображениями, в особенности культового характера. Богиня в уборе типа I изображена на золотой пластине из кургана Карагодеуашх. Остальные конические уборы известны хуже. Остатки конической тиары греческой работы (венец и четыре крестоподобно соединенные вверху штампованные ленты с изображением орлиных головок и растительных побегов) обнаружены в кургане V в. до н. э. у с. Оситняжка недалеко от Харькова. Островерхие головные уборы IV—III вв. до н. э. найдены в погребениях «царицы» из Чертомлыка, в Мордвиновском и Аксютинских (Посулье) курганах. Они украшены либо цельной золотой пластинкой, либо золотыми нашивными бляхами. Г. И. Боровка предполагал, что скифские конические ритуальные головные уборы воспроизводят форму, распространенную у хеттов. М. И. Ростовцев считал, что в этом головном уборе комбинируются хеттские, иранские и греческие элементы (*Боровка*, 1921, с. 194; *Ростовцев*, 1917, с. 93).

К типу II, наиболее распространенному в IV—III вв. до н. э., относятся усеченно-конические, расширяющиеся вверх головные уборы (калафы), форма которых реконструировалась ранее по аналогиям с головными уборами на греческих бронзовых статуэтках. Остатки головных уборов, обнаруженных недавно в Толстой могиле, предоставили возможность для более точной реконструкции скифского калафа: его основа была деревянной, сверху обтянутой кожей, на которую сухожильными нитками нашивали прямоугольные золотые пластинки с орнаментом, растительным или в зверином стиле; спереди и с боков калаф охватывал голову, а затылок не закрывал, так что сзади требовалась накидка (*Мирошина*, 1980, с. 32, 41; *Ростовцев*, 1913, табл. XXIII, *5*, *6*). К верхней и нижней пластинам прикреплялись на стояках или непосредственно подвески. Головные уборы типа II обнаружены в курганах IV в. до н. э. Чертомлыке, Деевом (Херсонская обл.), Рыжановском (Черкасская обл.), Куль-Обе, Толстой могиле и т. д. В частности, они увенчивают богинь, изображенных на прямоугольных бляшках, обнаруженных в некоторых из перечисленных выше курганов, и выражают идею плодородия (*Артамонов*, 1966, с. 68). Подобные головные уборы выявлены на всей территории скифской куль-

туры, но в особенности в курганах Нижнего Поднепровья, в Посулье. Возможно, такие же уборы бытовали в районе г. Керчи и в Прикубанье.

Со скифскими калафами сходны, но не идентичны по форме низкие тиарообразные головные уборы, обнаруженные в курганах у сел Бобрица и Синявка (VI в. до н. э., Каневщина). Сверху, спереди и с боков они были обложены горизонтальными рядами золотых бляшек, снизу треугольных, а выше в форме фигурок коней или оленей (рис. 3, *а*). Сочетание блях, выполненных в зверином стиле, с треугольными, заполненными орнаментом из трех кружков и четырехлепестковых розеток (солярные мотивы), указывает на связь этих головных уборов с культом солнца.

Калаф греческого типа обнаружен в могиле кургана Большая Близница, приписываемой жрице богини плодородия Деметры. Он расширялся вверх, имел деревянную основу — корзинку, обтянутую кожей, и был украшен золотыми бляхами с изображениями танцующих фигур. Полагают, что такие калафы возникли под влиянием скифской культуры (*Мирошина*, 1980, с. 32).

Головной убор типа III (V—IV вв. до н. э.) напоминал позднейший русский кокошник. Основой для его реконструкции послужили находки из курганов Чертомлык, Карагодеуашх, Мордвиновский, Мелитопольский (IV в. до н. э., в г. Мелитополе), Деев, а также бляшка из с. Волковицы (рис. 3, *б*) (Роменщина) (*Ханенко*, 1899, вып. II, табл. XXV, 419—420). Этнографические аналогии см.: *Маслова*, 1956, рис. 6, 71. Так, в кургане Деев этот убор представлял собой тканевую основу, на которую были нашиты по периметру золотые пластины. Посередине располагались два ряда золотых бляшек, сверху и снизу были подвески (*Артамонов*, 1966, с. 53).

Головными уборами служили также золотые диадемы восточной или греческой работы (тип IV). Из Келермесских курганов (VI в. до н. э., Краснодарский край) происходят две диадемы-ленты: одна украшена розетками и головками грифонов, а другая — розетками, кружками и фигурками орлов. Диадема Мельгуновского кургана (VI в. до н. э., в Кировограде) составлена из трех золотых шнуров, пропущенных сквозь розетки.

К головному убору иногда добавляли снизу начельные ленты из кожи или ткани, к которым через дырочки пришивали золотые прямоугольные пластины — метопиды. Такая лента обхватывала голову, украшая лоб над бровями, и завязывалась на затылке. К метопидам прикрепляли бляшки, подвески и т. д. По наблюдениям И. Е. Забелина, к лобному ремню подвешивали массивные серьги. Головные ленты изображены на куль-обском сосуде и пекторали из Толстой могилы. В скифских женских и мужских могилах IV в. до н. э. описываемые пластины иногда находят in situ. Они украшены тисненым орнаментом: изображениями сцен борьбы зверей и растительными мотивами.

На головы накидывали мягкие покрывала, которые закрывали головные уборы или затылок сзади, ниспадали на плечи, спину, достигая поясницы или кистей рук. На края покрывал зачастую нашивали бляшки с изображениями птиц, головы Горгоны и т. д. Расположение такого покрывала прослежено в кургане Чертомлык, где лежали в ряд 57 четырехугольных блях с изображением сидящей богини с зеркалом в руках и стоя-

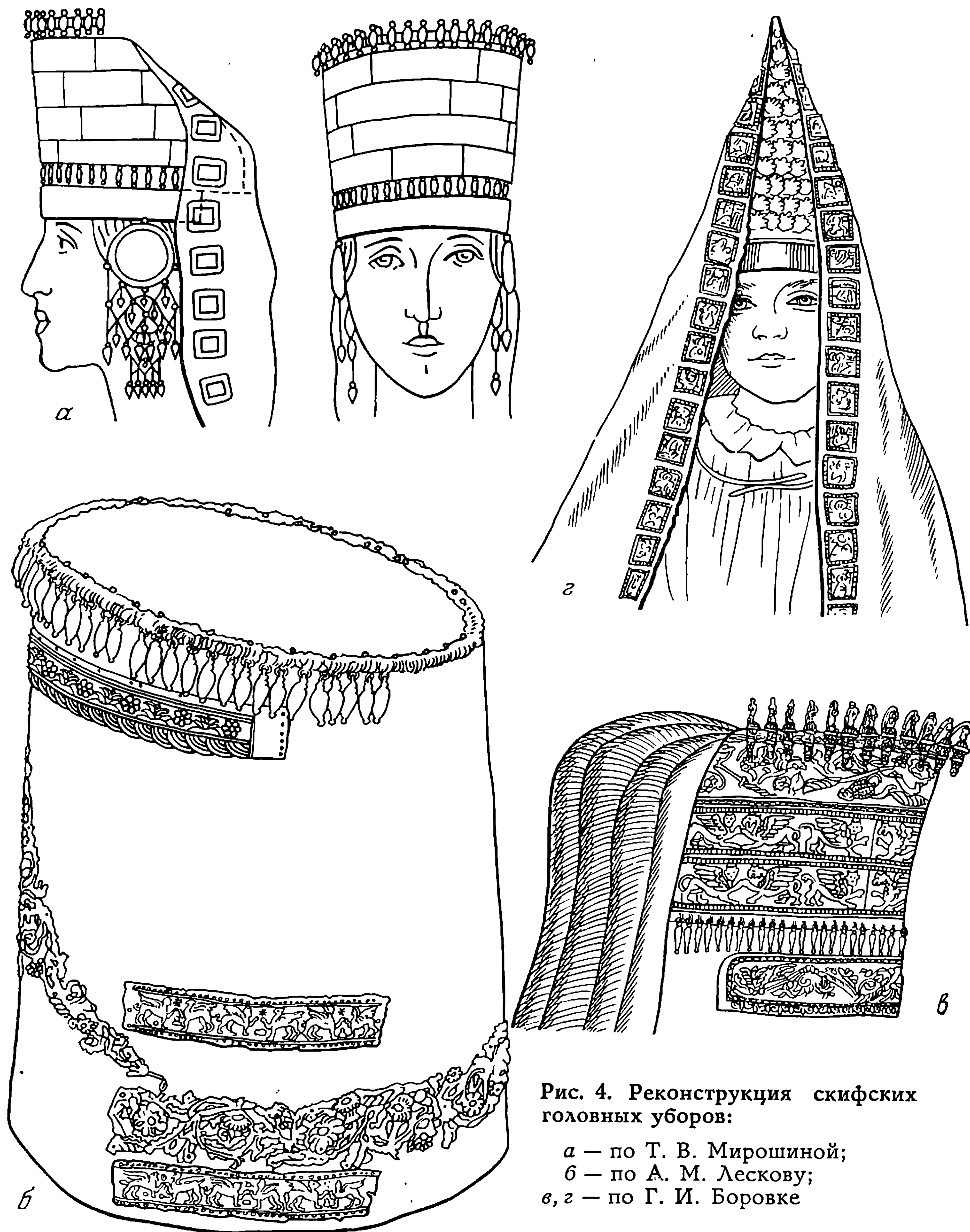


Рис. 4. Реконструкция скифских головных уборов:

а — по Т. В. Мирошиной;
б — по А. М. Лескову;
в, г — по Г. И. Боровке

щего напротив мальчика, пьющего из ритона. Бляшки были нашиты на кайму покрывала пурпурного цвета (*Боровка*, 1921, с. 173). В женском погребении кургана Стайкин Верх (Роменщина) обнаружены золотые бляшки с изображением лежащего льва, также расположенные по линии каймы, идущей от головы к плечам, что и дает основание для предположения о существовании покрывала.

Описанные выше ритуально-парадные головные уборы надевали знатные скифянки, осуществлявшие жреческие обязанности, в частности, в связи с культом Великой богини Матери (рис. 4, *а — г*). Кроме того, в отличие от всаднического костюма мужчин скифянки пользовались типично женским набором одежды: сорочкой, кофтой, юбкой и т. д.

Одежда скифов воспринималась их современниками, древними авторами, как своеобразная, характерная для этих «варваров». Так, Геродот многократно упоминает «скифскую одежду» как устойчивую совокупность предметов, отличающуюся от «эллинской одежды» (*Геродот*, IV, 78). Однако «скифская одежда» не всегда может служить этническим разделителем, ибо, по сведениям того же Геродота, такую одежду носили не только собственно скифы, но и их соседи — племена не скифского происхождения, родственные скифам по культуре: аргиппеи, андрофаги (*Геродот*, IV, 23; IV, 106), массагеты (*Геродот*, I, 215). Но это также значит, что при реконструкции костюма скифов можно пользоваться дополнительными данными, относящимися к одежде их соседей.

Ареал скифской одежды простирается от Дуная до Передней и Средней Азии (*Степанов*, 1916, с. 10, рис. 3, 4, фото 5, 6) (рис. 2, *а*). Аналогии наблюдаются в костюме ираноязычных народов (персов), в частности, Средней Азии (*Горелик*, 1979, с. 32—33), ассирийцев, обитателей Малой Азии (*Прохоров*, 1881, с. 13; *Мерцалова*, 1972, с. 7—10).

Сарматы

Мужская одежда. Сарматская одежда похожа на скифскую (*Смирнов*, 1975, с. 165), но примечательно мнение Помпония Мелы (III, 33; *Латышев*, 1904, с. 123), что она «ближе всего» к парфянской. Мужчины носили рубахи (Вязьмітіна, 1971, с. 209; Сарматские племена, 1956, с. 513—514), застегнутые на шее фибулами, которые широко распространены в сарматской среде. На пряжке из Исторического музея изображены рубахи длиной до колен, с остроугольным вырезом для шеи, с длинными рукавами (*Ростовцев*, 1914, с. 341; 1913, табл. XXXV, *4*). На серебряном ритоне из Кубанской обл. сарматский воин римской эпохи одет в рубаху, не достигающую колен, с длинными рукавами (*Толстой*, *Кондаков*, 1889, вып. 2, с. 62, 63, рис. 42; *Степанов*, 1916, табл. VIII). На описанные выше рубахи похоже одеяние фигуры на фаларе из Янчокракского клада I в. до н. э. (*Гущина*, 1969, с. 44, рис. 1). Некоторые рубахи как будто обшиты мехом. Кроме рубах, сарматы носили долгополую верхнюю распашную одежду, напоминающую позднейшие кафтаны (*Маловицкая*, 1971, с. 190).

Рубахи и кафтаны подпоясывали широкими кожаными поясами, украшенными бляхами, с наконечниками и крючками для подвешивания оружия, с пряжками (железными круглыми или бронзовыми прямоугольными). Для застегивания одежды, возможно, использовались пуговицы из крупных бус (*Смирнов*, 1964, с. 140—141), а также серебряные и железные булавки.

Сарматы носили штаны двух типов. Тип I — штаны, плотно облегавшие ноги. В них одет только что упомянутый сарматский воин. «Широкие штанины» и «просторные штанины» (bracae) упомянуты Овидием, именую-

щим их «персидскими». Население, облаченное в эту одежду, Овидий именует обобщенно «скифами», понимая под ними прежде всего сарматов, гетов и бессов (Скорбные элегии, III, 10, 19; IV, 6, 47; V, 7, 49). Аналогичные шаровары румынские крестьяне именуют «чиоаречь». По-видимому, упоминаемые штаны шили из кожи или шерсти. Овидий (Печальные песни, III, 10, 19; *Латышев*, 1904, с. 80) упоминает «сшитые штаны». «Длинные штаны», «сарматские штаны» в античной литературной традиции стали как бы символом сарматов (Схолии к Лукану, I в. н. э.; Г. Валерий Флакк, Сетин Бальб, 1 в. н. э.; Аргонавтики, кн. 5; *Латышев*, 1904, с. 158, 206).

Плащи в сарматское время вошли в обиход широко и застегивались обычно на правом или левом плече фибулой. Упомянутый выше сарматский воин облачен в короткий развевающийся плащ, застегнутый на груди круглой фибулой. В короткий кожаный плащ трапециевидной формы был облачен сарматский воин, погребенный в III или II вв. до н. э. в Красногорском кургане на Урале (*Смирнов К. Ф.*, 1964, с. 139). Скорее всего, именно плащ имел в виду Тацит (середина I в. н. э.— начало II в. н. э.), описывая развевающуюся одежду сарматов (*Тацит*, Германия, 17).

Головным убором был остроконечный башлык. Некоторые головные уборы обшиты бусами разных цветов, что наблюдается, например, в могильнике Миток (*Nicolăescu-Plopşor*, *Zaharia*, 1959, p. 20—21).

Мужчины носили мягкие короткие кожаные сапоги (например, в них обут сармат, изображенный на ритоне из Кубанской обл.), иногда обшитые разноцветными бусами (например, в могильниках Бураковка, Криничное, Островец-Вертеба и Тыргшор).

Женская одежда. Женская одежда представляла собой длинную сорочку с поясом; на груди и плечах она скреплялась фибулами и застегивалась бронзовыми вытянуто- и округленно-овальными пряжками (могильники Кицканы, Криничное, Селиште, Тыргшор). Женские сорочки обшивали у ворота, на рукавах и подоле бисером и бусами (например, могильники Габэра, Епурень, Миток) (*Рикман*, 1975, с. 53), а у богатых сарматок — и золотыми бляшками. Знатные сарматки шили платья из привозных тканей. В женском погребении из кургана, расположенного рядом с с. Сватова Лучка Луганской обл., сохранились остатки длинного платья с короткими рукавами, сшитого из ткани малинового цвета. Верхняя его часть была расшита золотыми бляшками с зеленоватой эмалью, нижняя — золотыми каемками. Края рукавов украшены золотыми бляшками. Обувь была обшита золотой канителью. Л. Я. Маловицкая сообщает о кофте, как о верхней наплечной одежде сарматок.

В качестве головных уборов известны диадемы. В могильнике Криничное на матерчатую или кожаную основу диадемы нашиты перламутровые крестики (*Федоров*, 1969, с. 250). На знатной сарматке, погребенной в кургане Хохлач (Новочеркасск), была золотая диадема, венечный фриз которой состоит из идущих среди изображений деревьев фигурок козлов и оленей, инкрустированных бирюзой. В пастях животных — миниатюрные колечки, на которых были подвешены жемчужины. В центре диадемы греческий, эллинистического времени резной аметист (Сарматские племена, 1956, с. 512). По всему нижнему краю диадемы — золотые подвески; по среднему ее полю вставлены овальные гранаты и аметисты, в промежутках между ними — изображения хищной птицы, инкрустированные бирюзой.

Нижний и верхний края диадемы украшали некогда крупные жемчужины; по всей ее поверхности размещены мелкие драгоценные камни.

Диадемы сарматок сочетались с покрывалами, которые опускались на плечи и спину, по краям были украшены бахромой или множеством узорных, иногда золотых, бляшек. Иногда сарматы обшивали свои одеяния бубенчиками, колокольчиками, звон которых, по поверьям, доживающим местами до наших дней, отгоняет злую силу (Календарные обычаи, 1973).

Примечательно сообщение Геродота, что «савроматские женщины... носят одинаковую одежду с мужчинами» (*Геродот*, IV, 116). Из слов историка следует, что это переодевание вызывалось экстраординарными обстоятельствами — участием савроматок верхом в охоте или военном походе. Может быть, имела место ритуальная травестия? Но вряд ли по одинаковости мужской и женской одежды можно заключить об общественном господстве савроматских женщин (*Ростовцев*, 1925, с. 91), скорее, это характерная черта народного костюма.

Украшение скифской и сарматской одежды. Парадный костюм скифов и сарматов был покрыт орнаментом, расположенным по определенной системе, которая особенно хорошо видна на изображениях скифского костюма: рубахи и кафтаны имели узор на груди, рукавах, по краям пол, подола и на спине. Узор на штанах помещался преимущественно с боков.

В отделке скифского и сарматского костюма отражались социальные различия его обладателей. Так, у незнатных скифов орнамент на одежде выполнялся с помощью цветной вышивки, тканья, стежков и нашивок. Рядовые сарматы нашивали на головной убор, на ворот и грудь одежды, на края рукавов и шаровар, на пояс и обувь мелкие дешевые привозные бусы и бисер. Эта мода появилась у савроматов, но широко распространилась у сарматов.

Знатные скифы и сарматы украшали одежду (рубаху, куртку, штаны) нашивными бронзовыми или золотыми бляшками. Такого рода украшения — привилегия царя, всадника-аристократа, их жен и приближенных.

Обычай украшать одежду мелкими бляшками шире был распространен у скифов, чем у савроматов. На некоторых бляшках можно видеть изображения, выполненные в декоративном зверином стиле: звери и сцены их борьбы. В этом же стиле украшены диадемы цариц и поясные пряжки царей. В V в. до н. э. в кургане Бабы (V в. до н. э., Днепропетровской обл.) обнаружены мелкие золотые бляшки, по-видимому нашивавшиеся на одежду и украшенные штампованными изображениями лежащих зайцев и львов (*Яценко*, 1959, с. 62). В IV—III вв. до н. э., когда у аристократов золотые бляшки особенно вошли в моду, изображения на них были еще и в зверином стиле, но чаще геометрические, растительные и антропоморфные мотивы (*Граков*, 1971, с. 100; *Яценко*, 1971, с. 133). На одежде царя, погребенного в Куль-Обском кургане, было 266 бляшек, на платье царицы — 474 бляшки (*Артамонов*, 1956, с. 314).

Золотые бляшки нашивали на костюмы богатые и знатные сарматы (особенно женщины), обитавшие в Поволжье и Южном Приуралье. На парадном головном уборе савроматки, погребенной в кургане Биш-Оба конца VI в. до н. э., полусферические бляшки и четырехлепестковые розетки. Розеткообразные бляшки широко применялись для украшения сарматского костюма. В них отражалась, по-видимому, солярная символика.

Другие бляшки (VI и V вв. до н. э.) выполнены в зверином стиле: голова орла или грифона, горного козла, льва, кабана, фигуры хищника кошачьей породы и рогатого медведя (?), лежащего оленя.

Обычай украшать одежду бляшками продолжал существовать в позднеэллинистическое и римское время (*Толстой*, *Кондаков*, 1889, вып. 1, с. 64). Так, на верхней одежде аристократа, погребенного в Неаполе Скифском (II в. н. э.), золотые бляшки нашиты рядами. «В мотивах золотых украшений обращает внимание сочетание образов, связанных с небом (звезды), водой (волны), с землей (растительный мотив — бутон). Наряду с этими образами имеются атрибуты, связанные с человеком (щиты); львиные головки с подвесками могли иметь символическое значение «оберега», и вместе с тем они подчеркивали силу и власть покойного» (*Шульц*, 1953, с. 22). У сарматов в эллинистическое время (IV—II вв. до н. э., в особенности к рубежу н. э.) также распространяются нашивные бляшки геометрического стиля, возрастает стилизация, ведущая к превращению изображения в знак. Савроматские и сарматские бляшки по сюжетам напоминают скифские, но по стилю они иные (*Смирнов К. Ф.*, 1964, с. 139—140).

Полагают, что отделка скифских костюмов, принцип ее построения свидетельствует о связях с общеиранской, среднеазиатской сакской традицией, а отличия от последней объясняются контактом скифов с греческим миром и отрывом от основного иранского массива (*Горелик*, 1979, с. 33). Этот вывод в известной мере относится и к отделке сарматских костюмов. В обшитые бляшками костюмы скифы и сарматы облачались при выполнении ритуально-жреческих обязанностей (*Ростовцев*, 1917, с. 71), в частности, это относится к сарматским жрицам (*Граков*, 1947, с. 111).

Гето-даки

Рассматриваемый ниже костюм фракийцев — гето-даков украшен менее пышно и в иной манере, чем скифо-сарматский.

Мужская одежда. Основной мужской одеждой гето-даков была рубаха двух типов. Тип I — длиной до колен, широкая, подпоясана. Варьирует длина узких рукавов — до запястья (иногда — с манжетами), или выше локтя, или только на уровне плеча. Иногда рубахи подоткнуты под пояс и часто снабжены боковыми разрезами на бедрах. Описываемые рубахи, по-видимому, шили как из плотной, так и из тонкой ткани, причем во втором случае на них образовывалось особенно много складок. Часто в рубахи первого типа одеты всадники. Ф. Б. Флореску закономерно связывает этот тип рубах с конной ездой гето-даков, и в этой связи уместно вспомнить, что Гомер именует фракийцев «наездниками конными» (*Гомер*, XIII, 3—5; *Страбон*, VII, II, 7; *Никулицэ*, 1977, с. 117). Рубаха с разрезами на бедрах типична именно для гето-даков. Как элемент румынской традиционной одежды, такая рубаха дожила до XIX—XX вв. (*Florescu*, 1961, p. 576—580) (рис. 5, *в*; 6*а*, *г*).

Тип II — рубахи с узкой (в обтяжку) набедренной частью и широкой складчатой зоной ниже бедер, длиной до щиколоток; не подпоясаны.

«Полотняные рубахи» гето-даков известны по упоминанию Аполлинария Сидония (*Г. Аполлинарий Сидоний*, 452—457; *Латышев*, 1906, с. 425).

Судя по скульптурам колонны Траяна и монумента в Адамклисси, иногда рубахи подпоясывались шнурами, поясами различной ширины с квадратными и овальными пряжками. Широкие пояса (колонна Траяна) напоминают «брыу» — пояс молдаван и румын наших дней.

Ф. Б. Флореску закономерно различает два типа штанов гето-даков. Тип I: широкие, длиной до щиколоток, с отчетливо выраженными складками. Этот тип штанов особенно хорошо представлен на метопе XX монумента в Адамклисси, а на остальных метопах, упомянутых в той же связи Флореску, он выражен хуже. Подобные штаны встречались в румынской Молдове и в XVIII в.

Тип II, намеченный по данным монумента Адамклисси и колонны Траяна,— штаны, по-видимому выполненные из тонкого материала, узкие, плотно прилегающие к ноге (рис. 5, *б*). Некоторые из этих штанов лежат поперечными, косыми складками (например, зубцы XXI и I в Адамклисси). Видны линии, образующие ленты-обмотки (например, на метопе XXIX). Тип II штанов (iţari) дожил в Молдове, Мунтении, Трансильвании до наших дней, особенно у пастухов (*Florescu*, 1961, p. 581—589).

Верхняя плечевая одежда из плотной ткани (нет складок), без воротника, с овальным вырезом для шеи, с длинными (несколько ниже колен) рукавами, с прямым разрезом спереди посередине изображена только на скульптурах монумента в Адамклисси (например, на зубце XI) (рис. 6, *б*). Родственные по покрою суконные одеяния доживают у румын Хацега (Трансильвания) до начала XX в. (*Vuia*, 1962, tabl. 45) (рис. 6, *д*).

Среди плечевой одежды гето-даков была и зимняя, о которой писал Аполлинарий Сидоний (Там же): «Плащи из шкур не достигают голени». Тулуп («овчину») населения Нижнего Подунавья, прежде всего гето-даков и сарматов, упоминает и Овидий (Скорбные элегии, III, 10, 19; V, 7, 49). В подобный гето-дакийский тулуп, по-видимому обшитый по краям мехом, облачен колонист-ветеран римской армии (фигура на надгробном камне, обнаруженном в с. Кэтей, Клужский уезд СРР; *Кришан*, 1978, с. 41).

Плащи, по-видимому, шили из мягкой ткани, ибо они обволакивали плечи и шею. Различаются два типа плащей. Тип I: длина приблизительно до колен, застегивались на правом плече фибулой. Плащи, в которые облачены гето-даки, изображенные на колонне Траяна, монументе в в Адамклисси, погребальных плитах («фракийские всадники»), поразительно схожи с современными «glugi» крестьян из области Хацега (юго-западная Трансильвания), причем, судя по этнографическим аналогиям, плащ гето-даков имел капюшон и пелерину (Vuia, 1962, p. 34). Тип II: плащ, покрывающий грудь и плечи, из куска ткани ромбовидной формы, согнутого так, что короткий треугольник покрывает грудь, а длинный — плечи и спину. Аналогичные одеяния бытовали у этрусков, римлян (paenula) и других народов (*Florescu*, 1961, p. 576) (рис. 5, *б*).

Некоторые одеяния фракийцев-агафирсов, по-видимому, были «разноцветными» (Объяснения к Вергилию; *Латышев*, 1904, с. 26), т. е. сшитыми из тканей многих цветов или покрытыми вышивками.

Головными уборами служили низкие или высокие конические, облегавшие голову колпаки, со скругленным верхом. Известны и высокие, по-видимому, меховые шапки (*Florescu*, 1961, p. 575—576). Как и скифы,

Рис. 5. Одежда фракийцев:

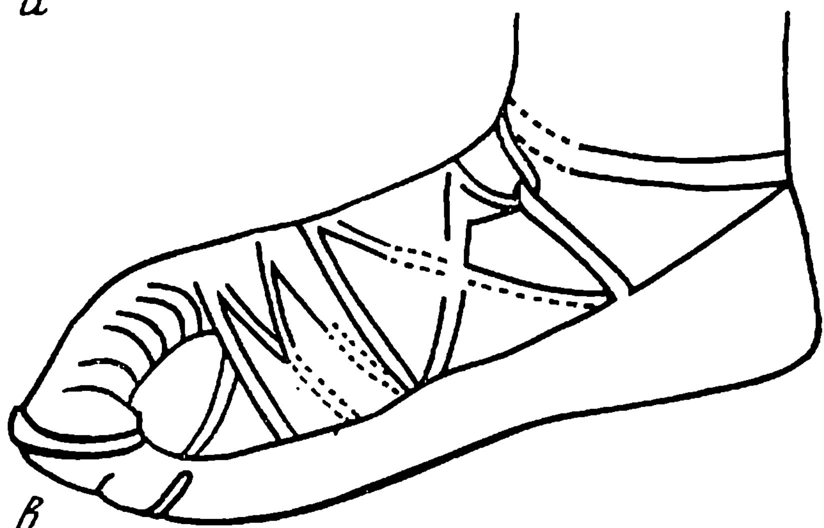
а, б — Трофеум Траяна в Адамклисси;
в — Колонна Траяна

некоторые гето-даки носили начельные ленты-метопиды (изображения на колонне Траяна).

Обувь у гето-даков была трех типов. Ф. Б. Флореску различает: I. Чулки, которые, как он предполагает на основе сходства с соответствующей обувью римлян и этнографических аналогий, шили из войлока (например, на зубце XI в. в Адамклисси; на колонне Траяна); II. Кожаные постолы — опинчь — остроносые, без подошв и каблуков, со склад-

а

б



в

Рис. 6. Одежда фракийцев:

а, б, в — Трофеум Траяна в Адамклисси;
г — Колонна Траяна;
д — этнографическая аналогия плащам и обуви гето-даков

г

д

ками с обеих сторон в передней трети, с отверстиями по краю и ремешками для завязывания (на зубце I и метопе XVII в Адамклисси (рис. 6 *в*); по-видимому, постолы колоритно описаны Аполлинарием Сидонием: «нищенский узел привязывает обувь из конской кожи под обнаженным коленом»; III. Башмаки без подошв и каблуков, спереди их разрезы как будто стянуты ремешками (*Lehmann-Hartleben*, 1926). Описанная выше обувь характерна для фракийцев и иллирийцев, а в настоящее время — для молдавских и румынских крестьян (*Florescu*, 1961, p. 594—601).

Женская одежда. Одежда гето-дакиек, реконструируемая по барельефам колонны Траяна и монумента в Адамклиссии, а также по этнографическим аналогиям, представлена сорочками двух типов. Тип I: длина до щиколоток (Florescu, 1961, метопы XLIX, L; *Pârvan*, 1967), округлый или квадратный вырез для шеи, куда к узкому вороту собраны складки. У сорочек — складчатая узкая надпоясная зона и широкая, почти без складок, подпоясная. Такое же одеяние, но с прямо противоположным расположением складок изображено на бляхе IV—III вв. до н. э. из Летницы в Северной Болгарии (*Венедиков*, 1965). Рукава узкие, короткие (на уровне плеч) или длинные (до запястий). Сорочки подпоясывались (рис. 5а). Тип II: длина примерно до колен. Мягкая ткань образует множество складок. Вырез для шеи округлый. Рукава узкие, короткие. Сорочки типа II надевали поверх сорочек типа I, причем подол верхнего одеяния подтыкали под пояс. Тип II известен только по скульптурам колонны Траяна. Ф. Б. Флореску считает описанные выше сорочки типично гето-дакийскими и (кажется, без достаточных оснований) видит им полные аналогии в современных румынских крестьянских рубашках (*Florescu*, 1961, p. 602—611). Для суждения о покрое, применении клиньев и т. д. рельефы монумента и колонны не полны.

Об остальной женской одежде сведения не богаты. Плащи широкие, лежащие складками, не скреплявшиеся (в отличие от мужских) фибулами. Головными уборами служили завязанные на затылке платки. Обувь гето-дакиек подобна мужской, а одежда детей похожа на костюм взрослых.

* * *

Как видно из вышеизложенного, у скифов, сарматов и гето-даков были некоторые устойчивые виды одежды, одни из которых характерны для всех трех народов, другие — для двух или только одного. Впрочем, сведения об одежде фрагментарны и полный ее ансамбль не поддается выявлению. Сказанное в первую очередь относится к знати, располагавшей специальными костюмами для разных надобностей (*Полиена*, Военные хитрости; *Латышев*, 1896, с. 566).

Основной мужской одеждой у всех трех народов были рубахи (разной длины) и штаны (широкие или узкие). Подобным же образом одевались тавры и синды (*Сокольский*, 1965, рис. 35—*2*—*4*, 37, 38*а*—*2*, с. 90, 92). Грекам и римлянам штаны сначала казались характерной чертой «варварства» скифов (*Deslandres*, 1976, p. 91).

Пояса, в частности широкие, богато украшенные, были также не только у скифов, сарматов и гето-даков, но, видимо, у всех народов раннего железного века Восточной Европы: у синдов, племен дьяковской культуры,

Рис. 7. Одежда синдов (*а*, *б*), римлян (*в*) и дьяковцев (*г*)

культуры Поянешть — Лукашевки (*Каспарова*, 1967, с. 118—125) и др. Конечно, в обиходе были и простые пояса из кожи и других материалов, но сохраняются обычно пояса, богато украшенные бронзовыми и другими накладками, — престижная часть одежды.

Плащи были известны на данной территории еще с новокаменной и бронзовой эпох (*Тиль*, 1971, с. 10). В скифскую эпоху эта одежда даже дала название меланхленам («носящие черные плащи»; Гекатей Милетский, фрагмент 154; *Латышев*, 1893, с. 1). Плащи разных типов особенно распространились в римское время у скифов, сарматов и гето-даков. Плащ был распространен и у синдов. Он то окутывает всю фигуру, то перекинут через левое плечо, образуя складки. Плащи были широко известны племенам черняховской культуры, а в языке готов, входивших в число ее носителей, было слово «плащ» (*Рикман*, 1975, с. 190). Вероятно, плащи распространились и у обитавших в лесо-степной области Восточной Европы племен дьяковской культуры, судя по находкам на их поселениях фибул и булавок, предназначенных для застегивания этих одеяний. Известны плащи знати, «украшенные золотом» (Писатели истории Августов; *Латышев*, 1906, с. 293), т. е. золотыми бляшками.

Верхняя распашная одежда известна скифам, сарматам и гето-дакам. Таковы, например, меховые тулупы. Но одежда и существенно различается, будучи создана в разной этнокультурной среде. Куртками, безрукавками и кофтами пользовались только скифы, а кафтаны стали одеждой сарматов.

Башлык был известен скифам и сарматам, а гето-даки носили конические шапки с заостренным или округлым верхом, как и синды.

Сапоги (или полусапожки) носили скифы и сарматы, а также тавры. Гораздо разнообразнее был набор обуви у гето-даков: чулки, постолы и башмаки. Племена дьяковской культуры, по-видимому, пользовались обувью вроде лаптей, плетенной из лыка, о чем говорят находки при раскопках кочедыков (Дьяковская культура, 1974, с. 273, табл. XIX).

Выше отмечено, что женская одежда известна хуже, чем мужская, вероятно, из-за подчиненного социального положения женщин, быт которых поэтому слабее отразился в письменных и иконографических источниках. Основной одеждой женщин рассматриваемых народов была сорочка, у гето-даков — двух типов. Длинные сорочки с широким округлым, иногда складчатым, воротом носили синдские женщины (*Сокольский*, 1965, рис. 36, 38*а*—1, 38*б* — *1*, *2*, с. 90, 92, 93) (рис. 7, *а*, *б*). Платье зафиксировано только у сарматок. Скифянкам было известно парадное одеяние, напоминающее халат. Зона распространения одеяния этого типа простирается, следовательно, из Северного Причерноморья в Среднюю Азию (с I—III вв. н. э.; *Лобачева*, 1979, с. 34). Гето-дакийки носили плащи. Длинные широкие плащи с капюшонами носили синдские женщины.

Больше данных сохранилось о женских головных уборах. Как и мужчины, скифянки и сарматки носили башлыки — головной убор, характерный в те времена для иранского мира (*Ростовцев*, 1917, с. 92). Головные уборы скифских цариц и аристократок — конические; усеченно-конический расширяющийся вверх (калаф); высокий, напоминающий кокошник, диадема. Последние были и у сарматов. Сходные представления о головных уборах знатных скифянок уже высказывались (*Клочко*, 1979, с. 23, 25—26). Скифы, сарматы и гето-даки носили начельные ленты. Повязки «скифского и сарматского царя», «золотые повязки» упомянуты древними авторами (*Сенека*, III; *Латышев*, 1904, с. 137, 162). Некоторые типы головных уборов скифов и сарматов дополнялись покрывалами. Пышные головные уборы скифской знати не были в обиходе гето-дакийской аристократии. Иногда знатные гето-даки надевали золотые венки — типично греческое головное украшение (*Мелюкова*, 1979, с. 179). Особой простотой отличались головные платки гето-дакиек.

У дьяковцев так же, как и у более южных народов, головные уборы играли важную роль в женском костюме. Головной убор отражал возрастной и социальный статус женщины; переход, по обычаю, в иной возрастной разряд сопровождался обрядами, в частности сменой головного убора. На основании археологических находок и этнографических аналогий с женскими шапками поволжских угро-финнов реконструирован головной убор III—IV вв. н. э., распространенный у дьяковских женщин, — многоугольная шапочка, основу которой составляли ремни, украшенные бронзовыми ажурными бляхами с зернью, спиральными или круглыми бляшками: снизу к этому головному убору подвешивались умбонообразные

пластинки. Убор дополнялся покрывалом (*Дубынин*, 1967, с. 99—104; *Сабурова*, 1967, с. 105—106). (рис. 7, *г*).

Выше было установлено, что одежда скифов и сарматов обшивалась украшениями, что отличает ее от костюма гето-даков. Здесь отметим, что северные «варвары» Восточной Европы — племена дьяковской культуры — также обшивали одеяния бляхами из бронзы, иногда с шумящими привесками (*Дубынин*, *Розенфельдт*, 1966, с. 106), украшенными орнаментом в технике ложной зерни и чеканки.

Обувь скифянок, сарматок и гето-дакиек известна мало, но, по-видимому, она аналогична мужской.

Таким образом, в раннем железном веке у «варварских» народов были в обиходе одежды «накладные»: рубахи, женские сорочки и платья; «распашные»: куртки, безрукавки, тулупы, халаты; и «драпирующие»: плащи. Следуя классификации Г. С. Масловой, можно выделить в раннем железном веке одежду нательную, дополнительную нательную и верхнюю, подразделявшуюся на плечевую и поясную (*Маслова*, 1956, с. 566—567).

Скифы, но особенно сарматы и гето-даки влияли на культуру и этнический состав населения городов Западного и Северного Понта, да и греко-римского мира вообще. Это влияние проявлялось в одежде, перенимаемой особенно у сармато-алан. «Прежнего гражданина,— пишет, касаясь Северного Причерноморья, В. Д. Блаватский,— сменяет одетый в кочевническую одежду конный воин» (*Блаватский*, 1961, с. 162).

В эпоху позднего эллинизма, в римское время обитатели греческих городов Северного берега Черного моря, в сфере влияния Ольвии, в Боспорском царстве, в Тавро-Скифии, судя по рельефам надгробий (*Kieseritzky*, *Watzinger*, 1909), росписям склепов (особенно — Анфестерия конца I в. до н. э.— I в. н. э.), носили костюм, в котором сочетались греческие и скифо-сарматские черты.

Дион Хрисостом описывал именно такой костюм ольвиополита: «Одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах небольшой, тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов (черноризцев)». (*Дион Хрисостом*, р. XXXV, 43—52; *Латышев*, 1893, с. 173).

Такой костюм сложился под влиянием необычных для греков климатических условий и изменившегося быта. Греческие укороченный хитон и застегнутая на правом плече особого покроя хламида, приспособленные для верховой езды, сочетались с распашной одеждой скифо-сарматского типа, сшитой из кожи или шерсти, длиной почти до колен и застегнутой на груди и отороченной мехом, рукава длиной до кисти, иногда украшенной металлическими бляшками. Эту одежду подпоясывали. На ногах — мягкие узкие, вероятно, шерстяные, со складками штаны, входящие в мягкие кожаные сапоги скифского типа, но с модификациями. В мирном быту сапоги короткие, во время походов надевали более длинные. Описываемый костюм вошел в обиход не позже II в. до н. э. (*Ростовцев*, 1914, с. 327; *Бритова*, 1971, с. 163, 165).

Под влиянием «варваров» с III в. н. э. короткие (*Мерцалова*, 1972, с. 17—18; *Киреева*, 1976, с. 28, рис. 28) и длинные (*Тиль*, 1971, с. 23, рис. 30)

штаны вошли в гардероб римлян (рис. 7в). В короткие штаны одеты римские воины, изображенные на рельефах колонны Траяна.

Впрочем, имело место и обратное влияние — греко-римской одежды на одежду местных народов. Об этом можно заключить из слов Страбона. Танаис, писал он, «был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора — с другой»; «последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода» (*Страбон*, XI, II, 3; География, 1964, с. 468, 469).

Под греко-римским влиянием особенно распространились у «варваров» плащи и другие одежды свободного покроя. Так, плащ в виде развевающегося за спиной куска ткани представлен на фигурках калафа из Большой Близницы и т. д. (*Манцевич*, 1976, с. 18). Вместе с таким костюмом вошли в обиход фибулы для его застегивания. Небольшие фибулы скрепляли легкие покровы, а массивные — одежду из сукна, войлока и даже меховых шкур (*Толстой*, *Кондаков*, 1890, с. 115).

Так, в изобразительном искусстве Неаполя Скифского отражена как скифская одежда (роспись склепов № 2 и № 9, фигуры надгробия II в. н. э., на пряжке), так и ее сочетание с эллинской, в особенности с плащом: рельефы конца II в. до н. э. с портретами царей Скилура и Палака (Дашевская, 1971, с. 186—189).

У гето-даков, по-видимому, под греческим влиянием, распространились хитон и гиматий (см. одеяния фигур, отчеканенных на ритоне III в. до н. э. из Пороина (Олтения)) (*Berciu*, 1969, p. 156—160).

Нам удалось описать одежду только немногих народов раннего железного века. Между тем своими особенностями в одежде обладали многие народы, что отражено, например, в описании триумфа Аврелиана, где упомянута «национальная одежда» «готов», «аланов», «сарматов», «франков», «свевов», «вандалов», «германцев» и т. д. (Писатели истории Августов. *Латышев*, 1906).

Для изучения этой одежды необходимы дальнейшие исследования.

Глава вторая

ОДЕЖДА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН VI—IX ВВ. Н.Э.

*

В. В. Седов

В VI—IX вв. славяне заселяли уже обширные пространства Восточной Европы, достигая на севере побережья Чудского и Ладожского озер, на востоке — верховьев Волги, Оки и Дона; на юге славянская эйкумена включала лесостепные области Днестро-Днепровского междуречья. V—VII вв. н. э. были последним периодом праславянского состояния, когда славяне и их язык сохраняли еще единство. Но расселение по обширной территории и взаимодействия с иноязычным населением обусловили диалектные и этнокультурные расхождения, ведшие к формированию отдельных славянских языковых групп. Так, в VIII—IX вв. на восточноевропейской равнине складывается восточнославянская этноязыковая общность — древнерусская народность, включавшая известные по летописям племенные образования кривичей, словен ильменских, вятичей, радимичей, волынян, хорватов, дреговичей, древлян, полян, северян, уличей и тиверцев.

Литература и источники. Одежда восточных славян рассматриваемого периода до настоящего времени не получила освещения в научной литературе. Специальные исследования по этой теме отсутствуют вовсе. В энциклопедическом труде Л. Нидерле «Славянские древности» одежда характеризуется весьма обстоятельно, но суммарно, без разграничения на хронологические отрезки славянской истории и без учета региональной специфики (*Niederle*, 1913, s. 419—528). Лишь в очень немногих археологических работах последних десятилетей их авторы затрагивали отдельные вопросы, связанные с изучением одежды славян Восточной Европы в VI—IX вв. (*Рыбаков*, 1953, с. 81—84; *Оятева*, 1965, с. 42—52).

Основным источником для изучения рассматриваемой темы являются материалы археологии. Однако в VI—IX вв. среди славян Восточной Европы безраздельно господствовал обряд трупосожжения, при котором сохранялись лишь остатки (обычно подплавленных) украшений или металлических деталей одежды. На восточнославянской территории к настоящему времени раскопано свыше тысячи захоронений исследуемого периода и ни в одном из них не обнаружено остатков одежды в виде кусков ткани, кожи или меха.

И при раскопках поселений этого времени для истории одежды славян VI—IX вв. получены более чем скромные данные. Органические вещества в культурных слоях, как правило, не сохраняются. Исключением являются напластования Старой Ладоги, при раскопках которых обнаружены куски тканей и кожи, предоставившей возможность для изучения обуви, что выполнено было в указанной работе Е. И. Оятевой. При исследовании славянских поселений VI—IX вв. встречены в небольшом количестве пред-

меты металлического гарнитура одежды — пряжки, поясные бляшки и кольца, а также единичные украшения. Более или менее компактные комплексы металлических деталей одежды и украшений имеются в составе кладов, неоднократно найденных в южнорусских землях.

При отсутствии иконографического материала для характеристики славянской одежды VI—IX вв. весьма ценными представляются единичные находки металлических фигурок людей, обнаруженных в составе кладов или на поселениях, а также человеческие изображения на так называемом Збручском идоле.

Письменные свидетельства также почти отсутствуют. Славяне в эту пору еще не имели своей письменности. Детального описания славянской одежды нет и в сочинениях византийских историков. Имеется лишь сообщение Прокопия Кесарийского (VI в.) о балканских славянах, что некоторые из них идут в бой против врагов в одних коротких штанах, не надевая ни хитона, ни плаща. Нет никаких известий о славянской одежде VI—IX вв. и в восточных источниках. Арабские авторы начинают уделять внимание одежде восточных славян лишь в X—XI вв.

Таким образом, фактических данных для характеристики одежды славян VI—IX вв. слишком мало, и они весьма фрагментарны. Поэтому во всех имеющихся в историко-археологической литературе работах, посвященных конкретной истории восточнославянской одежды или ее деталей, обзор начинается только с X в. Сколько-нибудь полного очерка славянского одеяния VI—IX вв. сделать пока невозможно. Для изучения одежды рассматриваемого времени могут быть ретроспективно использованы восточнославянские материалы последующего периода, но данные, находящиеся в распоряжении исследователя, пока явно не достаточны для подобной ретроспекции.

Материал одежды. Как свидетельствуют лингвистические данные, славяне с древнейших времен одевались прежде всего в платья из льняного и конопляного полотна и из шерсти. Лен — древнее индоевропейское культурное растение, а конопля (этот термин является праславянским и заимствован, по-видимому, из латинского) распространилась в славянской среде не позднее римской эпохи, т. е. первой половины I тысячелетия н. э. Использование льна и конопли как важнейших материалов для изготовления одежды обусловило и то, что основным цветом ее был белый или (при недостаточной отбелке) серый. Было ли и в какой степени распространено крашение тканей у славян VI—IX вв., сказать невозможно. Первое упоминание об этом в письменных источниках датируется XI в. (Устав князя Ярослава).

С древнейших времен славяне использовали для одежды и шерстяные ткани. Остатки последних довольно часты в восточнославянских курганах XI—XIII вв., а праславянский характер названий шерстяных тканей (*сукно*, *сермяга*, *опона*, *власяница*) свидетельствует о широком бытовании их в более ранние периоды истории славян.

Прядение и ткачество принадлежали к наиболее распространенным домашним занятиям славянских женщин в каждой семье. Прядение волокна производилось при помощи деревянного веретена с пряслицем. Пряслица часто находят на всех славянских поселениях рассматриваемого периода. Делались они преимущественно из глины и имели различную

форму (биусеченно-конические, дисковидные, цилиндрические и другие). Начиная с VII—VIII вв. как на южных, так и на северных поселениях появляются пряслица из мягких пород камня.

Для изготовления тканей в лесной зоне Восточной Европы употреблялся вертикальный ткацкий стан. В Старой Ладоге в культурных отложениях IX—X вв. неоднократно найдены глиняные диски, служившие грузилами таких станков (*Штакельберг*, 1962, с. 109—115). Горизонтальный ткацкий стан появился здесь, по-видимому, в X—XI вв., хотя материалов для определения точного времени его распространения нет. Ткани IX—X вв. определенно изготовлены на вертикальном ткацком стане, о чем свидетельствует так называемая третья, или начальная, кромка, вытканная на четырех дощечках с четырьмя отверстиями, характерная только для вертикального стана. Большинство староладожских тканей были шерстяными и выполнены в традиционной технике ткачества, распространенной в Северной Европе во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (саржевое переплетение в четыре нитки — 2/2). Из 35 исследованных кусков ткани только два выполнены в переплетении в три нитки — 2/1 (*Нахлик*, 1963, с. 275—276, 293).

Можно полагать, что в южнорусских землях славяне со второй половины I тысячелетия н. э. уже знали горизонтальный ткацкий стан. Об этом говорит, в частности, находка на селище Бранешты-I костяного цилиндра-юрка́ с отверстиями, предназначенными для равномерно-параллельного распределения нитей при их сучении и сновании,— детали именно горизонтального, а не вертикального стана. На некоторых славянских поселениях VI—IX вв. в Прутско-Днестровском междуречье выявлены фрагменты глиняной посуды с отпечатками ткани, дающими некоторое представление о характере ткани, из которой шилась повседневная одежда. Это — довольно тонкое полотно с прямым переплетением (*Рафалович*, 1972, с. 206—207).

Невозможно сказать, использовались ли для изготовления одежды (и насколько широко) импортные ткани. Один из византийских авторов VIII в. (Никифор) сообщает, что балканские славяне брали у Византии дары в виде шелковой материи. Название шелка не является общеславянским термином. Первоисточником восточнославянского «шелк» является, по-видимому, древнескандинавское слово (*Фасмер*, 1973, с. 423—424). Очевидно, шелковая ткань стала поступать на Русь только в период функционирования Великого Волжского и Днепровско-Волховского торговых путей. В VI—IX вв. шелк (как, впрочем, и другие виды византийских и восточных тканей) мог покупаться или вымениваться спорадически только славянскими князьями и богатой племенной знатью.

Факт широкого распространения мехов у восточных славян общеизвестен. Жизненные условия (бо́льшая часть славян расселилась в лесной полосе с суровым климатом) требовали теплой одежды для защиты от холода. Поэтому обработанная звериная шкура у лесных обитателей Европы с давних времен служила для изготовления одежды. Употреблялись, прежде всего, шкуры овец (восточнославянское *овчина* — «одежда из овечьей шкуры», «овечья шкура»), а из диких животных — волков и медведей (древнерусское *медведина* — «одежда из медвежьей шкуры», «медвежья шкура»). Безусловно, уже в древности для одежды использовались и меха

куницы, соболя, белки, лисицы, горностая, выдры и бобра. Меха выделывались в славянских землях не только для собственных нужд, но и для торгового обмена с другими странами. Русская летопись сообщает, что киевский князь Олег в 883 г. стал брать дань с древлян куньими шкурками, а под 859 г. говорится, что поляне, вятичи и северяне платили дань хазарам по беличьей и горностаевой шкурке с каждого двора (ПВЛ, I, с. 18, 20).

Шкуры животных использовались и для приготовления кож, из которых делались обувь, поясные ремни и рукавицы. Для этого шли сыромятные, дубленые (обработанные дубителями растительного происхождения) кожи. Праславянским термином *усма* или *усна* назывались все обработанные шкуры. Судя по староладожской коллекции, кожи изготавливались в большинстве своем из шкур коров и коз, реже — из шкуры лошади.

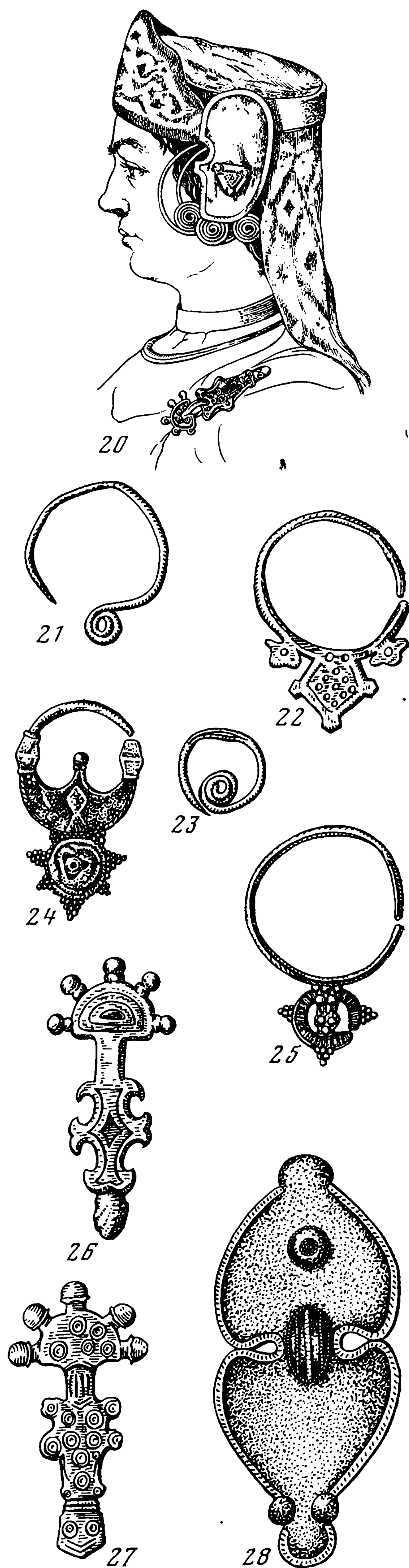
Мужская одежда. Мужская одежда славян, как можно судить по всем имеющимся прямым и косвенным данным, с давних времен состояла из рубашки, штанов и надеваемого при необходимости поверх их плаща или одежды типа позднейших свиты и кафтана. Характер рубашки в общем передают литые фигурки человечков из Мартыновского клада (рис. 8) (*Рыбаков*, 1953, с. 76—79). Рубашка, по-видимому, была туникообразного покроя с длинными прямыми рукавами, подобно тем, что известны по древнерусским материалам. Рукав у запястья, кажется, стягивался широкой тесьмой. Посредине груди рубаха имела широкую вышитую вставку. Устройство ворота не ясно. Рубаха подпоясана — пояс обозначен двумя линиями. Вышитые рубашки этого типа, как подметил Б. А. Рыбаков, повсеместно носили до недавнего времени в украинских, южновеликорусских и белорусских селах и деревнях. Широкая вышивка, аналогичная помещенной на рубашках мартыновских фигурок, имеется на одеждах мужских изображений на серебряных браслетах домонгольской Руси.

Длинные узкие штаны «мартыновских человечков» доходят до щиколоток. У славян такие штаны назывались иногда *ноговицами* (в других случаях этот термин обозначал что-то вроде гетр). По-видимому, штаны поддерживались на бедрах бечевкой.

Поверх этих нательных одеяний надевались более тяжелые верхние одежды. Известно несколько терминов, обозначавших последние еще в праславянский период,— *жупан*, *корзно*, *сукня* и *кожух*. На славянском поселении VI—VII вв. в Требуженах в Молдавии (*Смирнов Г. Д.*, *Рафалович*) найден небольшой амулет, изображающий человека с согнутыми в коленях и расставленными ногами. Фигура выполнена весьма условно; тем не менее можно согласиться с исследователями, опубликовавшими эту находку, что изображенный на ней мужчина одет в короткий жупан с глубоким вырезом на груди.

Длинная опоясанная одежда типа позднейшей свиты или кафтана изображена на мужских фигурах Збручского идола (рис. 8—*19*) (*Гуревич*, 1941, с. 279—287; *Рыбаков*, 1953а, с. 75—79). Другие виды верхней мужской одежды славян по изображениям VI—IX вв. не известны.

Мартыновские и требуженская фигурки изображают мужчин без головных уборов. На двух изображениях человечков из Мартыновки радиальными черточками переданы волосы. Возможно, в южных районах славянской территории мужчины тогда обычно ходили без головных уборов.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28

Головной убор славян — шапка языческого времени — известен только по скульптурным изображениям на идолах. Так, четырехликая голова Збручского идола, условно называемого Святовитом, увенчана шапкой — полусферической с околышем. Подобная шапка изображена и на голове новгородского каменного идола, найденного в Пошехонье (*Порфиридов*, 1930, с. 31—33).

Судя по древнерусским изображениям на миниатюрах, иконах и фресках, подобные мягкие полусферические шапки с меховым околышем являлись важнейшей княжеской регалией, больше никто не носил таких шапок. По-видимому, и в языческую пору подобные головные уборы были атрибутами языческих божеств и племенных князей. Шапки простых людей нам не известны.

Мужские одежды обычно стягивались поясами, которые изготавливались или из различных тканей и в таких случаях просто завязывались, или из кожи и имели металлические пряжки, а иногда еще наборные бляшки и наконечники. Наиболее полная серия металлических частей пояса происходит из раскопок городища Зимно (*Ауліх*, 1972, с. 46, 56—66). Здесь найдены бронзовые, серебряные и железные пряжки с круглыми, полукруглыми, овальными, восьмеркообразными и фигурными рамками и разнообразной формы основой, а также прямоугольные «гитаровидные» пряжки. Многочисленны бляшки от поясных наборов — двухщитковые и круглые прорезные; фигурные, с растительным орнаментом, крестообразная, в виде фигуры птицы (рис. 8—*2*, *14*). Поясные пряжки и бляшки неоднократно встречены и в других славянских памятниках VI—IX вв., но в IX в. они менее многообразны, а иногда представлены единичными экземплярами, однако принадлежат в основном к тем же типам. Так, восьмеркообразные пряжки встречены и на поселениях Южного Буга (*Хавлюк*, 1963, с. 335, рис. 14, *4*), и на Хотомельском городище (*Кухаренко*, 1961, табл. 8, *20*), и в длинных курганах кривичей. В коллекции древностей из этих курганов имеются удлиненно-четырехугольные, овальные и кольцевые пряжки, а также пряжки В-образной формы (рис. 8, *3*, *5—8*, *13*) (*Седов*, 1974, с. 31—32, табл. 24—25).

Интересные наборы разнообразных поясных бляшек и наконечников происходят из кладов (рис. *8*, *1*, *4*, *9—12*, *15—18*) (*Рыбаков*, 1953, с. 64—89). На основе предметов из Суджанского клада Б. А. Рыбаков попытался реконструировать мужской пояс с портупеей VI—VII вв. (*Рыбаков*, 1949а, с. 82—85, рис. 33б).

Необходимо подчеркнуть, что поясные пряжки, бляшки и наконечники, встречаемые в славянских памятниках VI—IX вв., не принадлежат к специфически славянскому убранству одежды, а имеют широкие аналогии в древностях многих племен и племенных группировок этого времени, от аварских могильников Паннонии до приазовских и северокавказских степей. Подобные вещи отражают значительные перемещения населения, широкие связи и заметную однородность дружинной культуры.

Рис. 8. Металлические части одежды и украшения:

1, 4, 9—12, 15—18. 21—28 — из южнорусских кладов; *2, 14* — городище Зимно; *3, 5—8, 13* — из длинных курганов кривичей; *19* — Збручский идол; *20* — реконструкция Б. А. Рыбаковым головного убора из Мартыновского клада; *26* — из поселения Демьянов

Славянские рубахи и верхние одежды обычно завязывались тесемками, но иногда застегивались на пуговицы. В южнорусских курганах конца IX—X в. нередки маленькие бронзовые литые пуговки, которые пришивались к вороту одежды. Они имели грушевидную или биконическую форму и иногда орнаментировались геометрическими узорами (*Русанова*, 1966, табл. 22). В Мартыновском кладе имеются два запонкообразных предмета с гладким диском и узкой длинной петлей внизу, которые, скорей всего, тоже служили пуговицами (*Рыбаков*, 1953, рис. 17, *6*). Значительно чаще, очевидно, употреблялись костяные и деревянные пуговицы. В староладожской коллекции имеются одна круглая пуговица и три стержневые застежки с острыми концами, изготовленные из кости, но относятся они уже к концу IX—X в. (слой «д») (*Давидан*, 1966, с. 111, рис. 4, 12, 13).

На южной окраине восточнославянской территории распространился обычай застегивания наплечной одежды при помощи особого рода булавок — фибул. Так, на славянских поселениях Днестро-Прутского междуречья найдено несколько разнотипных фибул — бронзовая арбалетовидная с ложноподвязаным приемником, две посеребренные антропоморфные, бронзовая двухпластинчатая, бронзовая с короткой изогнутой дужкой, прямой ножкой и высоким держателем иглы и др. (*Рафалович*, 1972, с. 198—202). В области расселения антов — одной из крупных диалектно-племенных группировок последнего периода праславянской истории (*Седов*, 1978, с. 164—173) — относительно широкое распространение получили антропо-зооморфные фибулы, датируемые VI—VIII вв. Фибулы (рис. 8, *28*) встречены у славян и в составе кладов (*Рыбаков*, 1949, с. 46—71; 1953, с. 92—95; *Березовец*, 1952, с. 109—119). Весьма широкое распространение в антской среде VI—VII вв. получили также пальчатые фибулы, которые можно считать этноопределяющими для этой славянской группировки. Однако они были принадлежностью женского туалета и поэтому характеризуются ниже. Другие фибулы, находимые в славянских памятниках рассматриваемого времени, единичны. Так, на поселении Кодын в Северной Буковине обнаружены две железные фибулы позднеримского типа («Bügelknopffibel»), которые датируются V — первой половиной VI в. (*Тимощук*, 1976, с. 39, рис. 16); на селище Куня в бассейне Южного Буга найдена железная двучленная фибула позднего арбалетного типа, характерная для IV — начала VI в. (*Хавлюк*, 1974, с. 188, рис. 2, *2*).

Одним из основных видов обуви славян VI—IX вв. были, несомненно, башмаки, изготавливаемые из кожи. В общеславянский период они назывались *черевиками* (праслав. čern-). Наиболее полное представление об этом типе обуви дают материалы раскопок Староладожского городища. Здесь в слоях, относящихся к VIII—X вв., встречено значительное количество изделий из кожи, среди которых преобладают остатки мягких бескаблучных башмаков. Изготавливались они либо из целого куска кожи, либо из двух основных частей — цельнокроенного верха и подошвы. Основной шов обычно делался выворотным (куски кожи складывались лицом внутрь и прошивались по краю), применялись также наружный шов (при этом куски кожи складывались лицом наружу и прошивались), тачной (куски кожи сшивались встык, вплотную друг к другу) и через край. Многообразие покроя башмаков (основные варианты: «верх со швом сбоку

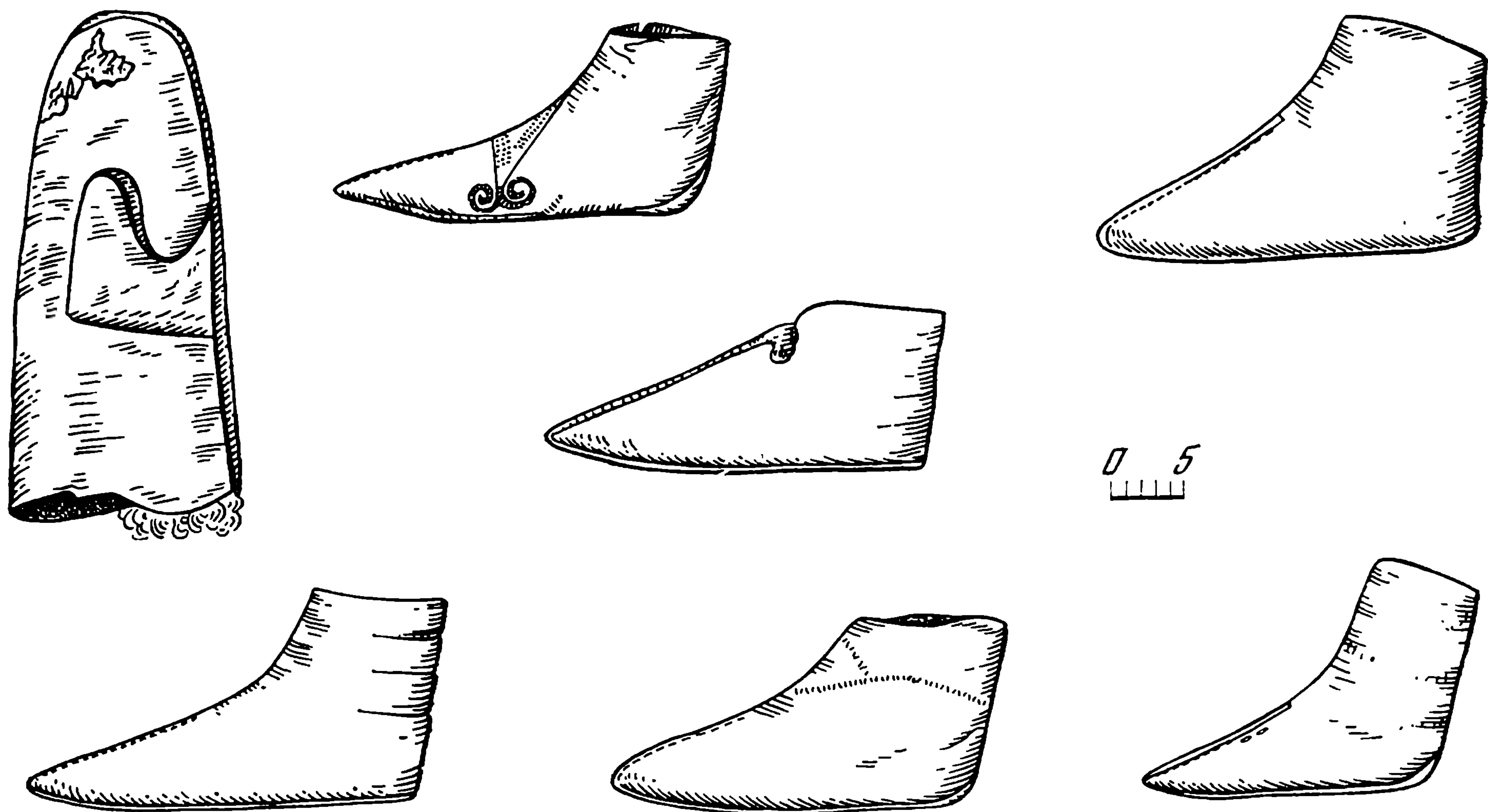


Рис. 9. Кожаные рукавицы и обувь из раскопок в Старой Ладоге

или со швом вдоль большого пальца; носок обычного контура или укороченный срезом; задник с прямым срезом по нижнему краю либо с треугольным вырезом; верхняя часть, так называемый «воротничок» симметричный или асимметричный; подошва с закругленными носком и пяткой, или с закругленным носком, но удлиненной пяткой, или, наконец, с удлиненным носком, но закругленной пяткой) позволило исследовательнице староладожской обуви Е. И. Оятевой разделить их на восемь видов (*Оятева*, 1965, с. 43—50). Однако все они принадлежат к одной форме (рис. 9). Это узконосые башмаки с невысоким подъемом. Они, очевидно, довольно плотно облегали ногу и закреплялись с помощью ремешка, который несколько раз обвивался вокруг щиколотки и завязывался. Некоторые виды башмаков шнуровались. Особняком стоит лишь один детский башмак — широконосый, со значительным подъемом. Единичные экземпляры ладожских башмаков орнаментировались. Для этого делались или трапециевидные вставки с насечками, через которые для украшения продевались крученые цветные нити или полоски кожи, украшенные аналогичным образом и оформляющие верхние края башмаков. Возможно, подобные узконосые башмаки изображены на мужских фигурках из Мартыновского клада. Впрочем, не исключено, что это мягкие сапоги с такими же острыми носами. На требуженской фигурке, как полагают авторы ее публикации, изображены мягкие остроносые сапоги. Возможно, это были низкие сапоги, о которых позднее, описывая славян, упоминает Гардизи. Другие виды обуви в староладожской коллекции VIII—X вв. отсутствуют.

Нужно полагать, что во второй половине I тысячелетия н. э. славяне носили и лыковые лапти. Однако археологически это пока засвидетельствовано лишь находками костяных кочедыков для плетения такой обуви.

В Старой Ладоге в отложениях VIII—IX вв. найдена рукавица (см. рис. 9), сшитая из целого куска овчины, сложенного вдвое мехом внутрь (*Оятева*, 1965, с. 50).

Женская одежда. Женская одежда славян рассматриваемого периода менее документирована археологическими материалами и совсем не получила отражения в синхронных письменных источниках. Судя по более поздним данным, она состояла из рубашки, которая отличалась от мужской большей длиной и, очевидно, более обильными украшениями — вышивкой или узорным тканьем.

Фасоны мужской и женской верхней одежды в быту русских крестьян XIX в. мало чем отличались друг от друга. Надо полагать, что и в VI—IX вв. было также. Во всяком случае, одежды женщин, изображенных на Збручском идоле, не отличимы от мужского одеяния. Мужская и женская обувь, судя по староладожским материалам, одинакова.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют охарактеризовать все типы женских головных уборов славян, расселившихся по восточноевропейской равнине во второй половине I тысячелетия н. э. Только один из типов женского головного убора реконструируется по находкам в кладах, подобных Мартыновскому. Составными частями этих уборов были серебряные пластины с завитком на конце — налобные венчики — и орнаментированные пластины, воспроизводящие форму человеческого уха,— наушники. На их основе Б. А. Рыбаков реконструировал головной убор из Мартыновского клада, который оказался весьма близким к позднейшим русским кокошникам, хорошо известным по этнографическим материалам (рис. 8—20) (*Рыбаков*, 1953, с. 82—83). В XIX в. наушники делались из жесткого материала и богато украшались бисером и жемчугом. Один из мартыновских наушников имел орнаментальные выпуклины, образующие треугольник, другой имел по краю широкую полосу позолоты и был орнаментирован треугольными пластинами с золотой зернью и гнездами для цветных камней.

В кладах, найденных в южных районах восточнославянской территории, имеются и такие весьма характерные для славянского мира женские украшения, как височные кольца (рис. 8, *21—25*). Из Мартыновского, Малоржавецкого и Новосуджанского кладов происходят большие серебряные проволочные кольца со спиральным завитком, обращенным внутрь (*Рыбаков*, 1953, с. 75, 82—83, рис. 16, 18). Очевидно, их носили на висках (по одному, по два, а иногда и по три с каждой стороны головы), подобно тому как это было в древнерусское время. В новосуджанском кладе найдены еще браслетообразные височные кольца из толстой серебряной проволоки с отдельными биспиральными подвесками (*Рыбаков*, 1949а, с. 77, рис. 31). В IX в. в южных районах восточнославянского расселения появляются пятилучевые или семилучевые височные кольца ранних вариантов; некоторые украшены ложной зернью. Они найдены на городище Хотомель в Припятском Полесье (*Кухаренко*, 1961, с. 9, табл. 8, *20*), в полуземляночном жилище Новотроицкого городища, относящемся в основном к IX в. (*Ляпушкин*, 1958, с. 129, рис. 85, *5*), на городище Титчиха на Дону (два пятилучевых и одно семилучевое височных кольца) (*Москаленко*, 1965, 119, рис. 42), а также в составе Железницкого (Зарайского), Полтавского и Новотроицкого кладов (*Рыбаков*, 1948, с. 106—107, рис. 14, 15; *Макаренко*, 1908, с. 5—9, табл. 1; *Ляпушкин*, 1958, с. 26, рис. 12, 13).

Более широкое распространение в славянской среде рассматриваемого периода получили проволочные височные кольца — небольшие перстнеоб-

разные и среднего диаметра. Они встречены как в северных кривичских землях, так и в южнорусских областях (*Седов*, 1974, с. 32, табл. 26, *1*, *6*, *7*, *9*, *10*; *Ляпушкин*, 1958, с. 26, рис. 13; *Рафалович*, 1972, с. 195, рис. 3, 4).

Для закрепления верхней женской одежды анты в VI—VII вв. употребляли пальчатые или лучевые фибулы, о которых мы уже говорили (рис. 8, *26*, *27*). Славянская принадлежность пальчатых фибул днепровского региона была аргументирована Б. А. Рыбаковым. (*Рыбаков*, 1948, с. 57—71; *Рыбаков*, 1953, с. 23—104). Позднее И. Вернер показал, что они были составной частью славянской женской одежды как в Днепро-Днестровском междуречье, так и в нижнем и среднем Подунавье (*Werner*, S. 150—172). В последние годы пальчатые фибулы были встречены на достоверно славянских поселениях и в погребениях VI—VII вв.

Ожерелья из бус, судя по материалам длинных курганов кривичей и Староладожского городища, были в некоторых славянских (преимущественно северных) регионах излюбленным женским украшением (*Седов*, 1974, с. 28, табл. 23, *1—5*; *Львова*, 1968, с. 64—94). Многие ожерелья были одноцветными и состояли из синих зонных стеклянных бус. Иногда добавлялись зеленые бусы. Изредка встречались темно-синие бусы с белыми, желтыми и красными глазками. В южнорусских землях ожерелья в ту пору не были распространены.

Славянский женский костюм VI—IX вв. изредка дополнялся металлическими украшениями — шейными гривнами, перстнями и браслетами. Этноопределяющих типов этих украшений у славян в то время еще не было. Они пользовались самыми разнохарактерными браслетами, перстнями и шейными гривнами, приобретенными у соседей или изготовленными собственными мастерами-ремесленниками по образцам украшений, которые были распространены среди многих разноэтничных племен.

Глава третья

ДРЕВНЕРУССКАЯ ОДЕЖДА IX—XIII ВВ.

М. Г. Рабинович

Литература и источники. Изучение древнерусской одежды велось преимущественно археологами. Целых предметов одежды IX—XIII вв. до нашего времени не сохранилось, и основным источником служат остатки одежды и украшения, находимые при раскопках древнерусских поселений и погребений, а также изображения на древних фресках, иконах, книжных иллюстрациях — миниатюрах, предметах прикладного искусства. Материалы эти сопоставляются с упоминаниями одежды в письменных документальных и нарративных источниках — летописях, житиях — и разного рода актах. Много дает исследователю также сопоставление древних изображений и находок с более поздними предметами одежды и народного искусства, в частности с вышивкой, резьбой и росписью вплоть до XIX—XX вв.

Еще в конце прошлого столетия А. А. Спицын доказал, что локальные различия находимых преимущественно в курганах женских украшений не случайны, что набор украшений, надеваемых к праздничному женскому наряду, был свой у каждого племени (*Спицын*, 1899). С тех пор получено много новых данных об одежде сельского и городского населения Древней Руси. Первые итоги их изучения подведены в обобщающей работе А. В. Арциховского (*Арциховский*, 1948). Позже сделаны некоторые дополнения и уточнения. Появилась и обобщающая статья В. П. Левашовой об одежде сельского населения Древней Руси (*Левашова*, 1966). Многие монографии, посвященные истории одежды, содержат краткий экскурс о древнерусской одежде (*Левинсон-Нечаева*, 1971; *Гиляровская*, 1945; *Киреева*, 1976; *Матейко*, 1977). Весьма краткое описание одежды древнерусских крестьян, горожан и господствующих классов есть и в разделе «Образование древнерусской народности» этнографических очерков «Народы Европейской части СССР» многотомной серии «Народы мира» (Народы, 1964, с. 112—114).

Археологические исследования посвящены как изучению древних тканей (*Нахлик*, 1963; *Левинсон-Нечаева*, 1959), так и определению разного рода украшений (*Седова*, 1959; *Журжалина*, 1961; *Левашова*, 1967; *Недошивина*, 1968; *Гринкова*, 1955) и реконструкции древнерусского костюма в целом или его частей (преимущественно головного убора и обуви) (*Левашова*, 1968; *Даркевич*, *Фролов*, 1978; *Сабурова*, 1974, 1976, 1978; *Фехнер*, 1976; *Изюмова*, 1959; *Оятева*, 1965; *Рикман*, 1952; *Рабинович*, 1964). Этнографы работали в основном над этнографической атрибуцией археологических находок и древних изображений, сопоставляя их с народной одеждой XIX—XX вв. с целью выявить эволюцию русского костюма и отдельных его частей (*Маслова*, 1956, 1978; *Лебедева*, *Маслова*,

1967). Это помогло реконструировать особенности народной одежды в недавнем и в далеком прошлом. Серьезные достижения имеются и в изучении и картографировании терминов, связанных с прядением, ткачеством, изготовлением одежды (*Popne*, 1965; *Лебедева, Маслова*, 1967, карты 43, 54, 55). Наконец, вопросы истории русского костюма затронуты в работах, посвященных проблемам более общим — происхождению восточнославянских народов, их взаимосвязям, древней религии (*Городцов*, 1926; *Рыбаков*, 1967; *Толстов*, 1930; *Токарев*, 1954; *Куфтин*, 1926).

Количество археологических материалов сейчас значительно увеличилось. Применение к старым и новым находкам современных методов исследования (в частности, исследование тканей, кожи и пр.) позволяет расширить наши представления о материалах, из которых делали одежду и обувь, о способах их изготовления. Увеличилось и число известных нам древних изображений одежды благодаря как совершенствованию реставрационных работ, так и новым открытиям. В частности, в научный оборот вошли находки особой группы украшений — браслетов, употреблявшихся, по-видимому, при русальских празднествах (*Рыбаков*, 1967; *Монгайт*, 1967). На них изображены мужчины и женщины в ритуальном танце. Эти браслеты дают представление о ритуальных функциях одежды.

Углубленный анализ письменных источников позволил серьезно пополнить сведения о древней одежде, ее частях и функциях, уточнить интерпретацию этих сведений.

Вновь открытая в последние десятилетия группа источников — берестяные грамоты, по сути дела примыкающая к актам, позволяет надеяться на получение новых сведений и об одежде крестьян и горожан (*Арциховский, Янин*, 1978; *Янин*, 1975; *Черепнин*, 1969).

Материал. Большинство населения Древней Руси носило одежду и обувь из материалов, производившихся в хозяйстве каждой семьи. Если это первоначально были шкуры и кожа, древесная кора, лыко, то к рассматриваемому нами периоду преобладали уже ткани из шерсти, льна и конопли. Прядением и ткачеством занимались женщины в каждой сельской, а на первых порах и в городской семье. Об этом говорят археологические находки на поселениях и в погребениях большого количества гребней для расчесывания волокна, разного рода *пряслиц* — грузиков для веретен, а также самих веретен, шпилек, гребней и донцев от прялок, юрков для снования ниток, частей *кросен* — ткацкого горизонтального стана и т. п. (*Левашова*, 1959, с. 74—77; *Колчин*, 1968, с. 64—72; *Рабинович*, 1964, с. 278—280; Седова, 1978, с. 95). Домотканые материи — грубое сукно, холст — были основным материалом, из которого шились одежда крестьян и рядовых горожан. На зимнюю одежду шли также шкуры домашних животных (больше всего *овчина*), реже — шкуры диких животных, поскольку охота на крупного зверя была привилегией феодалов.

Феодалы и городская верхушка одевались тоже в значительной мере в материалы домашние, производившиеся в их хозяйстве зависимыми людьми, но довольно широко пользовались и привозными тканями.

Уже в X—XIII вв. в деревне и в городе изготовлялись и употреблялись льняные, конопляные и шерстяные ткани различных сортов. Льняные ткани изготовлялись на горизонтальном стане. По способу плетения

различались полотняные и саржевые. (*Левинсон-Нечаева*, 1959, с. 10—11). Грубое полотно называлось *толстина*, *частина*, *узчина*, еще более толстая ткань из льняного или посконного волокна — *вотола* или *вблота* (*Poppe*, 1965, s. 152), более тонкое беленое полотно — *бель*, *понява* (*Левашова*, 1966, с. 113; *Poppe*, 1965, s. 31). Грубое полотно называлось «сермяга», «опона», более тонкое — «волосень». Как и для льняного, для изготовления шерстяных материй применялось сложное узорное тканье и бранье. Изучение найденных в погребениях крестьянок одежд показало, что уже в XII—XIII вв. широко применялась клетчатая разноцветная полушерстяная ткань, позднее называвшаяся *поневой* (*Левинсон-Нечаева*, 1959, с. 22—27; *Poppe*, 1965, s. 31).

Льняные ткани были в основном белого цвета, шерстяные — цвета натуральной шерсти (овечьей, козьей) или окрашивались в яркие цвета (наиболее распространены красный, зеленый, желтый и черный цвет). Тканье из пряжи, окрашенной в разные цвета, давало пеструю (*пестрина*, *пестрядь*) или клетчатую материю.

Привозные (в основном византийские или восточные) материи представляли собой главным образом шелковые или золотные ткани — *аксамиты*, *паволоки* и др. Они были очень дороги и доступны только богатым людям. Недаром «Слово о полку Игореве» упоминает среди самой ценной добычи, наряду с рабынями, «злато и паволоки и драгыя оксамиты» (СПИ, с. 10—11). Но и у горожан и у крестьян, как увидим ниже, можно было встретить в качестве украшений одежды небольшие куски этих тканей, зачастую с местной вышивкой (*Фехнер*, 1976, с. 222—225).

Наиболее распространенным материалом для обуви были древесная кора и *лыко*, из которого плели лапти. Но уже в X в. обувь горожан и крестьян побогаче изготовлялась по большей части из *кожи* — сыромятной или дубленой. Кожевенное производство было развито преимущественно в городах и в рассматриваемый нами период не отделилось еще от сапожного. В деревнях выделка кож оставалась домашним производством (*Левашова*, 1959а; *Рабинович*, 1964, с. 100—102). Древняя Русь знала как толстую кожу — *юфть*, так и более тонкую — опойку. На выделку кож шла шкура крупного рогатого скота (на опойку — телячья), лошадей (*Левашова*, 1959а, с. 49), коз (*хоз—сафьян*).

Предметы одежды. Как уже отмечалось исследователями (*Левинсон-Нечаева*, 1971, с. 351), характерной особенностью древнерусской одежды было то, что костюм у различных слоев населения отличался преимущественно количеством и разнообразием предметов и материалов, в то время как покрой отдельных составлявших его частей был одинаков. Крестьянин, горожанин и феодал носили одинаковые по покрою рубахи, но у последнего рубаха была из тончайшей, зачастую привозной, ткани.

Общее название одежды — *порты* — встречается уже в древнейших письменных источниках. В этом значении оно употреблено еще в договоре Олега с Византией (911) (ПВЛ, I, с. 27) и применялось по крайней мере до XVII в. *Портищем* назывался также кусок ткани. Другое общее название одежды — *ризы* — употреблялось, по всей вероятности, только со времени принятия христианства и обозначало преимущественно одежду ритуальную — церковное облачение или парадную одежду господствующих классов; в церковной литературе оно могло означать

и вообще всякую одежду (например, в евангелии: «Имея дъве ризе, да подасть неимущомоу»): «Облачаяся в красоту риз своих, помяни мя в незпраннем вретищи лежаща; на мягкой постели помяни мя, под единым рубом лежащего, зимою умирающего, каплями дождевыми яко стрелами пронзаема» — писал в XIII в. Даниил Заточник своему отцу — князю Ярославу Всеволодовичу (СДЗ, с. 65—66; *Рабинович*, 1966, с. 199).

Слово «*вретище*» обозначало собственно грубую ткань, мешковину, рогожу; «*руб*» — кусок ткани (*Срезневский*, I, стб. 321—322; III, стб. 184). Оба слова употреблялись также в значении «бедная, грубая, плохая одежда».

Нательная одежда. «*Руб*», по мнению А. В. Арциховского, было также общеславянским названием комплекта простонародной одежды — рубахи и узких портов (*Арциховский*, 1948, с. 234—235). Само это слово обозначало кусок, обрывок ткани (ср. «рубить» — «рвать») (*Срезневский*, III, стб. 184). Нужно думать, что того же корня древнейшее русское название нательной мужской и женской одежды «рубаха», бытующее до наших дней.

Рубаха, *сорочица* была главным, иногда единственным предметом одежды. Шили ее из полотна, тонкой шерсти (*цатры* — козьего пуха, аскеты-монахи носили и грубую *власяницу* из конского волоса), у богатых — и из шелковых материй. По покрою древнерусские рубахи были туникообразными, т. е. кроились из одного перегнутого пополам полотнища. Клинообразные вставки расширяли рубаху у подола, ромбические *ластовицы* — под мышками. Рукава делались узкими, длинными. Вырез ворота — круглым или четырехугольным, разрез — «прямой» — посередине груди или, реже «косой» — на левой или на правой стороне груди. Рубахи с косым разрезом изображены на рисунке из псковской рукописи XII в. (на левой стороне груди) (*Рабинович*, 1964, с. 114) и на иконе того же времени (на правой стороне груди) (*Левашова*, 1966, с. 116—117). В кургане близ г. Суздаля в XIII в. была погребена женщина в рубашке с вышитым воротником-стоечкой, состоявшим из двух неравных частей (длиной 8 и 20 см), смыкавшихся слева, и застегивавшимся на три пуговицы (*Сабурова*, 1976, с. 226—230). Здесь, таким образом, можно констатировать разрез ворота на левой стороне. Ворот рубахи застегивался на одну или несколько пуговиц — литых бронзовых, костяных, вероятно, и деревянных.

Мужская рубаха была длиной до колен (иногда и ниже). Носили ее навыпуск, поверх штанов, подпоясывая узким ремнем (с металлической пряжкой и бляшками или тканым шнурком (возможно, с кистями). Ворот, подол, края рукавов украшались вышивкой (*Маслова*, 1978, с. 16).

Женская рубаха делалась обычно очень длинной, до ступней («до полу» — отсюда слово *подол* — край одежды), но могла быть и значительно короче — до икр. Весьма длинными были и рукава, собиравшиеся в складки у запястья и сдерживавшиеся *обручами* (браслетами). Спущенные, они намного превосходили длину руки. Видимо, обычно в домашнем быту рукава носили собранными. Бронзовые обручи-браслеты, находимые на запястьях рук в женских погребениях, нередко имеют с внутренней стороны оттиск истлевшей ткани рукава. Распускать рукава полагалось в торжественных случаях. Например, при ритуальных

русальских танцах. Изображения пляшущих женщин со спущенными, свисающими почти до земли рукавами имеются на ритуальных русальских браслетах XII в. (*Рыбаков*, 1967). Об обычае плясать «спустя рукава» говорит и русская народная сказка о царевне-лягушке (*Андреев*, № 402), откуда мы узнаем и о том, что длинный рукав мог служить и своеобразным женским карманом, и орудием колдовства.

А. В. Арциховский считает, что женская рубаха не подпоясывалась (*Арциховский*, 1948, с. 239—241), но на изображениях женщин видны и подпоясанные рубахи (см. Радзивилловская летопись, л. 3—6 об.). Отсутствие в женских погребениях металлических пряжек и блях может указывать на то, что женский пояс представлял собой шнур без каких-либо дополнительных украшений, кроме кистей, и просто завязывался, ременных же поясов женщины не носили. В. П. Левашова отмечает у женщины шерстяной вязаный пояс (*Левашова*, 1966, с. 115—117). Такие пояса могли в погребениях не сохраниться.

Женская рубаха украшалась вышивкой или аппликацией из другой ткани у ворота, подола, концов рукавов, вероятно, обильнее, чем мужская.

Штаны (собственно *порты, гачи*) дополняли нательную одежду мужчин. Судя по изображениям, они были неширокими, довольно ясно обрисовывали ногу. В. П. Левашова считает, что штаны кроили из прямых полотнищ, в шагу вшивали ластовицу, пояс делали широкий, без разреза, на вздержке — *гашнике*, завязывавшейся вокруг талии (*Левашова*, 1966, с. 117). О длине штанов трудно судить, поскольку носили их только заправленными в голенища сапог или онучи, но ясно, что они всегда были ниже колен и, вероятно, не достигали щиколоток.

Возможно, что на нижнюю часть ног уже в X—XIII вв. надевали наголенники — *ноговицы* (*Срезневский*, II, стб. 462). Во всяком случае, арабский путешественник Ибн-Фадлан отметил какие-то гетры в одежде знатного славянина, погребенного в Булгаре в X в. (*Ибн-Фадлан*, с. 81). Но, по-видимому, как и позже, ноговицы были принадлежностью одежды богатого человека. Крестьяне же и бедные горожане накручивали на голень и стопу поверх штанов *онучи* — длинные узкие полосы материи вроде позднейших обмоток. Онучи и *копытца* — шерстяные носки (Патерик, с. 26) — носили на голую ногу также женщины.

Рубаха, штаны, ноговицы, онучи и копытца составляли нательную одежду, которая у бедных слоев населения была зачастую и единственной: в ней не только бывали дома, но в теплую погоду работали, выходили и на улицу.

Набедренная одежда. У женщин рубаха дополнялась набедренной одеждой — несшитым куском клетчатой полушерстяной ткани, который носили на вздержке, завязанной вокруг пояса так, что края ее немного расходились спереди, оставляя открытым подол рубахи. Как называлась эта одежда в Древней Руси — неизвестно. Исследователи думают, что название поневы она получила не раньше XVI в. До того, как уже сказано, поневой или понявой назывались полотняная ткань или нижняя тонкая рубашка, хотя могли существовать под этим названием и шерстяные или полушерстяные ткани (*Poppe*, 1965, s. 31). Археологические находки XI—XIII вв. позволяют предположить, что цвета клетки по-

невы (будем называть ее условно так) были свои у разных этнических групп (*Левинсон-Нечаева*, 1971, с. 357—361).

Верхняя одежда. О верхней одежде в Древней Руси у нас довольно мало сведений. В XI в. источники упоминают в качестве верхней одежды *свиту*. Феодосий Печерский надевал «на власяницу свиту вотоляну» (ПВЛ, I, с. 129). В. И. Даль производит само это название от глагола «свивать» в значении «одевать», «кутать» (Даль, IV, с. 154). Свиту как одежду, надеваемую, по-видимому, поверх сорочки, упоминает новгородская берестяная грамота XIII в., к которой мы еще будем обращаться (*Арциховский*, *Борковский*, 1958, грамота 141, с. 17—18). Хотя свита и упомянута только в связи с мужским костюмом, нет оснований считать ее исключительно мужской одеждой. Во всяком случае, в позднейшие времена свиты носили и мужчины, и женщины. О покрое свиты точных данных нет. Судя по изображениям, верхняя одежда этого типа была длинной — примерно до икр, плотно облегала стан (ср. славянское «облекло») и имела иногда отложной воротник и обшлага. Полы ее могли быть украшены вышивкой (*Арциховский*, 1948, с. 247). Позднее свита представляла собой длинную распашную верхнюю одежду.

Лучше изучена верхняя плащевидная одежда. Наиболее распространенная ее форма — *вотола*, как указывает само название, делалась первоначально из толстой льняной или посконной ткани. Это был безрукавный плащ, накидывавшийся на плечи поверх одежды типа свиты. Он застегивался у шеи и свисал примерно до колен или до икр. Возможно, вотола имела еще и капюшон (*Поппэ*, 1965; СРЯ, вып. 3, с. 73). Вотолы носили в Древней Руси все — от смерда до князя. Но княжескую парадную вотолу шили из дорогих материй. Отсутствие в крестьянских погребениях фибул—застежек от плащей заставляет думать, что вотола смерда, по всей вероятности, не застегивалась на пряжку или пуговицу, а завязывалась каким-либо шнуром. А драгоценные, иногда украшенные камнями вотолы знати могли иметь и красивые застежки.

Вотола была, по-видимому, наиболее распространенной формой плаща, употребляемого беднотой. Другой формой был *мятль*, упоминаемый в источниках XII—XIII вв. Это была не исключительно восточнославянская форма плаща: мятль носили, например, и поляки. Мятль упоминается преимущественно у княжеских слуг, но, видимо, не был специально военной одеждой. Довольно высокий штраф (три гривны), полагавшийся в том случае, если в драке будет разорван мятль, позволяет думать, что это не был особенно грубый дешевый плащ. Покрой его неясен, цвет упомянут только один раз — черный. Другие формы плаща — *киса* и в особенности *коць* — употреблялись преимущественно в княжеско-боярской среде (*Срезневский*, I, стб. 1305; *Poppe*, 1975, s. 16—17). Покрой их также неизвестен. А. В. Арциховский считает, что именно коць распространился в Западной Европе под названием *славоника* — «славянский плащ» (*Арциховский*, 1948, с. 252). Длинный, почти до пят, застегивавшийся на правом плече плащ — *корзно* (*кързно*, *корьзно*) — носили, кажется, только князья. Во всяком случае, все упоминания корзна в письменных источниках связаны с князьями. Даже плащ «короля» Атилы летописец назвал корзном (*Срезневский*, I, стб. 1404). Корзно, как самая роскошная одежда, противополагается в церковной литературе бедной

власянице (Патерик, с. 52). Многочисленны изображения корзна на иконах, фресках, миниатюрах. Это всегда драгоценные плащи из ярких византийских материй, иногда с меховой опушкой. Они надевались поверх одежды типа свиты, которая обычно видна между разошедшимися на правом боку полами. У человека, одетого в корзно, была свободна правая рука, а левая покрыта полой.

Из других видов плащей летопись знает *луду* — златотканый плащ варяжского конунга Якуна, или Гакона (ПВЛ, I, с. 100). Возможно, богатыми плащами были и упомянутые в летописи в 1216 г. вышитые золотом *оплечья*, но нам кажется правильным объяснение этого названия как «отложной ворстник» (*Срезневский*, II, стб. 624), возможно пристегивавшийся к какой-то одежде или надевавшийся отдельно, как позднейшие *бармы*.

Наиболее распространенной зимней верхней одеждой был *кожух*. Само название говорит, что он был сделан из шкуры животного мехом внутрь. Простонародье одевалось в нагольные овчинные кожухи, как их позже стали называть — *тулупы* или (более короткие) *полушубки*, сделанные также преимущественно из овчины. Богатые и знатные шили дорогие кожухи, покрытые золотой византийской материей, обшитые кружевами, украшенные каменьями. В 1252 г. Даниил Галицкий нарядился для встречи с иноземцами «кожюх же оловира грецкого и круживы златыми плоскими ошит, и сапози зеленого хза шиты золотом» (ПСРЛ, II, стб. 814). Дорогой кожух был желанной военной добычей (СПИ, с. 11). Если крестьяне и рядовые горожане носили кожухи, защищаясь от зимнего холода, то феодалы щеголяли в богато украшенной меховой одежде для престижа, возможно, и не в холодное время.

Головные уборы. При изучении головных уборов надо учитывать, что древние изображения не могут дать сколько-нибудь исчерпывающих сведений, так как иерархические представления того времени заставляли художников изображать мужчин по большей части без головных уборов, в особенности если на рисунке был и князь, которого обязательно рисовали в шапке (*Арциховский*, 1944, с. 28). Исключение делалось для некоторых церковных иерархов, которые изображены в клобуках. Важно изображение скоморохов на фресках лестницы Софийского собора в Киеве. На головах двух музыкантов островерхие, с несколько свисающими назад концами колпаки. Подобный же колпак — на голове гусляра, изображенного на одном из браслетов XII в. Среди археологических находок есть валяная темно-серая шапка из г. Орешка и плетенная из сосновых корней летняя круглая шляпа с плоской тульей и довольно большими полями из г. Новгорода, напоминающая более поздний украинский бриль или модную в начале нашего столетия шляпу — канотье. Но эти находки относятся к более позднему периоду — XIV—XV вв. (*Арциховский*, б. г., с. 286). Можно лишь предположить, что крестьяне и рядовые горожане носили шапки меховые, валяные и плетеные и что фасоны головных уборов были разнообразны.

Хорошо известны по многочисленным изображениям древнерусские княжеские шапки — этот важнейший признак феодала-сюзерена. Форма их — полусферическая тулья из яркой материи с меховой (по всей вероятности — собольей) опушкой — оказалась чрезвычайно устойчивой

(см. цв. вклейку). Первые изображения русских князей в таких шапках относятся к XI в. В XIV в., получив в подарок золотую восьмиклинную тюбетейку бухарской работы, московский князь велел приделать к ней соболью опушку для сходства с традиционной княжеской шапкой, и только тогда она стала великокняжеским, а потом и царским венцом. Это и есть знаменитая «шапка Мономаха» (*Спицын*, 1906, 1909; *Рабинович*, 1957). Цари венчались ей до конца XVII в.

Древнерусский женский головной убор изучен лучше, чем мужской, благодаря обилию археологических находок. Обычай, согласно которому замужняя женщина должна была тщательно закрывать свои волосы («простоволосая баба» могла якобы как-то вредить окружающим, «светя, волосом»), очевидно, уходит своими корнями далеко в глубь веков, в дохристианские времена.

Девушки в древней Руси, как и позднее, могли ходить без такого головного убора, который закрывал бы все волосы. Распущенные по плечам или заплетенные в одну или две косы волосы зачастую придерживались *венчиком* — узкой полосой металла или яркой материи, охватывавшей голову и скреплявшейся или завязывавшейся на затылке (*Сабурова*, 1978, с. 410). Более сложный, богато украшенный венчик назывался *коруной*. Известны остатки таких корун, сделанных на проволочном каркасе, в киевских кладах домонгольского времени. Видимо, украшенная коруна была атрибутом богатой городской девушки и ценилась высоко. Несколько более скромные, но тоже снабженные металлическими украшениями венчики носили, по-видимому, и крестьянские девушки в северных русских землях (*Сабурова*, 1974, с. 90—94). Венчик и коруна не закрывали ни темени, ни спускавшихся на плечи волос девушек.

Женский головной убор — *повой*, судя по изображениям, был полотенчатым, о чем говорит и встречающееся в летописи упоминание в связи с головным убором слова «*убрус*» — полотенце. Он обвивался вокруг головы, закрывая целиком волосы женщины, спускался иногда и на плечи, оба конца могли свисать на грудь. Человек, который сорвет с женщины повой и она окажется простоволосой, наказывался в Новгороде в XII в. высоким штрафом, вдвое выше, чем за повреждение плаща (ГВНиП, с. 55—56; НПЛ, с. 15), поскольку в этом случае женщина считалась опозоренной.

Археологические находки позволяют реконструировать и более сложные формы древнерусских женских головных уборов. Еще А. В. Арциховский отмечал в вятичских погребениях Московской губ. XII—XIII вв. остатки головного убора в виде расположенных по сторонам лица рядов шерстяных лент с бахромой (вроде распространенной позднее в Рязанской губ. *увивки*, *ширинки*, *кистей* или тамбовской *мохры*) (*Арциховский*, 1930, с. 101) (рис. 10*в*). В крестьянских погребениях X—XI вв., раскопанных в Вологодской обл., найдены остатки, принадлежавшие, по мнению М. А. Сабуровой, как к полотенчатым головным уборам — покрывалам с оттянутым книзу специальными грузиками концами, так и к расшитым бляшками кокошникам (*Сабурова*, 1974, с. 89, 91, 94). Расшитый мелкими стеклянными бусами край матерчатого головного убора, закрывавший лоб женщины, прослежен нами в крестьянском погребении XII в. к северу от Москвы, у современной станции Поворовка (*Рабинович*, 1939,

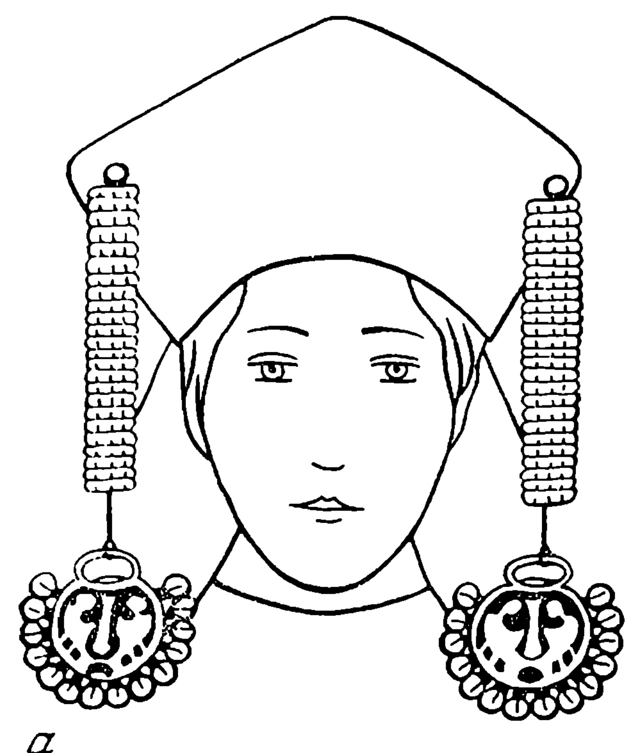
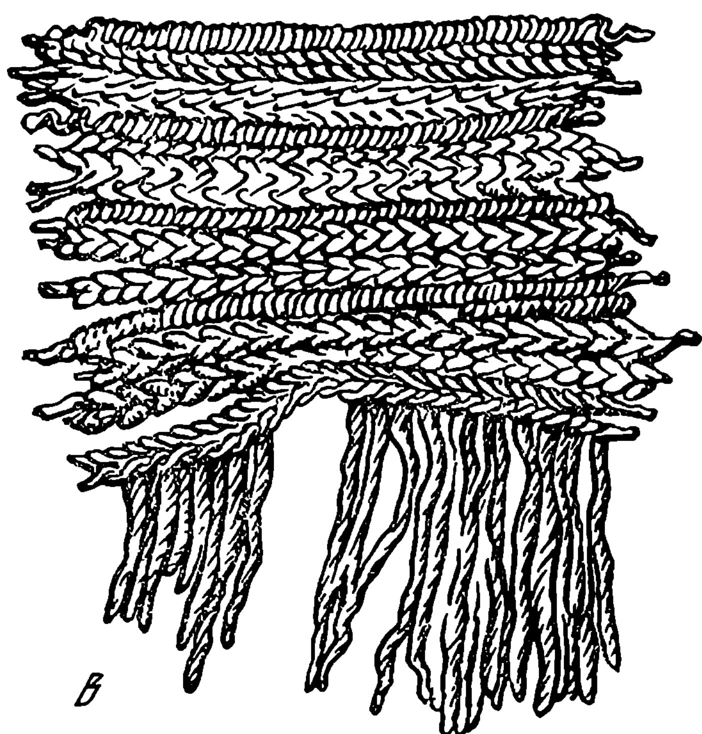


Рис. 10. Головные уборы:

а — головной убор с колтами. Чернигов. Реконструкция Б. А. Рыбакова;
б — то же. Рязанская земля. Реконструкция В. П. Даркевича и В. П. Фролова;
в — часть головного убора с бахромой, найденная в кургане



с. 90—91; *Векслер* и др., 1973, с. 20—22). Более определенно восстанавливают головной убор горожанки по материалам клада, найденного в старой Рязани, В. П. Даркевич и В. П. Фролов. По их мнению, зажиточная горожанка носила в XIII в. «рогатую» кику с вышитыми золотом кринами на очелье (*Даркевич*, *Фролов*, 1978, с. 351, рис. 8). Головной убор горожанки из московской знати XII в. реконструировала Н. С. Шеляпина по данным археологических наблюдений в Московском Кремле. Это также кичкообразный головной убор с богато вышитым очельем (*Шеляпина*, 1973, с. 90). Не занимаясь специально реконструкцией головного убора в целом, Б. А. Рыбаков показал способ ношения черниговских колтов тоже на каком-то расширяющемся кверху кичкообразном головном уборе с орнаментированной передней частью (*Рыбаков*, 1949, с. 55, рис. 23).

Таким образом, в рассматриваемый нами период, по-видимому, можно проследить все три типа женских головных уборов, которые развились в более поздние времена: полотенчатый (повой), кичкообразный и твердый кокошник. Ареалы их не могут быть точно зафиксированы ввиду редкости находок, но интересно отметить, что кокошник встречен на Севере, кичкообразный убор — в древних Рязанской и Черниговской землях; повой, кажется, был наиболее распространен — он встречается и в северных и в южных русских землях.

Обувь. Обувь, как уже сказано, изготовлялась в рассматриваемый нами период из коры, кожи, может быть, и из меха (рис. 11). Ни деревянной вырезной, столь распространенной в Западной Европе, ни валяной обуви древняя Русь не знала.

Наиболее распространенной мужской и женской обувью были *лапти*, *лыченицы*, *лычаки* — туфли, плетенные, как указывает само название,

из древесной коры или луба — лыка. Лыковые лапти были преимущественно крестьянской обувью. Уже первое упоминание их в летописи в конце X в. (под 985 г.) противопоставляет «лапотников» — крестьян более зажиточным горожанам, которые носили сапоги (ПВЛ, I, с. 59). «Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоем, нежели в черлене сапозе в боярстэм дворе»,— писал своему отцу — князю Ярославу — в XII в. Даниил Заточник (СДЗ, с. 60). Итак, лапти — в основном крестьянская обувь. Но они значительно древнее, чем крестьянство. Кочедыки — инструменты для плетения лаптей — находят на поселениях раннего железного века лесной полосы Европейской России I тысячелетия н. э. (*Качанова*, 1954, с. 32; *Смирнов К. А.*, 1974, с. 62). Лапти, как и другие плетеные вещи, делали не только крестьяне, но и горожане. Костяные и металлические кочедыки находят в домонгольских слоях небольших городов (*Рабинович*, 1957, с. 276; *Вахрос*, 1959, с. 121—123, 126—127). Лапти плели в каждой семье для своих надобностей, причем это была мужская работа, как прядение и ткачество было домашним занятием женщин. Недаром распространенная лубочная картинка XVIII в. показывала такую семейную идиллию: «Муж лапти плетет, жена нитки прядет» (*Ровинский*, 1900, с. 111).

В городах плетеная обувь была несколько усовершенствована: при раскопках находят лапти смешанного плетения: лыко с включением кожаных ремешков на подошве или даже лапти, целиком сплетенные из кожаных ремешков. Так старались улучшить качество этой обуви. Лапти из лыка носились очень мало: зимой — неделю — 10 дней, летом, в рабочую пору,—3—4 дня (*Вахрос*, 1959, с. 32). Нужно думать, что в городах мостовые еще уменьшали срок носки лаптей, и «подковыривать» подошву лаптя кожей было весьма целесообразно. Возможно, что для богатых горожан делали и какие-то нарядные «лапотки» — плетеную обувь, «лапотцы семи шелков», которую склонная к гиперболе русская былина снабжает даже драгоценными украшениями (*Вахрос*, 1959, с. 122). Ведь лапти имели и известные преимущества перед другой обувью, плотной и тяжелой: в них, например, не задерживалась вода. Плетенные из липового лыка лапти были распространены у восточных славян и их соседей — западных славян, балтов, финно-угров и, по всей вероятности, как уже говорилось, перешли к этим народам от живших в лесной полосе племен раннего железного века. По способу плетения различаются западные области (позднейшие Белоруссия и часть Украины), где были распространены лапти прямого плетения (прямая клетка), и восточные (позднейшие великорусские), где господствовали лапти косого плетения (косая клетка) (*Вахрос*, 1959, с. 23). Видимо, эти различия восходят к древним славянским племенам. Лапти косого плетения справедливо приписывают, например, вятичам (московский или вятичский тип) (*Маслова*, 1956, с. 716—719). Новгородский словенский лапоть был также косого плетения, но не из липового лыка, а из бересты. А лапти радимичей, дреговичей, древлян, полян могли быть прямого плетения.

Простейшей кожаной обувью были *поршни* (*порабошни*, *постолы*, *моршни*). Они делались обычно из одного прямоугольного куска сыромятной кожи. Возможно, первоначально на эту обувь шла даже не кожа,

а необработанная шкура зверей или мелких домашних животных (*Zelenin*, 1927, s. 239).

Поршни были распространены среди крестьян, хотя, по-видимому, несколько меньше, чем лапти. У горожан же они считались обувью бедных. Поношенные, протоптанные, залатанные поршни и их остатки — частая находка в культурном слое русских городов (*Вахрос*, 1959, с. 40—41; *Рабинович*, 1964, с. 100—102). В Новгороде, Старой Ладоге, Москве наряду с простыми поршнями, представлявшими собой кусок со сшитыми попарно углами и продернутым по верхнему краю шнуром, находят также ажурные поршни, украшенные на носке прорезями. Были и поршни, сшитые из двух кусков кожи (*Изюмова*, 1959, с. 200; *Оятева*, 1965, с. 50).

Поршни и лапти прикреплялись к голени длинными кожаными *поворозами* или пеньковыми *оборами*, перекрещивавшимися по нескольку раз на голени поверх онучей. Косые клетки на голени нередко рисовали в древности у людей, обутых в лапти или в поршни.

В древней Руси часто встречалась и более сложная кожаная обувь, сшитая из нескольких кусков, с пришивной мягкой *подошвой* (самое это название — от слова «подшивать») и краями, закрывавшими всю стопу несколько выше щиколотки. Спереди края расходились от подъема ноги. Видимо, к этой обуви можно отнести встречающееся в источниках с X в. название *черевик, черевики*. Происхождение же названия связано, по-видимому, с *черевием* — кожей с *чрева* — брюха животного (*Вахрос*, 1959, с. 192). Черевики встречаются при раскопках в городах, гораздо реже — в деревенских курганах. Это была, стало быть, обувь горожан, которую носили и зажиточные крестьяне близлежащих деревень. Черевики найдены, например, в кургане XIII в. в д. Матвеевская к югу от Москвы (*Латышева*, 1954, с. 52—54).

Довольно сложная выкройка и наличие подошвы позволяет предположить, что черевики изготовлялись уже специалистами-сапожниками. Черевиками называли у западных славян поршни, сшитые из двух кусков кожи (*Вахрос*, 1959, с. 40).

Все же наиболее распространенной обувью горожан были *сапоги*, которых крестьяне почти не носили. Недаром приведенная выше летописная притча X в. противопоставляет крестьян-лапотников горожанам, обувавшимся в сапоги. Остатки сапог встречаются при раскопках в городах гораздо чаще, чем остатки черевиков, поршней или тем более лаптей. В ремесленных районах, где были и кожевенно-сапожные мастерские, части сапог встречаются десятками и сотнями, а обрезки — тысячами. Само название этого вида обуви — *сапог*, встречающееся, как сказано, в древнерусских источниках уже в X в., исследователи, однако, не считают исконно русским, возводя его к древнетюркскому или прабулгарскому корню (*Вахрос*, 1959, с. 207). Древнерусские сапоги имели мягкую, сшитую из нескольких слоев тонкой кожи, подошву, несколько заостренный или тупой носок, довольно короткие, ниже колена, голенища. Верхний край голенища срезался косо, так что спереди был выше, чем сзади, швы располагались по обеим сторонам ноги (*Рикман*, 1952, с. 39; *Изюмова*, 1959, с. 212—214; *Рабинович*, 1964, с. 286—288). Нарядные сапоги украшались выпушкой материи по краю голенища, шитьем цветными нитками и даже жемчугом. Каблуков и жесткой подошвы у

Рис. 11. Обувь (по материалам раскопок):
а — лапоть; *б, в* — поршни; *г, д, е* — чоботы; *ж, з* — сапоги

найденных при раскопках сапог X—XIII вв. обычно не прослеживается. Шили сапоги на деревянной колодке, без различия между левой и правой ногой; их либо разнашивали по ноге, либо носили попеременно на правой и левой. Судя по археологическим находкам, в сапоги обувались горожане богатые и бедные, мужчины, женщины, дети. Но сапоги богатых горожан отличались лучшей выделкой кожи, яркими цветами (желтый, красный и др.), дорогим шитьем. Сапоги, как и черевики и лапти, надевали, по всей вероятности, поверх онучей, портянок или чулок.

Украшения. Древнерусский костюм дополнялся множеством украшений из металла, камня, стекла и других материалов. Голову женщины и девушки-невесты украшали металлические привески, которые нашива-

Рис. 12. Застежка одежды и детали пояса (по материалам раскопок):

а — пуговица; *б, в, г* — пряжки; *д* — бляшка; *е* — наконечник

лись на головной убор, подвешивались, вплетались в волосы, продевались в мочки ушей. Привески эти первоначально были особой формы у каждого племени (о чем еще будет речь), позже, под влиянием городов, появились «надплеменные» формы привесок (в основном с разного рода напускными металлическими бусами) и специфически городское украшение — ***колты.*** Кроме привесок («височных колец», как называют их археологи), голову мог украшать металлический *венчик*, на самом головном уборе иногда бывала вышивка из мелких стеклянных бус — бисера. На шее носили металлический обруч — *гривну* или *ожерелье* из металлических, каменных и стеклянных бус, излюбленный набор которых также был первоначально свой у каждого племени. Гипотеза М. В. Фехнер о том, что различия в наборе бус носили не этнический, а хронологический характер, представляется нам неудачной (*Фехнер*, 1959; *Рабинович*, 1962). В составе ожерелий встречаются и бронзовые бубенчики, которые иногда нашивали на одежду также в качестве пуговиц. Украшением служил также вышитый воротник рубахи — стоечка — и застегивавшие ворот пуговицы. На кистях рук носили разного рода *обручи* — браслеты, на пальцах — *перстни*. Этим и ограничивался комплект украшений древнерусской женщины. В отличие от соседних финно-угорских и летто-литовских народов, славяне не знали ни обилия разного рода шумящих привесок, ни обручей, украшавших голени ног. Височные же привески были характерны для всех славян. Л. Нидерле отмечает, что по сравнению со своими соседками славянские женщины были не так богаты украшениями, но украшения их отличались изяществом и тонкостью работы (*Нидерле*, 1956, с. 242—247).

Костюм древнерусского мужчины был значительно беднее украшениями, чем женский. У бедного человека украшения ограничивались пряжкой и бляшками — «набором» пояса. Крестьянин побогаче носил также шапку с нашитыми на ней металлическими украшениями, в качестве которых в XII—XIII вв. зачастую использовали кресты; в таких случаях кресты отнюдь нельзя считать символами христианской религии, поскольку находят их и в языческих погребениях (*Латышева*, 1954,

с. 52—53). Значительно богаче был набор мужских украшений в княжеско-боярской среде. Княжеский отрок-дружинник иногда носил на шее гривну. Золотая гривна была своего рода знаком отличия или благоволения князя (ПВЛ, I, с. 95). Длинная верхняя одежда богатого человека могла иметь по борту фигурные парные застежки (*Рыбаков*, 1949, с. 38—39), накинутый сверху плащ — красивую пряжку. Особо нужно отметить драгоценные регалии князей — *бармы* — в ту пору представлявшие собой цепь из серебряных позолоченных или золотых медальонов с эмалевыми украшениями (*Монгайт*, 1967, рис. 13—14).

Комплексы одежды

Попытаемся теперь представить себе комплексы одежды и украшений различных этнотерриториальных и социальных групп в древней Руси.

Крестьянский костюм. Костюм крестьянки состоял из длинной рубахи. Замужние женщины и девушки-невесты носили также набедренную клетчатую одежду, что позднее называлась поневой. На голове у девушки был венец или коруна, у замужней женщины — повой, кика или кокошник. На ногах — лапти с онучами или кожаные поршни, изредка — черевики.

Этнотерриториальные различия женского крестьянского костюма, восходящие, по-видимому, к древней племенной обособленности, выражались еще довольно отчетливо в наборе украшений, узоре поневы, способе плетения лаптей. Наиболее важными признаками этих различий были набор бронзовых или серебряных привесок, украшавших прическу и головной убор, комбинация бус в ожерелье, некоторые типы перстней (рис. 13). Так, у кривичей излюбленными были височные привески в виде довольно больших колец (археологи называют их браслетообразными) — по нескольку с каждой стороны лица (или, по некоторым данным, вплетаемые в волосы со стороны затылка от одного уха до другого) и ожерелья из золоченых и серебряных стеклянных бус. Новгородские словене носили височные привески, похожие на кривичские, но с ромбовидными орнаментированными расширениями (так называемые ромбощитковые). Бусы у них были многогранные, хрустальные и серебряные. Жившие в бассейне Оки вятичи носили подобным же образом семилопастные привески (полный набор их был семь штук — три и четыре по сторонам лица) и ожерелья из розоватых бипирамидальных сердоликовых и белых шарообразных хрустальных или стеклянных бус. Их западные соседи — радимичи — носили похожие семилучевые привески. Далее на запад северяне носили височные привески из проволоки, загнутой в виде спирали. У древлян на Волыни излюбленными были маленькие проволочные колечки (так называемые перстнеобразные). Одно — два таких колечка носили и женщины других племен, но у древлян их было помногу.

Жившие в Полесье дреговичи носили височные привески с напускными зернеными медными бусами (*Арциховский*, 1930, с. 7—88). Некоторые исследователи считают племенными признаками и отдельные виды привесок-амулетов (*Журжалина*, 1961). Наряду с этими, характерными

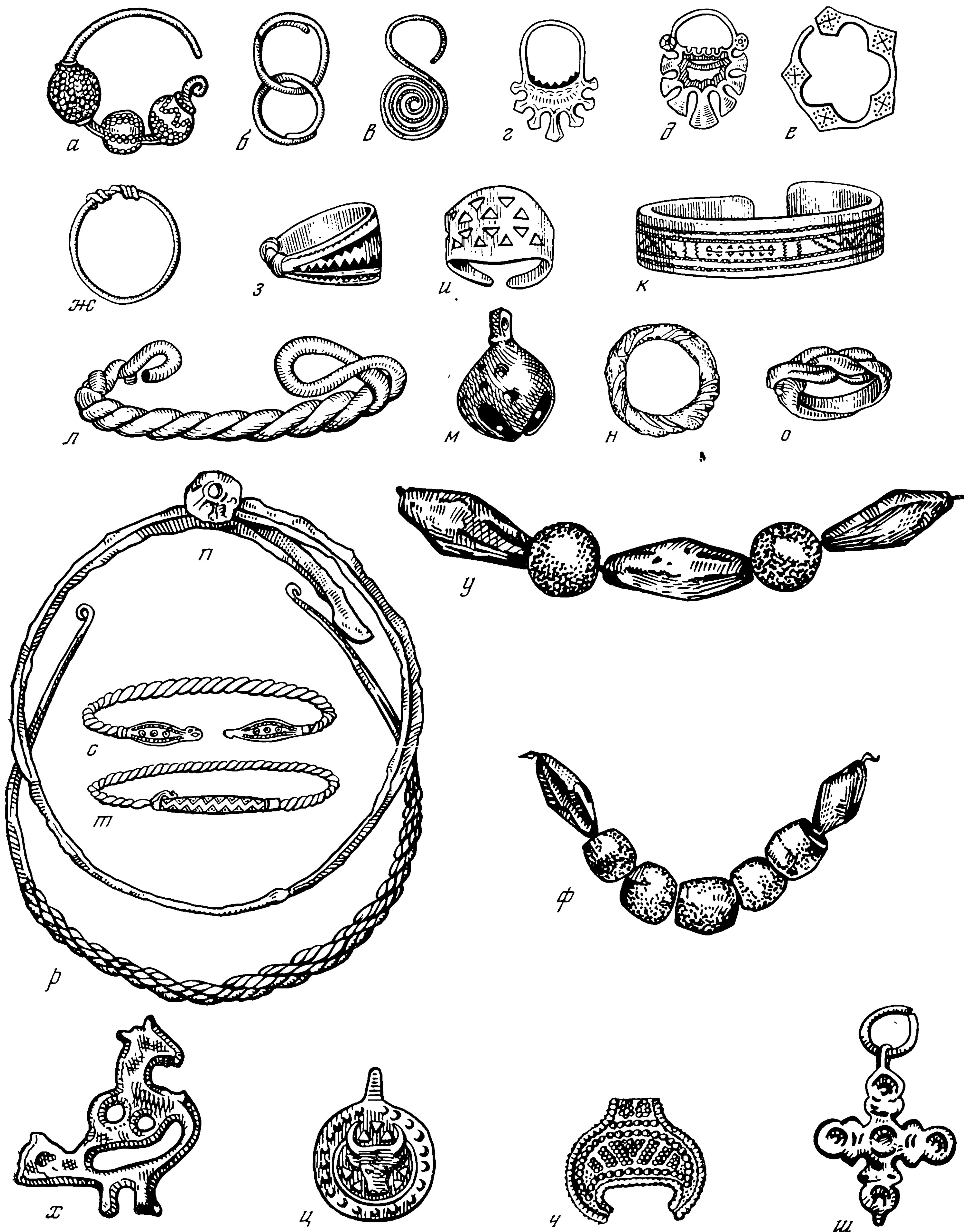


Рис. 13. Украшения:

а—ж — височные кольца (1/2 н. в.); *з*, *и*, *н*, о — перстни; *к*, *л*, *с*, *т* — браслеты; *м* — бубенчик; *п*, *р*, — гривны; *у*, *ф* — части ожерелий; *х*, *ц*, *ч*, *ш* — привески (н. в.)

для конкретного племенного убора типами украшений, были и общеславянские. Древнейшими из них Л. Нидерле считает так называемые эсовидные привески, распространенные также у западных славян (*Niederle*, 1913a, Tab. XXIX, *10*, *11*). Но для нашей темы, пожалуй, больший интерес представляют привески, появившиеся в XII—XIII вв. и не имеющие уже особенностей, характерных для какого-либо древнего племени. Таковы трехбусинные височные кольца — привески с тремя гладкими или ажурными шаровидными бусинами, производившиеся, по-видимому, в Киеве и расходившиеся широко по всей территории древней Руси. Это — показатель влияния городской моды, вытесняющей постепенно традиционные племенные украшения. Недаром как раз на древней территории племени полян вокруг Киева характерные особенности традиционного костюма в рассматриваемый нами период вовсе отсутствуют. Подобные явления были и в других областях древней Руси. Так, традиционные семилопастные привески вятичей получили сначала новые элементы орнамента в виде стилизованного изображения букв на лопастях, а затем — и новые формы, превратившись в еще более нарядные крупные ажурные пластины с разным числом сросшихся лопастей и стилизованными фигурами животных (*Арциховский*, 1947, с. 80—81; *Рабинович*, 1962, с. 61—69; *Левашова*, 1967, с. 7—54; *Недошивина*, 1968, с. 118—121). Можно думать, что эти привески — тоже работа городских (вероятно, московских) мастеров.

Что касается бус, то многие из них были привозными еще во времена господства традиционного племенного убора (*Фехнер*, 1959, с. 162). Но одни были излюбленным украшением какого-либо племени, другие распространялись среди многих племен. К последним относятся так называемые рыбовидные бусы из синего стекла, производившиеся в Средней Азии.

В дальнейшем традиционные наборы бус были вытеснены бусами городского производства. Более долгую жизнь имели височные привески, которые, правда, в сильно измененном виде, утратив свою металлическую фактуру, послеживаются в качестве деталей крестьянского женского головного убора — «пушков» и «перьев» (на юге), вышивки кокошников (на севере) (*Гринкова*, 1955, с. 40).

Устойчивыми оказались и традиционные способы тканья набедренной одежды и плетения лаптей. Еще в XIX — начале XX в. в южных русских губерниях по расцветке и размеру клетки узора поневы можно было узнать крестьянку из определенного района и даже из конкретного селения (*Маслова*, 1956, с. 621). Сохранившаяся в Рязанской, Тамбовской, Орловской и Калужской губерниях синяя клетчатая понева, на наш взгляд, обоснованно связывается исследователями с древним племенным нарядом вятичей; примыкающая к этому региону с запада территория, где сохранилась понева в красную клетку, лежит уже в древней земле радимичей (*Лебедева Н. И.*, 1956, с. 535—536, рис. 35 — карта). Аналогичную картину можно увидеть и на карте распространения лаптей. С территорией вятичей примерно совпадает московский тип лаптя косого плетения, несколько шире территории радимичей — белорусский тип лаптя прямого плетения, в древней Новгородской земле господствует северный тип, также косого плетения, но с низкими бортами (*Маслова*, 1956, с. 716—719).

Рис. 14. Изображения крестьян XII—XIV вв.:

а — крестьянин за работой («Адам»); *б* — отдыхающий крестьянин; *в* — игрища

Костюм древнерусской крестьянки был самобытен и красочен. Можно представить себе, например, женщину из Рязанской или Московской земли — древней территории вятичей — в белой с красной вышивкой рубахе, синей клетчатой поневе, затейливом головном уборе, украшенном вышивкой и аппликацией из золотной византийской ткани, с белыми серебряными или красноватыми бронзовыми привесками, в ожерелье из розовых сердоликовых и белых хрустальных бус, а иногда — и с гривной на шее. На пальцах рук — эмалевые и решетчатые перстни, на запястьях — бронзовые обручи. В наряде крестьянки из более западных земель (например, Гомельщины) было еще больше красного цвета, поскольку понева ее была в красную клетку.

Нужно отметить, однако, что это был праздничный (точнее, даже свадебный) убор, в котором женщину и хоронили. Будничная одежда, должно быть, не всегда сочеталась со столь богатыми украшениями. Вообще племенные украшения, как и поневу, носили замужние женщины и девушки-невесты. Погребения девочек, не достигших половой зрелости, обычно таких украшений не содержат. В них находят лишь небольшие проволочные колечки, вплетавшиеся в косы у всех славянских племен

(*Латышева*, 1954, с. 54). Сохранившийся еще в XIX—XX вв. обряд надевания поневы девушкой (иногда перед самой свадьбой) позволяет предположить и в далеком прошлом какие-то обряды инициации, связанные с надеванием определенных частей одежды и украшений. Что же касается женского головного убора, надевание которого составляло основную часть свадебного обряда, то функции его общеизвестны.

Значительно скромнее был мужской крестьянский костюм. Он состоял из штанов и рубахи, доходившей до колен и подпоясанной ременным или вязаным поясом, на котором висели (иногда на специальных бронзовых кольцах) разные необходимые предметы, которые современный мужчина носит в карманах: огниво, гребень, иногда — небольшой нож и т. п. Признаком древнего племени в мужском костюме (если не считать лаптей) была только пряжка пояса (например, у вятичей характерной «лировидной» формы). На голове крестьянин носил валяную шапку, иногда с нашитыми украшениями, на ногах — лапти с онучами или ногавицами, реже — черевики. Такова была крестьянская нательная одежда, в которой в теплое время бывали и на улице (рис. 14). В холодное время мужчины и женщины надевали сермяги из грубой шерстяной ткани, мужчины — вотолу; в зимние морозы — кожухи и овчинные шапки.

Городской костюм. Городской костюм того времени формировался на основе деревенского. У рядовых горожанок это была все та же длинная рубаха, набедренная одежда типа поневы, головной убор — повой, кика или кокошник, на ногах — по большей части сапоги. Изображения пляшущих женщин на браслетах XII в. (рис. 15) позволяют увидеть, что поневу можно было подтыкать спереди, показывая богато вышитый подол рубахи (*Монгайт*, 1967, рис. 19; *Рабинович*, 1978, с. 158, рис. 9). И рубаха и понева забирались под пояс и достигали до щиколоток или до икр. А. В. Арциховский считал, что мужская рубаха в городе была короче, чем в деревне (*Арциховский*, 1948, с. 241), не достигала колен.

Украшения горожанок в рассматриваемый нами период были весьма близки к традиционным крестьянским. Однако появились и понемногу стали распространяться новые вещи, о которых мы уже говорили. Это были привески в виде колец с напускными бусами, которые могли украсить головной убор, но, кажется, чаще продевались в мочки ушей — серьги. В городе все больше распространялась мода украшать кисти рук. Кроме традиционных металлических обручей, в XII в. появились широкие пластинчатые литые серебряные браслеты с изображением русальских танцев (*Рыбаков*, 1967, с. 93) (рис. 16). Но, пожалуй, еще более специфически городскими были разноцветные стеклянные браслеты, которых носили по нескольку на каждой руке не только богатые, но и рядовые горожанки. Обломки стеклянных браслетов находят сотнями, а в крупных городах — тысячами. Нужно думать, что эти браслеты были недороги, раз их так бросали, сломавши. В крестьянских погребениях они встречаются очень редко и притом близ городов, да и то не более одной штуки в комплексе.

Интересно сопоставить украшения, находимые в больших и малых городах. В последних встречаются украшения традиционных форм, причем обычно только те, какие носило окрестное сельское население.

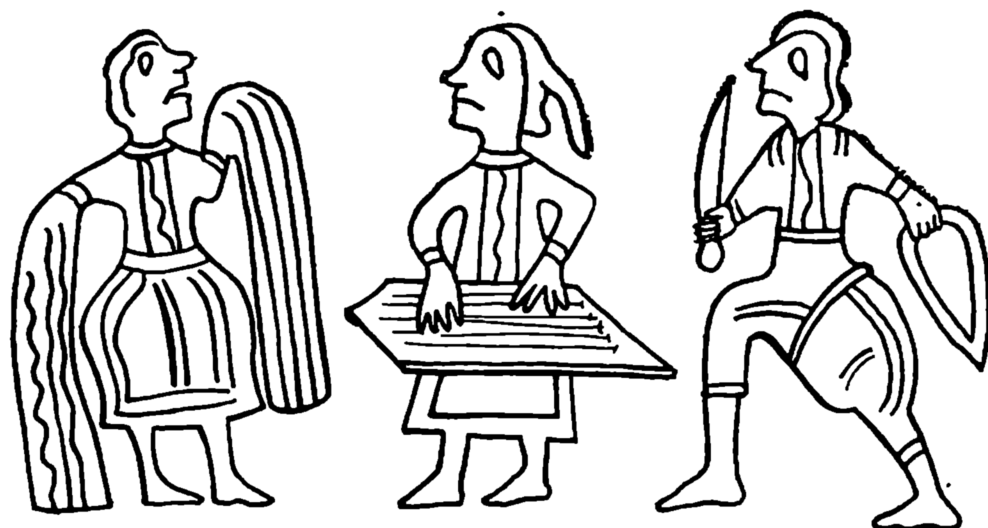
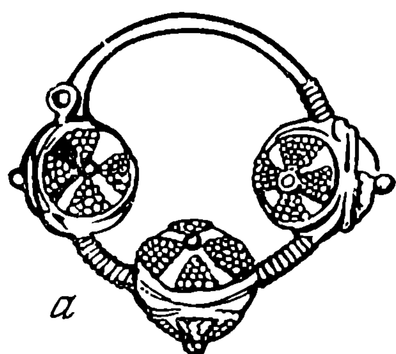
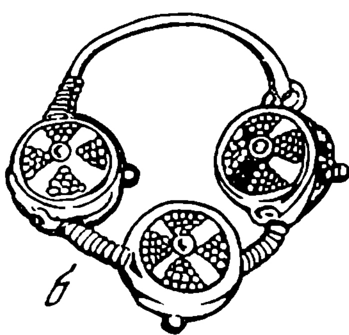
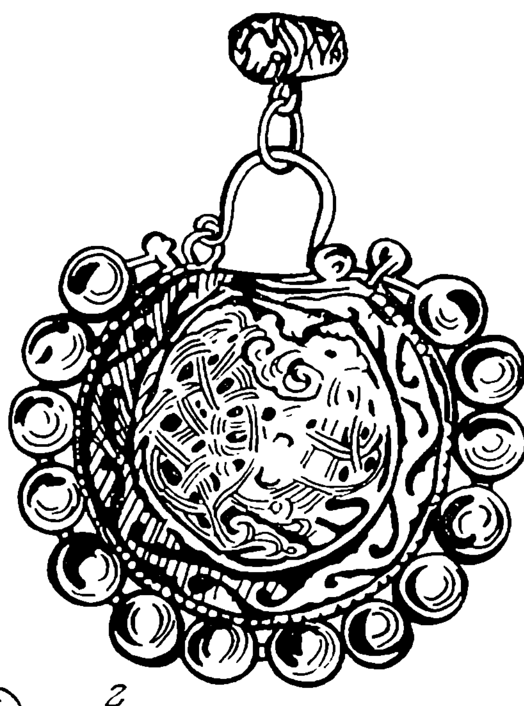
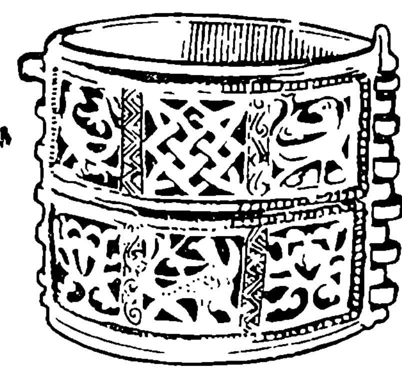


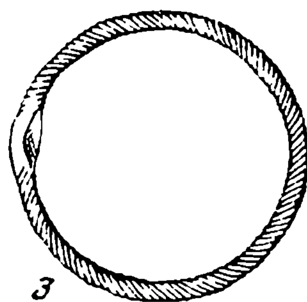
Рис. 15. Изображения ритуальных плясок на браслетах XII—XIII вв.

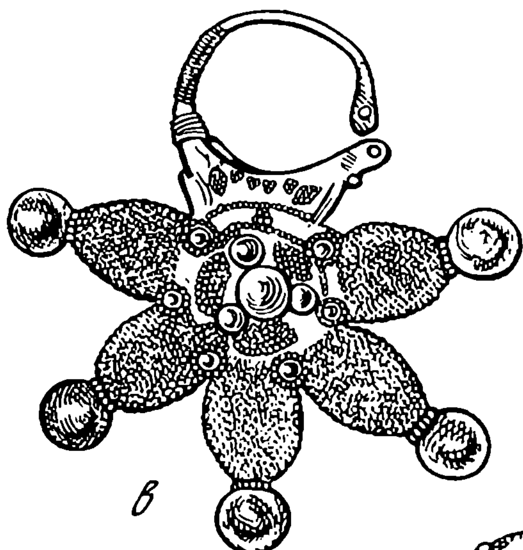


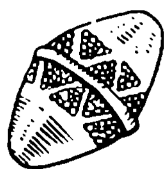
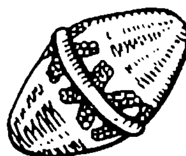
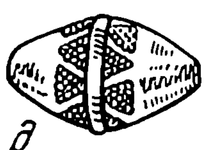
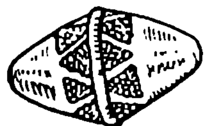










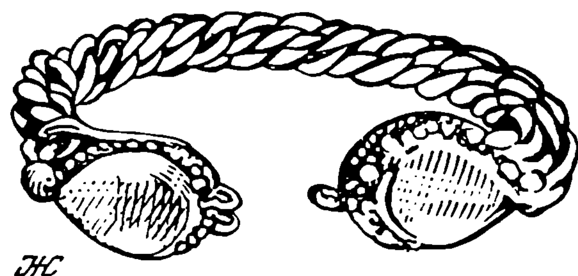


Рис. 16. Украшения горожан:
а, б — височные кольца; *в, г* — колты; *д* — бусы; *е, ж, з* — браслеты

Например, в Екимауцах — височные кольца тиверцев, в Москве и Перемышле Московском — вятичей. В крупных же городах, достигших уже значительного развития к X в., встречаются украшения, принадлежащие к различным комплексам (например, в полянском Киеве — украшения тиверцев, в Новгороде — украшения вятичей и радимичей и т. п.) (*Федоров*, 1953, с. 150—151; *Рабинович*, 1978, с. 67—68). Это может указывать как на то, что в крупных городах можно было встретить женщин разного происхождения, носивших каждая свои традиционные украшения, так и на то, что разные типы украшений могли входить в один комплекс, принадлежать одной женщине, т. е. на смешение древних этнотерриториальных типов украшений. Но стирание древней племенной

обособленности в убранстве горожанки шло все же в основном за счет распространения новых, чисто городских форм, о которых говорилось выше. Мужской костюм в городах так же, как и женский, был тесно связан с крестьянским и состоял в основном из рубахи и портов, но выходя на улицу, горожанин, по-видимому, надевал еще свиту. Одежду дополняли шапка и сапоги. Интересен перечень носильных вещей в расписке, выданной в первой половине XIII в. новгородским ростовщиком неким Гришке и Косте: «А Гришки кожюхе, свита, сороцица, шяпка. А Костина свита, сороцица... А сапоги Костини. А дроугии Гришкини» (*Арциховский, Борковский*, 1958, грамота 141, с. 17). Здесь перечислен весь комплекс мужского костюма за исключением штанов: сорочка, свита, шапка, сапоги, кожух.

Вероятно рубаха, а может быть, и свита подпоясывались поясом. Находки поясных пряжек в городах нередки. Горожане, как и крестьяне, носили на улице безрукавный плащ — вотолу, зимой — кожух (мужчины и женщины).

Костюм знати. Одежда верхушки горожан — феодалов и богатых купцов дополнялась многими предметами, которых не носили ни крестьяне, ни городские низы. Это относилось по преимуществу к верхнему платью, надевавшемуся как в комнатах для торжественных приемов, так и в особенности на улице. Только князь Святослав Игоревич, простота образа жизни которого подчеркивалась и русской летописью, мог явиться на свидание с византийским императором в подчеркнуто небогатой одежде.

«Бороды у него не было,— писал византийский историк Лев Диакон,— но сверху над губой густые, излишне обильные волосы. Голова у него была совершенно голая; на одной ее стороне висел локон, означающий благородство происхождения; в одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посередине. Одежда на нем была белая, ничем от других не отличающаяся, кроме чистоты» (Цит. по: *Арциховский*, 1948, с. 243—244). Князь и его свита были, по-видимому, в холщовых белых рубахах и портах. Усы и длинный чуб князя — известный позднее у запорожцев «оселедец». Единственный предмет роскоши — золотая, с драгоценными камнями, серьга.

Но в том же X в. арабский писатель Ибн-Фадлан отмечал, что погребальная одежда знатного славянина очень богата. На изготовление ее уходит примерно треть имущества. Он писал, что перед тем, как поместить тело умершего в корабль, «они надели на него шаровары, и гетры, и сапоги, и куртку, и хафтан парчовый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку из парчи соболевую» (*Ибн-Фадлан*, с. 80—81). Если не обращать внимания на термины, естественные в устах восточного писателя (например, «хафтан», «шаровары» или «калансува» — шапка), то мы увидим здесь довольно полный комплект одежды древнерусской знати: штаны и рубаху (которая здесь, возможно, названа курткой), ноговицы и сапоги, верхнюю нарядную распашную одежду с драгоценными пуговицами и шапку с собольей опушкой. Не упомянут только верхний безрукавный плащ — корзно. Впрочем, в другом месте Ибн-Фадлан говорит, по-видимому, как раз о таком плаще, которым славянин «покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее»

(*Ибн-Фадлан*, с. 80—81). Покрывающий всю фигуру плащ, который Ибн-Фадлан называет «киса», и послужил, вероятно, причиной того, что не были тогда замечены другие предметы одежды («они не носят ни курток, ни хафтанов»), описанные им позже.

Древние изображения феодалов, о которых мы уже говорили, позволяют представить себе парадный костюм у мужчин — длинное, до икр, корзно, из-под которого видна обвивающая тело одежда типа свиты и цветные сапоги, полусферическая, опушенная мехом шапка. Корзно и свита — из дорогих византийских материй, обшиты галунами. Упоминания исподней сорочки князя позволяют заключить, что феодалы носили в качестве нательного платья те же рубаху и порты, что и простонародье, но, как справедливо предполагает А. В. Арциховский, из дорогих материй. Он отмечает также, что узоры и оттенки ткани различных частей княжеского костюма подбирались очень тщательно. Самыми нарядными считались одежды и обувь разных оттенков красного цвета — «червленые» (киноварные) и «багряные» (карминные), (*Арциховский*, 1948, с. 248, 252—255) и само слово «красный» означало «красивый».

Женский богатый костюм состоял из длинной (до щиколоток) рубахи или платья (под ним могла быть еще рубаха), поверх которого надевали иногда еще одно, подпоясанное золотым поясом, платье, более короткое, с более широкими рукавами, так что были видны богато украшенные подол и обшлага рукавов нижней одежды. Дополняли одежду длинные, застегивавшиеся на правом плече плащи, похожие на корзно, повои и цветные сапоги (рис. 1 цвет.).

В крупных русских городах, где было много богатых людей, находят в большом количестве серебряные и золотые женские украшения. Иногда их даже зарывали в землю в качестве кладов.

Головной убор богатой горожанки украшали драгоценные колты, в ушах были серьги, на шее — гривны и ожерелья из бус художественной ювелирной работы, на руках — широкие массивные браслеты. В костюме богатой древнерусской горожанки мы не находим ни поневы, ни племенных украшений.

О детской одежде в рассматриваемый нами период сведений очень мало. Судя по тому, что мы говорили выше о поневе и племенных украшениях, деревенские, а может быть и городские девочки ходили в одной рубашке. Некоторые позднейшие данные позволяют предположить, что и мальчики до наступления половой зрелости не носили штанов (*Маслова*, 1956, с. 555), следовательно, тоже ходили в одних рубашках. Но маленький княжич был одет так же, как и взрослые, только без корзна (по крайней мере, таким изображен он на миниатюре из «Изборника» Святослава) (см. с. 1 цветной вклейки).

Одежда в семье и обществе

Функции одежды в древнерусском быту были многообразны. Она не только защищала от зноя и холода, но являлась также важнейшим социальным и этническим признаком, отличала воинов в сражении, имела огромное престижное значение, выполняла важные функции в различных

ритуалах. Известная пословица о том, что встречают по платью, уходит своими корнями в седую древность. По одежде встречные могли узнать, откуда происходит женщина, замужем ли она, крестьянка или горожанка, богата или бедна и даже собирается ли принять участие в каком-нибудь обряде. Все эти признаки были особенно важны вне дома, так что домашняя, комнатная одежда была, по всей вероятности, много проще, чем выходная. Впрочем, многие функции одежды действовали и в узком семейном кругу. Волосы замужних женщин, например, не должны были «светить» и дома, так что в отличие от мужчин и девушек замужние женщины и дома не снимали своих головных уборов. Что же касается украшений, то полный их комплект надевали, по всей вероятности, только выходя из дому и то в праздники. Судя по изображениям на миниатюрах Радзивилловской летописи, работая вне дома женщины не надевали набедренной одежды — поневы. Вышивка на одежде, помимо чисто эстетических функций, имела также охранительные; она рассматривалась как оберег (рис. 17). Поэтому и дома ходили в рубахах, у которых были вышиты ворот, подол, обшлага рукавов. Особенно богатой была вышивка тех предметов одежды, которые употреблялись при разного рода ритуальных действиях. Исследователи отмечают, что еще в XIX в. богаче всего вышивали, например, рубахи в которых выходили на первый покос (*Маслова*, 1978, с. 16—17). Можно думать, что в древности подобных действ было гораздо больше. Анализ изображений на упомянутых выше браслетах, надевавшихся для русальских танцев, приводит к выводу, что и одежда танцоров была украшена вышивкой гораздо богаче, чем обычная: подолы женских рубах покрыты многими полосами орнамента, как и спущенные длинные обшлага рукавов (*Рыбаков*, 1967, с. 93). Нужно сказать, что сама эта манера освобождать во время танца рукава от браслетов, опуская их гораздо ниже кистей рук и, танцуя, размахивать ими, вероятно, идет от каких-то магических обрядовых действий. Судя по изображению на браслете из Старой Рязани, во время русалий, выпивая ритуальную чашу, женщина брала ее через спущенный рукав, в то время как мужчина брал чашу непосредственно рукой.

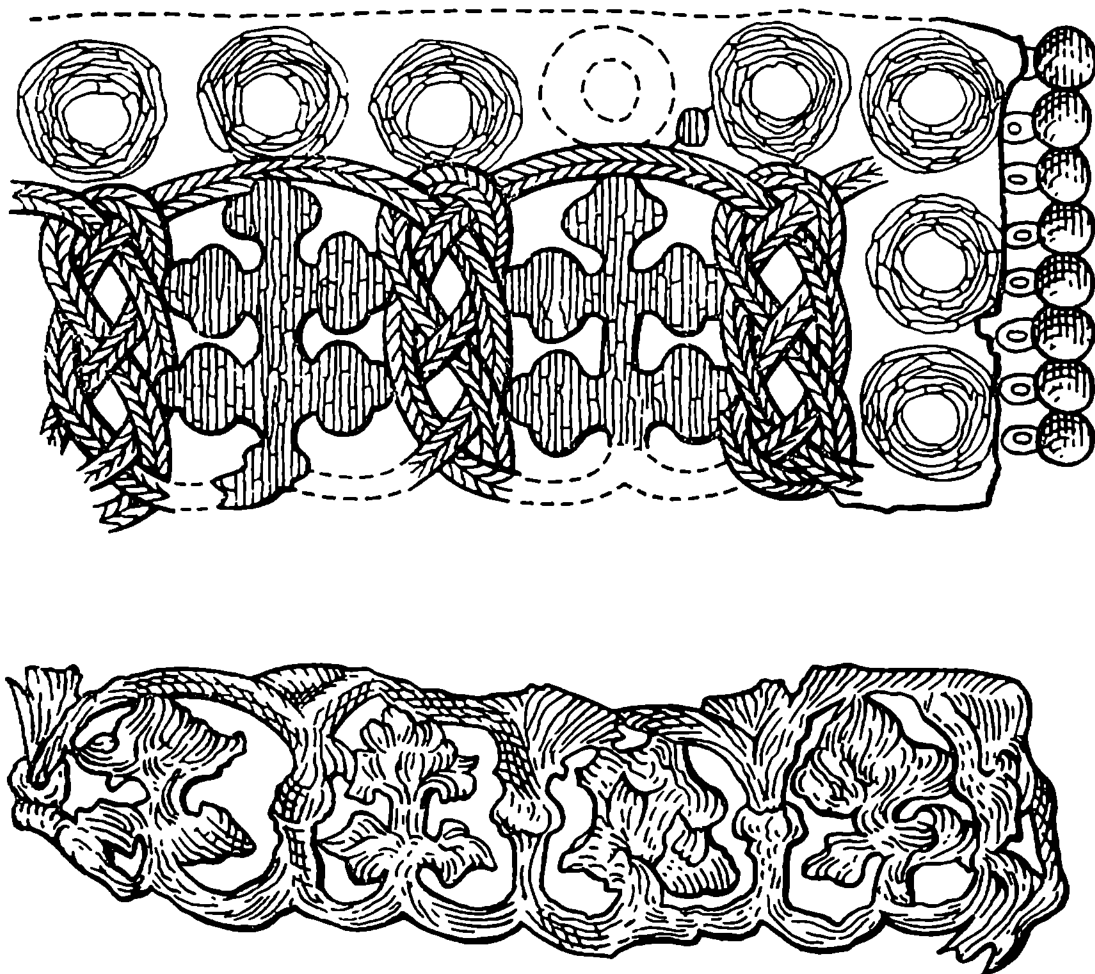


Рис. 17. Фрагменты вышивки

В обычное время на улице мужчины и женщины бывали в головных уборах. Но мужчина должен был «ломать шапку» в знак почтения перед встречными более высокого социального положения. Поэтому мужчины

и изображены на большинстве миниатюр Радзивилловской летописи без шапок. Женщины же по причинам, изложенным выше, всегда оставались в головных уборах. Неприкосновенность новоя замужней женщины охранялась, как уже сказано, законом, нарушение этой неприкосновенности каралось высоким штрафом.

Мы не касаемся здесь одежды духовных лиц и ритуальной одежды православного духовенства, поскольку это была одежда византийская. Обратим внимание читателя лишь на то, что в комплексы одежды монахов и священников уже с самого начала проникали предметы народной одежды вроде упомянутой выше свиты, надетой на монашеский хитон, или вотолы поверх облачения епископа.

Мы уже говорили о торжественных одеждах и регалиях русских князей — княжеской шапке, бармах, корзне. Остается сказать несколько слов о военной одежде, о которой имеются лишь отрывочные сведения. Поверх брони носили, как это видно по изображениям на печатях и иконах, в общем обычную верхнюю одежду — корзно, вотолу, иногда свиту. Одежда богатых и знатных воинов отличалась дорогим шитьем. Известно, например, что в XIII в. старались взять воина в такой одежде («аще будет златом оплечье шито») живым, чтобы получить выкуп (*Рабинович*, 1947, с. 95). В военной одежде уже очень рано появились и признаки, позволявшие отличать в бою своих от чужих — элементы военной формы. Так, в 1016 г. новгородцы сражались против киевлян в полотенчатых головных уборах, напоминавших восточные чалмы: перед битвой «рече Ярослав дружине: знаменайтеся, повивайте себе главы своя убрусом» (НПЛ, с. 175). Летописец, как и автор «Слова о полку Игореве», отмечает золотой шлем как признак князя-военачальника. Возможно, уже в те времена сложились те атрибуты полководца — золотой шлем, золотой плащ и золотой пояс, которые ярче отражены в источниках более поздних, XIV—XVI вв.

* * *

Проследив развитие предметов древнерусской одежды и комплексов ее, присущих различным этническим, половозрастным и социальным группам восточных славян в IX—XIII вв., нужно отметить, что этот процесс шел как под влиянием внутренних причин, связанных с этническим и социально-экономическим развитием древнерусской народности, так и под влиянием взаимосвязей с соседями. Областные особенности одежды, пришедшие на смену древним племенным особенностям, складывались в процессе развития (консолидации, а потом — и расслоения) древнерусской народности, в тесном общении с соседними славянскими и неславянскими народами. Исследователи отмечают, в частности, общие черты в костюме русских и их балтских и финно-угорских соседей (*Куфтин*, 1926; *Толстов*, 1930; *Левашова*, 1968). Весьма важным было также влияние на развитие одежды растущих городов, городской моды.

Вместе с тем, весьма стойкими оказались древние восточнославянские элементы, такие, например, как набедренная женская одежда, поликовая женская рубаха, прямой и косой разрезы ворота мужской рубахи, браная техника тканья, лапти. Они остались характерными для всех трех восточнославянских народов — русских, украинцев и белорусов (*Токарев*, 1954; с. 21—31; *Маслова*, 1954, с. 52) в течение многих столетий.

Глава четвертая

ОДЕЖДА РУССКИХ XIII—XVII ВВ.

М. Г. Рабинович

Литература и источники. Одежда русского населения европейской части нашей страны за четыре с лишним столетия, со второй половины XIII по начало XVIII в., изучена неравномерно. Лучше всего изучен XVII век, несколько хуже — XVI, довольно мало — XIII—XV века. Все же о каждом из этих трех периодов имеются не только частные исследования, касающиеся одежды тех или иных социально-сословных или территориальных групп, отдельных категорий тканей и платья, но и обобщающие работы, посвященные одежде рядовых крестьян, горожан и высших слоев населения за целый период (*Забелин*, 1862, 1869; *Бартенев*, 1916; *Савваитов*, 1896; *Прохоров*, 1881; *Базилевич*, 1926). Некоторые из них (*Арциховский*, б. г.; *Гиляровская*, 1945; *Левинсон-Нечаева*, 1954; *Громов*, 1977) появились в последние три-четыре десятилетия. Можно сказать, что в целом русская одежда XIII—XVII вв. изучена достаточно. И все же остается еще много так называемых белых пятен. Далеко не всегда удается точно атрибутировать те или иные термины, уяснить покрой или функции некоторых предметов одежды, «привязать» встречающиеся в источниках названия к конкретным сохранившимся частям костюма. Не всегда удается, как будет показано ниже, и точно выяснить происхождение как отдельных предметов одежды, так и целых ее комплексов.

Наиболее надежным источником является подлинная одежда, сохранившаяся до наших дней в различных древлехранилищах. Здесь на первом месте — собрания государственных музеев Московского Кремля (бывших Оружейной палаты и Патриаршей ризницы), Государственного Исторического музея в Москве, Государственного Эрмитажа и Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде. Относительно небольшое число предметов древней русской одежды хранится в областных и районных краеведческих музеях. В подавляющем большинстве — это одежда, обувь и головные уборы XVII—XVIII вв. Очень редка (если не считать церковных облачений) одежда XVI в., хотя возможно, что и некоторые предметы гражданской одежды, сохранившиеся в комплексах XVII в., сделаны еще в XVI в. Точно датированы лишь несколько предметов, найденных в погребениях: монашеская схима Ивана Грозного, рубахи его сыновей — Ивана и Федора Ивановича и рубаха князя М. В. Скопина-Шуйского, а также рубаха, в которую была одета кукла, положенная в могилу разведенной жены Василия III — Соломонии Сабуровой (*Кошлякова*, 1976; *Векслер* и др., 1973, с. 182; *Видонова*, 1951; *Рабинович*, 1964б, с. 284). Известны также волосники из погребений цариц в Вознесенском монастыре и некоторые другие археологические

находки, о которых будет сказано в своем месте. Отметим здесь, что в целом археологический вещевой материал дает для рассматриваемого в этой главе периода довольно много, но все же относительно меньше, чем для времен более ранних, для которых он иногда является единственным источником.

Пожалуй, важнее указания разнообразных письменных источников, число которых увеличивается от века к веку. Не вдаваясь сейчас в оценку различных групп их (см.: *Рабинович*, 1982), отметим лишь, что особенно много материалов об одежде можно найти в завещаниях, росписях приданого, челобитных, в купчих и расходных книгах. Первые три вида документов перечисляют нередко множество комплектов разнообразных одежд и при этом содержат довольно точную дату. В завещаниях и челобитных упомянут иногда и весь гардероб. Много данных содержат описи царского имущества. Немалую ценность представляют записки путешественников-иностранцев, поскольку в них содержатся нередко специальные описания одежды и вообще внешности русских. Наблюдательность иноземца, удивленного непривычным костюмом чужой страны, компенсирует слабое его знакомство с местными терминами. При всем обилии сведений письменные источники все же далеки от полноты как в территориальном, так и в хронологическом отношении.

Особую группу источников составляют разного рода изображения — книжные миниатюры, картины современников, разнообразные листки, иконы, портреты. Исследователи давно доказали достоверность этих изображений (в особенности миниатюр) (*Арциховский*, 1944; *Подобедова*, 1965).

Хочется предупредить читателя о необходимости несколько более строгой критики иллюстраций к сочинениям посетивших Россию иностранцев, где наряду с очень точными воспроизведениями бывают и рисунки неточные или даже фантастические.

Наибольшие трудности возникают при попытке сопоставить письменные, вещественные и изобразительные источники, поскольку неясно, к какой именно одежде относится то или иное название. Здесь большую помощь исследователю оказывают, например, учебники типа иллюстрированных букварей, где иногда прямо соотнесены названия предметов одежды и их изображения. Это можно сопоставить и с сохранившимися реалиями.

Материал. Материалом для народной одежды служили в рассматриваемый период, как и прежде, в основном ткани домашнего производства — холст, полотно, грубая шерсть.

Холстом, *холстиной*, *узчиной* (узким холстом) назывались льняные, а также пеньковые и бумажные материи домашнего производства. Они могли быть белеными или окрашенными в различные цвета. Крашеный холст назывался *крашениной*, более плотная крашеная пеньковая ткань — *кежей* или *кежью* (Сав., с. 55, 65, 155, 160). Холст с набивным узором, наносившимся с помощью специальных резных досок, назывался *выбойкой*. Узорчатая материя сложного тканья называлась *бранью* (*Сав.*, 16, 23). Шерстяная некрашеная ткань домашнего производства по-прежнему носила название *сермяги*, распространившееся также на изготовленную из этой ткани одежду (*Сав.*, 125—126). В начале рассматриваемого пе-

Рис. 1. Княжеская семья. «Изборник Святослава», XI в.

Рис. 2. Реконструкция латгальской женской одежды XIII в. (Даниловка)

а — погребение 2, курган 7 *б* — погребение 2, курган 1

Рис. 3. Реконструкция ливской женской одежды XI в. (Лаукскола, погребение 480)

риода по-прежнему была широко распространена шерстяная клетчатая ткань — *понева* (*Александров*, 1971, с. 119—121), но в XVI—XVII вв. употребление ее, кажется, несколько сократилось в связи с появлением «шубки» и сарафана. На зимнюю одежду, как и раньше, шел *«курпечатый мех» — овчина, мерлушка*; на обувь, пояса, ножны и пр.— разного рода кожи — козловые (*хоз*), бараньи (*ирха, ровдуга*) (*Сав.* 145, 160), коровьи и лошадиные. В конце периода появились и твердые толстые подошвы (Шестакова и др.).

Чрезвычайно расширился ассортимент дорогих тканей, из которых шили богатые одежды. Это были в основном привозные материи. Источники называют более двадцати видов шелковых (*камка, тафта, китайка, атлас, паволока, обьярь, сатынь, хамьян* и др.) и бумажных (*бязь, кумач, киндяк, миткаль, сарапат, сатынь* и др.) материй, привозившихся в основном с Востока — из Китая, Индии, Ирана, Турции, Крыма, Закавказья, Средней Азии. Шерстяные же материи привозились главным образом из Западной Европы — из Англии, Франции, Италии, Фландрии, Брабанта, германских княжеств. В источниках упоминается свыше 30 сортов одного только сукна (*аглицкое, лундыш, французское, скорлат, фряжское, лимбарское, брабантское, импское, куфтерь, брюкиш, амбургское, четское, шебединское, греческое* и др.). Как видим из самих названий, лишь отдельные сорта шерстяных материй ввозились из стран Востока (например, *зуфь*), основной поток их шел с Запада.

Вместе с тем производство льняных, бумажных, шелковых и шерстяных материй лучшего качества развивалось и на Руси. В XVI в. среди городских ремесленников названы не только *холщовники*, но и *суконники* и *шелковники* (*Чечулин*, 1889, с. 339), название Красильницкой улицы в Новгороде Великом говорит о развитии крашения тканей. Сами названия цветов материй: *гвоздичный, дикий, лазоревый, мясной, червленый, багряный* (оранжевый, серый, голубой, разные оттенки красного) и пр.— брались в ту пору из русского языка, а не из иностранных, как, например, позднейшие оранжевый, фиолетовый и т. п.

Анализ найденных при раскопках в Новгороде шерстяных тканей XIII—XV вв. показал, что они изготовлены из шерсти местных овец, а также из шерсти испанских мериносов, английских тонкорунных и толсторунных овец, т. е. что тут имеются как ткани местного производства, так и привозные (испанская шерсть попадала через Фландрию, английская, по всей вероятности, через Голландию). Излюбленный цвет одежд в то время был красный, на втором месте — черный, далее — желтый, зеленый, синий и белый (*Арциховский*, б. г., с. 281—282). Последний преобладал количественно (белье, сорочки и пр.).

Если ткани преимущественно ввозились, то меха, по-прежнему служившие для утепления и украшения богатой одежды, добывались в самой России и обильно вывозились. Ассортимент их, как и в древности, был очень богат, обработка разнообразна. Скорняки, которые также названы в списке ремесленников XVI в. (*Чечулин*, 1889, с. 339), подбирали зачастую меха для одежды от различных частей шкур животных (*«горлатные», «черевьи», «хребтовые»* и т. п.).

Вообще, мастера, изготовлявшие одежду и обувь, составляли значительную часть городских ремесленников. В тех случаях, когда нам

известно число ремесленников и их распределение по профессиям, эти мастера занимают по численности второе или даже первое место (*Рабинович*, 1978, с. 34—38).

Нательная одежда. Нательной одеждой мужчин и женщин служила, как и прежде, туникообразная рубашка — *сорочка*, *сороцица*, *срачица*. А. В. Арциховский считал главной формой мужской сорочки косоворотку, но о преобладании косоворотки или рубах с прямым разрезом ворота в XIII—XVII вв. сведений не имеется. Можно, скорее, думать, что разрез ворота у мужчин был по-прежнему то прямым, то косым (*Арциховский*, б. г., с. 277; *Громов*, 1977, с. 203). Женская рубаха делалась длиной до ступней, иногда такой же была и мужская (в особенности у крестьянских мальчиков рубаха «до пят» могла быть единственной одеждой), но у взрослых крестьян она бывала до колен, у горожан — еще короче. Новшеством в рассматриваемый период было ношение мужчинами и женщинами, кроме сорочки, еще и верхней рубахи — *кошули*, *верхницы* или *навершника* (рис. 18—19). Сорочка при этом превратилась в собственно белье. В 1373 г., описывая разорение г. Торжка.

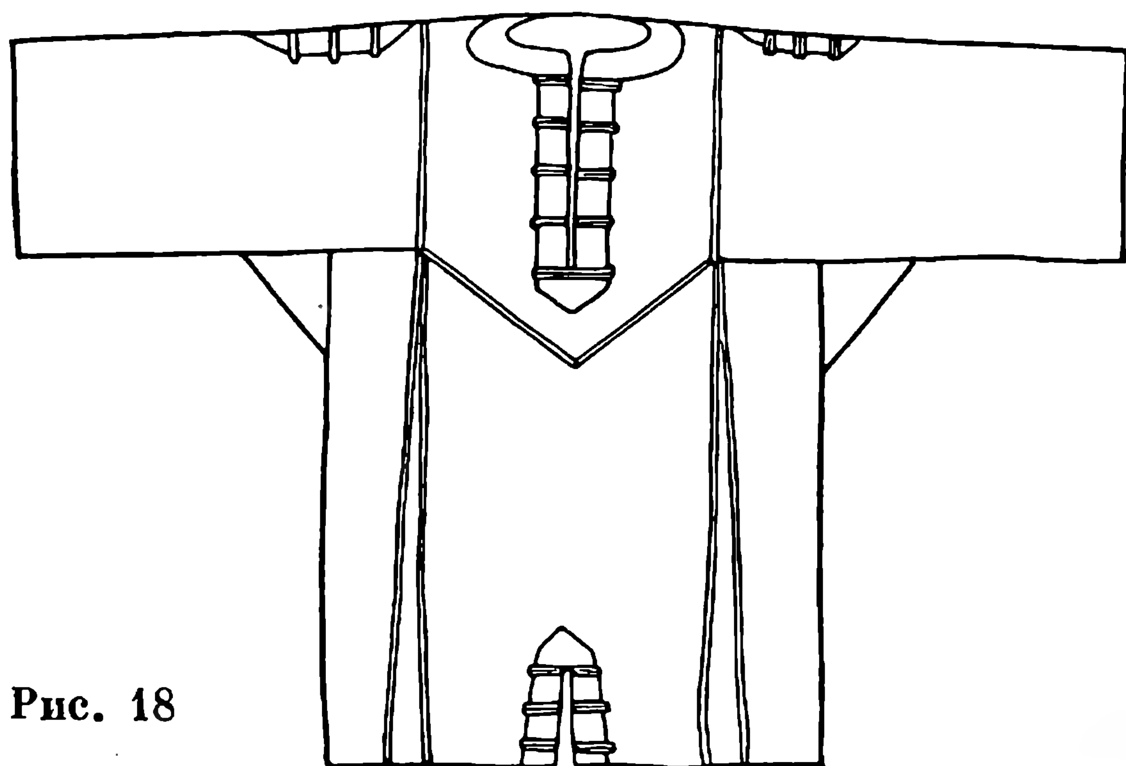


Рис. 18

Рис. 19 *а* *б*

летописец отметил: «А жен и девиц одираху и до последние наготы рекше и до срачицы» (ПСРЛ, VIII, с. 20). Ношение русскими женщинами двух сорочек — верхней и нижней — отмечал в конце XVI в. английский посол Джильс Флетчер (1906, с. 127). Отправляясь в дорогу, путник обычно брал с собой запасную сорочку, «Да пришли сороцицю, сороцице забыле»,— писал в XIV в. новгородец Борис своей жене Настасье (*Арциховский*, 1954, № 43, с. 44). «5 рубах двоостанных женских... рубах мужских и детинных 16 пар, а в том числе 6 шити золотом и серебром» (АЮБ, III, № 329, стб. 270—272),— читаем в описи украденного в 1680 г. из помещичьего дома имущества. Здесь, видимо, и расшитые верхние рубахи и более скромные нижние. В богатом приданом в г. Пензе в 1701 г. упомянуто 20 рубах (АЮБ, III, № 334 — IX, стб. 300—302).

В быту богатых и бедных русских людей рубахи играли большую роль. Делали их обычно дома, начиная от прядения и кончая вышивкой, что требовало от женской части семьи большой затраты труда. Недаром есть старая пословица: «У ленивой пряхи и на себя нет рубахи» (что уж говорить о семье) (*Даль*, 1957, с. 504). Но в городских торговых рядах можно было купить и готовую рубашку (*Петрей*, с. 5). Вот какое впечатление производила нарядная верхняя женская рубаха на иностранца в конце XVII в. «Они носят рубашки, со всех сторон затканные золотом, рукава их, сложенные в складки с удивительным искусством, часто превышают длиною 8 или 10 локтей; сборки рукавов, продолжающиеся сцепленными складками до конца руки, украшаются изящными и дорогими запястьями» (*Корб*, 1906, с. 243). А вот документальное свидетельство о мужском домашнем платье: «Из Богдановской рухляди Бельского 2 рубашки да двои портки тафта бела у всех по швом пояски золотные

Рис. 18. Мужская рубаха

Рис. 19. Сорочки:
а — девушка в сорочке. Москва, XVII в.;
б — дети в сорочках. Новгород, XV в.

Рис. 20. Женская одежда XVII в. (по Мейербергу):
а — крестьянка в поневе. Подмосковье;
б — девушка в сарафане. Москва

и плетеные и петли золотные ж, у всех на вороту 373 зерна жемчужных» (*Сав.*, с. 116). Найденные при раскопках погребений царевича Ивана Ивановича и царя Федора Ивановича в Кремле в Архангельском соборе рубашки несколько скромнее, но тоже вышиты (у Федора Ивановича — золотной, у Ивана Ивановича — шелковой) тесьмой по швам, вороту, плечам и подолу (см. приложение). Князь М. В. Скопин-Шуйский был похоронен в рубахе, более роскошно вышитой (растительным орнаментом — *Векслер* и др., с. 122). У мужчин нательной одеждой были еще и порты — неширокие штаны того же покроя, что и в предыдущий период.

Верхняя комнатная одежда. У женщин сорочку дополняла набедренная одежда, которую они носили дома, а в теплую погоду — и на улице (рис. 20,*а*). В XIV в. это была, по-видимому, та же понева, о которой говорилось в предыдущей главе. Но с этого времени ношение женщинами поневы постепенно идет на убыль. Понева вытесняется другой женской комнатной одеждой, которая начала распространяться с середины или конца XIV в.— *сарафаном.* Вопрос о происхождении и распространении сарафана в рассматриваемый нами период довольно сложен и в этнографической науке еще окончательно не решен. Дело в том, что не выяснено еще точно соотношение самой одежды и ее названия. Термин «сарафан», «сарафанец» письменные источники знают с конца XIV в., но до XVII в. этим термином обозначалась не женская, а мужская длинная распашная одежда (ПСРЛ, XII, с. 27). Вместе с тем известна женская накладная одежда того же времени, называвшаяся *ферязь*, *сукман*, *саян*, *шубка* (*Куфтин*, 1926, с. 110—120). Впоследствии эти и другие термины (*шушун*, *костолан*, *носов*) сосуществовали с термином «сарафан», служа названиями женской комнатной одежды, которую носили поверх рубашки. Термин «сарафан» для мужской одежды во второй половине XVII в. уже не употреблялся. Таким образом, очевидно, что сарафаном стали называть женскую одежду, существовавшую ранее, а вероятно, и какие-то новые виды ее, созданные в городах под влиянием одежды зажиточных классов и служилых людей и оттуда распространившиеся в деревню (*Куфтин*, 1926, с. 110, 115; *Маслова*, 1956, с. 642—643). Предположения Б. А. Куфтина о том, что одежда, позже названная сарафаном, могла развиться из первоначального комплекса женской одежды с поневой (из набедренной одежды, получившей лиф и лямки, или из наплечной одежды, удлинившейся, а иногда и утратившей рукава), что изменения эти могли начаться еще в период расселения славян в северных областях позднейшей России и протекать под влиянием одежды южно- и западнославянских, летто-литовских, финно-угорских, скандинавских и даже (опосредствованно) западноевропейских народов, например населения Франции (*Куфтин*, 1926, с. 113, 117), нам представляются обоснованными, но, оставаясь в пределах источников, о которых мы говорили в начале главы, нельзя этих предположений ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку нет подлинных вещей XIII—XVI вв. или достоверных изображений их, на которых был бы ясно виден покрой.

Из наших источников видно, что сарафаном, или *шубкой* (оба термина, по мнению исследователей, восточного происхождения), называлась в рассматриваемый нами период женская комнатная одежда в виде цельного платья (с рукавами или чаще без рукавов) или высокой юбки на

лямках, накладная (надеваемая через голову) или распашная (застегивавшаяся спереди на пуговицы).

Для того времени трудно установить границы распространения сарафана среди сельского населения, но горожане уже к XVI в. не знали поневы как одежды и употребляли только сарафан. В письменных источниках XV—XVII вв. понева в качестве городской одежды не упомянута ни разу. О путях проникновения сарафана в сельские местности дает представление, например, одежда однодворцев на юге России (Русские, карта 40) — результат расселения московских служилых людей в XVII в.

Сарафаны шили в большинстве случаев из красивых цветных материй (простейшие — из крашенины, богатые — из дорогих привозных тканей). Украшались они галуном, кружевом, драгоценными пуговицами (которых могло быть 13—15.— *Сав.*, с. 179), реже — вышивкой (*Маслова*, 1978, с. 16). Источники упоминают, например, «шупку женскую холодную атлас красный круживо кованое золотное» (АЮБ, II, № 126 — XV, стб. 20). В завещании одной шуянки значится даже пять «шубок», из которых три тафтяных, одна киндячная и только одна крашенинная теплая, т. е. собственно шуба, а не сарафан (АШ, № 137, с. 246—247). Мы считаем сарафанами «холодные» (без меха) шубки. Для собственно шуб всегда бывает указан сорт меха, либо говорится, что шуба «теплая». «Кунтыш камчатный, кружево золото и серебряно, огонки бобровые» — так обозначает роспись приданого XVII в. богатый, отороченный мехом сарафан (АЮБ, III, № 028 — IV, стб. 266—267). В другой подобной же росписи упомянуты два сарафана — дорогой «шушун сукна красного с нарядом» и гораздо более дешевый «крашенинник с нарядом» (Ровдогорье 1647 г.) (АГО, р. I, оп. 1, № 3, л. 21 об.). В первом случае цена 4 р., во втором — 8 гривен. В приданом волоцкой княжны конца XV в. находим шубы красного, багряного и светло-зеленого цвета из дорогого фландрского и английского сукна (ДДГ, № 87, с. 349—350). Суконный сарафан — «шубка женская зелена брюкишна» — встречается и в документах XVI в. (АЮ, № 248, с. 266). Вместе с тем в доме довольно зажиточного феодала в XVIII в. могли быть и относительно дешевые крашенинные сарафаны. В 1680 г. из усадьбы Андрея Аристова в Муромском уезде в числе прочего имущества разбойники похитили «четыре сарафанов крашенинных» (АЮБ, III, № 329, стб. 271). Наблюдаемая в источниках XV—XVII вв. неточность разграничения терминов «сарафан» и «шуба», как видно, существовала и в более позднее время. Еще в середине прошлого столетия в некоторых северных городах сарафаном называлась как комнатная одежда на проймах, с «золотым» поясом, так и аналогичная по покрою распашная (но, видимо, все же с рукавами) уличная одежда, которая зимой делалась на вате (*Семевский*, 1864, с. 82, 1870, с. 127).

Наконец, женской комнатной и отчасти уличной одеждой в конце рассматриваемого нами периода становится *юбка*, делавшаяся из красивых, богато орнаментированных материй. В росписи богатого приданого («на благословение дому») конца XVII в. значатся «юбка тафтяная зеленая, юбка стаметная новая зеленая, юбка с бустрогом (?) носильная выбойчатая» (АЮБ, III, № 328 — IV, стб. 266—267). Последняя, оче-

видно, служила повседневной одеждой и была сшита не из шелка, а из обыкновенной набивной ткани — выбойки. П. Савваитов считал, что упоминаемый в источниках *саян* мог быть не только распашным сарафаном, но и юбкой, которая придерживалась на плечах проймами или помочами (*Сав.*, с. 125). В этом случае ясно проступает генетическая близость сарафана и юбки.

Сарафан и юбка дополнялись иногда *душегреей* — короткой (по большей части без рукавов) кофтой, распашной, собранной сзади во множество сборок, охватывающих талию пышным кольцом (*Гиляровская*, 1945, с. 43).

Мужское верхнее комнатное платье состояло из описанной выше верхней сорочки, штанов и зипуна. *Штаны* под этим названием (а не «порты») упоминаются только со второй половины XVII в. В большинстве случаев можно установить, что это была одежда верхняя, довольно нарядная, теплая, иногда кожаная или даже меховая — «штаны червчатые суконные» (Старый Быхов, 1663), «штаны сукно багрецовое, другие черные» (Ростов, конец XVII в.), «кафтан желтой козлиной, штаны козлиныя ж» (Воронежский уезд, 1678—1679 гг.), «пять штанов» (г. Романов, 1678 г.) (АМГ, III, № 627, с. 523—524; АЮБ, III, № 328 — V, стб. 267—269; Т. Вор. УАК, V, № 8182/1956, с. 527, № 8408/2182, с. 598). Из текста упоминаний явствует, что штаны носили и крестьяне, и горожане. О происхождении этой части мужского верхнего костюма существуют различные мнения. Дело в том, что иногда в значении «штаны» источники употребляют термин «ноговицы», обозначающий, как говорилось выше, нечто вроде гетр (*Даль*, II, с. 569). Но мы видим, что в этих случаях речь идет о нижних штанах («раздеты до ногавиц»). И. И. Срезневский считал, что, когда стали носить относительно короткие рубахи, ноговицы-гетры удлинились и были вверху соединены чем-то вроде гульфика и превратились в штаны (*Срезневский*, II, стб. 569). П. Савваитов отмечает наряду с нижними штанами также верхние (по большей части из шелковых материй), теплые стеганые и меховые штаны (*Сав.*, с. 177). Выше мы привели упоминания о суконных и кожаных штанах. Каков бы ни был путь их происхождения, отличительная черта мужского костюма рассматриваемого периода состоит в том, что появились верхние (нарядные, теплые) штаны, а древние порты приобрели значение нижнего белья, как и сорочка. Покрой штанов, как уже сказано, в точности неизвестен. М. Н. Левинсон-Нечаева предполагает, что в рассматриваемый нами период были штаны как с узким, так и с широким шагом (КО, с. 356).

Мужской комнатной наплечной одеждой был *зипун* — облегающая довольно короткая куртка, надевавшаяся поверх рубахи, но под *кафтан*. Некоторые исследователи предполагают, что рукава зипуна могли быть из другой материи, чем основная его часть (*Костомаров*, 1860, с. 68; *Гиляровская*, 1945, с. 67). Однако единственное известное нам упоминание этой части одежды в письменных источниках (Воронеж, 1676 г.) — «зипун сермяжной белой» (Т. Вор. УАК, V, № 2286/1060, с. 25). М. Н. Левинсон-Нечаева описала зипун из собрания Оружейной палаты — стеганый, немного расклешенный книзу, с неширокими рукавами того же цвета. Он не имеет роскошной отделки, но полы и подол обшиты галуном (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 322). Можно думать, что зипун соответствовал

Рис. 21. Мужская одежда. Лубок, XVIII в.

в составе мужского костюма современному жилету. Для простого человека в XVII в. зипун мог служить, по-видимому, и верхней одеждой, наравне с кафтаном (рис. 21, 22). На эту мысль наводит перечисление предметов одежды в сатирической «Повести о Фоме и Ереме». Желая подчеркнуть, что братья одеты примерно одинаково, автор говорит: «На Ереме зипун, на Фоме кафтан; на Ереме шапка, на Фоме колпак; Ерема в лаптях, Фома в поршнях; у Еремы мошна, у Фомы калита; у Еремы пусто, у Фомы ничего...» (РДС, с. 43—45). А в богатом мужском костюме зипун надевался под кафтан. «На государе было платье,— читаем в описании царских «выходов» об Алексее Михайловиче,— зипун в обнизью... кафтан становой камка кызылбаская по золотой земле травы и листья серебрены, подкладка тафта светлозелена, подпушка атлас червчат, кружево кованое золотное с серебром, пуговицы обнизаны жемчугом» (*Срезневский*, I, стб. 1200). Зипун, как видим, украшен гораздо скромнее, чем верхнее платье, возможно, обнизь была в тех местах, которые виднелись из-под кафтана.

Заметим в заключение, что оба названия — и зипун, и кафтан — тюркские и в Россию могли попасть от турок и от татар.

Кафтан был верхней одеждой мужчин и (реже) женщин, комнатной и легкой уличной, а иногда и зимней (*кафтан шубный*). В зависимости от назначения и моды кафтан шили длиннее или короче (до колен или до лодыжек), свободный или в талию (но всегда из плотной, относительно хорошей материи, на подкладке), в подавляющем большинстве случаев —

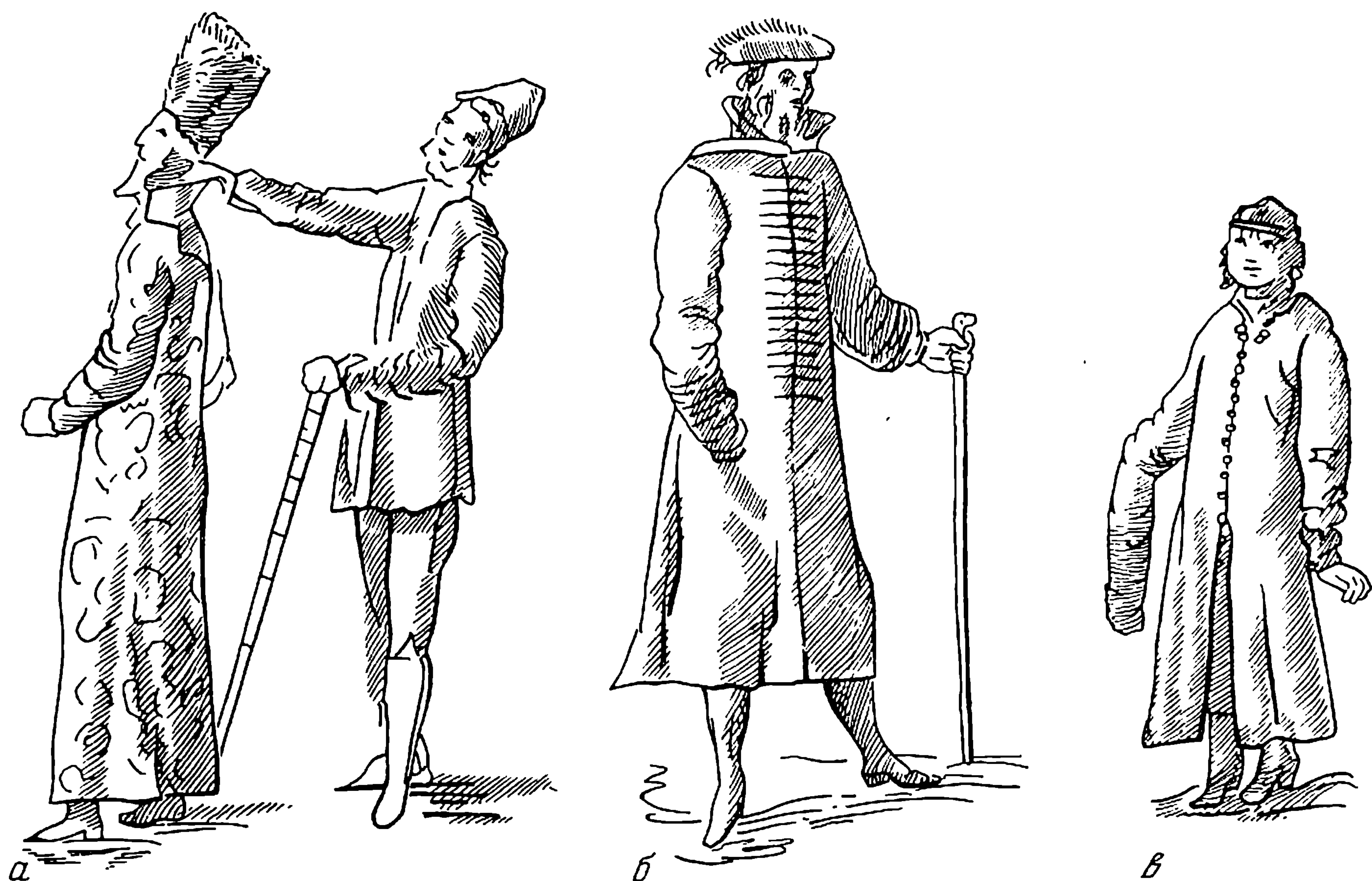


Рис. 22. Мужская одежда XVII в. (по Мейербергу):

а — боярин в кафтане и горлатной шапке, слуга в зипуне. Москва; *б* — купец в кафтане. Москва; *в* — мальчик в кафтане. Москва.

распашной, причем правая пола заходила на левую. По борту располагались обычно 8—12 пуговиц (или завязок). Трудно сказать, когда именно появился и как распространился на Руси кафтан. Само это название, как сказано, восточного происхождения. Арабский путешественник называет хафтаном роскошную парчовую верхнюю одежду, в которой погребли знатного славянина в Болгаре в X в. (*Ибн-Фадлан*, с. 81). Но это, по-видимому, термин, привычный автору, а не русский. Русские источники до XV в. не знают названия «кафтан». Тем более важно, что в XVI—XVII вв. оно распространяется на очень широкий круг одежд, так что понадобились дополнительные обозначения — *русский*, *турский*, *польский*, *венгерский*, *становой*, *терлик* (*Сав.*, с. 52—54; *Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 309—328; *Гиляровская*, 1945, с. 69—72) и т. п., указывающие на детали покроя и отделки, связанные с модой. Так, турский кафтан был длинным, свободного покроя, застегивался только у шеи, рукава имел длинные, иногда — откидные. Становой кафтан в конце XVII в. был тоже довольно длинный, с широкими рукавами, но скроен в талию (охватывал стан), а внизу — с косыми клиньями; русский кафтан был примерно того же покроя, но клинья имел прямые, так что образовывались фалды; польский и венгерский кафтаны отличались преимущественно покроем рукавов, богатством украшений и нашивок; терлик был довольно коротким, с перехватом в талии (или даже отрезной со сборами) и имел застежку в виде лифа с клапаном на груди (возможно, надевался через голову), емурлук — *епанча*, как и *кебеняк* (*кибеняк*, укр. *кобеняк*) (*Сав.*,

с. 54—55) был собственно суконным или войлочным плащом-дождевиком — длинным, с прямыми длинными рукавами и небольшими сборами на боках. Иногда емурлук даже пропитывался жиром — «ермулук олифленый» (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 324). Кафтаны шили обычно с таким расчетом, чтобы они приоткрывали сапоги и не мешали шагу: спереди несколько короче, чем сзади. Воротник был небольшой стоячий или вовсе отсутствовал (тогда было видно богато украшенное «ожерелье» — пристежной воротник рубахи или зипуна). Стоячий воротник — *козырь* — мог пристегиваться и к кафтану. Рукава, если они не были откидными, украшались запястьями — богато орнаментированными манжетами, борт — петлицами, кружевом. Источники называют кафтаны из дорогих материй — атласные, бархатные, байберековые, камчатые, объяринные, тафтяные, зуфные, суконные, мухояровые (*Сав.*, с. 52), а также (по большей части у простонародья) крашенинные, сермяжные, бараньи, козлиные.

Кафтан был настолько распространенной одеждой, что уже в XVI в. в русских городах были специалисты-портные — кафтанники (*Чечулин*, 1889, с. 339). Нужно сказать, что кафтаном называлось и вообще всякое верхнее платье, и позднее, когда усилилось влияние западноевропейского костюма, соответствующая «немецкая» одежда — *жюстокор* — стала называться кафтаном (*Моисеенко*, 1974, с. 142—145), а надеваемая под нее аналогичная зипуну *веста — камзолом*. Короткий, в талию кафтан назывался иногда *полукафтаньем* (*Гиляровская*, 1945, с. 40—42). Эта разница между длиннополым долгорукавным кафтаном и короткополой нижней одеждой — зипуном или камзолом — отчетливо обозначалась еще и в XIX в., как явствует из известной басни И. А. Крылова «Тришкин кафтан» (*Крылов*, 1956, с. 105). (Над Тришкой смеются, видя рваные рукава кафтана, а короткие полы — не лучше.)

Кафтан был необходимой частью одежды бедного человека и богача и в зависимости от предполагаемого употребления мог делаться из роскошных материй, на драгоценных мехах или из простой сермяги, на овчине. В зажиточном хозяйстве было по многу кафтанов. Так, среди имущества князя Ю. А. Оболенского в середине XVI в. названы пять кафтанов: «Кафтан на пупках собольих, кушаки цветные с золотом, пуговиц 9, кафтан желт на бельих черевях... кафтан камка... косой ворот, подложен тафтою, кафтан турской 10 пуговиц серебреных... кафтан косой ворот...» (АФЗИХ, II, с. 207—211). В 1680 г. из дома помещика А. Аристова (с. Ширяево Муромского у.) было среди прочего имущества похищено восемь кафтанов: «Кавтан киндяшной, пуговицы серебряныи вольяшные (очевидно, самого барина.— *М. Р.*), да два кавтанца доро-гильных детиных, пуговицы серебряныи... четыре кафтана овчинных» (возможно, дворовых людей) (АЮБ, III, № 329, стб. 270—272). В конце XVIII в. в описи одного богатого приданого (г. Ростов) перечислены десять кафтанов — камчатый на лисицах, турский с золотой нашивкой, атласный зеленый холодный, байберековый шелковый, остальные попроще — два новых бараньих, два суконных, два кумачовых теплых «детинных» (АЮБ, III, № 328 — V, стб. 267—269). Интересно, что и в приданое давались детские кафтаны. Они, как и в предыдущем случае, были не особенно богатыми. В крестьянских же семьях бывало по «два каф-

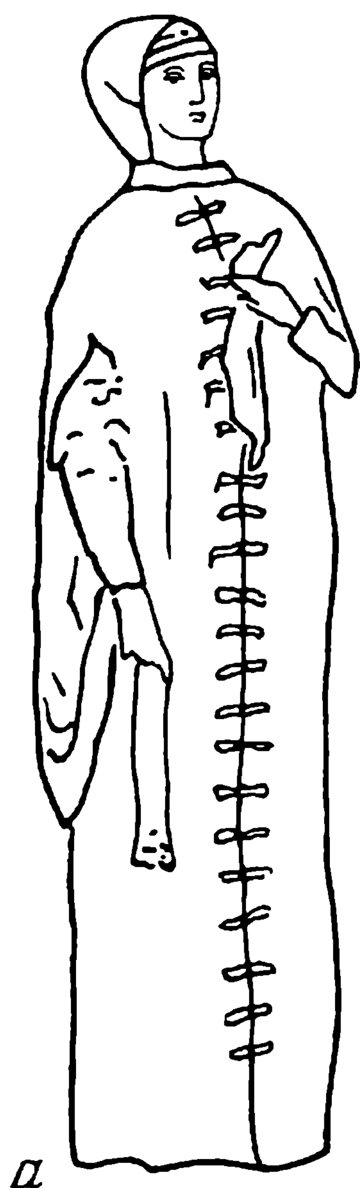
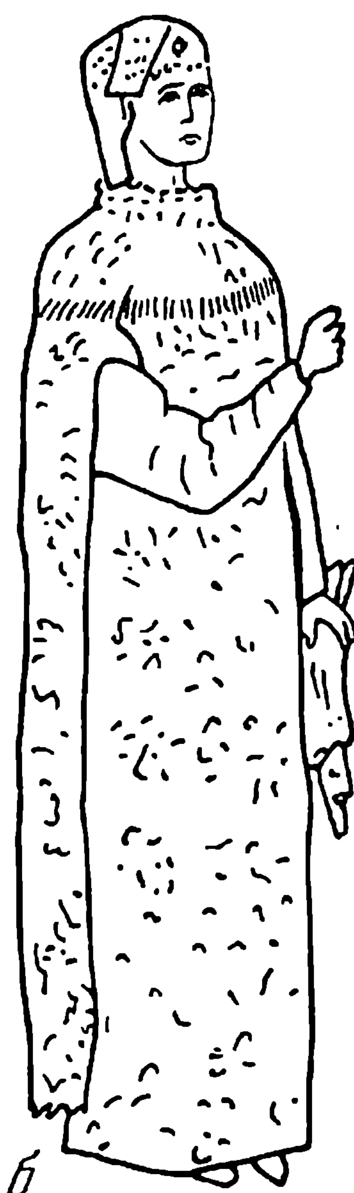
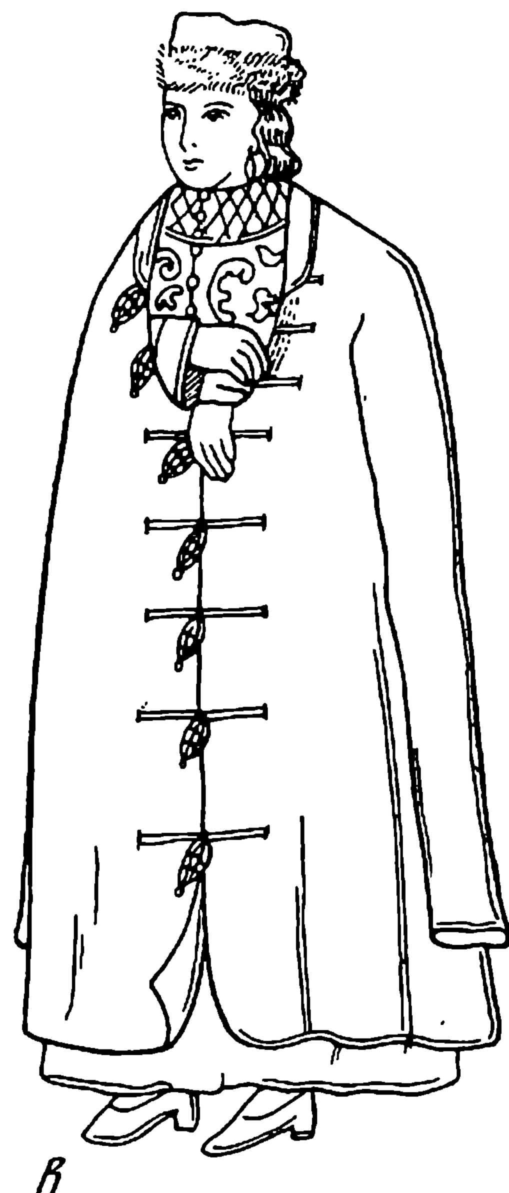




Рис. 23. Женщина в летнике. Москва, XVII в.

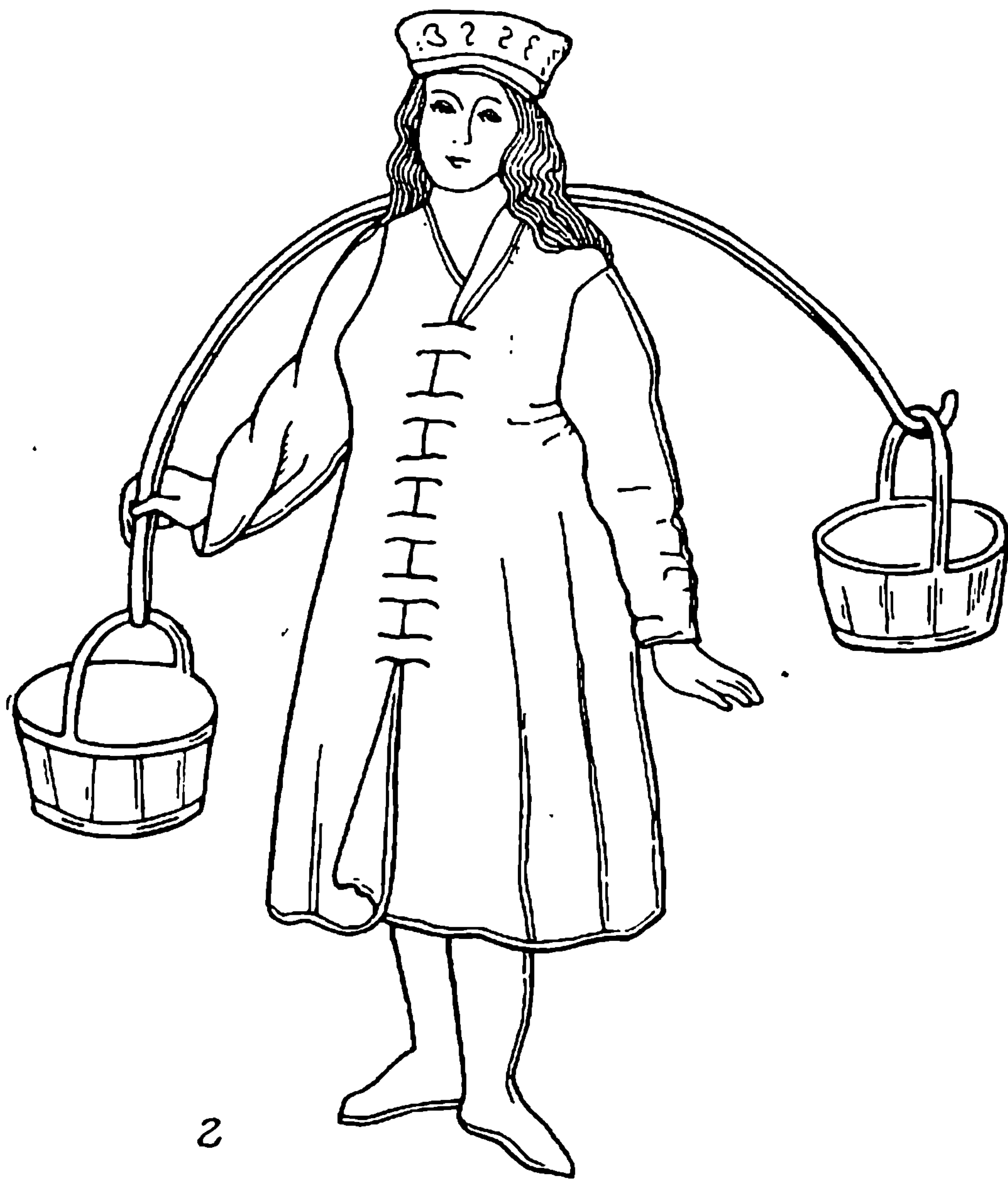
Рис. 24. Женская одежда:
а — женщина в телогрее; *б* — в накладной шубке; *в* — опашне; *г* — девушка в короткой шубе

танишка сукняных, шубка борловая женская» (Т. Вор. УАК, V, № 8701/2478, с. 652).

Из предметов одежды, близких по назначению к кафтану, следует назвать *кабат* — длинную теплую одежду с длинными рукавами. Кабат носили только дома и шили поэтому из скромных материй (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 309).

В XVI в. в придворной среде появилась специальная одежда для верховой езды — *чуга*, похожая на кафтан, но с перехватом в талии. Эту одежду можно сопоставить с кавказской *чохой* — городской одеждой, распространившейся, как думают исследователи, из городов Северного Кавказа и Закавказья (*Студенецкая*, 1974, с. 263). Проникновение ее на территорию Московского государства объясняется, по-видимому, оживлением политических и культурных связей с Северным Кавказом, когда царь Иван IV женился на княжне Марии Темрюковне.

Не вполне ясной по функциям представляется часто упоминаемая в источниках среди предметов одежды *ферязь*. Чаще всего это была длинная (почти до лодыжек) свободная верхняя одежда с длинными, суживающимися к запястьям рукавами, распашная, застегивавшаяся на три — десять пуговиц или завязок, украшенная длинными нашивными петлями. Ферязь могла быть холодной (на подкладке) или теплой (на меху). Иногда накидывалась поверх кафтана, чуги или полукафтанья как плащ (бывали ферязи и без рукавов), иногда же надевалась под кафтан как зипун (*Сав.*, с. 157; *Гиляровская*, 1945, с. 41). Возможно, что арабское слово *фараджийя* (в турецком произношении *ферадже*, *фередже*),


г

обозначавшее у турок мужское и женское длинное платье с широкими рукавами, служило названием («ферязь») для нескольких одежд, различавшихся по покрою и функциям. В. О. Ключевский считал, что если у зажиточных людей ферязь надевалась на кафтан, то у простонародья — на рубаху. Дворянин, выходя на улицу, надевал поверх ферязи еще *охабень* (*Ключевский*, 1867, с. 72).

Верхняя уличная одежда. Верхнее платье было в рассматриваемый период одинаковым для мужчин и женщин только у простонародья. Такова была, например, *сукня*, или *сукман*,— не очень теплая широкая одежда из сукна на подкладке. Были и довольно богатые сукни из привозных материалов на шелковой подкладке (*Сав*., с. 139). Бытовали и *вотолы*, *сермяги*, *свитки*, о которых говорилось в предыдущей главе. Но вотола в XIV в., кажется, уже не считалась приличной одеждой даже для крестьян и рядовых горожан. Вероятно, поэтому митрополит Киприан запрещал, например, ходить в вотолах на исповедь и к причастию (*Поппэ*, 1965, с. 152).

Пожалуй, наиболее характерной женской верхней одеждой был *летник* — свободный, не слишком долгополый (так, что видны были стопы), с широкими рукавами, которые назывались *накапками* и украшались дополнительными специальными нашивками — *вошвами* — из другого материала: «Летник камчат червчат вошвы бархат с золотом зелен» (АЮ, № 248, с. 266) (рис. 23). Вошвы, по-видимому, хранились отдельно и могли нашиваться на разные летники. Так, в завещании волоцкой княгини Юлиании (1503 г.) названы 4 летника без вошв и отдельно 12 вошв. «Вошва на одну накапку шита золотом да сажона была жемчугом да жемчюг с нее снизан, а осталося его немного» (ДДГ, № 87, с. 349—350). Драгоценная вошва была, таким образом, «ограблена», но хранилась в сундуке княгини. По мнению И. Е. Забелина, летник был по большей части накладным, но делались и распашные летники, которые назывались «*опашница*» (*Забелин*, 1869, с. 634). В самом деле, при описании летников почти никогда не упоминаются пуговицы. Летник надевали поверх сорочки и сарафана. Это была наряду с головным убором специфическая женская одежда, которую никогда не надевали мужчины. Теплый летник с такими же накапками и вошвами, но подбитый мехом назывался *кортель*, *кортли* или *торлоп* (*Сав*., с. 63, 148).

Другая верхняя женская одежда называлась *телогрея* (рис. 24). Она также надевалась поверх сарафана и была похожа на него по покрою,

но имела длинные, сужавшиеся к кисти рукава, иногда — откидные. Телогрея была распашной, со множеством пуговиц (от 14 до 24), которые обычно не все застегивались. Шили ее из шелковых материй, на шелковой же подкладке или на меху. Телогрея была распространена уже в середине XVI в. Во всяком случае, А. Курбский упрекал царя Ивана Грозного в том, что тот, вместо того чтобы отвечать по существу, смешивает важное и бытовые подробности, пишет «о постелях, о телогреях» (Переписка, с. 115). Телогрея бывала очень нарядной: «Телогрея куфтяная камчатная цветная, ал шолк да жолт, круживо кованое золотое, пуговицы серебряны позолочены»,— читаем в описи приданого, перечисляющей и еще три столь же роскошные телогреи червчатого и алого (т. е. различных оттенков красного) цвета (АШ, № 103, с. 185—188). Но в целом телогрея встречается в документах XVII в. не часто, реже, чем другие предметы женской одежды.

Излюбленной уличной одеждой, носимой мужчинами и женщинами весной и осенью (как мы бы сейчас сказали — демисезонной), была *однорядка* (рис. 25). Однорядки шили из сукна или иных шерстяных тканей «в один ряд» (т. е., по-видимому, без подкладки), что, как думают, и обусловило само название. Это была распашная, длинная, широкая одежда с длинными откидными рукавами и прорехами для рук у пройм. Полы ее делались спереди короче, чем сзади. «Однорятка женская сукно кармазин малиновый цвет, у ней 12 пуговиц серебряные большие на сканое дело, да однорядка женская вишневая»,— сказано в описи имущества посадского человека 1672 г. Встречаем в описях и упоминание отрезов: «сукно на однорядку синее». «Однорядка лазоревая брюкишна» упомянута в завещании начала XVI в. (АЮ, № 415, с. 445).

Летом зажиточные мужчины и женщины носили внакидку, «на опаш», легкие шелковые *опашни* свободного покроя, с длинными, суживающимися к запястью рукавами, на шелковой же или бумажной подкладке. Полы опашня, как и у однорядки, были длиннее сзади; надевая его в рукава, все же не подпоясывались (*Сав.*, с. 93). Такой опашень найден при строительстве Московского метрополитена в трещине стены Китай-города (*Киселев*, 1936, с. 158; *Рабинович*, 1964, с. 281).

Специфически мужской одеждой был *охабень* (*охобень*, *охобенек*) — близкий по покрою к однорядке, но с большим отложным воротником, спускавшимся ниже лопаток. (*Сав.*, с. 95) (рис. 26). Он имел также длинные (вровень с подолом, достигавшим щиколоток) откидные рукава и прорези для рук. Опашень украшали крупные пуговицы. «Опашен бархат зелен з золотом 11 пуговиц грушчатых... опашен зуфь светлозеленая амбурская 9 серебряных грановитых пуговиц...» — читаем в завещании князя Ю. А. Оболенского, составленном в середине XVI в. (АФЗИХ, II, № 207, с. 207—214).

Сарафанец — длинная, довольно узкая распашная мужская одежда, давшая, как уже сказано, название и женскому сарафану, видимо, не была распространена очень широко. Упомянутая впервые в конце XIV в., она держалась до середины XVII в. только среди знати. У князя Оболенского был желтый шелковый сарафанец, застегивавшийся на 23 золотые и серебряные пуговицы.

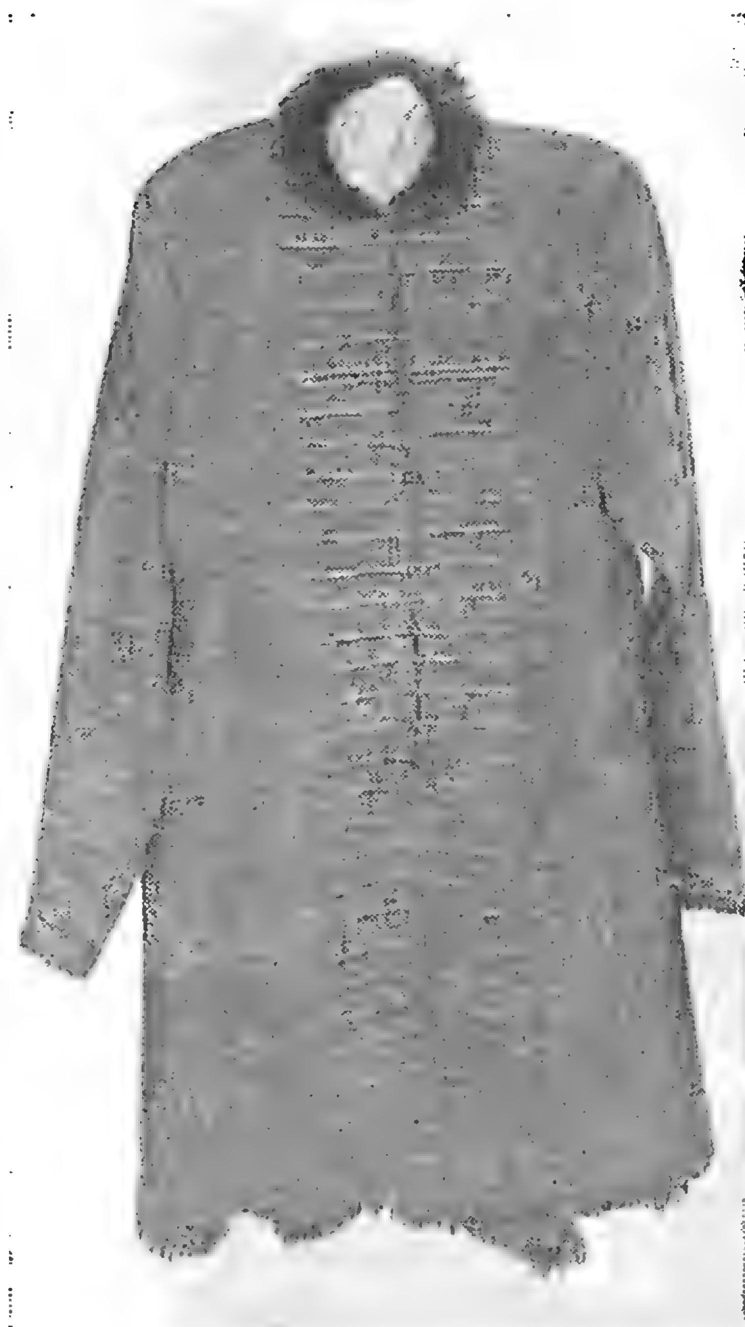
Армяк (иранск. *урмак*), который простые люди шили из толстого домо-

Рис. 25. Однорядки XVII в. (по Мейербергу):

а — священник в однорядке;
б — дворянин в однорядке

Рис. 26. Всадники в охабнях, псари в рубашках. Миниатюра XVI в.

Рис. 27. Шуба митрополита Филиппа. XVI в. (Гос. музей Московского Кремля)



тканого сукна — *армячины*, был свободной халатообразной верхней уличной одеждой. Но знатные люди носили армяки только дома (*Сав.*, с. 5) и шили из более дорогих тонких тканей. У князя Оболенского были «армяк мухояр лазорев» и «армяк тонкое полотенце».

Напротив, чрезвычайно парадной верхней одеждой московской знати в XVI—XVII вв. была *ферезея* — длинная, прямая, несколько расклешенная книзу, широкая, с откидными рукавами. Шили ее из дорогих сукон, украшали вышивкой и даже камнями, подбивали иногда дорогим мехом (например, соболями), надевали поверх ферязи или кафтана. Ферезея, как думают некоторые исследователи (*Гиляровская*, 1945, с. 72—74; *Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 312—315), была в XVII в. даже чем-то вроде должностной парадной одежды стольников царского двора. Во всяком случае, русский посол во Франции стольник П. И. Потемкин изображен на портрете именно в ферезее.

Епанча, о которой мы говорили выше как о разновидности кафтана (*япончица*, *ермулук*, тур. япондже), могла представлять собой и безрукавный плащ типа бурки. Епанча теплая на меху называлась также *ментеня* (*Сав.*, с. 76, 183—184) «ментеня камка на черевах лисьих... на пупках собольих») (АФЗИХ, II, № 407, с. 207).

Нам остается сказать немного о безрукавных плащах, которые в рассматриваемый период постепенно отступали в комплексе русской одежды на задний план. На смену длинному корзну, у знати, как уже сказано, пришел более широкий и короткий плащ — *приволока*. Его шили из дорогих золотных материй. Царскую приволоку Дмитрия Донского упоминает автор сказания о Мамаевом побоище (ПКБ, с. 66). Приволоки из камки и бархата «с горностаем» упомянуты в завещаниях князей Ростовского и Оболенского середины XVI в. (АЮ, № 420, с. 451—454, АФЗИХ, II, № 207, с. 207—214). Возможно, эти приволоки также были частью воинского снаряжения. Вместе с тем богато украшенная обшивкой и даже вошвами приволока была и женской одеждой (*Сав.*, с. 110—111). Безрукавными плащами были и упомянутые в XIV в. *вотола*, *коць*, *мятль*, наконец, епанча, о которой мы только что говорили. Несколько большее распространение безрукавные плащи получили позже, в связи с западноевропейской модой.

Зимняя верхняя одежда. Теплой зимней верхней одеждой мужчин и женщин были разного рода *шубы* (сам термин восточного происхождения — «*джубба*»). Разнясь весьма значительно по покрою и материалу, шубы имели, по сути дела, одну непременную общую черту — они были меховыми. Бедные люди — крестьяне и горожане — носили, как и в древности, шубы преимущественно из овчины — шкур овец, гораздо реже — из козьего меха. В течение всего рассматриваемого периода в простонародной среде бытовали *кожухи*, т. е. нагольные, не покрытые материей шубы. Но в городской среде и в особенности у зажиточных горожан и феодалов шубы делались из тщательно подобранных, иногда драгоценных мехов, крылись красивой материей, украшались вышивкой, кружевом и т. п. Даже кожух, если он принадлежал князю, мог быть расшит каменьями и бляхами. У Ивана Калиты, например, было четыре кожуха, шитых жемчугом, в том числе один малиновый (червленый) и два — украшенные, кроме жемчуга, еще металлическими бляхами — аламами

(ДДГ, № 1, с. 8; *Базилевич*, 1926, с. 28—30). Но нужно сказать, что само понятие кожуха как нагольной шубы в ту пору, вероятно, начало уже утрачиваться; кожухом называли иногда и шубу, крытую материей. Один из кожухов Калиты был крыт желтой обьярью, а спустя полтораста лет верейский князь Михаил Андреевич завещал своему зятю, князю Дорогобужскому, «кожух крыт камкой, подбит соболем» (ДДГ, № 80, с. 312; *Базилевич*, 1926, с. 28—30). С другой стороны, шубой называли иногда и нагольную одежду, собственно кожух, например, при описи крестьянского имущества — «шуба нагольная бараня» (Т. Вор. УАК, V, № 8162/1936, с. 522). Шубы, как и кафтаны (как мы видели, бытовал и термин «кафтан шубный»), бывали разных фасонов в зависимости от моды, в частности, уже в XV в. известна *русская шуба*, а позднее — *шуба турская* — термины, аналогичные названиям фасонов кафтана. Богатые люди имели по многу шуб. В середине XVI в. в гардеробе князя Оболенского было шесть шуб: «шуба на соболях бархатная, шуба на соболях камка 11 пуговиц серебряных резных грановитых, шуба пупки собольи наголо, шуба кунья наголо... две шубы горностайны» (АФЗИХ, II, № 207, с. 210). В 1668 г. в г. Шуе В. И. Бастанов давал в приданое за дочерью пять шуб: «Шуба атлас золотный с круживом... на горностаях, шуба куфтерная желтая камчатая на соболях, круживо кованое серебряное, пуговицы серебряны позолочены; шуба атласная цветная на куницах, круживо цепковое золотое, пуговицы серебряны золочены; шуба куфтерная алая камчатная на горностаях, круживо кованое золотое, пуговицы серебряны золочены; шуба тафта цветная на хребтах на бельих, круживо кованое серебряное, пуговицы серебряны позолочены» (АШ, № 103, с. 185—188). Это перечисление богатых шуб стало в XVII в. мишенью демократической сатиры: в «Росписи о приданом» упоминаются «шуба соболья, а другая — сомовья» (РДС, с. 125) (т. е. «на рыбьем меху», как любили острить и позднее). Шуба попроще, на овчине или на заячьем меху, крылась крашениной и называлась *кошуля*. Кошулю носили мужчины и женщины (*Сав.*, с. 65).

О покрое шуб у нас сведений мало. Можно лишь сказать, что шуба делалась обычно распашной, рукава широкие суживались к кисти; бывали и откидные рукава (у турской шубы они сочетались с обычными) (*Гиляровская*, 1945, с. 75). Длина шубы менялась в зависимости от фасона — шуба могла быть лишь немного ниже колен и почти до пят. Воротник был меховой, различных фасонов (например, у русской шубы — отложной). Это была в общем свободная одежда, но шуба турская кроилась как халат, а русская — больше в талию. Украшения — те же, что и у другого верхнего платья: петлицы, пуговицы, кованое кружево, меховая опушка. Как мы увидим ниже, шуба была, пожалуй, самым парадным одеянием русских феодалов и зажиточных горожан. У богатых людей были специальные шубы разного назначения (например, столовая, санная или ездовая и пр.).

Бедный же человек довольствовался одной, совсем не роскошной шубой. Такую простую шубу носил, например, митрополит Филипп в период своей ссылки (1566—1569 гг.) (рис. 27). Она сохранилась как реликвия в патриаршей ризнице (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 309—310, рис. 1). Шуба — длинная, прямая, с небольшими расширяющими клиньями внизу.

Рукава, очень широкие сверху, к кисти суживаются; пуговицы (их всего 30) пришиты на правой поле, петли — на левой (следовательно, в XVI в. застежка была уже не только на левую сторону, но и «мужская» — на правую). Материалом для шубы служило домотканое черно-коричневое грубое сукно, покрывавшее обыкновенную коричневую овчину. Из овчины был и маленький отложной воротник. Но по покрою шуба была такой же, какие носили и феодалы. В частности, великий князь Василий Иванович, отец Ивана Грозного, изображен на портрете в шубе того же покроя.

Головные уборы. Головные уборы русских в XIII—XVII вв. были весьма разнообразны. Их состав и конструкция отражали как древние традиции, так и различные влияния. Наиболее традиционным был, пожалуй, женский головной убор. Его состав и конструкция были продиктованы тем, что (как уже сказано в предыдущей главе) издавна считалось, что замужняя женщина никому не должна показывать свои волосы, а если она будет «светить волосом», то от этого может произойти даже какой-либо вред для окружающих. «Спаси меня от колдуна и от девки гладковолосой и от бабы простоволосой»,— гласил старый заговор (АГО, р. II, оп. 1, № 65, л. 8 об). Но девушкам, независимо от того, были ли их волосы кудрявыми или гладкими, полагалось дома, а в летнюю пору и на улице ходить с открытой головой (см. рис. 20, *б*) (точнее — с непокрытым теменем). «Девушки ходят с открытой головой, нося только укрепленную на лбу богатую повязку; волосы девушек спадают до плеч и с гордым изяществом заплетены в косы»,— писал иностранец в 1698 г. (*Корб*, 1906, с. 243). В XVI—XVII вв. девушки нередко и завивали волосы (возможно, чтобы не быть «гладковолосыми»), носили их распущенными или заплетали в косу(причем старались заплетать возможно слабее, чтобы коса казалась толще) и перевивали пряди нитками (*Забелин*, 1869, с. 577). Девичью косу украшал *косник* или *накосник* — вплетенная в нее золотная нить или чаще — треугольная привеска, обычно на жесткой основе, богато расшитая нитками и жемчугом, окаймленная кружевом или металлическими пластинками. Вокруг головы (заплетала ли девушка косу или носила волосы распущенными) была *перевязка* — шелковая лента, а у богатых — и из золотых нитей. Украшенная на лбу шитьем (иногда — жемчугом), она называлась также *челом* или *челкой*; если орнамент шел по всей окружности — *венком* или *венцом*. Венец с зубцами по верхнему краю (*городками*) назывался *коруной* (*Забелин*, 1869, с. 577—580; *Гиляровская*, 1945, с. 105). Мы видим, что девичий головной убор сохранил очень много общего с древним, о котором говорилось в предыдущей главе.

Женский головной убор отражен в источниках довольно подробно. Основные части его перечислены в свадебном чине, рекомендованном в XVI в. Домостроем. При приготовлениях к свадьбе предписывалось на блюдо возле «места» молодых в доме невесты «положити кика да положити под кикой подзатыльник, да подубрусник, да волосник, да покрывало» (ДЗ, ст. 67, с. 166—167, 175—176).

Подубрусник или *повойник* представлял собой легкую мягкую шапочку из цветной материи; под него и убирались заплетенные в две косы волосы женщины. Сзади повязывался для той же цели одинаковой с повойником расцветки платок — *подзатыльник*. Поверх всего надевали *убрус* — полотенчатый, богато вышитый головной убор, закалывавшийся специ-

альными булавками (другое его название — *шлык*), или *волосник* — сетку с околышем из золотных или вышитых золотом материй. Археологические находки волосников (в погребениях знатных женщин) датированы XVI и XVII вв. в Москве на ул. Фрунзе (на территории бывшего Знаменского монастыря) под надгробной плитой 1603 г. найден волосник, на околыше которого вышиты изображения единорогов (*Григорьев*, 1954, с. 328—329) —символ смерти. Возможно, этот волосник был заготовлен хозяйкой специально, как смертная одежда. По мнению И. Е. Забелина, волосник надевали иногда вместе с убрусом —под убрус или поверх него (*Забелин*, 1869, с. 600).

Рис. 28. Купчиха в сарафане и кокошнике. XVIII в.

Наконец, главной частью головного убора была (очевидно, в тех случаях, когда поверх волосника не надевался убрус или шлык) *кика* или *кичка* — символ замужества. Кика имела мягкую тулью, окруженную жестким, расширяющимся кверху подзором. Она была крыта яркой шелковой тканью, спереди имела расшитое жемчугом *чело*, у ушей — *рясы*, сзади — *задок* из куска бархата или собольей шкурки, закрывавший затылок и шею с боков. Поверх кики надевался иногда еще платок, так что оставалось видно чело (*Гиляровская*, 1945, с. 103).

Кроме кики, источники XVII в. называют еще *сороку* и (чаще) *кокошник* (рис. 28), но исследований конструкции этих уборов нет. Сам же характер упоминаний не позволяет судить об этом. Исследователи отмечают связь упоминаемых в XVI—XVII вв. кики, сороки и кокошника с женскими головными уборами, бытовавшими у крестьян и даже у горожан еще в середине XIX в. «В некоторых захолустьях,— писал П. Савваитов,— еще и в настоящее время можно видеть не только у крестьянок, но даже у горожанок головной убор, похожий на бурак или кузовок, иногда с рогами, сделанными из лубка или подклеенного холста, обтянутый позументом или тканью яркого цвета и украшенный разными вышивками и бисером, а у богатых баб — даже жемчугом и дорогими камнями» (*Сав.*, с 56). Но разницы между кикой, сорокой и кокошником Савваитов не видел. В. И. Даль в середине XIX в. писал о сороке: «Это некрасивый, но самый богатый убор, уже выходящий из обычая; но мне самому еще случалось видеть сороку в десять тысяч рублей» (*Даль*, IV, с. 281). Богато вышитую свадеб-

ную сороку — *золотоломку*, которую молодуха носила по праздникам и в первые два — три года после свадьбы и в XIX — начале XX в., отмечает Г. С. Маслова (*Маслова*, 1978, с. 16).

Головные уборы и их части перечислены обычно в составе приданого. В 1668 г. в г. Шуе описано три волосника: «Волосник с ошивкою, ошивка низана зерны (жемчугом.— *М. Р.*) половинчатыми с каменьи и с изумруды и с яхонты и с зерны; волосник золотный с ошивкой, ошивка шита битным золотом обнизаная; волосник золотный, ошивка шитая волоченым золотом с зерны; ошивка цепковая двойная» (АШ, № 103, с. 188). В том же городе в 1684 г., по-видимому, в семье феодала было дано в приданое три кокошника: «кокошник низан по червчатому атласу; кокошник шитой золотом по тафте; кокошник тафтяной с галуном серебряным» (АШ, № 163, с. 298). В 1646 г. в составе имущества посадского человека — шуянина было, между прочим, «8 сорок шиты золотом... кичка дорогильна зелена, очелье шито золотом» (АШ, № 61, с. 110—112). В 1690 г. в одном московском завещании упомянут «кокошник низаной с яхонты с изумрудом» (АЮБ, I, № 86—III, с. 563). В 1694 г. в г. Муроме среди приданого девушки из рода Суворовых — «кокошник низаной, 5 кокошников шитых с галунами, 5 подбрусников атласных и камчатых, ошивка низаная, ошивка цепковая» (АЮБ, III, № 334—VI, с. 294—295). В 1695 г. А. М. Квашнин давал за дочерью 11 кокошников — 3 парадных и 8 попроще. Кокошник получила в приданое и дочь А. Тверьковой из г. Кашина (АЮБ, III, № 336—V, с. 312). В 1696 г. гость И. Ф. Нестеров дал за дочерью «кокошник жемчюжен с каменьем» (АЮБ, III, № 336—VI, с. 313). Различия здесь, скорее, социальные, чем территориальные: сорока и кика— у посадских людей, кокошник — у феодалов и высшего слоя купцов. Если вспомнить, что в середине XVII в. Мейерберг изобразил московскую крестьянку в кичкообразном (расширяющемся кверху) головном уборе (*Мейерберг*, 1903, л. 86), то можно предположить, что в центральных русских землях — бывших Московском и Владимирском княжествах — по крайней мере в XVII в. был женский кичкообразный головной убор. Кокошники же были принадлежностью туалета знатных и богатых женщин повсеместно. В предыдущей главе мы говорили, что в северных русских землях какие-то уборы на жесткой основе существовали и до XIII в. Но кика и сопровождавшие ее части головного убора, о которых говорилось выше, вероятно, имели большее распространение и поэтому еще в XVI в. вошли в такое общерусское руководство к устройству семейной жизни, каким был Домострой.

Итак, традиционный, очень сложный по составу головной убор, который не снимали и дома, был характерен для всего рассматриваемого нами периода и удержался у некоторых социальных слоев также значительно позднее, еще почти на два столетия. Выходя на улицу, женщина надевала поверх этого убора платок или (у зажиточных слоев населения) шапку или шляпу. Источники знают, помимо общего названия *шапка* и *шляпа*, также специальные термины, обозначавшие женские уличные головные уборы различных фасонов: *каптур*, *треух*, *столбунец* и даже *чепец*. Женские шляпы были круглыми, с небольшими полями, богато украшались шнурами из жемчужных и золотных нитей, иногда — драгоценными камнями. Шапки были меховыми, по большей части — с матерчатым верхом.

Шапка столбунец была высокой и напоминала мужскую горлатную шапку, но суживалась кверху и имела дополнительную меховую опушку на затылке. Каптур был круглым, с лопастями, закрывавшими затылок и щеки, треух напоминал современные ушанки и имел верх из дорогих тканей (*Забелин*, 1869, с. 577—603; *Сав*., с. 149—150; *Гиляровская*, 1945, с. 105). Иногда платок — *фата* — повязывался поверх меховой шапки, так что угол его свешивался на спину. «Шапка польская с куницей, верх камчатной, треух куней верх изобравной»; «шапка женская шитая битым золотым с круживом низанным... шапка горлатная лисья» (всего перечислено пять шапок); «каптур соболей наголной»; «чепец косой камчатной красной, круживо золотое с серебром» (всего перечислено три чепца) (Пенза, 1701 г.: АЮБ, III, № 334—IX, стб. 300; Шуя, 1668 г.: АШ, № 103, с. 186—187; 1576 г., АЮ, № 248, с. 266; конец XVII в., АЮБ, III, № 328—IV, стб. 267). Таковы упоминания женских головных уборов в источниках XVI—XVII вв.

Мужские головные уборы также претерпели в XIII—XVII вв. существенные изменения. Изменилась и сама прическа. В XIII в. в моде были распущенные волосы, подстриженные чуть выше плеч. В XIV—XV вв. на севере Руси, по крайней мере в Новгородской земле, мужчины носили длинные волосы, заплетая их в косы (*Арциховский*, б. г., с. 29). В XV—XVII вв. волосы подстригали «в кружок», «в скобку» или стригли очень коротко (*Гиляровская*, 1945, с. 82—83). Последнее, видимо, было связано с ношением дома небольшой, закрывавшей только макушку круглой шапочки вроде восточной тюбетейки — *тафьи* или *скуфьи*. Привычка к такой шапочке уже в XVI в. была так сильна, что Иван Грозный, например, отказывался снимать тафью даже в церкви, несмотря на требования самого митрополита Филиппа (*Костомаров*, 1860, с. 71). Тафья или скуфья могли быть простыми темными (у монахов) или богато расшитыми шелками и жемчугом.

Пожалуй, наиболее распространенной формой собственно шапки был *колпак* или *калпак* — высокий, кверху суживавшийся (иногда так, что верх заламывался и отвисал). Внизу у колпака были узкие отвороты с одной-двумя прорехами, к которым прикреплялись украшения — пуговицы, запоны, меховая оторочка. Колпаки были распространены чрезвычайно широко. Они были вязаные и шитые из разных материй (от бели и бумаги до дорогих шерстяных тканей) — спальные, комнатные, уличные и парадные. В завещании начала XVI в. раскрывается любопытная история о том, как рузский князь Иван взял у своей матери — волоцкой княгини — «во временное пользование» разные фамильные драгоценности — в том числе серьги из сестриного приданого — и пришил себе на колпак, да так и не отдал (ДДГ, № 87, с. 349—350). Должно быть, этот колпак был очень нарядным головным убором щеголя. Столетием позже среди имущества Бориса Годунова упомянут «колпак саженой; на нем 8 запон да на прорехе 5 пуговиц» (*Сав*., с. 55). Мы уже говорили в предыдущей главе, что колпак или, как его тогда называли, *клобук* был распространен на Руси и в древности. Разновидностью колпака был в XVII в. *науруз* (само слово иранского происхождения), имевший, в отличие от колпака, небольшие поля и также украшенный пуговицами и кистями (*Сав*., с. 84). Поля науруза были иногда загнуты вверх, образуя острые уголки, ко-

торые любили изображать миниатюристы XVI в. Г. Г. Громов считает, что при этом татарский колпак имел также заостренный верх, тогда как русский головной убор был сверху закруглен (*Громов*, 1977, с. 206—208).

Мужские шляпы имели круглые поля («полки») и были иногда валяными, как позднейшие крестьянские шляпы. Такая шляпа со скругленной тульей и небольшими, загнутыми кверху полями, принадлежавшая, по-видимому, рядовому горожанину, найдена недавно в г. Орешке в слое XIV в. (*Кирпичников*, 1969, с. 24).

Среди зажиточных слоев населения в XVII в. были распространены *мурмолки* — высокие шапки с плоской, суживающейся кверху, наподобие усеченного конуса, тульей и с меховыми отворотами в виде лопастей, пристегивавшихся к тулье двумя пуговицами. Мурмолки шили из шелка, бархата, парчи и украшали дополнительно металлическими аграфами (*Сав.*, с. 80).

Теплыми головными уборами мужчин были меховые шапки. Источники называют *треух* или *малахай* — шапку-ушанку, такую же, как и у женщин. Наиболее парадной была *горлатная шапка*, которая делалась из горловины меха редких зверей. Она была высокая, расширяющаяся кверху, с плоской тульей. Наряду с горлатными шапками упоминаются также *черевьи*, т. е. сделанные из меха, снятого с живота зверя.

Подобно тому как принято было надевать при парадных выходах одну одежду поверх другой (например, зипун — кафтан — однорядку или шубу), надевали и по нескольку шапок: тафью, на нее колпак, а поверх него еще горлатную шапку (*Костомаров*, 1860, с. 72).

Особые головные уборы (разного рода *клобуки*) были у духовых лиц различных рангов.

Важной регалией властителей оставалась *княжеская шапка*. Характерно, что появившаяся у московских великих князей в XIV в. «золотая шапка», позднее (в начале XVI в.) названная «шапкой Мономаха», была переделана с таким расчетом, чтобы походила на старинную княжескую шапку. Золотую тюбетейку бухарской работы снабдили традиционной русской собольей опушкой (*Арциховский*, б. г., с. 293; *Рабинович*, 1957, с. 48—49). Наверху поместили крест, хотя в древности княжеские шапки крестом не увенчивались. Так была создана традиционная форма венца московских царей: все последующие царские венцы XVI и XVII вв. подражали по своей форме «шапке Мономаха».

Пояса и украшения. Важную роль в русской одежде играли разного рода опояски — от простого плетеного пояса крестьянина и рядового горожанина до драгоценного золотого пояса с каменьями — регалии князя-военачальника, пояса, из-за которого однажды даже разгорелась феодальная война. Рассматривая предметы верхней и домашней одежды, мы говорили, какие из них подпоясывались. Но люди выходили на улицу, надевая один на другой несколько таких предметов, и как на мужчине, так и на женщине при этом могло оказаться несколько опоясок.

Простейшими были пояса тканые, плетеные и витые, какие сохранились в крестьянском быту и в XIX в. (Русские, карта 61). Один узорный шерстяной тканый пояс найден при раскопках в Москве, в слое XVI в. (*Рабинович*, 1964, с. 281; *Громов*, 1977, с. 214). Таким поясом, а также витым шнуром подпоясывали мужскую и женскую рубахи, сарафан. На

новгородской иконе XIV в. дети изображены в рубахах, подпоясанных поясами-шнурами с кистями на концах.

Место, где полагалось быть поясу, уточнялось модой. В XVII в., например, модно было подпоясываться ниже талии, чтобы больше казался живот — так считалось «солиднее» (*Олеарий*, с. 172—173). Некоторые исследователи предполагают, что и в ту пору молодежь все же старалась выглядеть стройней и подпоясывалась по талии (*Гиляровская*, 1945, с. 81). Верхнюю одежду подпоясывали ременным поясом (находки пряжек нередки) или матерчатым кушаком. Кушаки, надеваемые поверх кафтана, бывали из тканей ярких цветов — кумачные, бумажные, а у богатых — из дорогих привозных материй, с особо украшенными концами, которые свисали книзу. Среди царского платья в музеях Московского Кремля сохранился дорогой, вытканный золотом и серебром кушак из числа 12 кушаков, подаренных в 1621 г. царю Михаилу Федоровичу персидским шахом Аббасом (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 345—346). У князя Ю. А. Оболенского были даже «кушаки бумажные пушены горностаем» (АФЗИХ, II, № 207, с. 211).

Высшие военачальники, крупные феодалы, князья носили и драгоценные золотые пояса. Недаром иноземцы называли членов новгородского Совета господ «золотыми поясами» (*Никитский*, 1869, с. 300). В духовных грамотах — завещаниях московских великих князей и царей — не раз названы эти фамильные драгоценности. У Ивана Калиты было девять драгоценных поясов, у Ивана Красного — четыре, у Дмитрия Донского — восемь (*Базилевич*, 1926, с. 8—12). Сыновья великих князей получали в наследство не только удел, но и драгоценности, среди которых обязательно был и золотой пояс.

К поясу, будь он ременный или золотой, привешивались, как и в предыдущий период, разные необходимые вещи, в том числе нож в ножнах и обязательно сумочки, заменявшие карман (в те времена карманов не было не только у женщин, но и у мужчин). Только к концу рассматриваемого периода — в XVI—XVII вв.— появились карманы, которые сначала пристегивались к одежде (*кишень*), а потом стали нашиваться (*зепь*) (*Сав.*, с. 56—57, 40). Такая сумочка (вернее, коробочка) из драгоценного металла называлась *капторгой*, кожаная сумка — *калитой* или *мошной*, впрочем, два последних названия уже очень рано приобрели общее значение кошелька; уже в XIV в. калитой был, как известно, прозван за свое скопидомство даже сам московский князь. В духовной грамоте Дмитрия Донского находим «пояс золот с калитою».

Кожаные калиты найдены при раскопках в Новгороде Великом и в Москве (*Изюмова*, 1959, с. 218—220; *Рабинович*, 1964, с. 112—115). Подобные сумочки носили мужчины и в Западной Европе, как на поясе, так и через плечо (TWW, t. 1, tabb. 9, 19, 21, 25 u.a). У немцев они назывались в XIV—XV вв. Reisetaschen и комбинировались иногда с небольшим кинжалом. Эти сумочки обычно ничем не украшались, в то время как русские калиты зачастую богато орнаментировались (рис. 29).

Итак, пояс с калитой был не только необходимой частью туалета, но и украшением. То же можно сказать о воротниках и обшлагах одежды. Большинство предметов одежды, о которых мы говорили раньше, воротников не имело. Русская рубаха оставалась, как и в IX — XIII вв., «голо-

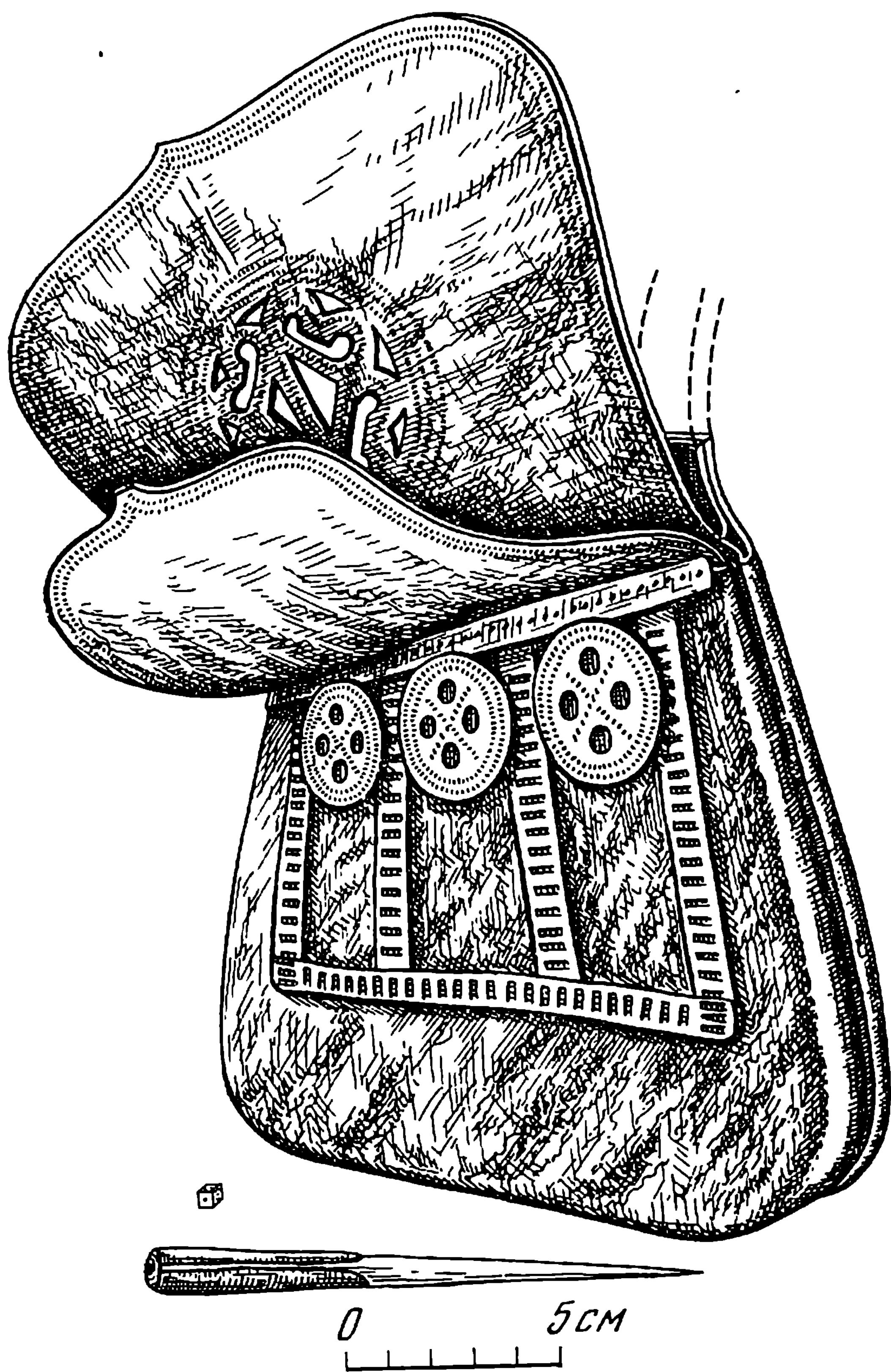


Рис. 29. Кожаная калита. Москва, XV в.

шейкой». Но богато вышитый воротник — *ожерелье* — пристегивался к рубахе, зипуну, кафтану и даже к однорядке и был важным украшением одежды. У богатых людей мужские и женские ожерелья вышивались жемчугом. «Ожерелья зожоно, а исподний ряд снизан»..., «ожерелья 3 жемчужных...» (ДДГ, № 87, с. 349; АЮБ, III, № 328—V, с. 268),—читаем нередко в грамотах. Украшением ожерелья служили и пуговицы: «ожерелье сажено жемчугом, 6 пуговиц жемчужных» (АФЗИХ, II, № 207, с. 210).

Шитое жемчугом ожерелье стоило очень дорого. Среди имущества московского гостя Григория Юдина находим ожерелье женское ценой 700 р., 2 ожерелья женских по 300 р., ожерелье мужское 400 р., 10 ожерелий мужских, стоячих и отложных с жемчугом, каменьями указаны без цены (АГР, I, № 110, с. 389). Косвенно эта опись указывает и на то, что женские ожерелья отделывались богаче, чем мужские. Ожерельем назывался также меховой стоячий воротник, пристегивавшийся к шубе. У князя Оболенского, например, было «ожерелье боброво» (АФЗИХ, II, № 207, с. 211).

Подобные ожерельям вышитые манжеты назывались *зарукавьями* или *запястьями* и были также распространены в мужской и женской одежде. Например, надевая верхнюю одежду с откидными рукавами, можно было просовывать руки в прорези у пройм и щеголять драгоценными зарукавьями, пристегнутыми к рубахе, зипуну или кафтану. «Запястье сажено жемчугом»,— читаем в той же духовной XVI в. (АФЗИХ, II, № 207, с. 24).

Одежда украшалась также вышивкой у ворота, плеч, бортов, петель, обшлагов и подола, нашивными бляхами — *аламами*. При этом широко применялись обшивка галунами и нашивка петель из серебряного и золотого шнура с жемчугом и каменьями. Края одежды обшивались также металлическим кованым, плетеным или низаным жемчугом, кружевом.

Важным украшением одежды служили, как уже сказано, *пуговицы*, которые у богатых были серебряными, золотыми, жемчужными и т. п. Это явление — общее для всей Европы. На русских одеждах бывали и пу-

говицы литовского и немецкого дела (*Сав.*, с. 113). П. Савваитов приводит интересные данные о числе пуговиц на разных предметах одежды. К кафтану полагалось 13—19 пуговиц, к опашню — 11-30, к однорядке 15—18, к ферязи 3—10, к чуге 3—22, к шубе 8—16, к зипуну 11—16, к кожуху 11, епанче — 5, армяку — 11, терлику — до 35, телогрее 14—24 (*Сав.*, с. 114). Впрочем, какой-нибудь щеголь мог нашить на одежду и гораздо больше пуговиц: «Кафтан суконный... 42 пуговицы канительные... петли снурок золотной» (*Сав.*, с. 101). Вместо пуговиц иногда пришивали особые костыльки — *кляпыши*, тоже красивые и дорогие.

Что же касается собственно украшений, к одежде непосредственно не прикреплявшихся, то в XIII—XVIII вв. произошли существенные изменения. Древний красочный племенной убор с характерными для него височными кольцами отмер, и простые женщины — крестьянки и горожанки — стали носить гораздо меньше украшений. Следы этой древней моды можно увидеть в вышивке головных уборов и украшениях неметаллических — «пушках», «кудрях». Но богатые женщины имели множество драгоценностей. Описи имущества, приданого, свадебные договоры, завещания пестрят упоминаниями *перстней*, *обручей* (браслетов), *монист*, *серег*. Кое-что из этого богатства сохранилось в наших музеях.

Серьги вдевались в мочки ушей и представляли собой золотое или серебряное кольцо или крючок с привесками из металлических бус или чаще из драгоценных камней. По числу привесок серьги назывались *одинцы*, *двойни*, *тройни* (*Сав.*, с. 126; *Базилевич*, 1926, с. 6—8). Одну серьгу носили и мужчины. Этот древний обычай, прослеживающийся, как мы видели, еще с X в., существовал и в рассматриваемый нами период. Московский великий князь Иван Иванович в 1356 г. завещал своим малолетним детям — Дмитрию и Ивану — по серьге с жемчугом.

На шее женщины носили *монисто* — ожерелье в нашем современном смысле слова. Иногда и *гривну*. Мужских гривен в XIII—XVI вв. не упомянуто. Монисто состояло из бус, более или менее дорогих, в зависимости от состояния. На кистях рук носили обручи, на пальцах — перстни. Богатая женщина носила на каждой руке по нескольку обручей и перстней. Мужской золотой перстень назывался *жиковина* или *напалок*. *Рясы* — пряди жемчужных зерен — украшали женский головной убор, *заноски* — золотые цепочки для крестов и просто золотые цепки носили на шее (*Базилевич*, 1926, с. 28—29).

Вот примерный набор драгоценных украшений богатой русской женщины конца XV в.: «двои серги одни яхонты, а другие лалы... трои серги, двои яхонты, а третьи лалы... монисто большое золото да три обруча золоты... монисто на гайтане... два обруча золоты... да три обруча золоты... перстни золотые 17» (ДДГ, № 87, с. 349—350). «Серги жемчужные двойчатки — перстней восемь золоченых... две цепочки серебряны» были даны в конце XVII в. в богатом приданом в г. Ростове (АЮБ, III, № 328 — V, с. 267—269). «Круживо жемчужное на шапку цена рубль... золотник жемчуга с четвертью цена 20 алтын... кошельки (серьги, сплетенные из жемчуга. — *М. Р.*) цена 2 р... серги серебряные под золотом с цепью серебряною да два креста цена 8 гривен» — все это было дано в приданое дворянской девушке из Ровдогорья на Северной Двине в 1647 г. Здесь интересно обилие жемчуга и относительно низкая его цена, что характерно для рус-

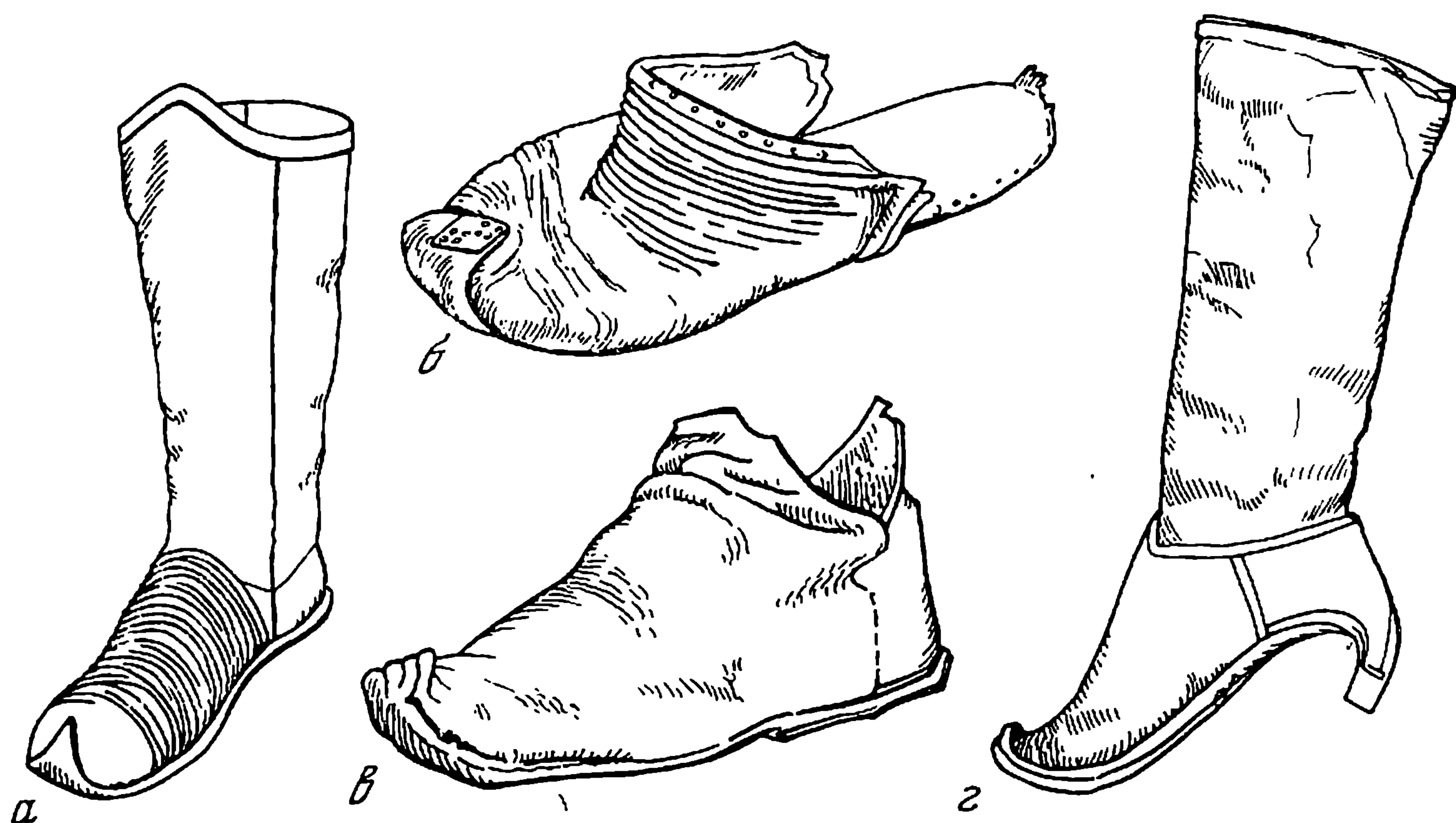


Рис. 30. Кожаная обувь:

а — сапог. Москва, XV—XVI вв. Реконструкция;
б — часть головки сапога из раскопок в Москве. XVI—XVII вв.;
в — головка сапога. Новгород;
г — сапог. Новгород, XVII в.

ского Севера (АГО, р. I, оп. 1, № 3, л. 21—21 об.). А в брачной записи рядовой крестьянки в XVI в. упомянуты единственные серебряные серьги.

Обувь. Наиболее распространенной мужской и женской обувью в XIII—XVII вв. оставались лапти. Их носили почти все крестьяне и изредка горожане. Развилось и производство лаптей на продажу.

Другим распространенным среди простонародья видом обуви были *поршни* примерно той же конфигурации, какую мы описали в предыдущей главе. Находки кожаных поршней и их частей встречаются при раскопках в городах, однако реже, чем находки другой кожаной обуви. Разновидностью поршней считают *моршни* или *у́леди*, делавшиеся из бычьей сыромятной кожи и сочетавшие как будто бы кожаный низ с войлочным ве́рхом (*Сав.*, с. 155). Часть кожаной обуви, подложенной (кроме войлочной стельки) войлоком так, чтобы стопа была прикрыта и сверху, найдена однажды при раскопках в Москве, в Зарядье, в слое XVI в. (*Рабинович*, 1964, с. 228). Может быть, это и были у́леди. Известна и какая-то обувь типа поршней, называвшаяся *сту́пни*. Один иноземный купец, живший во Пскове в начале XVII в., переводил это название немецким словом Schuhe (*Хорошкевич*, 1967, с. 208).

В городах больше распространены были *чоботы*, *черевики* и *сапоги* (рис. 30). Чоботы и черевики отличались от сапог примерно так, как позднейшие ботинки: они были короткими, без голенищ в собственном смысле этого слова, спереди могли иметь разрез или собирались вокруг ноги на шнуре-вздержке.

При археологических раскопках в Новгороде, Москве, Переяславле Рязанском и других городах части чобот и черевиков — находка не частая, встречающаяся преимущественно в XIII—XV вв. (*Изюмова*, 1959, с. 214; *Рабинович*, 1964, с. 288; *Шелящина*, 1973, с. 152—153; *Оятева*, 1974). Среди них — и богато украшенные тиснением или с ажурным орнаментом.

В последнем случае, вероятно, в дырочки продергивались цветные нити, образуя разноцветный узор. Большинство предметов сделано из черной кожи, но были и более нарядные чоботы разных цветов и материалов — сафьянные, атласные, бархатные (матерчатые — с вышивкой) (*Сав.*, с. 165—166).

Сапоги (наиболее распространенная обувь горожан), как и прежде, имели относительно короткие голенища. «Сапоги они носят по большей части красные и притом очень короткие, так, что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками»,— писал в XVI в. о московитах С. Герберштейн (*Герберштейн*, 1906, с. 123). Сапоги, как и башмаки, делались из различных сортов кожи. Дорогие были не только черными или красными, но и желтыми и зелеными; особым разнообразием цветов отличалась сафьянная обувь. В качестве украшения широко применялось тиснение, причем более сложный узор оттискивался на голенищах, а на передках сапог тиснение чаще имитировало естественные складки кожи, но более правильные и мелкие. Кроме того, иногда край голенища украшался цветной материей, а то и весь сапог покрывался дорогим шитьем. Так, в 1252 г. князь Данил Галицкий носил «сапоги зеленого хъза шити золотом» (ПСРЛ, I, стб. 814). В XVII в. на Северной Двине, в Ровдогорье, зажиточной невесте в приданое дали две пары сапог: «сапоги телятинные красные с шелком да другие пришвы» (АГО, I, № 3, л. 21 об).

Фасоны сапог и башмаков менялись согласно моде и в зависимости от наличия разных сортов кожи. Так, мы уже говорили, что более древняя обувь делалась из тонкой кожи и была поэтому мягкой, шилась выворотным способом. Подошва составлялась из нескольких слоев кожи. Мягкие сапоги — *ичеготы*, *чедыгчи* (это название тюркского происхождения) — были и в XVI—XVII вв. (*Сав.*, с. 43). Но, начиная с XIV в., появляется и толстая, жесткая подошва. Е. И. Оятева отметила, что из 110 фрагментов обуви, найденной в слоях XIV—XVII вв. в Переяславле Рязанском, 103 принадлежали обуви жесткой конструкции и только 7 — мягкой (*Оятева*, 1974, с. 189—192). При этом постепенно перестали шить и симметричную обувь «на обе ноги». В случае, описанном Е. И. Оятевой, даже мягкая обувь была в большинстве асимметричной: на правую или на левую ногу, и только один экземпляр — симметричный. Подошва пришивалась к переду и для крепости подбивалась гвоздями, а на пятке — и подковой, задник прокладывался берестой. К XVI—XVII вв. стала преобладать обувь на среднем или высоком каблуке. Каблук делался из многих слоев кожи, иногда скреплявшихся металлической скобкой, и подбивался также металлической подковкой. Носки сапог и башмаков в зависимости от моды были закругленными или несколько приподнятыми кверху (острый носок подошвы при этом вшивался в специальный вырез переда).

Наряду с модной городской обувью в источнике XVII в. отмечены также «сапоги мужские крестьянские» (Т. Вор. УАК, V, № 8108/1882, с. 506—507), вероятно, какие-то рабочие сапоги типа бахил. В большинстве же случаев источники не делают разницы между парадной, повседневной и рабочей мужской и женской обувью.

Кроме чобот, черевиков и сапог, С. А. Изюмова выделяет еще полусапожки — с более коротким, чем у сапог, голенищем и мягким (без берестя-

пой прокладки) задником (*Изюмова*, 1959, с. 205, 213). Однако письменные источники эпохи средневековья такого термина не знают, и мы вынуждены рассматривать полусапожки как разновидность сапог.

Обувь, лыковую и кожаную, по-прежнему надевали на *онучи* как мужчины, так и женщины. Онучи бывали холщовые, суконные, на меху — *шкарпетки*. Иногда они дополнялись ноговицами и наколенниками (*Сав.*, с. 92, 176, 181).

Все большее распространение получали *чулки* — вязаные и шитые из шелковых материй. Теплые чулки подкладывали мехом. Длина чулок бывала, как видно, различной (в описи имущества Ивана Грозного значились чулки «полные» и «полуполные»). Носили чулки на подвязках (*Сав.*, с. 168). В. О. Ключевский считал, что вязаные чулки распространились только с XV в. (*Ключевский*, 1867, с. 190). Савваитов также отличал «чулки вязаные немецкие дело». Однако, как уже было сказано, вязаные чулки были и местного производства.

На руках носили *рукавицы — рукавки* и *перчатки — рукавки персчатые*, т. е. со всеми пальцами. Делали их кожаными, сафьяновыми, вязаными, суконными, наконец, из шелковых и золотных материй. Богатые рукавицы украшались дорогим шитьем. Они имели краги — *запястья*, которые и были главным полем для украшения, как и тыльная сторона кисти. «Теплые» рукавицы и перчатки были на меху, «холодные» — просто на подкладке.

Важным дополнением костюма служили богато вышитые платочки — *ширинки* из полотна, бязи, кисеи, миткаля, разных шелковых материй. Особую роль они играли при трапезах, гостеваньях и различных обрядах, о чем речь будет ниже.

* * *

Теперь попытаемся представить себе костюм в целом — комплекты одежды различных половозрастных и социальных групп русских в XIII—XVII вв. Письменные, вещественные и изобразительные источники характеризуют женскую, мужскую и детскую одежду русских крестьян, бедных и богатых горожан и феодалов. Освещение это, разумеется, неравномерно; о мужском костюме больше данных, чем о женском, о детском — совсем немного; о крестьянском — меньше, чем о городском, и больше всего — о костюме феодалов. Есть и некоторые сведения о военном платье.

Крестьянская одежда. Прямые или косвенные описания крестьянского костюма в письменных источниках дошли до нас не ранее, чем от XVII в. В 1649 г. в г. Шуе «за посадом» было найдено мертвое тело, по-видимому тело крестьянина. «Платье на нем кафтанишко армячное смуро худенько, а рубашенко да порты да штанишки серые, онучишки серые худые ж, на трусченко поясненко живеное (т е. из цветной шерстяной пряжи.— *М. Р.*), лаптей и креста на нем нет» (АШ, № 64, с. 115—116) — это, несомненно, платье бедного крестьянина, в котором он мог приехать в город. В Воронежском у. в 1679 г. в подобном же случае на «мертвом теле мужского полу» были «шуба наголная бараня, кафтан желтой козлиной, штаны козлиные же, в лаптях, без шапки» (Т. Вор. УАК, V, № 8186/1956, с. 527). Тут, видимо, описание неполное: не упомянуты белье, пояс и онучи.

В 1628 г. В. Я. Воронцов жаловался, что по дороге из г. Шуи были ограблены его крестьяне — староста Ондрюшка Ефремов, «человек» (вероятно, дворовый) Олешка Семенов и крестьянин Потапко Дементьев. Они везли на трех подводах платье своего господина и его жены, которое было положено «для береженья» в г. Шуе у одного посадского человека. При этом похищены не только барские вещи, но и раздеты сами возницы. На старосте был «кафтан сермяжный, кафтан бараний, теплый, шапка лазорева сукно настрафильно, рукавицы барановы», на крестьянине — «кафтан сермяжный, кафтан овчинный, шапка вишнево сукно лундыш на лисице, рукавицы», у него же отнято «сукно сермяжное», возможно служившее санной полстью. Лучше был одет боярский «человек». На нем были «однорядка лазорева сукно настрафильно, кафтан киндяшный червчат на зайцах, кушак бумажный, шапка сукно вишнево лундыш на лисицах» (АШ, № 28, с. 49—51). Здесь перечислена только верхняя одежда. Но важно отметить, что меховой теплый кафтан служил в качестве зимней дорожной одежды и что крестьянские шапки были по качеству лучше остального платья; они, видимо, ценились и имели, как мы бы сейчас сказали, престижное значение. Интересно сопоставить цвет: голубая однорядка, красный кафтан и вишневая шапка у дворового, нагольные, по всей вероятности, кафтаны старосты и крестьянина и их шапки — лазоревая и вишневая.

В 1666 г. в с. Черная Заводь Ярославского у. был ограблен зажиточный крестьянин. Вот перечень отнятого: «кафтан серый, шапка вишневая, крест серебряный, пояс шелковый» (БС, А, № 69, с. 12). Южнее, в Воронежском у., в подобном же случае у помещичьего крестьянина взяли «зипун да шубу, штаны, рубаху, портки, крест» (Т. Вор. УАК, V, № 2947/1721, с. 598) т. е. раздели донага. Ограбление, по словам челобитчика, было совершено в мае. Нужно думать, что шубу крестьянин взял в дорогу на случай холодной ночи. В г. Романове Воронежского у. в 1678 г. были ограблены пять крестьян. У них отнято пять шуб бараньих, пять рукавиц (вероятно, пять пар рукавиц), пять шапок, пять штанов — только теплое верхнее платье (Т. Вор. УАК, V, № 2947/1721, с. 396, № 8408/2182, с. 598).

На изображениях крестьян можно различить довольно короткую (до колен) верхнюю одежду — зипун или кафтан, из-под которой иногда видны рукава рубахи. Зачастую крестьяне изображены и в одних рубахах, особенно за работой (пахота, сев, строительство (рис. 31—32). Рубахи относительно короткие (немного выше колен), подпоясаны; рукава узкие, у кистей застегнуты или завязаны (ЖС, л. 128, 150 об.).

Крестьянка нарисована всего один раз — в книге А. Мейерберга. На «московитской крестьянке» — кичкообразный головной убор, длинная рубаха, выглядывающая из-под поневы с бахромой (*Мейерберг*, 1903, л. 86). Комплекс женской одежды с поневой упомянут в 1678 г. в Воронежском у., опять-таки среди ограбленного имущества: «рубаха, понева, покром (т. е. кромка какой-то ткани, возможно — полотенчатый головной убор.— *М. Р.*)» (Т. Вор. УАК, V, № 8169/1943, с. 524). Другое упоминание «женской поневы» относится к Тульскому у. (1608 г.). В памфлете на помещичий род Сухотиных говорится, что один из них, «собравшись с такими же ворами и советники своими, подняв прапоры и зна-

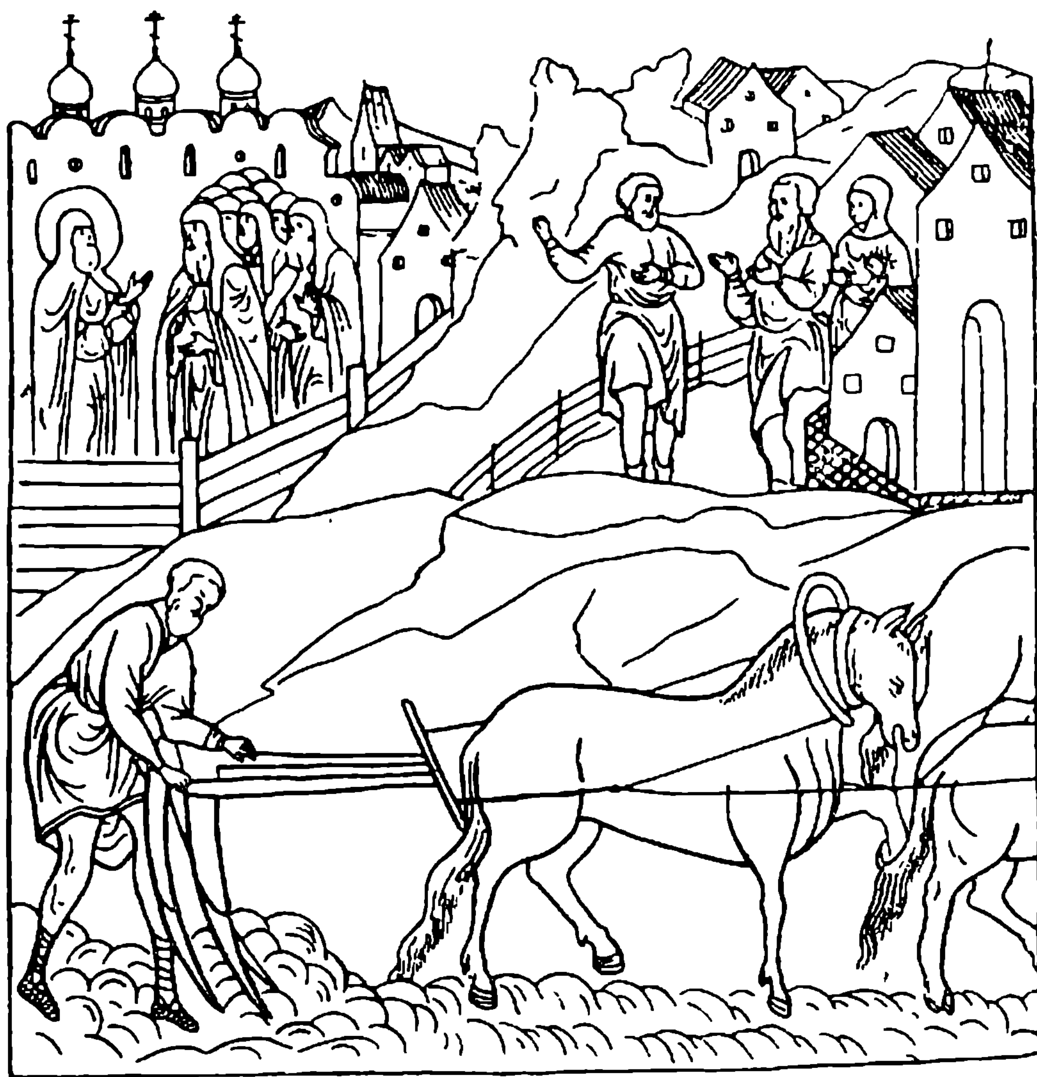


Рис. 31—32. Крестьяне за работой. Миниатюры XVI в.

мена и забив в бубны и навязав женские поневы, пошел с Тулы Колускою дорогою служить ему, вору Матюшки» (*Александров*, 1971 с. 120).

Интересны перечни крестьянского имущества, содержащие и различные предметы одежды. Например, в избе живущего в Воронеже крестьянина в коробе лежали «холсты посконные 4, остаток холстины аленой, платок кисейный, скатерть посконная, покром червчатая, кодман, понева, деланка, рубаха женская аленая, две рубахи женские конопные, моток пряжи суконной синей, полка браная женская, перстни серебряные женские 3, железа ножные, серпов 6, блюда деревянные 4». Если не считать конских пут, то все остальное — специфически женское имущество, среди которого и полный комплект небогатой одежды. В других перечнях крестьянского имущества находим: «шапка кунья, вершик красный доброго сукна, холстина 1000 локтей, рубашек 20» (Т. Вор. УАК, V, № 2750/1524, с. 332; № 1282/56, с. 16—17); «2 сукмана, 10 рубах» (АМГ, II, № 653, с. 404); кафтанов теплых 3, кафтанов сермяжных 3, однорядок 2, телогрей теплых 2, шапок женских 2, рубах мужских и женских 12, порток 6, новин 10 (БС, А, № 32, с. 5—6). Это — одежда крестьян ярославской помещицы.

Крестьянская одежда попадала и в брачные договоры. Так, в 1612 г. в с. Баранове Кубенской вол. вступили, вероятно, каждый во второй брак крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря. У жены было «сукно на однорядку синее настрафиль, да шушун студеной сукно зелено ношен, да однорядка держана, да шушун теплой ношен, да ожерелье жемчужное, а у него 6 пуговиц, да две шапки женские камчатных лазорева да

красная, одна с круживом жемчюжным, да двои серьги серебряных с жемчуги золочены, да у четырех дочерей по двоим серьгам...» У жениха «однорядка настрафиль синей, да серьги двоичны да одинцы красное каменье серебряны позолочены» (АЮ, № 395, с. 419—420). Мужские поношенные вещи у жены, серьги у мужа — вероятно, еще от первого брака. Крестьяне это были не бедные, но одежду тогда все берегли и тщательно учитывали.

В росписи приданого довольно богатой невесты из Ровдогорья на Северной Двине (1647 г.) находим: «шушун сукна красного с нарядом цена 4 рубли... крашенник с нарядом цена 20 алтын... полторы рубли денег на шапку да круживо на шапку жемчужное цена 1 рубль и другая шапка киндячная голубая цена 10 алтын... сапоги телятинные красные с шелком да другие пришвы цена обеим полтина... кошельки (т. е. серьги, сплетенные из жемчуга.— *М. Р.*) цена 2 рубли, серьги серебряные под золотом с цепью серебряною с двема кресты цена 8 гривен... коробью с бельем цена 5 рублей» (АГО, I, № 3, л. 21—21 об.). Мы не пропустили указаний цены вещей, чтобы показать, что здесь описано два комплекта женской одежды — парадный и простой. Первый — красный шушун, шапка с жемчужным кружевом, красные сапоги — дополнялся жемчужными серьгами и стоил почти 9 р. — в ту пору деньги немалые. Возможно, что в этом «червчатом» наряде предполагалось и венчаться. Второй — крашенинник, голубая шапка, пришвы, позолоченные серебряные серьги — стоил менее двух рублей. Должно быть, это была одежда повседневная. Отметим, что оба костюма представляют комплекс с сарафаном.

В далекой Сибири, в Турье, в 1637 г. крестьянское приданое было таково: «свитка настрафильная с нарядом, свитка летчинная, кортель косчатой, поволока крашенинная с пухом, сапоги красные, шапка девья хвостовая о трех соболях, серги да одинцы серебряны, три перстня серебряных — теремчатой да два печатных, ширинка шелком шита с нитми да перевязки, шушун крашенинный, 4 рубашки с бором да верхница, коробья, зголовье да подушки с наволочками шелком шиты, постеля оленья» (АЮБ, III, № 334, стб. 287). Специфически сибирская здесь только эта оленья постель, все остальное образует тот же комплекс одежды с шушуном-сарафаном, как и предыдущий, с русского Севера. Прямо сарафан под этим термином назван в завещании зажиточного крестьянина д. Луская Пермица Лоемской вол. в 1691 г. Прокофий Бородин завещал выдать своих дочерей и племянниц замуж и дать каждой из них в приданое «свитку доброго сукна, сарафан, кумач, шапку, сапоги, башмаки и коты»(АЮБ, I, № 86—IV, стб. 565—568). Комплект одежды, как видим, тот же, но отличается разнообразием обуви.

Приведенные материалы, к сожалению, отрывочны и не дают сплошной картины в географическом отношении. Но, кажется, можно говорить о том, что к XVII в. сложились уже два комплекса женского костюма, характерные и для более поздних времен. На сорочку и верхницу на юге надевали поневу (она прослеживается от Москвы на юг); на севере — сарафан. Верхней одеждой служили свита, кортель, шуба. У женщин чаще, чем у мужчин, отмечена кожаная обувь — сапоги, башмаки, кóты. Мужской крестьянский костюм был однообразнее. На сорочку и порты надевали еще штаны и (видимо, не всегда) еще одну рубаху. Поверх этой рубахи — зипун или кафтан, а зимой — еще один кафтан (на меху) или шубу.

Обувь обычно составляли лапти с онучами, сапоги были редки. Наиболее нарядной была шапка, которую, по-видимому, обычно не делали дома, по крайней мере, не изготовляли из домотканых материй, как остальную одежду; стоила шапка, как мы видим, дорого. В берестяной грамоте второй половины XIII в. упомянута шапка ценой 13 гривен, т. е. почти в полтора фунта серебра (*Арциховский*, б. г., с. 292). Предметы городской моды, даже такие широко распространенные, как однорядки, встречались почти исключительно у помещичьих слуг. У нас нет сведений о покрое крестьянских кафтанов, но не исключено, что здесь мы так же, как и в случае с сарафаном, имеем дело с распространением восточного термина «кафтан» на старинную одежду, именовавшуюся когда-то свитой.

Мы видели, что источники отмечают иногда как парадную, более дорогую одежду крестьянина (в особенности — крестьянок), так и более простую, повседневную.

Одежда горожан. О городской одежде, в частности об одежде рядовых горожан в XIII—XV вв., мы можем судить в основном по изображениям. На первом месте здесь — орнамент и инициалы новгородских рукописей XIV в., где встречаются чрезвычайно реалистические изображения горожан, преимущественно без головных уборов, в довольно коротких — до колен — верхних одеждах, скроенных в талию, подпоясанных кушаками; рукава одежд в некоторых случаях короткие (может быть, засучены?), из-под них видны узкие, облегающие руку рукава рубах. Художник показал и вышивку (или пристяжные запястья?) (*Стасов*, 1877, табл. 69, *7*, *12*; табл. 65, *13*, *17*, *24* и др.). Все горожане обуты в сапоги разных цветов. Иногда люди изображены в рубахах, при этом обычно другого цвета, чем штаны (например, белая рубаха с желтым поясом и синие штаны, есть и темно-синяя рубаха (*Арциховский*, б. г., с. 228). На одном изображении — человек в овчинном тулупе. К XIV в. относится и знаменитый скульптурный автопортрет новгородского мастера-литейщика Аврама (рис. 33). Ремесленник изобразил себя в сапогах и верхней распашной одежде типа свиты, зипуна или кафтана, подпоясанной поясом (в три оборота с кистями) и достигающей колен. (*Арциховский*, 1948, с. 282—283). А. В. Арциховский (с. 282—283) считал, что на Авраме рубаха, а не верхняя одежда. Но борт виден ясно.

Источники XVII в. содержат перечни предметов одежды. Так, в кабальной записи нижегородского посадского человека, данной в 1684 г., говорится, что по отбытии срока кабалы хозяин должен «дать в наделок мне, Алексею, и жене моей и детям нашим платья: кафтан шубной, кафтан сермяжной, шапку, рукавицы, сапоги», для жены — «телогрею, растегай (сарафан?— *М. Р.*) кумашный, треух, башмаки, чюлки и детям нашим по тому ж» (АЮБ, III, № 360—I, стб. 429). Обычай этот — отпуская работника, «обуть, одеть, как в людях ведется»,— был, видимо, очень стойким и распространенным. Мастер-ремесленник по окончании срока ученичества должен был снабдить ученика не только необходимыми инструментами, но и одеждой. В некоторых записях оговаривается более подробно: «шуба новая, кафтан серый новый...», «шуба, кафтан сермяжной, шапка, сапоги». Иногда упоминается и нижнее платье — «рубаха, порты» (*Тальман*, 1948, с. 70). В других же случаях, например в одной редкой записи из Новгорода 1684 г., говорилось, что ученик получит от

Рис. 33. Мастер Аврам. Новгород, XIV в.

Рис. 34. Мужская и женская уличная одежда. Лубок, XVIII в.

мастера только верхнее платье, а «рубашки и портки отцовские» (АЮ, № 205, с. 216—217). В 1823 г. шуйский иконник жаловался, что сбежавший ученик «снес» у него «кафтан шубный, зипун сермяжный, шапку синюю сукно настрафилно с пухом, сапоги, штаны сермяжные» (АШ, № 22, с. 40—41), т. е. весь комплект верхней одежды. Поручная грамота о явке в суд г. Углича в 1675 г. перечисляет все те же вещи: шапку с пухом, кафтан сермяжный, кафтан шубный, рукавицы, опояску (АЮ, № 307—IV, с. 40—41). И хотя в данном случае не сказано, что вещи эти (ценой три рубля с полтиной) принадлежат кабальному холопу или ремесленному ученику, все же ясно, что это комплект верхней одежды рядового горожанина. Примерно в то же время в г. Воронеже в домах посадских людей среди описаного в коробах имущества встречаем: «рубахи мужские 2, портки 1, рубахи женские посконные 2... кодман... тулуп бараний... шапка мужская с соболем... 6 сарафанов (3 красных, желтый, вишневый, и лазоревый), рубаха женская аленая... две золотных сороки (из них 1 новая), серьги, монисто с крестами, 5 серебряных крестов, 4 женских перстня, серебряная цепь, плат кисейный, 2 аленых платка.

шитая шелком ширинка... 4 шитых шелком ширинки, 2 аленых белых шапочных платка и 6 заготовок сапог» («сапоги говяжьи скроеные, нешитые») (Т. Вор. УАК, V, № 2750/1524, с. 331—333), а также в каждом доме — материю (холст, крашенину и пр.) в кусках, мотки пряжи — посконной, суконной, шелковой и др. В хозяйстве горожанина было все для тканья, шитья и вышивания одежды и даже заготовки для сапог.

Из изложенного видно, что костюм рядового горожанина состоял из портов и сорочки, рубахи и штанов, зипуна или кафтана (рис. 34). Кафтан подпоясывался кушаком. Уличное верхнее платье составляли в холодное время шубный (меховой) кафтан или овчинная шуба, на голове — шапка (довольно дорогая), на руках — рукавицы. Кафтан и зипун нередко были сермяжными, т. е. из домотканого грубого сукна. Словом, бедный горожанин был одет так же, как и крестьянин, но существенное отличие его костюма составляли сапоги, почти совсем вытеснившие в городах лапти. При этом мы не находим больших территориальных различий: в Воронеже, Москве, Шуе, Угличе, Нижнем Новгороде, Новгороде Великом встречен все тот же перечень предметов мужского костюма. Сильнее отличался от деревенского женский костюм. Надо сказать, что материалы о нем более скудны, чем о мужском костюме, но даже у бедных женщин (включая семью кабального холопа) ни в одном из упомянутых городов ни разу не названа понева, хотя, как мы видели раньше, в сельских местностях южнее Москвы она еще широко бытовала. В городе в рассматриваемый нами период прочно утвердился комплекс женской одежды с сарафаном (в различных вариантах).

Еще одним важным отличием городской одежды было четкое выявление в ней одежды специально детской. Мнение исследователей о том, что единственной одеждой детей обоего пола была длинная рубаха (*Гиляровская*, 1945, с. 11), основано, вероятно, на материалах о крестьянской одежде более поздних времен и на одном высказывании А. Олеария. В Ладоге в 1634 г. этот путешественник был поражен тем, что «все — и девочки и мальчики — были со стрижеными волосами, с локонами, свешивающимися с обеих сторон, и в длинных рубахах, так что нельзя было отличить мальчиков от девочек» (*Олеарий*, с. 18). О том же говорят и некоторые изображения, о которых речь впереди. Но в письменных источниках XVII в. мы находим не только «рубашки ребячьи» или «детинные», но и «два кавтанца дорогильные детинные». И «шуба баранья децкая новая» и даже «тафейка ребячвя сукно красное» (АЮБ, III, № 329, стб. 270 — 272; АШ, № 61, с. 42). Правда, эти упоминания редки и обычно относятся к семьям зажиточным, но все же нужно думать, что если дети крестьян и городской бедноты и бегали в одних рубашках, то для детей феодалов и вообще зажиточных людей шили одежду в общем такую же, как и для взрослых. Относительно обуви это можно сказать еще более определенно, потому что находки детской обуви при археологических раскопках часты. Детям шили такие же сапоги, как и взрослым, но, разумеется, меньшего размера. При раскопках поэтому можно найти, например, перед большого мужского сапога, из которого вырезана маленькая детская подошва.

Одежда богатых горожан и феодалов. Мы уже говорили, что одежду старались изготовить и хранили дома. В доме зажиточного горожанина, а тем более крупного феодала это вырастало иногда в немаловажную

хозяйственную проблему. Потребности в одежде (и по количеству, и по качеству, и в ассортименте) далеко перерастали возможности семьи, пусть даже и с холопами. Поэтому Домострой не отказывается от рукоделья служанок: «а которая женщина рукоделечна и той указати рубашка делати или убрус брати или ткати, или золотное или шелковое пяличное дело» (т. е. вышивание) (Д, ст. 29, с. 28). Но вместе с тем рекомендует иметь «мастера свои портные и сапожники» (Д, ст. 41, с. 40) и всякий необходимый для них инструмент — «снасть... портного мастера и сапожная» и для женского рукоделия ино что себе изделал никто не слыхал, в чюжой двор не идешь». Простейший материал — овчины, полотна, холсты — готовится и красится дома: «полотен и оусчин и холстов наделано да на что пригоже ино окрашено на летники и на кафтаны и на сарафаны и то... на домашний обиход перекроено и перешито, а будет слишком за обиходом наделано полотен или оусчин или холстов или скатертен или ширинок или иного чего ино и продаст... а рубашки красные мужские и женские и порты... при себе кроити». При этом, как всегда, Домострой призывает к строжайшей экономии: нужно собирать и тщательно хранить все обрезки (перечислено для примера девять видов материй) «остаток и обрезок как выручит, а в торгу устанешь прибираючи в то лицо в три дорога купити, а иногда и не приберешь». Детскую одежду рекомендуется шить на рост: «кроячи да загибати вершка по два и по три на подоле и по краям и по швам и по рукавам, и как вырастет годы два или три или четыре и, распоров, то платно и загнуть, оправив, опять станет хорошо» (Д, ст. 30—32, с. 29—31). Дочерям с самого рождения следует готовить приданое: «А оу полотен и од оу вусчин и оу ширинок и од вубрусов и рубашек и вся годы ей в пришенной сундук кладут и платье, и саженье и монисто и святость и суды... прибавливати не по множку не вдруг, себе не в досаду». Рационалистически настроенный составитель Домостроя тут же пишет, что если дочь умрет девушкой, то все это пригодится «на помин души» (Д, ст. 16, с. 14). Дорогие привозные материи и меха Домострой рекомендует покупать сразу в больших количествах (разумеется, учтя рыночную ситуацию) (Д, ст. 41, с. 39—40). Он перечисляет и предметы одежды, которые шьются в домашних условиях. Кроме упомянутых уже нижних и верхних («красных») рубах, портов, сарафанов, кафтанов и летников, названы шуба, терлик, однорядка, кортель, каптур, шапка, ноговицы (Д, ст. 31, с. 29). Не упущено и указание, когда лучше стирать: «коли хлебы пекут, тогда и платье моют». «Красные» рубашки и лучшее платье моют мылом и золой, полощут, сушат, катают (утюги тогда не были известны). Выгода двойная: экономия дров и зола под рукой. Есть, конечно, и рекомендации, как хранить одежду и украшения: «а постеля и платья по гряткам (полкам.— *М. Р.*) и в сундуках и в коробьях и оубраны, и рубашки, и ширинки все было бы хорошенько и чистенько и беленько суверчено и сукладено и не перемято... а саженье, и мониста, и лутшее платья всегда бы было в сундуках и в коробьях за замком, а ключи бы (хозяйка.— *М. Р.*) держала в малом ларце». А платье похуже — «ветчаное, и дорожни, и служни» (упомянуты епанчи, шляпы, рукавицы) — полагалось держать в клети (Д, ст. 29, 33, 55, с. 28, 31, 53).

Посмотрим теперь, как отражены комплекты богатой одежды в разного рода источниках.

Иногда имущество феодала могло по каким-либо причинам храниться в клети его крестьянина. В 1638 г. ярославская помещица М. А. Тулова подала челобитную о краже из крестьянской клети. Среди украденного оказались: «летник киндяшный, да летник дорогильный с вошвами, телогрея киндяшная на зайцах, телогрея дорогильная червчатая на белках, ожерелье жемчужное, пуговицы серебряны позолочены, ожерелье черная тесьма с пуговицами ж, монисто на нем 15 крестов, 15 перстней серебряных, шапка женская шита по атласу червчатому, трои серги, полотен тканых 30, рубашек женских 20 да станных рубахи 2, рубашек мужских 3 — две шиты в петли, а третья — в пришивку — два пояса шити с кистями, два убрусы шитые» (БС, А, № 32, с. 76). Среди всего этого имущества выделяются как будто бы два женских костюма — киндячный (летник и телогрея) и суконный (дорогильный — тоже летник и красная телогрея). К каждому — свое ожерелье. А вот что могло храниться в доме довольно богатого феодала. Разбойники похитили у Андрея Аристова в числе прочего имущества одежду мужскую, женскую, детскую и «людскую», т.е. в данном случае, видимо, одежду дворовых. Наверное, барину принадлежали 16 рубах, из которых 6 были шиты золотом, кафтан, 2 шубы, шапка, 2 треуха. Барыне — 5 рубах, 4 сарафана, 10 кокошников, телогрея, охабень, шуба и украшения — кресты, перстни, серги.

Детям—2 из упомянутых выше рубах, 2 кафтанца, шуба. Слугам—сарафаны, 3 сермяжных и 4 овчинных кафтана (АЮБ, III, № 529, стб. 270—272). Если такой запас одежды должен был держать, видимо, не очень богатый феодал, то можно себе представить, каковы были хранилища одежды при великокняжеском и царском дворах, откуда выдавалось роскошное платье дворянам и детям боярским для участия в различных церемониях.

В середине XVI в. один новгородец заложил за 6 р. «однорядку багрову аспидну пояс на ней золот, пуговицы тафтяны, телогрею кунью под камкою, камка на червчатой земле узорчата шелк рудожелт, торлоп белей черевей а на нем камка куфтерь голуба, вошвы оксамитны золоты, ожерелье женское на черной тясме делано серебром волочоным, запястья серебром шиты да золоты, птур (каптур? — *М. Р.*) соболий» (ДАИ, I, № 51—VIII, с. 76) — все новое. Если не считать однорядки, которая могла быть и женской и мужской, перед нами — комплект верхней женской одежды. В 1576 г. стрелецкий сотник заложил Спасо-Прилуцкому монастырю (Кубенская вол. к западу от Москвы) за 16 р. шубку «женскую зелену брюкшину, летник камчат червчат вошвы бархат с золотом зелен, торлоп куней, а на нем突 поволоки дороги лазоревы вошвы бархат цветной каптур соболей наголной да две скатерти, одна шита, а другая браная» (АЮ, № 248, с. 266). Здесь — полный комплект богатой женской одежды. Обращает на себя внимание сочетание цветов: зеленый сарафан, красный летник с зелеными с золотом вошвами, торлоп темного меха с голубыми вошвами, капор темного меха. Пожалуй, не менее рискованное сочетание цветов можно было увидеть и в мужском костюме. Поздней осенью 1644 г. в посаде Большие Соли (бывший Костромской уезд) ограбили некоего А. К. Дерябина. Кроме пояса, взяли вишневую однорядку с серебряными позолоченными пуговицами, желтую дорогильную ферязь с шелковыми червчатыми завязками и кистями, лазоревую епанчу, червчатую с собо-

лем шапку (БС, А, № 36, с. 6), т. е. все, что на нем было надето, кроме нижнего платья и сапог. Здесь ясно видно, как был одет горожанин в холодный осенний день: поверх рубахи — вишневая однорядка, на ней желтая с красным ферязь, сверху — лазоревый дождевик и красная с соболем шапка.

Н. И. Костомаров приводит гардероб подьячего Красулина, сосланного в XVII в. в г. Колу: 2 пары штанов, 3 кафтана, 3 однорядки, 1 ферязь, 2 стоячих ожерелья и 4 шубы, из них — одна особенно нарядная, крыта камкой с серебряным кружевом и пуговицами (*Костомаров*, 1860, с. 81). В данном случае это, по-видимому, была своеобразная служебная одежда приказного.

Мы уже говорили об изобилии гардероба знатного и богатого человека. Но в перечнях вещей — в завещаниях, описях приданого и т. п. — можно найти и описания комплектов костюма, как женского, так и мужского. Например, в описи очень богатого приданого дочери В. И. Бастанова, которую выдавали в 1668 г. в г. Шуе за стольника князя Ф. Ф. Щербатова, выделен специальный раздел, где перечислены вещи, предназначенные в качестве традиционных «мыленных даров» новобрачному. «Да к мыльне платья: сорочки с порты и ожерельем, ожерелья низаны на шести концах, с пуговицы 2 яхонта лазоревые да изумруд, закрепки зерны бурмицкими, охабень объяринный бруснишной с круживом серебряным, обрасцы низаные, ферези атлас цветной на соболях, нашивка кизилбашская, кафтан атлас желтой холодной, пуговицы обнизные, ожерелье стоячее обнизное, шапка зеленая бархатная с обшивкой и с петли жемчужными, штаны камчатные червчатые, чулки шолковые, башмаки червчатые» (АШ, № 103, с. 188). Это полный (за исключением шубы) комплект богатейшей мужской одежды, которую не стыдно было надеть и князю Щербатову. Нижнее белье — сорочки и порты, вероятно, еще верхняя богато расшитая сорочка (употреблено множественное число), к ней, видимо, то роскошное с драгоценными камнями ожерелье, которое описано так подробно, и красные шелковые штаны, шелковые чулки и красные башмаки. Верхняя одежда — желтый атласный кафтан с другим жемчужным ожерельем. Так князь мог ходить дома, а выходя на улицу, надевал еще соболиную атласную ферязь или охабень брусничного цвета (а может быть, и ферязь и охабень) и зеленую бархатную шапку. Впрочем, в парадной обстановке князь и в доме мог быть одет во все упомянутые предметы сразу.

В богатом приданом зачастую не значатся сарафаны. Но обычай перечислять телогреи и шубы через одну (АЮБ, III, № 334—VIII, стб. 298—300), причем телогрея иногда «холодная», позволяет все же думать, что здесь описан какой-то вариант и сарафанного комплекса — женского костюма, что телогрея и шуба составляли один костюм. Например, в Пензе в 1701 г. девушка из рода Юматовых получила в приданое киндячную шубу на заячьем меху, киндячную же телогрею, камчатную новую шубу на белках, шапку польскую с куницей, куний же треух (АЮБ, III, № 334 — IX, стб. 300—302).

А вот какое впечатление производила русская одежда на иностранных путешественников. Большинство известий касается богатой одежды горожан (чаще всего — феодалов), которая, естественно, бросалась в глаза

иноземцам в первую очередь. В конце XVI в. Д. Флетчер описал довольно подробно мужской и женский костюмы. Мужскую рубаху, «изукрашенную шитьем потому, что летом они дома носят ее одну», распашной шелковый зипун, длиной до колен, узкий, длиной до лодыжек кафтан «с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку»; подбитую мехом ферязь или охабень, очень длинный, с рукавами и воротником, украшенным каменьями. Поверх всего, как пишет Флетчер, надевается однорядка из тонкого сукна без воротника. На ногах — сафьяновые сапоги с онучками. Иностранец заметил также манеру носить на голове богато вышитую тафью, которую он называет «ночной шапочкой». «На шею, всегда голую,— пишет он также,— надевается ожерелье из драгоценных камней шириною в три и четыре пальца». От англичанина не ускользнули и социальные различия: «у бояр платье все золотное, у дворян иногда только кафтан парчовый, а все остальное суконное. «Мужики» (вероятно, все же горожане, а не крестьяне, как следует из дальнейшего описания) одеты очень бедно; под однорядкой у них — кожух «из грубого белого или синего сукна», на голове — меховая шапка, на ногах — сапоги. «Женщина, когда она хочет принарядиться, надевает красное или синее платье и под ним теплую меховую шубу зимою, а летом — только по две рубахи одна на другую и дома и выходя со двора. На голове носят шапки из какой-нибудь цветной материи, многие также из бархата или золотой парчи, но большею частью повязки. Без серег серебряных или из другого металла и без креста на шее вы не увидите женщины ни замужней, ни девицы». На голове женщины, пишет Флетчер, повязка из тафты, чаще — красной, поверх ее — белый убрус, затем — шапка «в виде головного убора из золотой парчи» с меховой опушкой, жемчугом и каменьями. Недавно знатные женщины перестали унизывать шапки жемчугом, так как жены дьяков и купцов им подражают. В ушах женщин серьги «в два дюйма и более». Летом носят полотняное белое покрывало, «завязываемое у подбородка с двумя висящими кистями», унизанное жемчугом. В дождь женщины носят шляпы с цветными завязками. На шее — ожерелье, на руках — запястья «шириной пальца в два». Из верхней женской одежды Флетчер описывает ферязь, поверх которой надевают летник с широкими рукавами и парчевыми вошвами, на него — еще опашень с рукавами «до земли». Золотые и серебряные пуговицы были, по словам Флетчера, «с грецкий орех». Наряд дополняли сапожки из белой, желтой, голубой «или иной цветной кожи, вышитые жемчугом» (*Флетчер*, с. 125—127). Мы видим, что иностранец не всегда мог разобраться в названиях, покрое и порядке разнообразных верхних мужских и женских одежд, в сложном устройстве женского головного убора, но в целом наблюдательность позволила ему составить верное представление о костюме и манере его носить. Флетчер видел, наверное, и полотенчатый головной убор, и кокошники. Он прекрасно уловил и манеру надевать для представительности возможно больше платьев, одно на другое, и богатство разнообразных жемчужных украшений и вышивки — от сапог до шапок.

Более чем через сто лет, в 1689 г., Б. Таннер также описывал мужскую и женскую одежду с очень длинными, собираемыми в складки рукавами (у мужчин он называет ее «свитка»), высокие мужские шапки; шляпы и поверх них — покрывало у женщин, цветные сапоги (желтые, голубые,

Рис. 35. Молящиеся новгородцы. Часть иконы XV в.

зеленые, подешевле — черные), «плотно охватывающие ногу». Отметил он и возрастные отличия (в частности, более короткие — выше колен — кафтаны молодых парней). Богатство и разнообразие русских мехов его особенно поразило. Таннер говорит не только о горностаях, но и о мехах «лесных кошек» (наверное, рысьих), лисьих, заячих, собачьих и, конечно же, о черных и белых астраханских овчинах (*Таннер*, с. 101—108).

Изображения лиц, принадлежащих к высшим слоям общества, встречаются часто. Упомянем лишь некоторые. На новгородских инициалах XIV в. мы видим городских должностных лиц: бирича с жезлом и трубой, каких-то других магистратов с жезлами. Все они одеты в длинные — до голени — кафтаны, по-видимому, с меховой опушкой, с широким поясом. На бириче — нарядный высокий колпак, на других — круглые шапки с меховой опушкой. Обуты все в сапоги (без каблуков).

К середине XV в. (1467 г.) относится новгородская икона, на которой (по распространенному в средние века обычаю) изображены и заказчики — донаторы — в данном случае — целая семья знатных новгородцев (рис. 35). Мужчины одеты в длинные плащевидные одежды с отложными воротниками и декоративными петлями вдоль бортов. Под этими плащами (как справедливо отмечает А. В. Арциховский, сильно отличающимися от древнерусского корзна) (*Арциховский*, б.г., с. 289) видны распашные одежды из дорогих тканей (типа свиты или кафтана), длиной до колен, с явно намеченными художником полами, подпоясанные широкими поясами, и узкие штаны, заправленные в сапоги. Из-под верхней одежды выглядывает белый ворот сорочки. Головы мужчин обнажены, волосы каж-

Рис. 36. Портрет стольника П. И. Потемкина. XVII в.

дого заплетены в одну косу. Женщина тоже в длинной плащевидной одежде, сапогах или башмаках и светлом полотенчатом головном уборе. Дети (их двое) — в белых ниже колен рубашках, подпоясанных шнуром с висящими спереди кистями. На другой новгородской иконе на плечи мужчин накинуты тоже распашные одежды, но не плащевидные, а с длинными, свободно висящими рукавами. А. В. Арциховский прав, называя эти одежды охабнями (*Арциховский*, б.г., с. 297). Он замечает также, что на книжных миниатюрах платье купцов, бояр, дружинников и князей, как правило, длинное, ниже колен (*Арциховский*, б.г., с. 277), в то время как рядовые горожане и крестьяне изображены в более коротких одеждах. Мы уже говорили, что крестьяне и рядовые горожане по большей части изображены без верхней одежды. Вероятно, это условность, принятая иллюстраторами, чтобы подчеркнуть социальные различия (мы уже приводили описания комплектов даже крестьянского костюма, обязательно включавшие какие-то предметы верхней одежды). На изображениях массовых сцен и на индивидуальных портретах XVI—XVII вв. лица, принадлежавшие к высшим слоям тогдашнего общества, изображены в нарядных шапках и во множестве верхних одежд так, чтобы из-под верхней была видна надетая снизу. Типичен портрет русского посла во Франции, стольника П. И. Потемкина (рис. 36). Потемкин изображен в мурмолке с бриллиантовым аграфом, в опушенной мехом ферезее, из-под которой виден еще другой кафтан, подпоясанный широким матерчатым кушаком.

Из всего изложенного видно, что комплект одежды господствующих классов отличался прежде всего обилием и качеством вещей (рис. 37). Если белье (порты, рубаха) отличалось от простонародного только качеством материала, то уже верхние мужские и женские сорочки, штаны, тафьи, убрусы, кички, сороки и кокошники отличались богатством вышивки и драгоценных украшений, так же как женская шубка-сарафан, мужской зипун и кафтан. Остальные разнообразные верхние одежды, которые мы уже описывали, как правило, простонародьем вовсе не употреблялись (за исключением однорядок и простых шуб). У знати же и богатых

Рис. 37. Знатное семейство. Москва, XVII в. (по Олеарию)

купцов таких одежд надевалось по нескольку одновременно. Нужно еще подчеркнуть, что женщины высших сословий в рассматриваемый нами период, как и горожане вообще, никогда не носили поневы.

Прическа за рассматриваемый период была более стабильна у девушек и женщин (распущенные или даже завитые волосы или косы девушек; «бабья» прическа — две заплетенные косы). Впрочем, одно время в Новгороде женщины даже брили головы, но против этого боролась церковь (*Ключевский*, 1867, с. 192).

У мужчин были разные моды — как по времени, так и по территории. Мы уже говорили, что в XV в. в Великом Новгороде и Пскове (возможно, и во всей Новгородской земле) мужчины также заплетали волосы в одну косу. В Московском же государстве в XVI в., как отмечает Флетчер, волосы на голове стригли очень коротко и только опальные отпускали длинные волосы. Ношение бороды, по-видимому, было принято у людей солидных, на возрасте. Люди помоложе могли и не носить бороды. Заметим, что на новгородских инициалах часты изображения безбородых людей, причем бород не носят не только рыбаки, но и биричь — должностное лицо. Интересно описание примет одновременно 26 разбойников (г. Шуя, 1641 г.). Более двух третей из них (18 человек) носили бороду (указан цвет — например, «чермна искрасна», т. е., как бы сейчас сказали, рыжая; «поло-

ва» — и размер — «велика», «мала»). О двоих сказано, что «бреют», об одном — «сечет», о четверых: «молоды, бороды нет, ус не режстся», наконец, об одном просто — «бороды нет» (АШ, № 51, с. 95—96). До XV—XVI вв. борода и длинные волосы и темный цвет одежды не были обязательны даже для духовенства (*Гиляровская*, 1945, с. 103—105). В XVI в. Флетчер отмечал, что священники закладывали длинные свои волосы за уши.

Одежда военных и духовных лиц. Мы уже говорили, что элементы военной формы существовали еще в IX—XIII вв., поскольку это вызывалось необходимостью различать в бою сражающиеся стороны. И в XIV в. такие различия, по-видимому, существовали. Во всяком случае, повесть о Мамаевом побоище говорит, что перед Куликовской битвой, выстроив полки, воеводы «облачишася во одежды... местные» (ПКБ, с. 34). Речь идет, несомненно, о какой-то одежде, надеваемой поверх и отличавшейся у разных территориальных ополчений местными особенностями, что облегчало для командиров управление боем. Роскошные одежды русских бояр, надеваемые поверх брони, отмечали Ченслер и Флетчер. Такая одежда — налатник — короткая куртка с короткими широкими рукавами, косыми полами и незашитыми боками (так, что образовывались прорехи)—сохранилась в собраниях музеев Московского Кремля (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 309—312). Отмеченная иноземцами роскошь налатников (парча и бархат), видимо, относится к отличительным признакам военачальников. Нам уже случалось писать, что признаком командующего издавна были золотой шлем, золотой плащ и золотой пояс (*Рабинович*, 1947, с. 96). В XIV—XVII вв. эти признаки могли разнообразиться. Корзно сменилось приволокой. Позднее, по-видимому, поверх кольчуги (а потом и без нее) надавались налатники с рукавами.

С введением регулярного войска — стрельцов — яснее обрисовывается и военная форма. Для стрельцов это — шапка-колпак с узкой меховой опушкой, длинный (до лодыжек) кафтан и сапоги, т. е. одежда в целом народная. Документы о снабжении стрелецких полков говорят обычно о кафтанах «шубных», т. е. на меху; встречающееся иногда в этой связи название «кафтан бараний» (АМГ, I, № 266, с. 299) говорит о том, что тут использовалась овчина. Вот перечень одежды, отправленной в 1677 г. из Воронежа на Дон для снабжения стрелецких полков: «шапки овчинные под разными цветными плохими сукнами 100... вареги с галицами (рукавицы.— *М. Р.*) 100, кафтаны шубные новые... 859 (в том числе поличеных и худых 100), добрых шубных кафтанов... 100, кафтанов сермяжных серых и черных 315... сукна сермяжного серого и черного и белого 1500 аршин из них трачено молью 72 аршина» (Т. Вор. УАК, V, № 3040/1814, с. 433). Мы видим, что здесь перечислено отнюдь не первоклассное обмундирование, зачастую уже бывшее в употреблении. Оно заготовлено для стрельцов в Тамбове и испытало невзгоды дальней перевозки и плохого хранения. Но в принципе форма стрельцов была практичной, удобной и живописной (в ту пору принцип защитности еще не применяли) (рис. 38) Живописным было сочетание цветов кафтана, шапки и сапог. Э. Пальмквист приводит сведения о 14 стрелецких полках, каждому из которых был присвоен особый цвет кафтана (и петлиц), шапки и сапог (например, кафтан красный с малиновыми петлицами, шапка темно-серая, сапоги желтые; кафтан

светло-синий, с черными петлицами и коричневым подбоем, шапка малиновая, сапоги желтые; кафтан рудожелтый с зелеными петлицами и подбоем, шапка малиновая, сапоги зеленые и т. п. (*Гиляровская*, 1945, с. 92—94).

Для своих потешных (прежде, чем одеть их в «немецкие» мундиры) Петр заказывал какие-то особые «потешные кафтаны», по мнению некоторых исследователей более короткие, чем стрелецкие (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 326). Кроме стрельцов, форменную одежду имели царские телохранители — рынды, в торжественных случаях одевавшиеся в белые кафтаны и высокие, белые же, шапки, жильцы — конная гвардия, разного рода возницы. Последние назывались «терлишниками», так как носили особого рода терлики с изображением двуглавого орла на груди и на спине (*Левинсон-Нечаева*, 1954, с. 314—318).

Рис. 38. Стрелец. Москва, XVII в. (по Мейербергу)

Духовные лица в быту одевались так же, как и их прихожане, но поверх обычного платья священники носили сначала однорядку, а потом рясу с широким воротом и рукавами, а епископы — также особую мантию из белого шелка «со многими расшитыми полосками белого атласа шириной пальца два» (*Флетчер*, с. 95—97) и клобук, который в разных епархиях традиционно не был одинаков (например, в Новгороде Великом — известный «белый клобук», о происхождении которого сочиняли легенды). Об одежде монахов Флетчер говорит кратко, что она состоит из белой фланелевой рубахи, мантии с кожаным поясом и рясы. Подрясник с узкими длинными рукавами носили под рясой, но дьячки и вообще низший причт — и как повседневное платье.

Одежда в семье и обществе. Как мы видим, в семье, в домашней обстановке мужчина мог носить неполный комплект одежды; расшитая верхняя рубаха считалась довольно приличной домашней одеждой даже для знати. Но в высших слоях общества было принято (хоть и не обязательно) и дома носить шапочку — тафью. Обычай всюду быть в тафье настолько укоренился, что потребовалось специальное постановление церковного собора 1551 г., запрещавшее входить в церковь в шапках и тафьях даже князьям и вельможам (*Ключевский*, 1867, с. 188).

Что же касается женщин, то они по-прежнему должны были и дома тщательно закрывать свои волосы. В. О. Ключевский предполагал, что все же дома женщины носили не все части своего сложного головного убора: достаточно было, например, волосника, а кичку или кокошник можно было снять (*Ключевский*, 1867, с. 192).

С какими-то обязательными требованиями к женской одежде связана, по-видимому, и семейная драма Ивана Грозного. По некоторым данным, ссора, окончившаяся убийством сына царя — царевича Ивана Ивановича — началась из-за того, что жена царевича оказалась недостаточно одетой, когда неожиданно вошел свекор. Известие это исходит не от очевидцев, а от бывшего в Москве три месяца спустя после этого убийства иностранца, который записал, что она была «в одной простой рубашке» (*Соловьев*, б. г., с. 323). Следует ли это понимать так, что на царской снохе не было только «вершницы» и сарафана или буквально — что рубашка была ее единственной одеждой, т. е. что не было и головного убора, сказать трудно. Так или иначе, здесь отразилось представление о необходимом минимуме домашней одежды. Если же мы вспомним, что, по тогдашним представлениям, простоволосая женщина могла даже чем-то повредить постороннему мужчине, можно догадаться, что́ вызвало первоначальное раздражение мнительного царя (*Рабинович*, 1981, с. 137—140).

Выходя на улицу, надевали верхнее платье соответственно погоде, своему социальному положению и цели, для которой выходили. В целом количество и качество платья обусловливало, как мы бы сейчас сказали, престиж человека. Недаром издавна существовала поговорка, что встречают по платью. Это обстоятельство и определило бо́льшую изменчивость верхней уличной одежды по сравнению с нижней и верхней комнатной. Крестьянин и рядовой горожанин могли в теплую погоду быть в рубахах даже на улице, женщины и девушки — в сарафанах или поневах. Древний обычай, согласно которому мужчины снимали шапки в знак уважения, сохранился в течение всего рассматриваемого периода. В конце XVII в. Б. Таннер отмечал, что при появлении царя — все без шапок, даже на улице (*Таннер*, с. 108). С другой стороны, торжественная обстановка требовала возможно более полного (по социальному положению данного лица) костюма. Поэтому придворные должны были быть во дворце в нарядной верхней одежде, даже в помещениях — в шубах и горлатных шапках (под которыми, как мы знаем, была надета еще тафья). Так бояре, например, заседали в Думе.

Иван Грозный на всю жизнь запомнил, что один из князей Шуйских в период его малолетства появлялся во дворе в недостаточно роскошной шубе (ПИГ, с. 134). Если бояре одевались в свою собственную одежду, то дворянам и детям боярским роскошная верхняя одежда для приемов, торжественных встреч и иных церемоний выдавалась во временное пользование из царской казны. «Около двух часов явился пристав, одетый в соболью шубу, крытую зеленым шелком,— писал в конце XVII в. И. Корб,— эту шубу получают они при исполнении особых поручений, под условием возвращения, из царской казны, как бы из сокровенной кладовой» (*Корб*, с. 84). В делах Оружейной палаты сохранилось много сведений об изготовлении большого количества единообразных одежд для различных групп свиты при торжественных выходах царя. В 1680 г. был издан и специальный указ «О различии одежд, в которых разные чины должны являться в праздничные и торжественные дни при государевых выходах». Котошихин писал, что иногда должностным лицам и церковному причту — попам, дьяконам, дьячкам, стремянным, сокольникам, истопникам, стрельцам, певчим дьякам — даются из казны отрезы материй на платье. Боярам же,

окольничим, думным людям, стольникам, дворянам и дьякам — бархатные золотные шубы на соболях (*Котошихин*, с. 58).

Представительству придавалось огромное значение. Например, при встрече почетного гостя обязательно должна была присутствовать нарядная толпа. Московские дворяне обязывались для этого надевать «цветное» платье. Известен случай (XV в.), когда московский митрополит унизил при всех галицкого князя Юрия Дмитриевича, увидя встречающий его «народ» в сермягах. Также выдавались из царской казны одежды для разного рода общественных церемоний, например для известного шествия в вербное воскресенье, когда на центральной площади имитировали въезд Христа в Иерусалим, причем в роли Христа выступал патриарх. Специально назначенные отроки кидали под ноги его лошади красные одежды и куски материи — все, выданное из казны (*Рабинович*, 1978, с. 95, 119—120).

Вообще платье, даже у рядовых горожан, подразделялось обычно на три категории: рабочая одежда (это в большинстве случаев было старое, «ветшаное» платье), одежда будничная, как бы мы сейчас сказали, повседневная, и праздничный, парадный костюм. Впервые четко об этом говорит в XVI в. Домострой, рекомендующий слугам богатого городского дома иметь даже три (не менее) перемены платья: «ветшаное» (старое) — для работы, чистое вседневное — надевать перед хозяином и лучшее — «в праздник и при добрых людях или с государем где быти» (Д, ст. 22, с. 19—21). Еще в середине XIX в. в Торопце это называлось платье доброе, поддоброе, третье (*Семевский*, 1864, с. 127). Довольно часты указания на то, что церковь предписывает надевать лучшую одежду, например, на исповедь (думается, что и вообще для посещения церкви).

В целом ряде случаев полагалась определенная одежда. Исследователи, на наш взгляд, справедливо полагают, что, например, обычай надевать лучшую одежду на определенные сельскохозяйственные работы (первый покос и др.) весьма древний (*Маслова*, 1978, с. 16—29). То же можно сказать о семейных обрядах. Домострой предписывал разнообразную праздничную одежду для свадьбы. В первый день свадьбы, когда совершались народный и церковный обряды бракосочетания, невеста, свахи, а возможно, и вообще женщины — участницы свадебной церемонии должны были быть в красных сарафанах и желтых летниках; жених и другие мужчины — в цветном (по возможности — золотном) платье, обязательно в кафтанах (кажется, предпочтительно — в терликах). На второй день при определенных обстоятельствах за столом можно было верхнее платье снять. Цветному праздничному платью противополагалось платье «смирное» — того же покроя и качества, но более темных цветов — черного, гвоздичного, вишневого, коричневого, багрового, надеваемое в печальных случаях — в знак траура или (у придворных) царской опалы (*Сав.*, с. 128). Смирное платье бывало, по-видимому, у людей зажиточных, в другое время одевавшихся нарядно. Но, судя по позднейшим данным, вдовы должны были всегда одеваться в темное; старухи носили головные уборы и сарафаны темных цветов. В домашнем быту сам великий князь или царь одевался иногда очень посредственно, что заметил, например, Ченслер в XVI в. (*Гиляровская*, 1945, с. 17).

Можно сказать, что всегда были особые эстетические взгляды на одежду, представления о том, что именно и как следует носить, как должен выглядеть нарядный человек — щеголь. Представления эти, разумеется, менялись. Так, в конце XVI в. были модны у мужчин шитые в талию, ясно обрисовывавшие фигуру верхние одежды. В начале XVII в. голландский резидент Исаак Масса писал, что тон московским щеголям задавали братья Романовы. «Старшим из братьев был Федор Никитич, красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «второй Федор Никитич». Он так ловко сидел на коне, что всяк видевший его приходил в удивление. Остальные братья походили на него». (*Масса*, 1937, с. 42). Таков был в молодости будущий патриарх и правитель государства Филарет. Примерно через полвека в моде были полные мужские фигуры (что отметил, как уже сказано, Олеарий) и щеголи специально подпоясывались не по талии, а ниже, чтобы обрисовывался живот. Бернгард Таннер писал, что в конце XVII в. в моде были сапоги, «плотно, ловко охватывающие ногу». (*Таннер*, с. 102).

Очень стойкой оказалась манера женщин злоупотреблять косметикой — белилами, сурьмой и пр. Ее отмечал еще в XVI в. Флетчер, объясняя по-своему — дурным естественным цветом лица русских женщин. Он писал, что белила покрывают лица женщин сплошь, а сурьмой наведены глаза, брови. «Из страшных женщин они превращаются в красивые куклы» (*Флетчер*, с. 125). «Белила, румяна и сурьма,— писал на два с половиной столетия позже о московских мещанах В. Г. Белинский, — составляют неотъемлемую часть их самих, точно так же, как стеклянные глаза, безжизненное лицо и черные зубы. Это мещанство есть везде, где только есть русский город, даже большое торговое село» (*Белинский*, 1845, с. 69). Подобные сведения (без такой эмоциональной окраски) поступали в Географическое общество из некоторых северных русских городов в середине XIX в.

В XVII в. чрезвычайно важным считалось в торжественных случаях быть обязательно в русском традиционном платье, даже иноземцам. Так, в 1606 г. Марина Мнишек венчалась в Москве в Успенском соборе с Лжедмитрием I по настоянию бояр в русском платье. Позднее парадная русская одежда выдавалась некоторым иноземным послам специально для торжественного представления государю. Г. Котошихин упоминал: «на послов шубы атласные золотные на куницах и на белках, да однорядки суконные красные с кружевы, кафтаны камчатные исподние, шапки, сапоги». Мы видим здесь полный комплект мужской верхней одежды. По улицам послы ехали при этом в однорядках (которые, как только что сказано, были достаточно нарядны). «У царя» с них снимали однорядки и надевали шубы (*Котошихин*, с. 52, 54).

* * *

Переходя к проблеме взаимовлияний одежды русских и их соседей, мы должны выделить в ней два вопроса.

Традиционная древняя народная одежда изменялась в рассматриваемый период прежде всего в результате процессов, начавшихся еще в более

древние времена, в IX—XIII вв. Из общеславянских черт долгое время сохранялись лишь немногие (туникообразная рубаха, некоторые виды обуви). Стирались старые племенные особенности восточнославянского костюма, и в XIV—XV вв. эти особенности (преимущественно в женском праздничном наряде) исчезли вовсе. В XV в. не встречается уже ни височных колец, ни ожерелий из характерных для древнего племени бус, ни соответствующих перстней. Примерно в XV— начале XVI в. сложился новый тип женского костюма, связанный с распространением сарафана, происхождение которого, как уже говорилось, весьма сложно. По всей вероятности, правы те исследователи, которые считают, что наряду с развитием элементов традиционного женского костюма здесь можно увидеть и влияния народов Восточной и Западной Европы, в особенности же Поволжья и Прибалтики. Однако нельзя не обратить внимания на то, что комплекс одежды с сарафаном в особенности сильно распространился в городах (даже в южной половине Европейской России, где сельское население стойко держалось комплекса одежды с поневой), тогда как крестьяне восприняли сарафан преимущественно в северных областях расселения русских. Аналогичные влияния одежды с плечевыми пряжками видят в поликовой рубахе. Влияния в области традиционного женского костюма были взаимными, на что указывают, например, русские названия многих частей костюма у народов Поволжья и Прибалтики (см. главы VII—X).

В целом же древняя одежда удержалась повсюду в качестве нижнего белья — туникообразная женская сорочка, туникообразная мужская рубаха и узкие порты. Также народными по покрою были и верхние рубахи (мужские и женские), сложные женские головные уборы.

Гораздо больше новшеств в верхней комнатной и уличной одежде. Появилось множество новых разнообразных предметов одежды и мужских головных уборов. Но это касалось, главным образом, людей зажиточных господствующих классов и близких к ним (включая, как мы видели, слуг).

Сами названия дорогих материй, из которых шили эти туалеты,— то западного, то восточного происхождения. Названия же подавляющего большинства предметов верхней одежды — восточные: тюркские (турецкие, татарские), иранские, арабские. Например, такое, кажется, исконно русское платье, как шуба, носит арабское название (джубба — верхняя одежда с длинными рукавами). Можно думать, что и некоторые другие восточные названия распространились на древнерусскую одежду (мы уже говорили, например, о возможности распространения названия «кафтан» на древнерусскую простонародную «свиту»). Но несомненно, что имело место значительное восточное влияние на одежду господствующих классов, распространившееся после татаро-монгольского завоевания и особенно усилившееся к XV в. Оно сказалось, пожалуй, ярче всего в манере носить тафью — тюбетейку, в обычае женщин на улице закрывать лицо платком (но это отнюдь не была восточная чадра). Неудивительно поэтому, что подобного рода изменения даже и у господствующих классов касались только верхней одежды. Сам царь носил рубаху того же покроя, что и крестьянин, хотя рубаха эта была из дорогой материи и расшита золотом. В конце XVI—XVII в. среди господствующих классов все больше распространяется стремление подражать одежде западноевропейской. Сначала, при Борисе Годунове, это были польские, потом венгерские моды. Во второй

половине XVII в. стала распространяться и общезападноевропейская (называемая в России «немецкой») мода. И сам наследник престола Алексей Михайлович еще при жизни отца завел себе «немецкие» кафтаны. Ему охотно подражали придворные молодые люди. Эта мода (теперь уже можно сказать — как почти всякая) встречала сопротивление ревнителей старых обычаев (*Богоявленский*, с. 14). Видимо, решающую роль сыграло неодобрение духовенства: став царем, Алексей Михайлович показывался только в русском платье. Однако сын его Федор в свое недолгое правление выражал желание, чтобы дворяне и приказные носили короткую одежду. Таким образом, реформа одежды, предпринятая Петром I, была не так уж неожиданна. Указ 4 января 1700 г. (а возможно, существовали и более ранние распоряжения) предписывал всем, кроме крестьян и духовенства, носить венгерское, а потом и «немецкое» платье).

В дальнейшем вытеснение традиционной одежды шло более быстрыми темпами в городах и гораздо медленнее в сельских местностях. При этом господствующие классы опережали основную массу горожан и тем более — крестьян. Неравномерно шло проникновение западноевропейского костюма, мужского и женского.

В конце XVIII в. И. Георги писал, что в Петербурге все служащие (кроме военных и почтовых, имевших особые мундиры) и «знатные мещане» носят мундир Санктпетербургской губернии — синий кафтан с блестящими пуговицами, а исподнее платье — белое, но «кто про себя живет и от других не зависит, может... без всякого поношения и поругательства одеваться по древнему обычаю и столь странно, как ему угодно». Женщины же следуют английской или другой западноевропейской моде, причем молдаванки и грузинки носят свое национальное платье. «Собственная российская одежда обоего пола сохранилась в древнем своем виде не токмо у простого народа, но и у большей части людей среднего состояния... видны в столице, невзирая на иностранные моды, купцы и другие совершенно так же одетые, как в областях внутри государства, с бородою или без бороды и пр. Многие однако же последуют в их одежде разным чужестранным обычаям. Но простой народ ничего чужого в своей одежде не имеет». Далее Георги делает несколько парадоксальное замечание, что женщины среднего состояния менее привержены к старине «и часто видно, что муж да сыновья носят российское, а женщины в доме — чужестранное и самое модное платье» (*Георги*, 1794, с. 604—605). Замечание на первый взгляд тем более странное, что и столетием позже в других русских городах (в особенности малых, например в Галиче, Торжке, Торопце и др.) можно было наблюдать обратное соотношение: женщины продолжали еще носить сарафаны и кокошники, в то время как мужчины были одеты в сюртуки и сибирки. Видимо, Георги со свойственной ему наблюдательностью отметил специфику столичного города, где женщины-мещанки оказались ближе к новым веяниям, следуя общей с высшими сословиями моде.

Бывали в области одежды и своеобразные контрреформы, к которым средние слои населения относились отрицательно. Так, когда Павел I, едва вступив на престол, запретил в столицах — Петербурге и Москве — носить фраки, жилеты и круглые шляпы по тогдашней французской моде, вместо которых повелел «одевать немецкие кафтаны и длинноватыя камзолы», всем «кроме ходящих в русском платье» (т. е. мещан и отчасти куп-

ов), «сей переворот великую молву и поговорку сделал, но повиновались» Голченов, с. 316), однако сразу же после дворцового переворота и убийства Павла демонстративно вернулись к прежней моде.

В целом манере одеваться, избирательности в отношении к костюму еще долго придавали большое значение как характеристике не только имущественного и социального положения того или иного лица, но и его образа мыслей. Вот что писал по этому поводу в середине XIX в. В. Г. Белинский. «Положим, что надеть фрак или сюртук вместо овчинного тулупа, синего армяка или смурого кафтана еще не значит сделаться европейцем; но отчего же у нас в России и учатся чему-нибудь, и занимаются чтением, и обнаруживают любовь и вкус к изящным искусствам только люди, одевающиеся по-европейски? Что ни говори, а даже фрак с сюртуком — предметы, кажется, совершенно *внешние*, немало действуют на *внутреннее* благообразие человека. Петр Великий это понимал, и отсюда его гонение на бороды, охабни, терлики, шапки-мурмолки и все другие заветные принадлежности «московского туалета» (*Белинский*, 1845, с. 55).

О том, как изменилось позднее представление о престиже традиционного русского костюма, мы можем заключить, если вспомним хотя бы, что в «русский» костюм нарочито одевались в начале XX в. как раз представители передовой интеллигенции, как, например, В. В. Стасов, Л. А. Андреев, М. Горький, Ф. И. Шаляпин. С другой стороны, при царском дворе бывали в XIX—XX вв. приемы, для которых фрейлины обязательно надевали «русский», по тогдашним понятиям, костюм. Но Горький, Стасов и другие одевались в русское простонародное платье, а придворные — в «боярское».

Глава пятая

ОДЕЖДА УКРАИНЦЕВ XVI—XVIII ВВ.

Н. М. Калашникова

При изучении украинского костюма основное внимание до настоящего времени уделялось одежде крестьян XIX — начала XX в. Сельская одежда более раннего времени, а также одежда горожан подробно не исследована.

Источники дают лишь отрывочные сведения о костюме различных социальных групп населения в XVI—XVIII вв.; в частности, почти не освещена одежда живущих в городе ремесленников, купцов, крестьян. Можно лишь заключить, что на Украине существовала в то время социальная дифференциация костюма как по качеству ткани, так и по количеству и покрою предметов, составлявших комплект костюма. В частности, гравюры XVII в. подчеркивают различия костюмов крестьянина и господина: крестьяне — в узких штанах и рубахах; помещик — в длинной распашной одежде, в шапке с четырехугольным верхом (*Жолтовський*, 1978, с. 16).

Интересные сведения об одежде, головных уборах и прическах украинцев есть в описаниях посетивших Украину иностранцев: австрийского дипломата Эриха Лассоты (XVI в.), сирийского диакона Павла Алеппского (XVII в.), Ульриха Вердума (XVII в.). Все они подчеркивают нарядность и богатство костюма социальных верхов, их контраст с одеждой народных масс, использование высококачественных привозных материй, тогда как рядовое население носило домотканые. Вердум описывает также оригинальную женскую прическу. Эрих Лассота в XVI в. отметил различия в одежде запорожских старшин и рядовых казаков. Позже эта дифференциация отмечена и Г.-Л. де Бопланом в его «Описании Украины» (*Лассота*, 1873, с. 44—49; *Алеппский*, 1896—1900, вып. 1, с. 10; *Матейко*, 1977, с. 35; *Боплан*, 1896, с. 25—32).

В дорожных заметках русского ученого-естественника А. И. Гильденштедта о быте Слободской Украины во второй половине XVIII в. говорится, что в городах Лубны, Городище, Нежин и другие имеется ткацкое производство (в частности, тканье разнообразного полотна) и даже суконные фабрики, а также скорняжное производство, обслуживающие местное население (*Гильденштедт*, 1982, с. 64—65, 79). Историк, этнограф и фольклорист Я. Головацкий писал, что в украинских землях, находившихся под владычеством Польши в XVI в., местное дворянство, покупая дорогие ткани, привозимые из Торуни, Лиона, Кельна и других западноевропейских городов, сохраняло, однако, восточнославянский покрой одежды (*Головацкий*, 1877, с. 8—12).

Систематическое изучение украинской народной одежды началось со второй половины XIX в. В дореволюционный период был собран зна-

чительный фактический материал, характеризующий в основном последнее столетие (Народы России, 1878, с. 35; *Познанский*, 1902, с. 178—210, 46 ил. и др.; *Волков*, 1916, с. 455—647).

В советский период опубликовано значительное количество работ, характеризующих в основном украинскую одежду XIX—XX вв. (*Білецька*, 1929; *Ісаевич*, 1963, с. 91—94; *Кульчицкая*, 1959, 74 табл.; *Крыжановский*, 1923, с. 1—4, рис. 1; *Лебедева А. А.*, 1980, с. 17—21; *Маслова*, 1954, с. 42—59; *Маслова*, 1956, с. 540—757, *Миронов*, 1971, с. 20—28; *Прилипко*, 1971, с. 10—19; *Стельмах*, 1956; *Шмелева*, 1948, с. 130—146; Очерки по истории, 1969, с. 16—20; Украинское народное, 1961, с. XXIV—XXXV, 320—326). Лишь немногие из исследователей (*Матейко*, 1977, с. 9—44; *Стамеров*, 1978, т. 1, с. 159—179) рассматривают украинскую одежду более раннего периода, обращаясь к известным письменным и изобразительным источникам, а также к этнографическим материалам.

При этом авторы не всегда были хорошо знакомы с древними источниками. В частности, в книге Е. И. Матейко имеется множество неправильных аттрибуций (*Матейко*, 1977, с. 8—22). Г. С. Маслова в течение многих лет занималась проблемой использования народной одежды для изучения проблем этногенеза и этнической истории восточных славян, в том числе и украинцев. Для нашей темы чрезвычайно важны разработанные Г. С. Масловой методы сопоставления покроя различных предметов одежды и их названий у разных восточнославянских народов в разное время для выявления древних форм одежды и ее происхождения (*Маслова*, 1954, 1956; *Лебедева*, *Маслова*, 1967, и др.). Таким образом, несмотря на то, что древняя одежда украинцев изучена в общем недостаточно, в нашем распоряжении имеются и конкретные исследования и обобщающие труды, благодаря которым можно предпринять попытку этнографической характеристики народной одежды украинцев в XVI—XVIII вв. Существенным дополнением здесь послужит анализ коллекций Государственного музея этнографии народов СССР.

Материал. Основным материалом для украинской одежды служило домотканое беленое полотно из конопли и льна. Из полотна шили мужские и женские рубахи, штаны, фартуки, а иногда и верхнюю летнюю одежду. Широко употребляли также и шерстяные ткани как местного производства, так и привозные. Из сукна шили одежду для разных слоев населения. Домотканая шерстяная узорчатая ткань шла на изготовление плахт, запасок и другой поясной женской одежды. Только высшие слои украинского общества приобретали импортные цветные сукна. Для народной одежды использовали плотные, в том числе и ворсовые, ткани местного производства. Плотные ткани с длинным ворсом, характерные для горных районов Карпат, шелковые узорчатые ткани широко употреблялись в среде зажиточных украинцев и казацкой старшины для изготовления мужской и женской одежды, а иногда — и праздничного костюма запорожских казаков.

Излюбленными были узорчатые шелковые ткани — парча, бархат с золотыми или серебряными нитями, рытый бархат, узор которого выделялся разницей в высоте ворса, создававшего рельефную поверхность, а также штофные ткани с чередующимися блестящими и матовыми эле-

ментами узоров. Из одноцветных гладких шелков встречались атлас и камка. Узорчатые ткани шли преимущественно на верхнюю мужскую и женскую одежду: жупаны, кунтуши, накидки и т. д. Зажиточные слои в то время мало использовали ткани местной работы: в основном для шитья шаровар и некоторых предметов женской одежды. Узоры на тканях были по тогдашней европейской моде в стиле ренессанс: стилизованные растения, разводы из листьев, стеблей, цветов и плодов, комбинации из крупных медальонов и клейм. В XVII в. в городах Броды и Слуцк, а также в Галиции возникло злототкацкое производство, использовавшее те же мотивы.

Узорчатость была характерна для народной украинской одежды еще в XV—XVII вв.; это достигалось богатством вышивок, которыми украшали и простую одежду: мережка (*вирізування*), гладь (*настилування*) и, начиная с XVII в., вышивка крестом (*хрестом*). Достаточно широко применяли в качестве украшения мех, особенно серую смушку, которую использовали для мужских шапок и отделки одежды. Богатые люди носили меха лисицы, выдры, куницы. Обувь украинцы носили в основном кожаную; плетеная лыковая обувь была, по-видимому, менее распространена.

Мужской костюм. Основу украинского мужского костюма, как и у всех восточнославянских народов, составляла рубаха из домотканого полотна; для простого люда она первоначально была единственной повседневной одеждой. Шили рубаху из трех полотнищ с асимметричным расположением швов. Почти повсюду в рубахах делали длинный центральный пазушный разрез, который застегивался около ворота. Большинство украинских рубах шили без воротников, как древнерусские «голошейки», оставляя разного типа горловины. Лишь изредка на рубахах были низкие стоячие, а на Волыни — небольшие отложные воротники. Стягивали ворот с помощью шнурка или тесьмы, которые продергивали через петельки, расположенные с обеих его сторон. В Закарпатье традиционным было застегивание ворота с помощью металлической запонки (шпонки) (ГМЭ, кол. 1660—33, 34, 35, 36, 37). Рукава рубахи были пришивными, прямыми, длиной до запястья.

Длина рубах была различной: выше или ниже колена, что связано с определенным способом ношения. В Западной Украине преобладал древнерусский способ ношения рубах — поверх штанов (рис. 39, *а*), а в центральных и восточных районах Украины рубаху заправляли в штаны. Следует отметить, что для казаков последний способ был обязательным. Однако даже в тех местах, где преимущественно носили рубахи навыпуск, многие (прежде всего в панских кругах) заправляли рубахи в штаны.

По покрою рубахи были нескольких типов. Первый тип — это рубахи так называемого туникообразного покроя, сшитые из перегнутого пополам полотнища, без плечевых швов, нередко с бочка́ми. Это традиционнейший тип рубахи с низкими проймами, спадавшими с плеч на верхние части рук. Широкие пришивные рукава часто имели двухшовную конструкцию; сборок возле ворота у таких рубах не было. Встречался данный тип главным образом в Приднепровье, на Подолии, в Закарпатье и на Буковине (*Маслова*, 1956, с. 583). Ко второму типу относятся рубахи со вставками (поликами) на плечах. Такие рубахи имели неширокие рукава и обязательно присборивались около ворота спереди и с боков мелкими сборками, закреплен-

Рис. 39. Мужская одежда:

а — крестьянин в поле. 1765 г. Иллюстрация к рукописи драмы Г. Конинского «Воскресение мертвых»;
б — мужчина в летней одежде. Вторая половина XVIII в. (по Ригельману);
в — крестьянин с Полесья. Вторая половина XVIII в. (по Ригельману);
г — одежда казацкого старшины. XVIII в.

ными обшивкой горловины. Районами преимущественного распространения этого типа были Полесье, Северное Приднестровье и Галичина (*Маслова*, 1956, с. 607).

Третий тип — короткая рубаха (оставлявшая часть тела выше пояса оголенной) с очень широкими (почти одинаковыми с подолом) относительно короткими, присборенными у пройм рукавами и неглубоким центральным пазушным разрезом — был распространен в Закарпатье (*Маслова*, 1956, с. 585—586).

Мужские штаны также были нескольких типов. Первый тип — неширокие штаны, не отличавшиеся от древнерусских портов и сохранившие название *портянец*,— состоял из двух прямых перегнутых полотнищ, соединенных неширокой прямоугольной вставкой; они стягивались у ступни и не имели гульфика, пояса и карманов. Держались портяницы на ремне (*очкуре*) или шнурке, продернутом через рубец верхнего края. Бытовали штаны этого типа в Полесье и в западных областях; в Карпатских горах и на Буковине их шили очень длинными, значительно длиннее ноги, носили присборенными, заправленными в короткие чулки (*панчохи*). Шили такие штаны и из красного сукна, украшая несложной цветной вышивкой или просто обшивкой по бокам швов и внизу, что указывает на сохранение древнего обычая носить штаны навыпуск (*Маслова*, 1956, с. 591—592),

К второму, наиболее распространенному типу относятся *шаровары*, которые возникли позднее штанов и уже в XVI в. бытовали в правобережье и левобережье Приднепровья, на Подолии и в южных степях (*Маслова*, 1956, с. 592—593). Широкие холсты соединялись между собой просторной вставкой — *мотней*. Как и порты, шаровары держались на шнурке, а вместо гульфика имели неглубокий передний разрез (рис. 39, *б*). У казаков шаровары были с боковыми карманами. Шили шаровары из домотканого полотна, сукна, а для праздничного костюма казаков и зажиточных людей — из шелка. Наиболее распространенным у основной массы населения — крестьян — был белый цвет штанов, у казаков — преимущественно синий, реже — черный и красный. Носили шаровары навыпуск. Иногда их подвязывали у щиколоток шнурами или заправляли в сапоги, а на севере Украины — под онучи. У запорожских казаков их подвязывали шнурками поверх сапог, делая очень низкий напуск.

Своеобразными были закарпатские *гачі*, похожие на аналогичную одежду венгерского населения. Длинные, очень широкие штаны из белого полотна с треугольной вставкой вверху были специально присобраны так, что вертикальные складки концентрировались преимущественно сзади. Низко на бедрах гачи застегивали ремнем; внизу, на уровне щиколотки, штанины свисали свободно, производя впечатление юбки. Иногда их нижний край обшивали бахромой.

Особое место в украинском костюме XVI—XVIII вв. занимала короткая (до пояса) верхняя одежда без рукавов, которую носили в западных землях, особенно в районе Карпатских гор. В древности она делалась из цельной шкуры овцы мехом внутрь и надевалась через голову. Позднее буковинские *бунда* и *камизелька* выполнялись из шкуры, перегнутой на левом боку, где делался разрез-пройма для руки, и завязывались ремнями справа на боку, под рукою. Вверху на плечах овчину сшивали, оставляя вырез для головы и центральный пазушный разрез.

Другой вид безрукавки — распашной *кептарь* у гуцулов, туникообразного покроя из перегнутых пополам шкур, сшитых мехом внутрь, без бочков и клиньев, без воротника, с глубокими низкими проймами. Нарядные овчинные безрукавки украшались шнурами, аппликациями из кожи, бахромой и металлическими бляшками.

Короткой наплечной одеждой с рукавами был западноукраинский суконный *сердак*, сохранявший архаичный туникообразный покрой. Он имел небольшие разрезы по бокам и на подоле, прямые, достаточно широкие рукава и невысокий воротник-стойку. Сердак из красного, темно-красного, серого, черного, реже — белого сукна носили, как и другую верхнюю одежду, поверх кептаря. Украшали сердак вышивкой, шнурами, бахромой и помпонами.

Значительную роль в украинском мужском костюме играл пояс — широкая лента плотной ткани с вытканным на ней узором, с бахромой или кистями на концах, который повязывали поверх штанов, большей частью для украшения. Кроме того, с XVI в. среди казаков и состоятельных кругов местного населения бытовал еще более широкий и длинный так называемый турецкий пояс (восточного происхождения), из легкой шерстяной или шелковой ткани. Такой пояс складывали по длине и обматывали вокруг талии, после чего завязывали пришитыми к его краям шнурами. Концы нарядных поясов вышивали золотыми и серебряными нитками и выпускали с одного или с обоих боков. У дорогих поясов золотом украшали и середину. В повседневном костюме концы пояса вообще не выпускали, а закладывали внутрь. Цвета поясов были разнообразными, но все же преобладала красная гамма. Широкие пояса носили и в тех случаях, когда украинская рубаха надевалась поверх штанов (за исключением Полесья, где сохранялся древнерусский узкий пояс).

Особую популярность имел широкий кожаный пояс — *черес*. Его носили занимавшиеся перевозкой рыбы и соли чумаки и лесорубы — жители горных районов Украины, а иногда и запорожские казаки. Черес изготавливался из куска толстой кожи, загнутой вдоль таким образом, чтобы изгиб был внизу. Вверху его зашивали, за исключением тех промежутков, где делали карманы. Тяжелый пояс придерживался двумя перекинутыми накрест через плечи *ланцюжками* и застегивался пришитыми к нему ремешками с пряжками. Украшали черес металлические накладки с тиснением, на специальных креплениях подвешивали к нему кошельки, кресала, люльки, ножи и т. д. Запорожские казаки использовали черес как патронташ, повязывая его через плечо (ГМЭ, № 1488-51). На поясе (или на перевязи через плечо) носили сумку — *кошиль*, *мошонку* или *гаман*, в которой держали кисет с табаком, кремень, люльку, деньги и пр. (ГМЭ, № 1663-9, 1121-51).

Универсальной народной обувью украинцев были *постолы* из сыромятной кожи. Исключением была территория Полесья, где носили *лапти*, похожие на белорусские (рис. 39, *в*). Постолы были особенно удобны в горах. Известно несколько типов: с круглыми незашитыми носами; зашитые спереди или с загнутыми кверху носами.

Распространенной мужской обувью были и *сапоги*, которые использовали как повседневную обувь городское население, паны, казачество, а в качестве праздничной — и крестьянство (за исключением Закарпатья).

Бытовали два типа сапог: цветные, мягкие, из сафьяна служили выходной обувью зажиточных горожан, казацкой старшины и отчасти — запорожского казачества; более грубые сапоги, с прочными голенищами, преимущественно черного цвета, носили горожане и казаки как повседневную, а крестьяне — как нарядную обувь. Голенища были невысокими и сверху прикрывались напуском шаровар; каблуки, как правило, с металлическими подковками; носки имели продолговато-округлую форму.

Постолы надевали иногда на босу ногу, но чаще — на онучи или *капци* — носки, достигавшие середины икры. Намотанные до колена онучи носили в северных украинских землях с лаптями. В горных районах Закарпатья бытовали суконные чулки — *панчохи* и *капчуры*, в которые заправляли штаны.

Большое разнообразие мужских головных уборов было обусловлено как региональный, так и социальной спецификой. Высокие серые, черные или белые смушковые *качулы* или *кучмы* сельского и средних слоев городского населения, а также казаков имели форму усеченного конуса или цилиндра; их верх — плоский либо выпуклый — иногда был матерчатым, у казаков он превращался в своеобразный конический *шлык*, свисавший с левой стороны. Шлык — по большей части красный и синий — украшали пришитым галуном или позументом и завершали кисточкой.

Популярными были низкие плоские *мегерки* с околышем разной ширины из смушки, куницы, выдры и верхом из сукна, шелка, бархата. В костюмах реестровых казаков XVI—XVII вв. такие шапки имели узкий околыш и суконный круглый верх с нашитым цветным галуном или кантами, сходившимися в центре (рис. 39, *г*). На западе Украины встречались близкие к польской конфедератке варианты шапок с круглым околышем и квадратным верхом. В Полесье носили мегерки средней высоты, а также белые или серые шапки (войлок, сукно), имевшие форму усеченного конуса или полусферы.

Представители администрации в парадных случаях носили польского типа невысокие шапки из сукна, бархата, парчи полусферической или цилиндрической формы. В качестве отделки использовали дорогой мех и султаны из перьев, укреплявшиеся спереди с помощью аграфа.

Основное население северных районов Украины и горцы Карпат носили зимой обычный суконный *треух* (гуцул. *клапаня*) — шапку-ушанку, подшитую и отделанную овчиной или лисьим мехом. Типично украинским мужским головным убором с широкими полями был войлочный *капелюх*. Повсеместно бытовал соломенный *брыль* с широкими полями и невысокой тульей. У горцев Закарпатья фетровые капелюхи имели отогнутые кверху поля, плоскую тулью, украшенную строчкой, а в праздник — цветами, помпонами, перьями, металлическими бляшками. Такой капелюх был широко распространен. Кроме русских, он имеет аналогии среди головных уборов словаков, венгров и горских лемков (Словацкое народное, 1953, ил. 216, 217).

Своеобразны были мужские прически. Древнейшей, известной по крайней мере с X в. (*Арциховский*, 1948, с. 242—244), была прическа с чубом — *оселедцем*: голову брили, оставляя на макушке прядь волос, которая свисала набок, преимущественно на левое ухо; иногда оселедец наматывали на ухо (рис. 40, *а*, *б*). В рассматриваемый нами период иногда носили

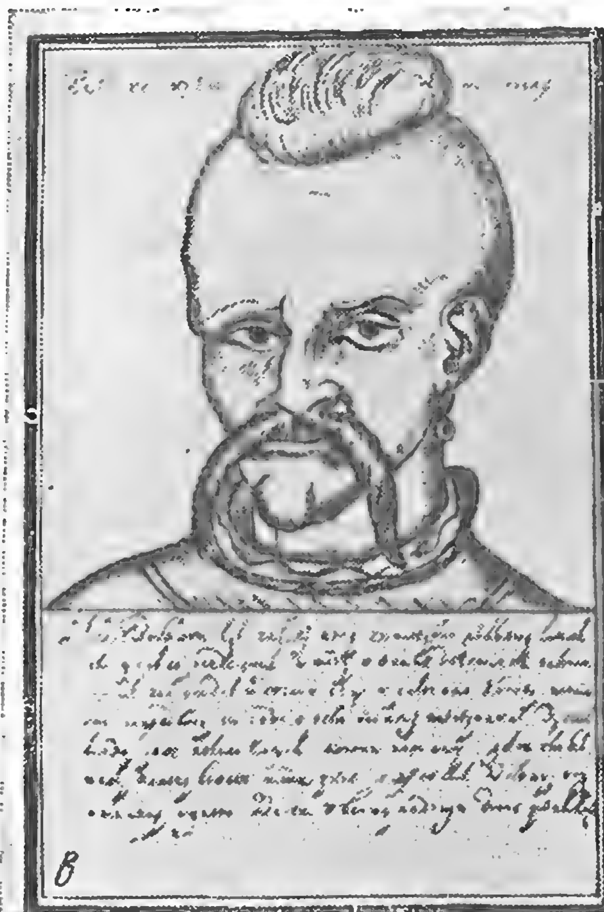


Рис. 40. Виды причесок:

а — портрет Ивана Гонти. XVIII в.; *б* — портрет Максима Зализняка; *в*, *г* — портреты Ивана Подковки и Гаврилы Голубка; *д* — казак-бандурист. XVIII в.

более короткий чуб, выпуская его спереди на лоб, когда надевали шапку.

По-видимому, более поздней была широко распространенная среди крестьян в XVIII—XIX вв. стрижка и *під макітру* («под горшок») и *під ворота*, когда волосы подстригались, открывая в различной степени, в зависимости от моды, уши, затылок, лоб. У горожан и социальной верхушки преобладала польская мода, когда шапку волос превращали в небольшой кружок на макушке — *чуприну* (рис. 40, *г*, *в*),

Карпатские горцы отпускали длинные волосы, которые либо свисали прядями, заплетенными в одну или две косицы с каждого боку, либо ровно подстригались надо лбом, а сзади свободно спадали на плечи и спину. Возможно, такая прическа при более коротких волосах была переходной от стрижки под макитру к отращиванию длинных волос.

Усы носили мужчины различных социальных слоев. Формы усов были разными, но преобладали два типа: спущенные вниз и торчащие вбок. У казаков, особенно запорожских, приняты были длинные усы, свисавшие значительно ниже подбородка. Иногда они были настолько длинны, что их концы закладывали за ухо. Бороды носили пожилые мужчины, а в Полесье иногда и молодые.

Распространенным мужским украшением была серьга в форме полумесяца, которую запорожские казаки носили в одном ухе. На пальцах гуцулы носили перстни (бронзовые, серебряные или из сплава, называвшегося *бакунт*), браслеты из тонких медных пластин (*Матейко*, 1977, с. 142); на остальной территории Украины перстни носили лишь люди зажиточные.

Распространенным дополнением мужского костюма была палица (нередко резная), а у жителей Карпат — топорик (*топорец*; укр. *топірець*).

Женская одежда. Основной женской одеждой была длинная рубаха. В рассматриваемый период у украинцев бытовало несколько типов женских рубах. Первый — по-видимому, наиболее древний — туникообразная рубаха, кроившаяся из перегнутого по утку полотнища. Такие рубахи бытовали в Закарпатье и Буковине (*Маслова*, 1956, с. 605). Второй тип рубах — с поликами, густой сборкой спереди и под воротом, с прямыми, довольно широкими рукавами — был характерен для Левобережья и северных украинских земель (*Маслова*, 1956, с. 607). Рубахи третьего, так называемого карпатского, типа имели рукава, выкроенные вместе с поликами и пришитые к основной части рубахи. Рукава были пышными, просторными, немного скошенными книзу. Такие рубахи носили преимущественно в Правобережье, в частности на Подолии и в районах Карпат (*Маслова*, 1956, с. 609). В Закарпатье бытовала в то время, по-видимому, уже полностью разделенная на два отдельных элемента рубаха: короткая верхняя часть с пышными рукавами (карпатского типа) длиною до пояса и нижняя часть в виде прямой юбки на поясном шнурке. Такие рубахи имели мелкие сборки вокруг шейного выреза и боковой пазушный разрез.

Шили женские рубахи из полотна разного качества. Известны случаи, когда рукава, верхняя и нижняя части основы рубахи были сшиты из разной ткани (*Маслова*, 1956, с. 602). Длина украинских женских рубах была различна, более короткими были рубахи для повседневной носки.

Ворот рубах с поликами представлял собой узкую обшивку, под которую собирали сборки, а на рубахах карпатского типа — продернутую

нитку или шнурок, которые стягивали широкую горловину в сборки. В первом случае по краям обшивки пришивали две воздушные петли, сквозь которые пропускали шнурок с помпонами на концах и завязывали узлом, во втором — завязками воротника служили края основного шнурка или нитки. При этом центральный пазушный разрез в рубахах со вставками был значительно глубже, чем боковой разрез карпатских рубах.

Воротники на женских рубахах в рассматриваемый период встречались редко, преимущественно на севере, на Волыни и частично в Правобережье. Высокие воротники-стойки начали распространяться лишь к концу XVII в. (*Стамеров*, 1978, с. 173).

Рукáва как женской, так и мужской рубахи обычно у кисти ничем не сдерживались; в XVI в. на нарядных женских рубахах с пышными рукавами появились присобранные шнурком узкие сборки-манжеты. У туникообразной рубахи сборки начинались у ворота, у поликовой они делались в двух местах: возле ворота и в месте пришива рукава к полику.

Вышивка помещалась на вороте, поликах и рукавах, зачастую и на подоле. На женских рубахах, особенно праздничных, она была более богатой, чем на мужских. Очень часто вышивали гладью белыми нитками, делали и мережку. Характерным было украшение швов цветными нитками и обшивка кантом ворота, а иногда и краев рукавов.

Для украинского женского костюма, как и для русского и белорусского, была характерна поясная одежда (*обгортка*, *плахта*, *запаска*), которую надевали поверх рубахи. Обгортка представляла собой прямоугольный кусок преимущественно красной или черной шерстяной домотканины; была короче рубахи, позволяя видеть расшитый подол. Для удобства движений нижний угол правой полы обгортки заворачивали вверх и подтыкали под пояс. Носили обгортку в сельской местности юго-западных районов Украины в качестве повседневной одежды (*Маслова*, 1956, с. 618, 631).

Значительно большего распространения в Центральной и Восточной Украине достигла плахта — относительно сложная по конструкции и узору поясная одежда. Плахту в XV—XVII вв. шили из двух полотнищ домотканого материала в клетку, сшивая их до половины, затем перегибали ткань пополам и подвязывали эту несшитую юбку вокруг талии. Иногда один из концов плахты подтыкали за пояс аналогично обгортке (рис. 41, *а*).

Наиболее универсальной и общей для всех слоев общества повседневной украинской поясной одеждой была запаска, представлявшая собой прямоугольный кусок полосатой ткани, к верхним углам которой были пришиты шнурки для завязывания на талии. В разных районах носили одну или две запаски. Если надевали две запаски — спереди и сзади, то между ними по бокам образовывались просветы, сквозь которые была видна рубаха. С XVI в. одну запаску носили вместе с плахтой, в качестве узкого передника.

Праздничный передник был из плотной узорчатой ткани, тонкого полотна и даже из шелка.

Сшитую юбку в XVI—XVII вв. носили богатые и знатные женщины. Позднее в народном костюме сшитые юбки встречались на Галичине (*Шмелева*, 1948, с. 144).

в

б

г

Рис. 41. Женская одежда:

а — одежда сельской девушки. Вторая половина XVIII в. (по Ригельману); *б* — летняя одежда замужней крестьянки. Вторая половина XVIII в. (по Ригельману); *в* — сельская девушка крестьянка. XVIII в.; *г* — портрет купеческой дочки. XVIII в.; *д* — одежда молодой украинской шляхтянки. XVIII в.; *е* — одежда украинской шляхтянки. XVIII в.

Плечевая одежда в женских костюмах представлена сходными с мужскими меховыми *кептарями*, шерстяными *сердаками* и более характерными для женщин суконными безрукавками — *лейбиками*, *карсэтами*.

Женские пояса были аналогичны мужским и подразделялись на два типа. Для подвязывания рубах и плахт использовали неширокие тканые пояса или кожаные пояса с медными бляшками.

Обгортки, иногда запаски, а также верхнюю одежду подпоясывали широкими шерстяными поясами красного, зеленого, синего, черного цвета с продольными полосами и бахромой на концах. Эти пояса завязывали по-разному: в банты со свисающими длинными концами сзади или на боках, или заправляя концы внутрь.

Декор женской одежды, особенно у зажиточных людей, отличался большим разнообразием и богатством способов украшения: вышивка, шитье золотной нитью, позументом и галуном, отделка шнуром, аппликации.

Женская обувь XV—XVII вв. была сходна с мужской: *постолы*, *сапоги*. Несколько отличались сафьяновые, из красной кожи женские сапоги на высоких каблуках, подбитых медными подковами, а у более богатых —

с цветными узорами на задниках. Собственно женской обувью были туфли-*черевики*, бытовавшие среди богатых слоев общества. Шили их из кожи (реже — из сукна и бархата) в форме полуботинок, с заостренными носками, на средних каблучках. Туфли носили как на босу ногу, так и на шерстяные, сшитые до колен чулки.

Обычным повседневным головным убором девушек была полоса ткани или орнаментированная лента вокруг головы, которую завязывали узлом сзади или спереди, но так, чтобы волосы на темени оставались открытыми. (рис. 41, *а*, *в*). Платков и косынок тогда не носили. Нарядным головным убором служили венки из живых или искусственных цветов, колосков, ковыля и листьев. Из этих венков делали сложные и достаточно высокие свадебные головные уборы, укрепленные на твердых обручах и украшенные не только цветами, но и перьями, ленточками, бусами. В Закарпатье к нижней части такого венка прикрепляли еще и проволочный ободок или ремешок с подвешенными к нему медными монетами или костяными кружка́ми (ГМЭ, № 3133—2).

Замужние женщины надевали *очипок*, аналогичный древнерусскому повойнику. Присобранный и завязанный сзади шнурком, очипок плотно прилегал к голове. Очень часто его делали из полотна, шелка или парчи (в зависимости от зажиточности) на твёрдом каркасе из луба или жгута конопли, придавая разнообразные формы. Такие очипки были достаточно высокими и напоминали русские кокошники. Поверх очипка, а иногда поверх волос надевали по праздникам *намитку* — прямоугольный кусок белого полотна — аналог древнерусского убруса. Намитку укрепляли вокруг головы так, чтобы узел был сзади и заканчивался длинными, почти до нижнего края одежды, концами. Иногда один из концов намитки, укра́шенный вышитыми поперечными полосками, пропускали под подбородок (рис. 41,*б*).

Женские прически в рассматриваемый период достаточно разнообразны и связаны с восточнославянской традицией, по которой замужние женщины полностью закрывали волосы, а девушки носили их открытыми. Замужние женщины по давней традиции собирали все волосы и укладывали их вокруг головы или скручивали сзади узлом, или, разделив на две пряди, наматывали вокруг лубяного или верёвочного кольца, которое укладывали на голове.

Путешественник У. Вердум писал, что в Западной Украине и на Подолии женщины носили сложную прическу, сооружая из толстой косы сзади и двух малых боковых кос кружок на затылке. Еще две малые косы спускали по бокам, перетягивая их под ушами (*Матейко*, 1977, с. 35).

Украинские девушки всегда расчесывали волосы на прямой пробор. Самой распространенной прической, унаследованной от Древней Руси, были свободно распущенные длинные волосы. Наряду с этим часто заплетали косы, в большинстве случаев две, реже — одну. В будни во время работы косы укладывали вокруг головы венком, а в праздники выпускали на спину или на грудь. В косы зачастую вплетали золотые и серебряные нити или обвивали волосы узкими полосками из цветной ткани.

Типичным и довольно разнообразным украшением в женском костюме было *намисто* — ожерелье из бус, разнообразных по форме и материалу (камень, стекло, металл, кораллы). Часто встречались ожерелья из не-

-скольких ниток, включавшие и монетовидные подвески — «*дукачи*». Делали намиста и по восточным образцам: из монет, медных крестиков, металлических кружков и цепочек. В Закарпатье нагрудные украшения из ниток бисера женщины плели с геометрическим узором — *силянки*. Серьги (кольцеобразные, грушевидные и в форме полумесяца) были менее распространены, чем бусы.

Головные уборы украшали спускавшимися на лоб пучками из гусиных, утиных или куриных перьев. В районе Карпат бытовали оригинальные украшения — *уплитки* — толстые шнуры конопляной кудели, обмотанные обычно красной шерстью. Их прикрепляли сзади, к венкам так, что они свисали низко на спину.

Городской костюм. Одежда горожан отражала большую сложность социального состава городского населения и пути его формирования. Рядовые и бедные горожане — ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, слуги и пр.— выходцы из сельской местности, продолжали и в городе носить описанную выше традиционную одежду. Однако здесь происходило усложнение первоначальных ее типов.

Мужскую рубаху (длиной до колен) шили из хорошо выделанного полотна с отложным воротником и подкладкой (подоплекой) на плечах. Обшлага рукавов застегивались на пуговицы либо затягивались лентой. Носили обычно рубаху заправленной в штаны. Зажиточные горожане надевали под брюки *гати* из полотна. Летом носили полотняные брюки на пояске, который застегивался пуговицей, зимой — суконные широкие брюки (шаровары), заправленные в сапоги.

Сверху рубахи надевали *кафтан* из легкой ткани с рукавами либо без них, с небольшим стоячим воротником, на который выкладывали воротник рубахи.

Головные уборы городских жителей отличались разнообразием материала и форм. Изготавливали их с высоким верхом из ткани или сукна, отделывали мехом лисицы, куницы, выдры. Значительное распространение имели шапки из лисьего меха — *тривух* (треух), а также высокие головные уборы из серых смушек с суконным верхом. Известны в быту горожан и островерхие шапки-кучмы. Летним головным убором служили шляпы средней высоты с широкими полями.

Одежда городской верхушки формировалась под влиянием иноземной моды (Польша, Венгрия, Россия, а через них — страны Западной Европы). Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на иноземные влияния, в костюмах знати имелись составные части традиционной одежды. По рисункам А. Ригельмана можно судить об одежде женщин — вышитые рубахи, плахты, пояса, цветные сапожки или ботинки. На мужчинах — рубахи, брюки, лапти, а на зажиточных — широкие шаровары, кафтаны (*Ригельман*, 1847, кн. IV, р. 6—26).

Важной особенностью городского костюма было бо́льшее количество предметов одежды, причем единственная у крестьян нательная одежда стала у горожан нижним бельем. Она изготовлялась в основном из домотканого полотна, реже — из перкаля и состояла у женщин из рубахи, нижняя часть которой (более грубой ткани) пришивалась, как у крестьянок. Это была рубаха с поликами, отложным воротником и рукавами с манжетами. Девушки завязывали рубахи на шее широкой красной лен-

той, замужние женщины — шнурками либо застегивали на пуговицы. Рукава снизу также застегивали на пуговицы либо завязывали лентой.

Часто у женщин высших слоев общества бытовали рубахи с глубоким округлым шейным вырезом, что было несвойственно традиционному восточнославянскому костюму и, по-видимому, заимствовано из польского и венгерского костюмов.

В качестве поясной одежды горожанки использовали длинную до пят юбку с фалдами и разрезом сбоку. В будни надевали набивные юбки из домашней поскони. Для нарядного костюма юбки шили расширенными книзу, длиной до ступней и пришивали к плотно прилегающим лифам, имевшим глубокий шейный вырез и узкие длинные рукава. Лифы обычно застегивались или шнуровались спереди. Такие юбки и лифы шили из дорогих тканей: привозного штофного шелка, атласа, парчи.

Несшитая поясная одежда в изучаемый период бытовала не только в сельской, но и в городской среде.

Златотканые, средней ширины пояса в женских богатых костюмах встречались значительно реже, чем в мужских, так как ношение фартуков-запасок исключало их использование.

В качестве головных уборов у женщин известны были шерстяные или бархатные платки — *хустки*. Шерстяные платки на концах вышивались золотом или серебром. Кроме платков, замужние женщины носили атласные или полотняные очипки, поверх которых надевали *намитки*.

Особое место среди женских головных уборов занимали шапки. Наиболее популярным в среде богатых горожан уже с XVI в. был *кораблик*. Он имел невысокую овальную тулью из шелка, бархата или парчи и борта, низкие, плотно прилегавшие с боков, высоко поднимавшиеся заостренными лопастями, часто раздвоенными в виде рожков спереди и сзади (рис. 41, *д*, *е*). Борта делали всегда из иного материала (темный бархат, сукно), а также из меха. К кораблику прикрепляли ленты, которые сзади свисали на спину.

Зимой носили также плоские круглые шапки с меховыми околышами. К концу XVII в. под влиянием польской моды женщины высших слоев выпускали часть волос из-под головного убора.

По материалам наших источников можно констатировать, что в XVIII в. комплект женской одежды включал рубаху и юбку из четырех-пяти и более полотнищ. В реестре имущества малороссийской госпожи XVIII в. значатся льняные рубахи — цельные или «до підточки», юбки из красного и желтого атласа, запаски из штофа и парчи, корсетки (*Матейко*, 1977, с. 39).

О праздничной одежде знатной богатой женщины можно получить представление по портрету Раины Могилянки — дочери молдавского господаря. Раина Могилянка одета в ярко-синее бархатное платье с глубоким вырезом, из-под которого видна расшитая жемчугом и золотом рубаха с голубыми шелковыми прошвами. На шее — ожерелье из больших алмазов и золотой крестик. Ниже ожерелья, на груди, поверх платья — длинная цепочка, украшенная большими рубинами. Верхней одеждой является кунтуш — своеобразного покроя платье с короткими рукавами и золотым обрамлением. На голове — белый очипок, отделанный мережкой и перевитый красными лентами. Поверх него надет фиолетовый бархатный го-

ловной убор, украшенный алмазами и драгоценными камнями (Киевская старина, 1887, с. 1—10).

Об одежде зажиточных горожанок начала XVIII в. можно судить по портрету купеческой дочки (рис. 41, *г*), одетой в кунтуш, подбитый мехом и скрепленный под шеей лентой. На шее — две нитки ожерелья. Голова повязана белой косынкой, один конец которой свободно спускается на левое плечо (*Білецький*, 1963, с. 183).

В комплектах богатой женской одежды известны *саяна* и *бестрог*. Саяны — юбки из объяри с золотыми или серебряными цветами либо из цветной камки; снизу обрамлялись мережкой и подбивались кумачом. Принадлежностью саяны был бестрог — корсет без рукавов из объяри, камки, бархата, обычно без подкладки, украшенный мережкой и галуном. Иногда бестрог пришивали к саяне, но чаще надевали отдельно.

Очень разнообразна была верхняя одежда зажиточных женщин — кунтуши, жупаны, свитки, кафтаны и т. д. Кафтаны были широко распространены и разнообразны; на меху (теплые) и без него (холодные). Теплые кафтаны были сравнительно просты, не имели никаких украшений и лишь иногда полы отделывали мехом (рис. 41, *е*).

Верхняя одежда. В мужской и женской верхней одежде украинцев было, как и у других славянских народов, много общего. Верхняя мужская одежда была более разнообразна, чем женская: наряду с самобытными народными формами широко распространена была одежда польского и венгерского типа. Кроме восточнославянской длинной одежды, важную роль играла короткая одежда типа курток. Обычай носить основную и дополнительную верхнюю одежду: свиту и кирею (кожух), жупан и кунтуш, кептарь и сердак был общепринятым. Специфически восточнославянскими были застежка впритык и запáх налево. Запáх направо считался польским.

Из древней верхней одежды, общей для всех восточных славян, назовем *гуглю*, *чуганю*, *чуню*, *манту*. Бытовавший и в XVI—XVIII вв. у гуцул плащ — гугля — напоминал по покрою мешок, перевернутый кверху дном и с одного бока не сшитый. Гуглю шили из белого или серого сукна, обшивали черным или желтым шнуром. Переходной формой от подобной безрукавной одежды к одежде с рукавами была чуганя — одежда горских лемков — и схожая с ней манта — на Буковине. Это просторная, распашная одежда прямого покроя, длиной до колен или середины бедра. Короткие, внизу наглухо зашитые рукава играли роль своеобразных карманов. Отложной воротник чугани сзади опускали прямоугольным выступом до пояса и ниже, а спереди он продолжался отложными бортами, шедшими до самого подола. Шили чуганю из серого, черного, коричневого сукна, украшая ее в нижней части воротника и по краям рукавов толстыми шнурками. Чуганя была, вероятно, заимствована из венгерского костюма (*Györffy*, 1956, s. 44—45; *Kresz*, 1957, s. 54).

Плащевидный характер имела и западноукраинская *гуня*, которую носили внакидку. При этом гуня отличалась своеобразным покроем, напоминавшим крой камизели, сшитой из двух полок, сложенных поперек. Верхнюю полку перегибали пополам по всей длине, и она образовывала спину, грудь и недлинные, зашитые внизу рукава. В центре вырезали горловину. Нижнюю полку при сохранении ее ширины перегибали по вертикальной линии, пришивая соответственно к спинке и груди. Для гуни ис-

Рис. 42. Мужская и женская одежда:

а — мужчина и женщина из Переяслава. Начало XIX в.;
б — верхняя одежда казака. Вторая половина XVIII в. (по Ригельману)

пользовали шерстяную ткань с более длинным ворсом или овчину, шили ее ворсом или мехом наружу (лишь изредка — внутрь).

Наиболее распространена была также древняя, упоминающаяся по крайней мере с XII в. свита — распашная одежда преимущественно прямого туникообразного покроя, с немного зауженной в талии спинкой. Свиты, как правило, имели неглубокий запáх налево и застегивались на пуговки — *гаплики*. Конструктивной особенностью, связанной с желанием подчеркнуть талию, было введение с боков спинки, начиная от талии, двух клиньев «усов», которые закладывались двумя — тремя выпуклыми складками (рис. 42). Обычно свита воротника не имела; ворот обшивали, изредка снабжали узкой стойкой. Рукав, вшитый в прямую пройму, был неширокий, немного зауженный книзу. У крестьян и казаков свита была короче — до колен, у горожан — до лодыжек. Свиту подпоясывали широким поясом. Один из вариантов свиты с глубоким запáхом и отложным (широким или шалевым) воротником назывался *капотою*. Другой, получивший, как и у русских, название *кафтан*, застегивался на шнуровые петли, был стянут в талии, имел стоячий или отложной воротник и два вертикально прорезанных кармана. Он был распространен у запорожских казаков. Узкие внизу рукава кафтана часто надрезали и закатывали кверху, создавая обшлага. Воротник и обшлага нередко были из ткани другого

цвета. Для основной массы крестьянского населения и городской бедноты свита была единственной верхней одеждой. Для зажиточных горожан, дворянства и казаков она служила основной верхней одеждой, поверх которой надевали дополнительную.

Другой распространенной мужской одеждой был *жупан*, отличавшийся от свиты системой вставок с боков (*рясы*). Подрез спинки около талии делали более глубоким и длинным, с прямоугольными вставками с обоих боков — «*проходками*», которые укладывали мелкими складками — *рясками*, напоминавшими плиссировку. Шили жупаны без запáха, преимущественно с застежкой на пуговицы, со стоячим или отложным воротником и рукавами, которые заканчивались обшлагами с разрезами. Все эти особенности жупана были близки к польской одежде кафтанного типа. Жупан носили главным образом украинские феодалы, казацкая старшина и зажиточные горожане. Как и свиту, жупан подпоясывали широким поясом (рис. 43).

Свиты и жупаны шили из разного материала, в зависимости от социальной принадлежности их хозяев от простого грубого сукна до шелка и узорчатой парчи. Крестьянские свиты шили из шерсти домашней выработки коричневого, серого, черного или белого цвета. Для кафтанов и жупанов горожан и казаков использовали сукно красного, свекольного, голубого, синего, зеленого цвета, воротники и обшлага выполняли из контрастного по тону шелка, бархата или меха. Любимой отделкой свит и жупанов были вышивки или шнуровые аппликации. Их делали поверх усов или ряс, вдоль их стыка со спинкою, а также на карманах, воротниках и обшлагах.

Немного длиннее жупана был капот с тремя или более усами, с широкими полами, далеко заходящими одна на другую. Поверх жупана пожилые мещане носили кунтуши с прорезными рукавами (рис. 43). К капоту близка по покрою *чемерка*. Она богаче украшалась вдоль швов и карманов, а иногда вся обшивалась шнуром.

Зимой горожане носили *делии*, *шубы*, *бекеши*, *епанчи*. Одежда из овечьего меха шилась приталенной, с отложным воротником. Иногда мех покрывали сукном, обрамленным тесьмой. Длинную волчью или медвежью шубу носили распахнутой. Меховая верхняя одежда из овечьих шкур, покрытая темно-зеленым или синим сукном, приталенная и обшитая тесьмой, называлась *бекешей*.

Наиболее распространенной дополнительной верхней одеждой украинцев, которая надевалась поверх свиты, жупана или кожуха из овчины, следует считать *кирею* (*сиряк*, *кобеняк*), бытовавшую издавна в народе. Кирея сохраняла туникообразный крой, с прямой спиной без усов и ряс (поэтому талия в ней подчеркнута не была). Длинную, почти до ступней кирею шили очень просторной, для чего вставляли два больших боковых клина, верхушкой под самые рукава. Кирея была однобортной, но имела небольшой запáх налево, что получалось благодаря большой ширине. Под шеей застегивалась *паточкой*. Рукава, длиной до кистей, были обычно средней ширины. Пришитый капюшон делали настолько глубоким, что он мог закрыть почти все лицо и требовал прорезей для глаз. Кирею обычно не подпоясывали, но нередко запахивали. Предназначенную для путешествий, непогоды и мороза, кирею шили из грубого сукна серого или коричневого

Рис. 43. Мужская городская одежда:
а — мещанская одежда. XVIII в.; *б* — портрет Адама Кысиля

цвета, а у запорожских казаков — из шкур, без украшений, за исключением обшивки тесьмой по капюшону.

Такого же прямого покроя и длины шили и зимние *некрити* — кожухи из овчины мехом внутрь, с отложным смушковым воротником. Носили их подпоясанными и неподпоясанными, застегнутыми на мелкие крючки. Нарядные кожухи вырабатывались «набело», т. е. с использованием мела. Их украшали шнуровым орнаментом, вышивками, аппликациями из цветной кожи. Кожухи, покрытые сверху сукном, называли *байбараками*.

Кирея и кожух являлись верхней дополнительной одеждой народных масс, тогда как среди знати, дворянства, богатых мещан и казацких старшин такой одеждой служили *кунтуши* и *делии* — одежда польского происхождения, которую надевали поверх жупанов и свит. Кунтуш по конструкции мало чем отличался от жупана, был крепко стянут в талии поясом и имел боковые клинья с системой складок — ряс (рис. 42, *б*).

Характерной особенностью кунтуша были длинные, достаточно широкие рукава с разрезами у локтей, куда просовывали рукава жупана, так что низ рукава спадал до середины бедра. Внизу рукав имел небольшой обшлаг, часто меховой, или разрез, обшитый тесьмой, галуном, мехом. Встречались кунтуши с разрезом рукавов, начинавшимся у самой проймы. Застегивали их плотно, на густо посаженные по поясу пуговицы, иногда с петлицами. Кунтуши шили со стоячими или отложными воротниками и вертикальными боковыми карманами. Носили их как расстегнутыми, не-

подпоясанными, показывая нижний жупан, так и застегнутыми, подвязанными широкими поясами. Нередко кунтуши, особенно подбитые мехом, накидывали на плечи как шубу, застегивая их только на груди или под шеей. Кунтуш, как правило, был длиннее нижней свиты и жупана. У запорожских казаков он был известен под названием *черкасский*.

Делия отличалась от кунтуша значительной приталенностью, широким отложным воротником, иногда меховым, и откидными рукавами, зачастую ложными, в виде полос, спадающих за спиной. Носили делию застегнутой на пуговицы, но без пояса. Шили кунтуши и делии из цветного сукна и дорогих узорчатых тканей, нередко подбивали мехом. Украшали их шнуровой отделкой, обшивали тесьмой.

Старинной зимней одеждой карпатских горцев был короткий черный кожушок из овчины с длинным ворсом; прямого покроя, аналогично кептарю, но с пришитыми длинными рукавами. Носили его мехом наружу.

Среди плащевидной верхней мужской одежды важное место принадлежит плащу-накидке без рукавов, который бытовал среди различных слоев украинского общества. Крестьяне носили длинную, до пят, овчину, просторную верхнюю одежду из цветного сукна, с большим отложным воротником. У запорожских казаков ее иногда шили из шкуры, выкрашенной в серый, коричневый или белый цвет. Плащевидную одежду застегивали под шеей и надевали в непогоду или в дорогу.

Из дополнительной верхней одежды в нарядных женских костюмах были известны шубы из овчины (кожухи). Среди высших сословий носили крытые сукном, китайкой, шелком просторные меховые шубы с отложным воротником и длинными рукавами, часто надевавшиеся внакидку. У знати и казацких старшин верхней плащевидной одеждой служила длинная накидка польского типа (*Czarnecka*, 1957, с. 156).

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что приводимый материал не позволяет с достаточной полнотой и достоверностью говорить о сельской и городской одежде украинцев в XVI—XVIII вв. Вместе с тем привлечение этнографических материалов XIX в., их ретроспективный анализ существенно дополнили имеющиеся данные, на основании которых были выделены в достаточно общем виде комплексы костюмов разных слоев украинского населения.

Основная масса украинского крестьянства, таким образом, использовала для одежды ткани домашнего производства. Именно крестьянский костюм был на протяжении веков наиболее стойким, в нем отразились традиции, целесообразно объединенные утилитарные и эстетические функции. Украинские крестьяне носили рубахи, штаны и пояса, безрукавки, верхнюю суконную или меховую одежду, кожаную обувь, головные уборы из меха, соломы, сукна.

Украинки в сельской местности также использовали для изготовления костюма коноплю, лен, шерсть. Рубахи разных типов, своеобразная поясная одежда, поддерживаемая шерстяными поясами, головные уборы, свидетельствовавшие о социальной и возрастной принадлежности, кожаная обувь в качестве праздничной — вот основные элементы костюма сельских женщин.

Городская беднота и жители предместий носили верхнюю одежду, близкую как по покрою, так и по материалу к крестьянской, однако

больше использовали покупные ткани и меньше украшали одежду вышивкой.

Богатые и средней зажиточности горожане следовали одновременно одежде зажиточной части украинской шляхты, похожей на одежду городских жителей Польши, Чехии, Венгрии, Германии.

Феодальная знать отдавала предпочтение городской моде, но видоизменяла ее применительно к своим нуждам и эстетическим требованиям. Склоняясь к западной моде, украинская знать все же сохраняла некоторые традиционные элементы одежды, характерные для народного костюма. Так, специфические для восточнославянской одежды плахта, запаска, шуба на меху (иногда — кунтуш с прорезными рукавами), платок, цветные сапоги и ботинки широко бытовали у украинских знатных женщин.

Одежда казацкой старшины имела аналогии с костюмом польской шляхты. В то же время одежда рядовых казаков больше приближалась к крестьянской.

Глава шестая

ОДЕЖДА БЕЛОРУСОВ XVI—XVIII ВВ.

*

Н. Н. Улащик

Введение. В рассматриваемый период Белоруссия находилась в составе Великого княжества Литовского, которое с 1569 г. вместе с Польшей составляло федеративное государство — Речь Посполитую. Как обычно в феодальную эпоху, жители Белоруссии были разделены на сословия. Верхушку населения составляла небольшая, но мощная группа титулованной (князья) и нетитулованной (паны) знати — магнатов. Основной частью привилегированных была многочисленная мелкая шляхта, часто не имевшая не только крестьян, но и земли. В XVI в. низы шляхты часто именовались еще по-старому боярами-шляхтой. Промежуточное положение между мелкой шляхтой и магнатами занимала шляхта средняя, владевшая небольшими населенными имениями (в Западной Белоруссии ее называли тогда земя́нами). Вопреки распространенному представлению, будто феодалы в Белоруссии были литовского или польского происхождения, во всех перечисленных слоях этого класса преобладали белорусы.

К привилегированным относилось и духовенство — католическое, униатское, православное, иудейское и мусульманское.

Основную массу сельского населения составляли крестьяне.

Города феодальной эпохи в Белоруссии состояли из «за́мка» и «ме́ста» (посада); жители «места» назывались мещанами или ме́стичами. Значительное количество мещан жило в «место́чках», т. е. (буквально) в маленьких городках.

Кроме населения, в основном белорусского и христианского, были и национальные меньшинства: русские, поляки, евреи, татары, небольшое количество цыган и половцев (потомков тех, кто бежал от татар в 1223 г.). В рассматриваемый период одежда их, особенно мужчин, мало отличалась от белорусской.

Научная литература о белорусской одежде невелика и посвящена почти исключительно крестьянской одежде XIX—XX вв., об одежде мещан и шляхты почти не говорится. Наиболее полной является монография, изданная в 1975 г. Институтом этнографии, искусствоведения и фольклора Академии наук БССР под редакцией В. К. Бондарчика «Беларускае народнае адзенне». В этой работе приведена и почти исчерпывающая библиография предмета. Экскурсы в более отдаленные времена в книге редки, кратки (с. 18, 51, 53, 59, 68) и не имеют самостоятельного значения, а приводятся обычно для уточнения вопроса о той или иной детали костюма в новое время.

В монографии Л. А. Молчановой о материальной культуре белорусов (*Молчанова*, 1968) третья глава посвящена крестьянской одежде, головным уборам и обуви XIX—XX вв., упоминания о более отдаленных временах тоже крайне редки. В статье того же автора «Материальная культура бело-

русов в XVI—XVIII вв.» (*Молчанова*, 1979) последний раздел (с. 102—104) касается одежды. Автор насчитывает свыше 40 названий разных предметов одежды, не оговорив, однако, входит ли в ее список только верхняя одежда или также и нательная, не ссылаясь на источники, в которых есть данные о называемых ею видах одежды. Еще меньше об этом сказано в книге М. С. Кацера «Прикладное искусство Белоруссии» (*Кацер*, 1972). Здесь охвачен слишком большой период (от первобытного общества до 1917 г.) и широкий круг вопросов, поэтому рассмотреть сколько-нибудь внимательно хотя бы какой-то один вопрос при небольшом объеме книги было невозможно (истории одежды уделено две-три страницы). Ссылки на источники в этой работе очень редки.

В 1981 г. вышла вторая монография Л. А. Молчановой «Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв.». В ней рассматривается жилище, питание, одежда и обувь XVI—XVIII вв. Работа написана в большой мере по опубликованным источникам, а также по архивным данным и литературе. Книга богато иллюстрирована, впрочем, бо́льшая часть иллюстраций относится к полякам. Это первое исследование, специально посвященное одежде XVI—XVIII вв.

В Белоруссии в XVI—XVIII вв. было множество цехов: портных (кравцов), обувщиков (шевцов), шапочников, скорняков, шмуклеров (позументщиков) и т. д. Но сейчас мы почти не имеем образцов их изделий; беден и иконографический материал, поэтому особое значение для исследователя, изучающего одежду, приобретают сообщения письменных источников, которых немало. К настоящему времени опубликовано больше сотни томов разного рода документов по истории Белоруссии, в которых помещены десятки тысяч актов и других источников. В этих изданиях, содержащих самые разнообразные материалы, есть немало данных, касающихся одежды, обуви, головных уборов, украшений; есть названия материй, иногда и цен на них и т. п. (подробнее см.: *Улащик*, 1973). Имеется три серии археографических изданий, в которых больше всего этих данных — «Акты Виленской Археографической комиссии» (АВК); «Историко-юридические материалы» (ИЮМ) и «Археографический сборник документов» (АСД).

Исследователи, изучавшие одежду белорусов в прошлом, чаще всего ссылаются на т. XVII АВК, очевидно, потому, что в конце предисловия автор его, К. И. Снитко, дал перечисление предметов одежды, которые упоминаются в томе, и пояснил, какого рода это была одежда и что представлял собой тот или иной материал, указав и на страницы, на которых что-либо сказано об этом. В начале перечислены наряды вообще, а затем — одежда «простого народа». При таком делении можно было думать, что в первом случае говорится об одежде феодалов (шляхты, магнатов), а во втором — о крестьянской. На самом же деле наряды, перечисленные Снитко, касались как средних и мелких феодалов (земя́н, бояр), так и мещан Гродно и духовенства (не ритуальной одежды, надеваемой при богослужении, а домашней, главным образом женской). Больше всего данных о верхней одежде средних феодалов и богатых мещан, зато сообщения относительно нательного белья и того, что можно назвать костюмом, незначительны. Обувь однообразна у всех, но головные уборы и отделка верхней одежды разнообразны. Очень полно представлена одежда

служащих Могилевского магистрата; эти сведения, очевидно, можно распространить на подобных работников и в других городах Белоруссии или даже на всех горожан вообще. О женских нарядах материалов значительно меньше, хотя в действительности, надо полагать, у женщин, как везде, наряды должны были быть более разнообразны, чем у мужчин. Бедно и однообразно представлена одежда крестьян.

Массовые материалы, содержащиеся во всех трех упомянутых сериях, относятся ко второй четверти XVI в.— концу XVIII в., но есть и отдельные документы конца XIV в.

Больше всего сведений об одежде, обуви, головных уборах и украшениях содержится в «тестаментах» (завещаниях), а также в разного рода жалобах при перечислении вещей, которые были у кого-то украдены или отобраны грабителями; гораздо меньше их в инвентарях (описаниях имущества того или иного лица). Совершенно особый вид источника представляют собой приходно-расходные книги Могилевского магистрата за 1679—1717 гг. (с перерывами), так как в этих книгах указывается не только стоимость материалов, из которых шилась одежда служащим магистрата, но и разного рода «придаток» (приклад) при шитье (подкладка, пуговицы, шнуры, тесьма и т. д.), а также стоимость работы портных; в отдельных случаях указано, сколько было уплачено за готовые вещи, приобретаемые для тех же служащих. «Книги» эти помещены в ряде томов ИЮМ.

Наибольшее количество данных в опубликованных изданиях имеется по западным районам Белоруссии — Гродненскому, Брестскому, Слонимскому поветам. Западные, пограничные с Польшей районы всего раньше знакомились с польскими и вообще западными модами, и, возможно, поэтому новые виды платья или украшения проникали туда раньше, чем в восточные — в Могилев, Мстиславль, Оршу, Витебск.

Материал. На протяжении всего рассматриваемого периода как феодалы (исключая убогую шляхту), так и большинство мещан шили верхнюю одежду из импортных товаров — сукон немецких, чешских, итальянских, голландских, английских, из шелка и бархата. Лисьи меха, которые чаще всего шли на подбивку зимней одежды, очевидно, добывались на месте, но соболя привозились из России. Непонятно почти полное отсутствие упоминаний о бобровых мехах, так как при описании имений в XVI в. почти всегда отмечалось наличие «бобровых гонов», т. е. мест, где водились бобры.

Белорусское полотно шло обычно на подкладку при шитье верхней одежды. Очевидно, это было полотно домашней выделки и невысокого качества.

Во второй половине XVIII в. подскарбий (министр финансов) Великого княжества Литовского Антоний Тизенгауз создал в Гродно и в ближайших к нему окрестностях ряд крупных мануфактур, производивших разнообразные товары. Наиболее долговечными из них оказались суконные мануфактуры. Однако в источниках упоминания о шитье одежды из материалов производства гродненских мануфактур не встречаются (что, впрочем, не исключает возможности подобных находок в будущем). В тот же период существовало и цеховое производство тканей, но об их использовании тоже нет упоминаний. Видимо, продукция как мануфактур, так и ремесленников была настолько незначительной, что упоминания о них редки. Чаще

всего источники упоминают такие материи. Шелковые ткани: *адамашек* (адамашок) — материя с двумя лицевыми сторонами, делалась в Дамаске, откуда и название; *блаваты* — название шелковых тканей вообще, почти то же и *байбарак*; *флоранс* — гладкая мягкая ткань, шедшая на подкладку; *борадек* — сорт шелковой материи; *флер* — материал шелковый или шерстяной.

Шерстяные материи: *камлот* (*чамлет*)—ткань из шерсти иногда пополам с шелком; *лундыш* (*лунское*)— простое сукно лондонского или голландского происхождения, встречается чаще всего; *порпьян* — сукно преимущественно темно-красного цвета; *штамет* — легкая шерстяная материя; *кир* — толстое сукно; *колтраш*, *хаба* — сорта грубых сукон; *сермяга* — грубое сукно, преимущественно местного крестьянского производства, употреблялось на пошив сермяг, свит и пр.; *шарак* — ткань, основу которой составляли льняные нити, а уток — шерстяные, была серого цвета, откуда и название («шарак» — «серый»). Одежду из шарака шили крестьяне и мелкая шляхта.

Полотняные материи: *коленское* полотно. Некоторые авторы считают, что это кёльнское, по другим данным, оно происходило из г. Колина в Чехии. *Камбра* — тонкий холст, видимо импортный. Очень широко применялось *полотно* (*холст*) домотканое, всего вероятнее из собственного льна. Оно было *кужéльное* (из хорошо обработанного льна, из которого перед прядением вычесывалась пакля), и *зрéбное* (из плохо обработанного льна с примесью пакли или конопли). Самое грубое ткали из *асмы́чын* — отходов при обработке льна.

Хлопчатобумажные ткани: *бавэлна*, *бавелина* — бумажная материя вообще; *бархáн* — бумазея (позже в Белоруссии эта материя называлась *мультáн*); *кандыбура* — коленкор. Такие ткани, как *бухалер* и *бурля*, назывались бухарскими или турецкими; всего вероятнее, это ткани хлопчатобумажные.

Основные предметы одежды. Древняя нательная одежда носилась уже как нижнее белье. Белье, как мужское, так и женское, упоминается только из холста. Мужские верхние штаны обычно называются *пóртки* и очень редко — *шаловáры*. Верхняя комнатная одежда мужчин представлена еще одной рубахой (которая была короче нижней — кошули) и штанами, о которых уже говорилось. У женщин встречались *плахта* и полосатая юбка — *андарáк*.

Верхняя наплечная одежда была одинаковой у мужчин и женщин. Поверх рубахи надевали *свиту* или *сукмáн* (распашную одежду из простого сукна, достигавшую примерно до колен или чуть ниже), женщины носили *сýкню* (так называлось платье не только из сукна, но и из других материй; обычно сýкней назывался праздничный наряд). Верхней уличной одеждой служила также сермяга из толстого грубого сермяжного сукна, длиной ниже колена. Зимой носили овчинный кожух.

В среде мещан верхняя одежда была разнообразнее — *армяк* или *гермак*, *бекеша* — наряд, заимствованный из Венгрии, *доломан* (гусарский плащ), *дылея* или *епанча* — плащ с широкими рукавами и широким воротником, *кобеняк* или *копеняк* — плащ без рукавов, надевался для защиты от непогоды. Очевидно, разница между кобеняком и епанчой заключалась в том, что кобеняк шили люди победнее, из более дешевой мате-

рии. *Зипун.* Особенности этой одежды белорусов неясны, но упоминается она обычно у социальных низов. *Однорядка* — долгополая однобортная одежда, застегивалась на 12 пуговиц. *Кафтан, кафтаник, жупица, безрукавка* шились из разного материала. *Шуба* или *шубка* — мужская или женская одежда на меху; того же рода одежда, но сшитая из овчин, называлась *кожух. Жупан* шили из сукна, изредка — из кожи, крой прямой, двубортный, большой отложной воротник. *Кунтуш, кунтыш* упоминается с середины XVI в. В XVII и XVIII вв.— типичная верхняя одежда шляхты и горожан. Она была длинная, носилась всегда расстегнутой, чтобы был виден жупан. Жупан или надетый поверх него кунтуш подпоясывали матерчатым поясом. *Ферезея* — легкая мужская и женская одежда. *Сардак* — верхняя теплая одежда. *Чуга* — длинная одежда на меху, преимущественно на волчьем.

В качестве женской верхней одежды упоминаются платья: *сукня, обончик* (из черного бархата), *левитка* (с разрезом спереди), *баскиня* — широкое платье, *серпанок* — легкая летняя одежда, *кабат*, иначе *гарсэт* — безрукавка, *китлик* — короткий кафтан из холста, *плахта* — кусок материи, оборачивавшийся вокруг стана, *саян* — короткая верхняя одежда, *чехлик* — рубаха, а также юбка, *адриан* — кофта, *амазонка, летник, полчамарок.*

Головные уборы женщин — *чепец, кифера* — девичий чепчик, *намётка* — полотенчатый головной убор замужних женщин, *кукла* — головной убор крестьянок.

Мужской головной убор, который чаще всего носили земяне, шляхта и мещане — шапка, главным образом меховая, с матерчатым, часто полусферическим верхом. Кроме того, упоминаются *шлык* (шапка конусовидной формы), *магерка* (войлочная, суконная или бархатная шапка венгерского происхождения), *колпак, каптур.* Мех, из которого шились шапки, чаще всего был лисий, реже — бараний, еще реже — рысий и россомаший. Собольи шапки или, по крайней мере, отделка соболем женских нарядов, несмотря на запрещение (см. ниже), встречаются нередко, притом у лиц, принадлежащих даже не к верхушке городского населения. В источниках встречаются мастера-капелюшники, но нет упоминаний самих брылéй или капелюшéй — шляп, сплетенных из ржаной соломы. Судя по этнографическим материалам, их носили крестьяне или мелкая шляхта летом, в жару.

Обычная обувь как земян, так и мещан и вообще городского населения были *бóты* (сапоги с не очень длинными голенищами), у женщин — *черевúки* (ботинки). Сапоги и черевики носили цветные яловичные, козловые, сафьяновые. Очень популярной была обувь желтого цвета. О лаптях из лыка или лозовой коры упоминаний нет, хотя, безусловно, это был самый распространенный вид крестьянской обуви.

Крестьянская одежда. Данные об одежде крестьян в источниках редки, что понятно, поскольку крестьяне не оставляли письменных завещаний и поскольку они очень редко жаловались на грабежи и воровство. Иконографический материал, касающийся крестьян, встречается также гораздо реже, чем сведения о шляхте и тем более о магнатах.

Очень важным источником являются записки о костюмах крестьян в разных местах Белоруссии, сделанные П. М. Шпилевским в середине

XIX в. (*Шпилевский*, 1858). Учитывая консерватизм деревенской жизни, можно считать, что данные Шпилевского вполне приложимы для конца или даже и для середины XVIII в. К этому нужно добавить, что в работе этого автора приводятся такие детали костюмов, которые в других источниках отсутствуют. Нужно отметить, что крестьяне одевались и (в большей мере) обувались в те материалы, которые предоставляло если не собственное хозяйство, то, во всяком случае, хозяйство крестьянское, т. е. изделия из холста, грубого домотканого сукна и овчин. Очевидно, к этому можно добавить шкуры таких зверей, как заяц, лисица, а возможно, и хорек. Зимняя шапка делалась в большинстве из овчин, летняя — магерка — валялась из овечьей шерсти, брыль делался из соломы. Обувь (лапти) плели из лыка или коры лозы. Случай, когда у крестьянина оказывался «*сукман люнский*» (см. ниже), является редким исключением. Кожаные сапоги и черевики, надо полагать, были праздничными.

Используя одинаковый материал на всем пространстве страны, крестьяне разных районов шили одежду, в чем-то отличающуюся от одежды даже близких соседей. Чтобы представить себе эти различия, можно ретроспективно использовать сведения более поздние. Шпилевский, проезжая по Полесью (в районе Кобрина), записал, что «полесские поселяне отличаются своими костюмами от прочих племен России. Особенно оригинальны и затейливы,— пишет он далее,— наряды замужних женщин. Так называемая *свитка* (верхняя одежда) их из темно-синего сукна, имеет покрой дамского пальто с талиею, с разрезом внизу и бесчисленными на груди и возле карманов узорами из шерстяных тесем, по преимуществу красных и пунцовых. Рукава широкие, с обшлагами, окаймленные цветными снурками, воротники стоячие, по краям закругленные, на ногах козловые башмаки с высокими каблуками, иногда красными, с остроконечными носками. Голова поселянки украшена белым, огромным, с развевающимися по сторонам крыльями полотнищем. На шею, поверх белой рубашки с отложным воротником надевают по нескольку снурков разноцветного крупного бисера и стекляруса. Мужчины носят свитки темно-бурого цвета, меховые высокие шапки и козловые сапоги с высокими голенищами, в которые обыкновенно всучивают узкие белые панталоны» (*Шпилевский*, с. 25, 26).

«Около Клецка,— пишет далее Шпилевский,— мужчины одеты были в белые свитки со стоячими воротниками и с красными поясами; на головах их были шапки-валёнки (магерки.— *Н. У.*) из овечьей шерсти, на ногах лыковые лапти. Молодицы были в белых свитках, очень мало различающихся от мужских фасонов, только без поясов и с отложными воротниками, отороченными синими снурками и тесьмами; головы их повязаны так называемыми наметками, т. е. длинными узкими полотнищами, сложенными в несколько раз и обвитыми вокруг головы в множество складок, с висящими по бокам концами» (*Шпилевский*, с. 38, 39).

Около Борисова Шпилевский отмечает разницу в одежде у «полян» (жителей полосы, где леса было немного) и «леснян», живущих среди сплошных лесов. Здесь он отмечает такие виды одежды, как *капóта* (то же, что и свита), а также *насóв*, балахóн, сшитый из грубого холста и одевавшийся во время непогоды. Мужчины летом носили штаны холщовые, зимой суконные. Женщины носили *андараки* (шерстяные юбки в яркую

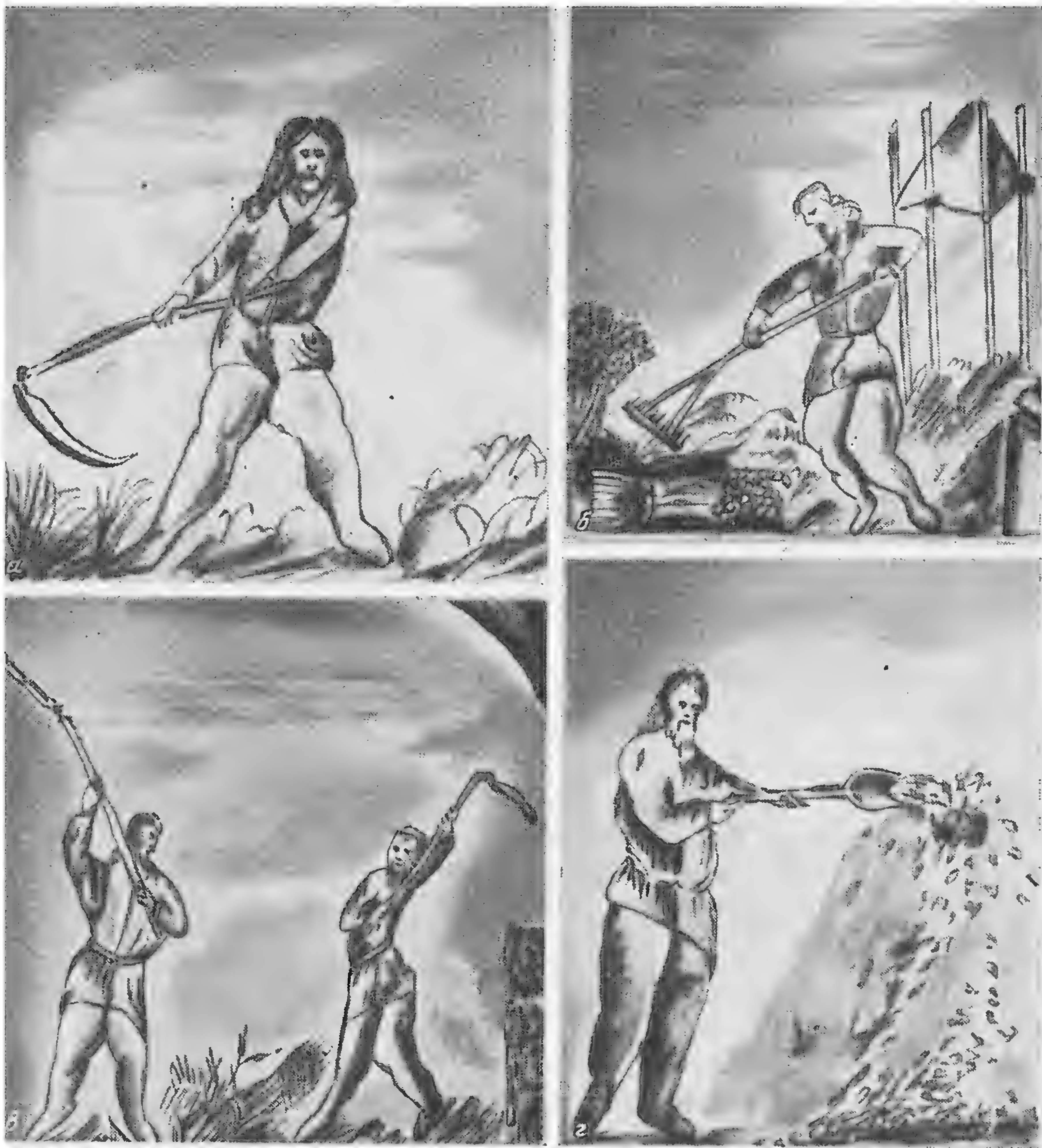


Рис. 44. Крестьяне за работой:

а, б — уборка хлеба; *в* — молотьба; *г* — веяние. Рисунки в хозяйственном описании имения в районе Кобрина. Середина XVIII в.

поперечную полосу), на голове у замужних — *наметка*, у девушек — цветные платки. Летом все ходят босиком, зимой носят лапти или козловые ботинки (*Шпилевский*, с. 224, 225).

Среди редких в прошлом изображений деревенского люда (и тем более за работой) есть несколько рисунков кобринских крестьян середины XVIII в. (*Улащик*, 1963, с. 209—214) (рис. 44). Все крестьяне — в узких штанах до щиколотки, в рубахах, стянутых у пояса, все — с длинными волосами и большими бородами. Два рисунка, изображающие крестьян, есть в Литовской метрике (Главный архив древних актов в Варшаве,

В 1641 г. у одного из витебских мещан была шапка «полшкарлатная, чирвоная, соболем подшита» (ИЮМ, т. 25, с. 125). В 1620 г. у могилевского мясника украли лисий колпак (ИЮМ, т. 8, с. 366). У берестейского жителя в середине XVI в. упоминаются шапка «*пурбарка*», росомаший шлык, подбитый белками, «шаловары ческого сукна» и еще разные вещи (АВК, т. 17, с. 543, 583, 599). В 1589 г. в Берестье тоже упоминается шапка «черленая» (АВК, т. 17, с. 375). В том же Берестье в 1625 г. украдена магерка стоимостью в 1 золотой (АВК, т. 18, с. 237). В 1638 г. у берестейского мещанина была шапка «*конья*» (возможно, кунья) (АВК, т. 6, с. 306). Были шапки и *ползавыйковые* (сшитые из шейной части меха, как у русских «горлатные») (ИЮМ, т. 1, с. 302). В завещании витебского мостовничего (чиновника, ведавшего мостами города) упоминается шапка «соболья белая» (ИЮМ, т. 23, с. 274).

При шитье жупана, да и других видов одежды, приобреталось немало вещей на отделку. Очень часто упоминается пара дюжин пуговиц, обычно серебряных; иногда это пуговицы (*гӯзики*) московской работы, петлицы шелковые черные, шнурки, *гафтки*, на подклад — полотно (ИЮМ, т. 1, с. 234).

При перечислении женских нарядов больше всего внимания уделялось платьям и украшениям. Так, при описи имущества виленского купца Афанасия Ивановича, сделанной в 1673 г., числятся платье атласное вишневого цвета, платье турецкое, тоже вишневого цвета, кабат черного бархата, подшитый собольими пупками, женская шапочка, украшенная беличьими хвостами (АВК, т. 13, с. 327).

Приходно-расходная книга Могилевского магистрата содержит богатые данные об одежде служащих магистрата в конце XVII — начале XVIII в. Особенно подробные сведения сохранились об экипировке «мистра» (городского палача).

Обычной верхней одеждой, которой магистрат снабжал своих служащих, были жупан и кунтуш (кунтыш). Жупан и надетый поверх него кунтуш соответствовали зипуну и кафтану у русских. Судя по другим источникам, этот же вид одежды носили и рядовые мещане; разница заключалась лишь в материале и отделке: например, шел ли на подбивку мех и какой он был. Если магистрат тратился на новый жупан или кунтуш, то эта одежда большей частью не приобреталась готовой, а покупалась материя, приклад, шнурки, полотно на подкладку, пуговицы, тесьма и пр., а затем все отдавалось портному. Сукно приобреталось голубого, зеленого, темно-красного цвета, но не черного и не белого. На кунтуш шло от 5 до 7 локтей (3,25—4,55 м), стоил локоть всего чаще 3,5 золотых. Пуговиц на жупан шло 2 дюжины, шнурков 12 локтей (7,8 м), а также *кутасы* (кисти) и пр. (ИЮМ, т. 2, с. 293). В 1679 г. десятнику Ивану Кродику купили сукна волтеровского 10 1/8 локтя по 3 золотых за локоть, а Гришку Радиминскому сукна темно-зеленого «полшеста» (5,5 м.— *Н. У.*) локтя по 3 золотых за локоть (ИЮМ, т. 1, с. 37). «Мистру» Осипу тогда же купили сукна «чырвоного» (красного.— *Н. У.*) «сем локтей и чверть». Для того же мистра было приобретено полотна «на пошывку жупана и на *кешени* (карманы.— *Н. У.*) до жупана и до порток локтей 10». Сверх того, было куплено две дюжины пуговиц, нитки и шнур. За шитье жупана уплачено 1 золотой и 20 асмаков (в золотом было 30 асмаков.— *Н. У.*). Шапку «королевую

з баранком» сторговал сам палач, уплатив за нее 2,5 золотых, за «боты жолтые» он же уплатил 2 золотых и 19 асмаков. За нитяной пояс вишневого цвета — 15 асмаков. Полный наряд палача, включая «шаблю новую», обошелся магистрату в 50 золотых и 20 асмаков (здесь не указана стоимость белья, которое, судя по всему, оценивалось едва ли в золотой) (ИЮМ, т. 1, с. 33). Учитывая оплату работы портных и материала, примерно столько же стоил полный костюм могилевского мещанина среднего достатка. Стоит отметить, что о лаптях источники не упоминают вовсе. Судя по той щепетильности, с которой магистрат записывал свои расходы (куплено веников для подметания ратуши на пару асмаков), можно думать, что служащие ратуши, как и вообще горожане, в лаптях не ходили. Сапоги во второй половине XVII в. приобретались разные: козловые, яловичные, сафьяновые, чаще всего они были желтые, изредка — черные, стоимостью в 3—3,5 золотых.

На жупаны и кунтуши шло сукно обычно низшего качества (лундыш или фалендыш) голландского или английского производства, гораздо реже упоминания о сукне белорусского изделия. Так, в 1688 г. магистрат купил для «меских слуг» два постава браславского сукна, в котором было 42 локтя. За этот товар уплатили 56 золотых, т. е. примерно по 1 золотому и 10 асмаков за локоть (ИЮМ, т. 5, с. 36). Лишь изредка жупаны работникам магистрата шились из более дорогой материи, например, в том же 1688 г. кухару (повару.— *Н. У.*) сшили жупан из желтой китайки (ИЮМ, т. 5, с. 140). В некоторых случаях кунтуш подбивали мехом, обычно дешевым (видимо, овчиной). Так, в 1687 г. для дворника Федора купили мех под кунтуш стоимостью в 10 золотых (ИЮМ, т. 4, с. 211).

Очевидно, при шитье верхней одежды старались жупан сшить из сукна одного цвета, а кунтуш — другого. Например, пахолку Стенце купили сукна на жупан *блакитного* (голубого.— *Н. У.*), а на кунтуш — зеленого (ИЮМ, т. 6, с. 51—52). Вообще мужчины в то время предпочитали одеваться в наряды яркого цвета.

Гораздо реже, чем о жупанах и кунтушах, источники говорят о кожухах и сермягах — нарядах менее престижных, стоивших значительно меньше, чем жупаны. В 1681 г. за кожушок для ратушного «хлопца» уплатили 3 золотых и 12 асмаков (ИЮМ, т. 1, с. 197). В один золотой обошлась магистрату «шубенка убогому, што у брамы седить и пилнует» (старику сторожу у городских ворот) (ИЮМ, т. 1, с. 113). Но Александру Гайку кожух стоил 7 золотых и 12 асмаков, а «рочный» (на год) для «мистра Асипа» обошелся в 10 золотых (ИЮМ, т. 1, с. 11, 28). Если учесть, что на жупан только сукно обходилось в 20 золотых, весь же жупан стоил не менее 30 золотых, то цена кожуха, даже какого-то улучшенного для «мистра», была раза в три ниже.

Так же редко, как кожух, источники магистрата упоминают сермягу. В 1680 г. «кликуну» (ночному сторожу) купили сермягу и шапку за 7 золотых (ИЮМ, т. 1, с. 112). Городским пушкарям обычно покупали на жупаны сукно, но один из них — Мелешко, согласно старым записям, получал только сермягу стоимостью в 7 золотых (ИЮМ, т. 3, с. 73). Изредка упоминался совсем уж плебейский наряд — «каптан», купленный для «убогого» за один золотой, и «кобеняк сермяжный» (ИЮМ, т. 1, с. 102; т. 2, с. 66).

Обычный головной убор служащих магистрата — меховая шапка и

Рис. 45. Одежда белорусских магнатов XVI—XVII вв.:
а — К. Веселовский; *б* — К. Острожский; *в* — Неизвестная. Из собраний Государственного художественного музея Белоруссии в Минске

лишь очень редко — каптур (колпак). Шапки были «баранковая кармазиновая» (кармазин — темно-красный цвет), «чоморовая», «позовыйковая» (ИЮМ, т. 1, с. 132, 145, 222, 235, 302). Пахолку Степку купили «шапку лисю на зеленом вершку» на 4 золотых (ИЮМ, т. 5, с. 39). Бурмистру, когда он отправлялся в дорогу, приобрели «каптур голендерского сукна» (ИЮМ, т. 6, с. 130).

Рукавицы покупали суконные и волчьи (последние стоимостью в 1 золотой и 9 асмаков) (ИЮМ, т. 2, с. 93).

Все упомянутое приобреталось для работников магистрата. В связи с этим интересно установить, в каком соотношении одежда и обувь находились с заработками жителей Могилева, как служащих в магистрате, так и вне его. Всем поденщикам, которые работали на ремонте городских валов в 1685 г., платили по 16 асмаков, столько же получало и лицо, считавшее привезенный для ремонта дерн (ИЮМ, т. 3, с. 177). Значит, эти люди, чтобы купить сапоги стоимостью в 3 золотых, должны были работать почти 6 дней, а на новый жупан следовало трудиться не менее двух месяцев, и это при условии, что питаться человек должен был за счет какого-то другого источника. При таком положении ему, очевидно, гораздо больше подходила сермяга стоимостью в 6 золотых, чем жупан.

Гораздо лучше было положение служащих магистрата, потому что, например, дворнику Федоровичу в 1691 г. за год платили, «согласно старых записей», 70 золотых (ИЮМ, т. 8, с. 142). Впрочем, другие работники того же магистрата получали несколько меньше, в пределах 50 золотых.

Одежда земян и шляхты. Наряд шляхтича среднего достатка ничем не отличался от наряда богатых (и даже средних) мещан (рис. 45). У господарского (великокняжеского) боярина Мацковича в 1539 г. отобрали и баранью шубку, крытую чешским сукном, однорядку лунскую и серую порпьяновую жупицу (АВК, т. 17, с. 142). У королевского дворянина (шляхтича, служившего при королевском дворе) имелась медвежья *дылея* (делия), крытая лунским сукном (АВК, т. 17, с. 1018). У земянйна Чешейко в 1557 г. были зипуны камчатый и лунский блакитный с 12 пуговицами, зипун белый коленского полотна, шуба порпьяновая синего с искрою сукна с 8 серебряными пуговицами, подбитая лисьим мехом (АВК, т. 17, с. 415). В 1589 г. у шляхтича Войтеха Коца украли чугу фалендышевую бурнатную с серебряными пуговицами. У слонимского земянина в 1592 г. пропал «каптан скураный лосиный» (т. е. из шкуры лося.— *Н. У.*) и кобеняк простого сукна (АВК, т. 18, с. 92). В 1582 г. у пана Войтеха Маленовского около Берестья во время пожара сгорели «кобеняк шарлатный з дробными петличками, адамашком жолтым поджитый», другой кобеняк вишневого цвета «полугранатовый», «аксамитом червоным рытым, а дуплею китайкою подшитый» и третий, из каразеи. У Маленовского также имелся жупан «чирвоный адамашковый кармазиновою бурнатною китайкою подшитый, тегилей дупли бурнатное перешиваный, бакгазыею подшитый» (АВК, т. 18, с. 44). В 1599 г. у сына хорунжего Великого княжества Литовского Геронима Мицуты украли жупан и делию из черного гладкого аксамита, «адамашком чорным великим взором подшитые». Стоили эти вещи 142 талера, кроме работы, т. е. очень дорого. У того же Мицуты украли еще «колпак пилсняный, соболми новыми подшитый... бекешку ездецкую сукна чорного влоского», стоимостью в 14 грошей (АСД, т. 4, с. 50). В 1601 г. у земянина Слонимского повета другой земянин того же повета во время «наéзда» (налета) захватил «кожух бараний опратистый, сермягу опратистую», затем «курту лосюю новую, выправленую сукном шарим и полотном подшитую» (АСД, т. 3, с. 63).

Среди имущества земян, шляхты, бояр изредка встречаются также кожухи и сермяги (АВК, т. 6, с. 306). Вероятно, эту плебейскую одежду носили не сами земяне, а их служащие, или же кожухи и сермяги являлись одеждой домашней. Кожухи упоминаются наряду с одеждой, более изысканной. Так, в хозяйстве господарского боярина оказалось пять бараньих кожухов и в то же время — шуба чешская, подбитая кроличьим мехом (АВК, т. 17, с. 404).

Многочисленные и дорогие предметы одежды и украшения имелись и у православного духовенства. Так, у попа Ивана Тишкóвича в 1556 г. украли «колнер перловый и перловую брамку» (низанный жемчугом воротник и венец. —*Н. У.*); другая брамка была золотая, кроме того украли «чепец золотой, а другой из черного шелка, четыре коленских чехлика, 5 наметок, 4 коленских плахты, бархатный пояс, обойчик (воротник.— *Н. У.*), оксамиту черного, куницею подшит» и женскую оксамитовую шапку (АВК, т. 17, с. 413). У священника Ивана Воловича «в скрыне» находились однорядка порпьяновая серая, жупица из черного бархата, другая жупица из черного итальянского сукна, шуба лисья, крытая черным итальянским сукном, зеленый саян оксамитовый, кабат куний, крыт адамашком гвоздикового цвета, жемчужный воротник, жемчужная брамка,

золотая тканица, два шелковых пояса, 4 коленских плахты, 6 плахт кужельных, 5 серпанок, шапка оксамитовая, подшитая куньим мехом, 8 чепцов и две невыделанные бобровые шкурки (АВК, т. 17, с. 416).

О кобеняке, ферези, бекеше, доломане записи в источниках редки, тогда как о шубе, однорядке, жупице часты. Нельзя сказать на основании использованных материалов, что первые носились редко (или только входили в моду), тогда как последние были обычной повседневной верхней одеждой того времени. Судя по всему, шляхта выше среднего достатка и, конечно, аристократы, начиная примерно с середины XVII в., стали широко воспринимать французские моды, в частности мужчины стали носить парики, одеваться во французского покроя кафтаны и камзолы, обуваться в башмаки. В XVIII в. французские моды у аристократов возобладали полностью, но средняя шляхта и мещане продолжали носить жупаны и кунтуши, подпоясываться поясами, самыми дорогими и качественными среди которых были златотканые слуцкие. Наличие слуцких поясов служило своего рода показателем богатства их владельцев.

Мы видели, что зажиточные горожане и шляхта носили богатую верхнюю одежду — жупаны и кунтуши, подпоясывались дорогими слуцкими поясами, шапки имели из дорогих материй, отороченные мехами, цветные сапоги; соответственно большой роскошью у этих сословий отличалась и нижняя одежда. Вместе с тем упоминания о подержанной, починенной одежде говорят о том, что ценилась каждая вещь и что нарядная была, всего вероятнее, праздничной, употребляемой редко, тогда как в домашнем быту и шляхта, и мещане одевались гораздо скромнее.

Стремясь поддержать престиж, на дорогую одежду тратились и люди не очень богатые, но принадлежавшие к привилегированным сословиям. Это стремление к сословному престижу закреплялось законодательным путем. Сейм Речи Посполитой вынес ряд постановлений («конституций»), согласно которым мещанам запрещалось шить верхнюю одежду из шелка и дорогих мехов (разрешалось употреблять только мех лисий «и прочих низших сортов»). Первое из таких постановлений было принято в 1613 г. Постановление 1620 г. запрещало лицам нешляхетского звания носить вещи из серебра, золота, жемчуга, а также дорогие меха, сабли и шпаги, а постановление 1665 г. устанавливало штраф за ношение мещанами одежды из дорогих мехов и материй. Во всех подобных случаях исключение делалось для членов магистратов (*Hedeman*, s. 360, 366). Впрочем, эти законы, судя по нарядам, имевшимся у богатых мещан, едва ли строго соблюдались, и, например, соболья шапка у мещанина не составляла особого исключения, да и вообще разницу между нарядом средней шляхты и богатых мещан едва ли можно установить. О крестьянах в конституциях не упоминается, очевидно, потому, что случаев, когда кто-либо из них оделся бы в шелка или в дорогие меха, не могло быть.

Глава седьмая

ОДЕЖДА ЛИТОВЦЕВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVII В.

*

Р. К. Волкайте-Куликаускене

История исследования и источники. Первой попыткой исследования одежды древних литовцев была небольшая статья Д. Ветцольд, посвященная одежде железного века бывшего Клайпедского края (*Waetzoldt*, 1939); основное внимание уделялось головным уборам. Работы значительно расширились уже в послевоенные годы, когда стали использоваться обильные результаты раскопок. В серии «Литовское народное искусство» вышла книга об украшениях и одежде жителей Литвы с древнейших времен до XVI в., подготовленная автором данной главы совместно с Р. Римантене (*Kulikauskiené R*, *Rimantienné*, 1958). На основе конкретного археологического материала здесь впервые реконструированы костюмы разных времен. В настоящее время наиболее изучены головные уборы и их украшения (*Volkaité-Kulikauskiené*, 1959, p. 30—53; *Tautavičius*, 1970, p. 112—114; *Nakaité*, 1972, p. 126—128; *Michelbertas*, 1972, p. 121—130).

Несколько глубже изучена также одежда IX—XII вв. в монографии автора данной главы «Литовцы IX—XII веков»; сделана попытка восстановить все части одежды (*Volkaité-Kulikauskiené*, 1970, p. 120—184). Однако эта тема разработана неравномерно как в хронологическом, так и в территориальном отношении: лучше изучена одежда жителей западных, северных и центральных районов Литвы, где дольше существовал обряд трупоположения и поэтому источники более обильны; гораздо хуже — одежда жителей восточной части Литвы. Некоторые данные имеются здесь лишь для первых веков н. э., когда бытовал обряд трупоположения. С середины I тысячелетия н. э. возобладал обряд трупосожжения, что почти исключает возможность найти какие-либо фрагменты одежды второй половины I и начала II тысячелетия. В последнее время все же делается попытка проследить по материалам трупосожжений своеобразие костюма жителей Восточной Литвы, сказывающееся в основном в украшениях (*Volkaite-Kulikauskiene*, 1975, p. 85—95; 1970a, p. 109—111).

До сих пор почти не изучалась одежда XIV—XVI вв., хотя источники весьма обширны: в последнее время исследовано около 80 могильников, в которых открыто более 3000 трупоположений, давших интересный материал для изучения одежды того времени. Имеется лишь одна статья, касающаяся головных уборов XIII—XV вв. (*Kunciené*, 1974, p. 64—74), и некоторые замечания общего характера в публикациях отдельных памятников того времени (*Urbanavičius*, 1970). Т. Адамонис, изучая праздничный костюм литовцев IX—XVI вв. чисто в искусствоведческом аспекте, не пользуется археологическими данными XIV—XVI вв. (*Adomonis*, 1976, p. 91—110).

Учитывая неравномерность исследований, основное внимание в настоя-

щей главе уделяется археологическим данным, в первую очередь материалам из погребальных памятников Литвы, которые дают первостепенный и наиболее ценный материал для исследования одежды древних литовцев. Археологические раскопки последнего десятилетия дали огромный новый материал, открывающий широкие возможности для реконструкции древне литовского костюма или отдельных его частей.

В письменных источниках сведения о костюме древних литовцев появляются лишь в XVII в. и касаются в основном одежды литовцев Восточной Пруссии (*Brand*, 1702; *Lepner*, 1744; *Prätorius*, 1871; *Hartcknoch*, 1784). Важным дополнительным источником является иконографический материал второй половины XVI в.

При изучении древнелитовской одежды ценным вспомогательным источником является также сравнительный материал соседних стран. В первую очередь в работе использованы труды археологов, внесших большой вклад в изучение древнелатышской одежды (*Vahter*, 1931, p. 283—292; *Ginters*, 1936, p. 7—90; *Zarina*, 1970; *Urtāns*, 1970, p. 61—65). Использованы также труды по одежде восточных славян (*Арциховский*, 1948; *Маслова*, 1956), обобщающие работы по истории костюма в более широком масштабе (*Мерцалова*, 1972).

Традиционность отдельных частей костюма указывает на необходимость привлечения этнографических данных. В этом аспекте очень важны труды этнографов, исследовавших женскую и мужскую одежду литовцев XIX—XX вв. (*Mastonytė*, 1961, p. 173—178; 1964, p. 141—145; *Kulikauskienė V.*, 1975, p. 115—127; *Bernotienė*, 1974; LLM, 1974).

Части древнейшей одежды. Источники периода до н. э. затрагивают лишь некоторые части женской одежды, в основном головные уборы из самой западной части Литвы. В курганных могильниках раннего железного века Курмайчай и Эглишкес (в районе Кретинги) обнаружены украшения, позволившие восстановить женские головные уборы (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1959, p. 30, pav. 1; *Kulikauskienė R.*, *Rimantienė*, 1958, pav. 58—59; *Grigalaviciene*, 1979, pav. 28). Судя по находкам, женский головной убор представлял собой в то время полусферическую шерстяную шапочку, украшенную по обеим сторонам бронзовыми височными кольцами (рис. 46,*а*).

В отношении остальных частей женского костюма можно сказать лишь, что верхней одеждой являлось наплечное покрывало, застегивающееся бронзовой булавкой со спиральной головкой (рис. 46, *в*). Подобные украшения хорошо известны на территории Литвы, в основном в самых западных ее районах. Неотъемлемую часть женского костюма составляли разные спиральные украшения.

Одежда I — начала II тысячелетия н. э. Археологические источники позволяют реконструировать лишь верхнюю одежду; о нательной нет данных. Обильные находки украшений и их положение в погребениях дают возможность восстановить отдельные части верхней одежды, их покрой и даже длину. Сохранившиеся фрагменты ткани позволяют судить о материале, о технике изготовления ткани, и в редких случаях — о ее расцветке.

Женская одежда. Верхнее комнатное платье. Основными частями женской комнатной одежды были *рубаха* и поясная одежда — *юбка* и *передник.*

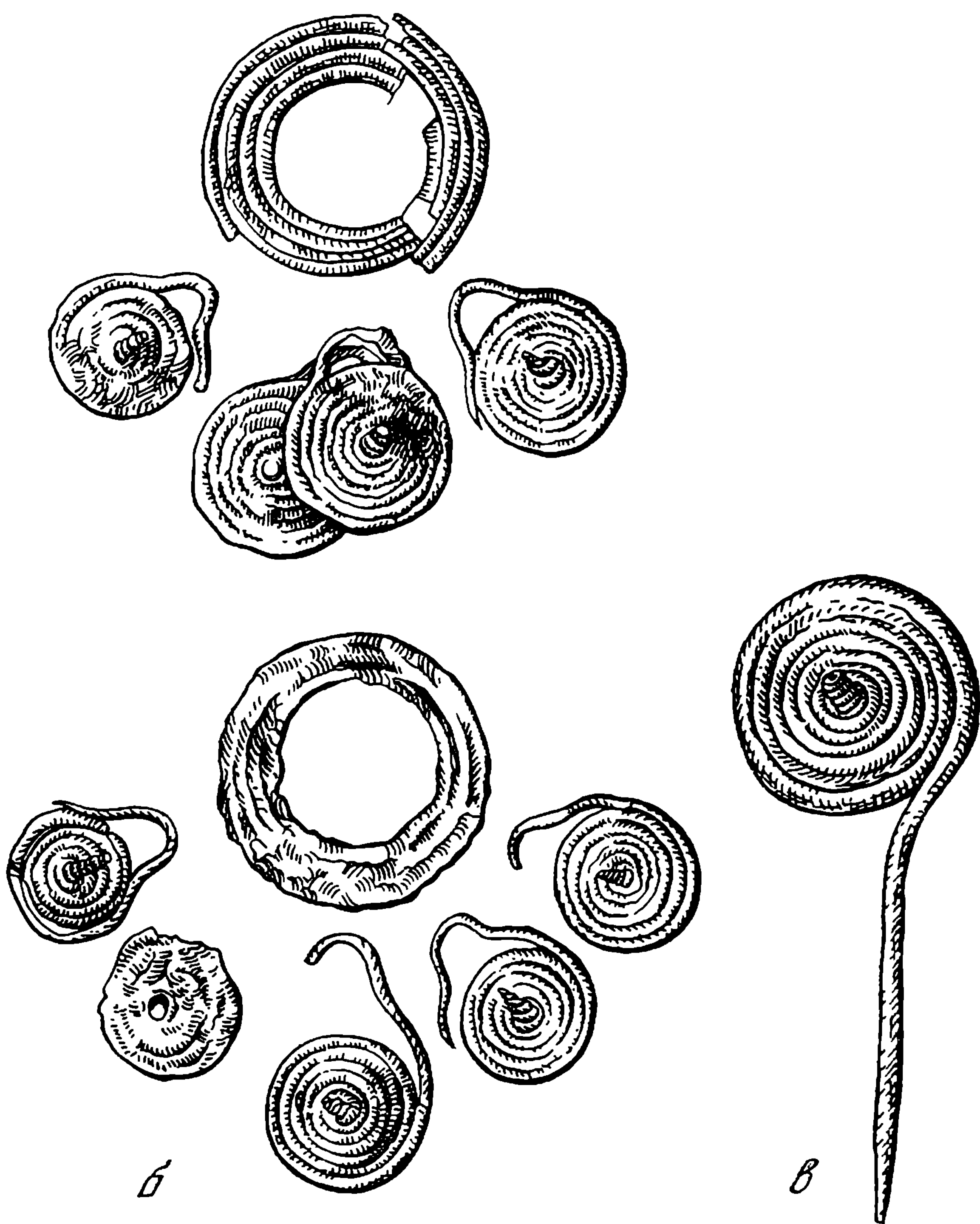


Рис. 46. Украшения из женского погребения в Еглишкес (курган 3):

а — реконструкция шапочки;
б — височные кольца и плоские спирали с петлей;
в — булавка со спиральной головкой

Сохранившиеся под шейными гривнами или браслетами кусочки льняной ткани позволяют утверждать, что женская рубаха шилась из белой льняной ткани с высоким, закрывающим шею воротом и длинными рукавами. На основе этнографического материала (*Mastonytė*, 1961, p. 175—178, pav. 1) можно предполагать, что она была наиболее простого, туникообразного покроя, который в Литве употреблялся вплоть до конца XIX в.

Второй основной частью женской одежды была юбка, однако в археологическом материале ее остатков почти не сохранилось. В районе Шяуляй (местность Мешкяй-Якштайчай), в очень богатом женском погребении 55 у голени обнаружено около 200 украшенных чеканкой бронзовых ромбовидных бляшек размерами 3,3×4,3 см. Благодаря им законсервировались довольно большие куски шерстяной ткани, к которой бляшки были прикреплены очень густо, так что заходили друг на друга наподобие рыбьей чешуи (рис. 47,*а*). Видимо, это был край нарядной юбки. В некоторых погребениях сохранились явные следы украшений передника, что косвенно говорит и о ношении юбки, так как передник, безусловно, надевался на юбку: первичная его функция — закрывать несшитую переднюю часть юбки. Юбки шились из нескольких прямоугольных кусков шерстяной ткани, заходивших друг на друга. Они были широкие и длинные (украшения передника находят несколько ниже середины голени, и передники были короче юбки, следовательно, длина последней почти достигала щиколоток). В области талии юбка стягивалась и придерживалась тканым

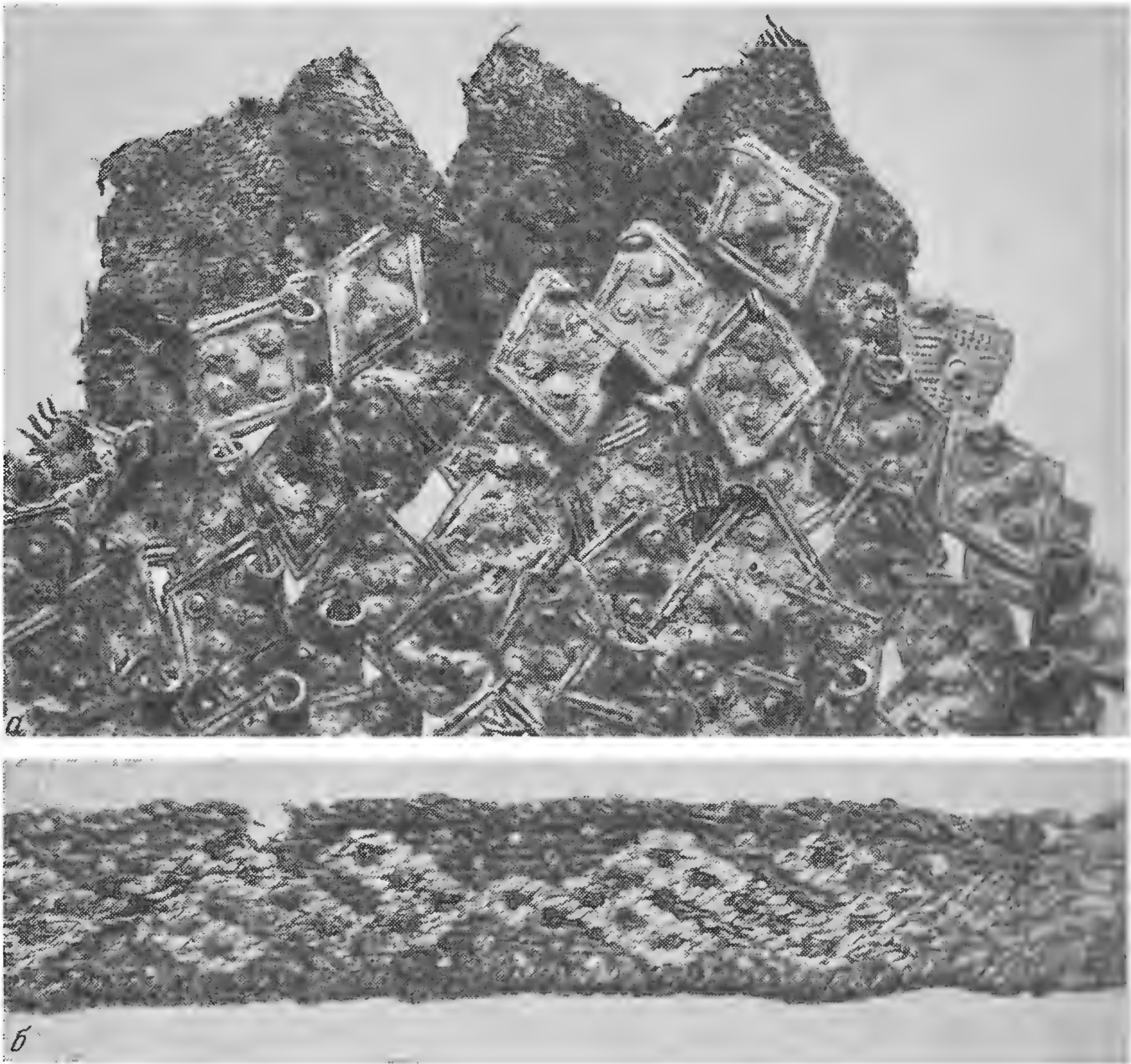


Рис. 47. Виды текстиля:

а — фрагменты ткани, украшенной ромбовидными бляшками из могильника Мешкяй-Якштайчяй (погребение 55); *б* — фрагмент тканой ленты из могильника в Парагаудис

поясом, к которому иногда прикреплялась круглая бронзовая подвеска, покрытая листовым серебром и украшенная пятью глазка́ми из темно-синего стекла (*Kulikauskienė R.*, *Rimantenė*, 1958, pav. 458). Такие подвески (более 20 экз.) до сих пор известны исключительно с побережья Балтийского моря, где они встречаются в женских погребениях, датируемых VIII—IX вв. н. э. (Кяулейкяй, Лаздининкай — оба в районе Кротинги, Паланги и др.), как правило, с правой стороны в области бедра.

Самые ранние фрагменты тканого пояса, изготовленного техникой витья, на территории Литвы обнаружены в погребении IV — начала V в. н. э. в Медженис (район Пренай). Наиболее широко они применялись в конце I — начале II тысячелетия. Об этом говорят не только обнаруженные в женских погребениях фрагменты тканых поясов, но и миниатюрные орудия труда для их изготовления (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970, p. 85). Лучше других сохранился тканый пояс в погребении X—XI вв. в Парагау-

дис (район Шилале) (рис. 47,*б*). О широком употреблении древними литовцами тканых поясов и различных лент в быту свидетельствуют частые находки подобных изделий в погребениях с конями в начале II тысячелетия н. э. Ими обычно связывалась конская грива или хвост (Пакальнишкяй, район Шакяй) (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1971, pav. 2).

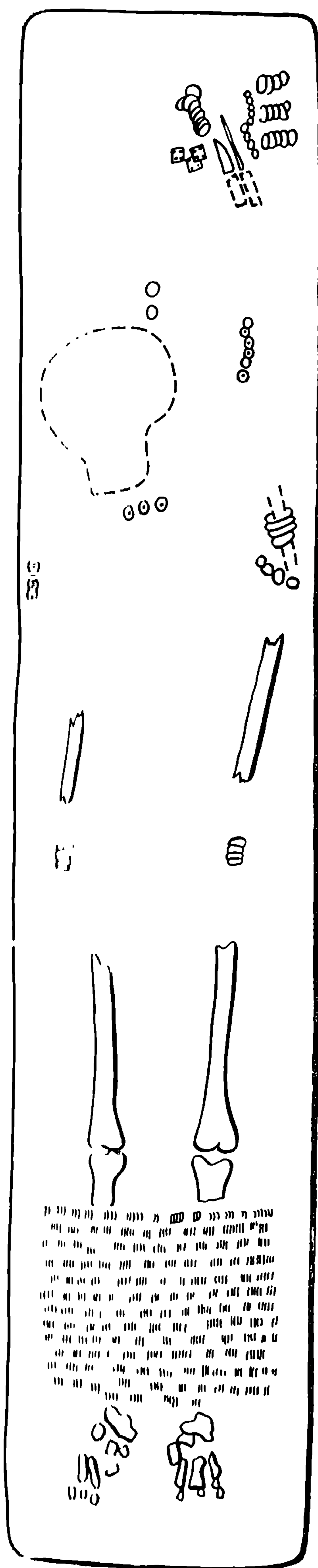


Рис. 48. План погребения из могильника в Гинталишке

Самые ранние находки украшений *передника* датируются IV в. н. э. (грунтовый могильник Упите, район Паневежиса, погребение 7). Это двойной ряд бронзовых продолговатых спиралей, которые лежали поперек костей голени. Обшивание нижней части передника спиралями было самой распространенной формой его украшения и в эпоху раннего феодализма. В Гинталишке (район Плунге) в женском погребении 20, датируемом X—XI вв., передник был украшен в несколько рядов бронзовыми спиралями так, что ими была покрыта вся его нижняя часть (рис. 48). Более сложно был украшен сам край передника в Жвиляй (район Шилале). Тут бронзовые спирали, шедшие в пять рядов, были туго скреплены узкими бронзовыми пластинками-распределителями (рис. 49). Такая бронзовая лента имела лишь 17 см в длину, значит, передник был довольно узким, каким его видим и в самых ранних изображениях одежды литовцев Восточной Пруссии XVI—XVII вв. (*Prätorius*, 1871).

Украшенные бронзой передники обнаружены лишь в богатых женских погребениях. Безусловно, употреблялись и обыкновенные неукрашенные передники, которые не оставили никаких следов. По этнографическим данным известно, что *передник* (прийосте, *prijuoste*) был обязательной частью традиционного женского костюма с древнейших времен до конца XIX столетия (*Mastonytė*, 1964, p. 146—147; 1961, p. 180).

Кроме вышеописанных трех основных частей комнатной женской одежды, необходимо упомянуть еще *безрукавку* или *лиф*, появившийся в конце I — начале II тысячелетия, эта часть одежды была необходима в связи с климатическими условиями; в изображениях второй половины XVI в. (*Heldt*, *Reklaitis*, 1968, № 7), а также в письменных источниках XVII в. (*Prätorius*, 1871) безрукавка фигурирует как неотъемлемая часть женского костюма. Наконец, в Жемайтии (Жвиляй, Паэжерис, Упина, все — в районе Шилале)

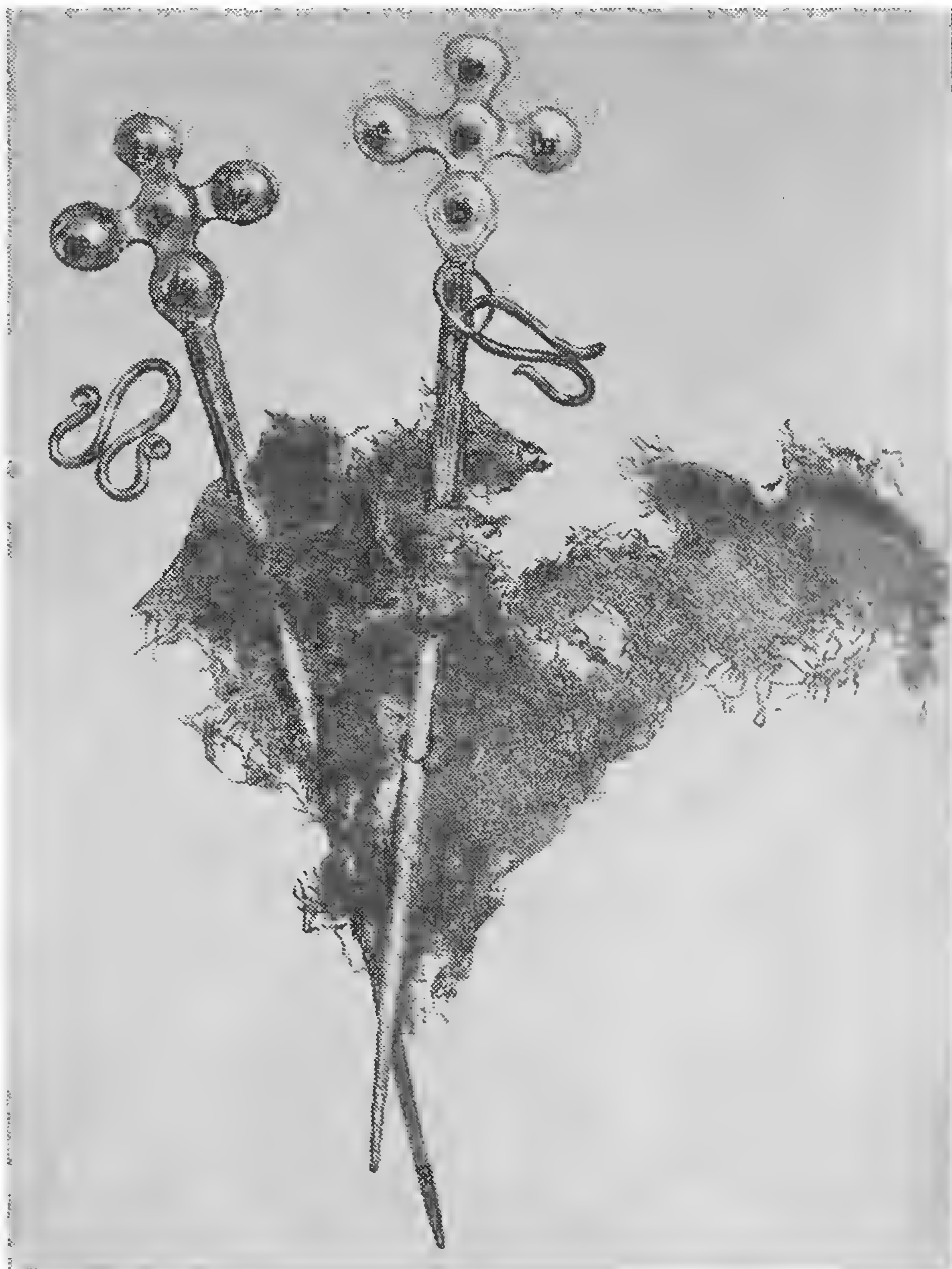


Рис. 49. Реконструкция костюма жмудинки X—XI вв. по материалам из могильника в Жвиляй (погребение 4)

Рис. 50. Бронзовые булавки с крестовидными головками и остатками сохранившейся ткани (Жвиляй, погребение 4)

в некоторых женских погребениях X—XI вв. в области груди найдены две пары бронзовых булавок с крестовидными головками. Одна пара булавок значительно меньше другой. Если крупные булавки употреблялись для застегивания верхней уличной одежды — наплечного покрывала, то меньшими украшались безрукавки или лифы.

Верхнее уличное платье. Верхнюю уличную одежду женщин издавна составляло *наплечное покрывало* (скяпята, *skepeta*), употребляемое издавна. Древнейшие его фрагменты обнаружены в Восточной Литве в трупоположениях конца IV — начала V в. н. э. Особенно богаты находки из курганного могильника Меженис (район Швенченис) (*Kaczyński*, 1963, s. 119—136, rys. 17—20, z. 2; *Покровский*, 1897, с. 168—181, табл. XI) — фрагменты толстой шерстяной ткани, украшенной бронзовыми цилиндриками-трубочками, длина которых 3—5 см. На основе аналогичных находок в Кайренай (в окрестностях Вильнюса) и в Сейлюнай (район Лаздияй) (*Sadauskaitė*, 1959, p. 59—70) были произведены реконструкции таких покрывал. Покрывало состояло из большого четырехугольного куска тка

ни, края которого были украшены рядом расположенных один за другим цилиндриков (*Kulikauskienė R., Rimantenė*, 1958, pav. 261—262). На ношение таких покрывал в течение всего I — начала II тысячелетия н. э. указывают частые находки в погребениях западной, центральной и в северной части Центральной Литвы булавок и фибул. Особенно широко употреблялись для застегивания покрывала парные булавки, соединенные одним или несколькими рядами цепочек, но иногда оно застегивалось лишь одной большой, богато украшенной булавкой. В некоторых трупоположениях IX—XII вв. у вышеупомянутых булавок сохранились довольно большие фрагменты самого покрывала (рис. 50) из довольно толстой шерстяной ткани. Преобладает ткань, изготовленная в четыре ремизки (2/2). Наплечные покрывала в отдельных областях Литвы украшались по-разному. У побережья Балтийского моря в края покрывал были вотканы тканые ленты другого цвета (грунтовый могильник, Паланга, погребение 151; аналогичные фрагменты найдены и в могильнике Кяулейкяй). Углы таких покрывал заканчивались бахромой от тканых лент, которые иногда были украшены бронзовыми спиралями. В самом центре Жемайтии (Шаукотас, район Радвилишкис, Палукнис, район Расейняй) края и концы наплечного покрывала украшались бронзовыми ромбовидными бляшками, совершенно такими же, какими была украшена одежда в вышеупомянутом женском погребении в местности Мешкяй-Якштайчай. Украшенные металлопластичным способом бронзовые ромбовидные бляшки, чаще всего размерами 5×3,5 см,— характерный элемент украшения одежды на этой территории Литвы. Однако необходимо подчеркнуть, что такие богато украшенные наплечные покрывала употребляла только знать. Вообще же украшенные металлом наплечные покрывала — явление довольно редкое и в других областях Литвы почти отсутствуют. Можно упомянуть лишь одно погребение 42 в Лайвяй (район Кретинги), где найден небольшой фрагмент толстой шерстяной ткани с вотканными в нее в несколько рядов бронзовыми колечками.

В то же время, кроме украшенных бронзой, употреблялись и более простые наплечные покрывала, которые не сохранились. По-видимому, в холодную погоду женщины носили по два и даже по три покрывала. В могильнике в Кяулейкяй (погребение 17) с наружной стороны шейной гривны обнаружена ткань двух видов, тонкая, полотняного переплетения (1/1) и толстая, шерстяная, саржевого переплетения в четыре ремизки (2/2). О величине и расцветке наплечных покрывал сведений нет. Думается, что размеры их были различными, но верхние покрывала должны были быть бо́льшими. Обнаруженные в Латвии были размерами 1×1,5 м (*Vahter*, 1931, s. 289).

Возможно, что зимою, кроме покрывал (особенно в более богатых семьях), употреблялись и меховые шубы: в некоторых погребениях грунтового могильника Кяулейкяй обнаружены остатки меха. Шубы должны были быть больших размеров, без рукавов, спереди они застегивались крупными бронзовыми булавками, соединенными между собой рядами цепочек (см. рис. 50). Такую верхнюю теплую женскую одежду у литовцев Восточной Пруссии упоминает в XVII в. Бранд (*Brandt*, 1702, s. 98).

Головные уборы. Наиболее распространенными в I — начале II тысячелетия н. э. были полусферические шерстяные или кожаные *шапочки*,

зачастую богато украшенные бронзой. Шапочки, украшенные бронзовыми височными кольцами, известны на Литовском взморье уже в раннем железном веке. Подобные височные кольца были распространены вплоть до второй половины I тысячелетия н. э., причем ареал их расширился, а сами украшения стали значительно разнообразнее. На рубеже и в первых веках н. э. шапочки украшались двумя небольшими, соединенными звеньеобразно спиральными височными кольцами (Раудоненай, район Юрбаркас) (*Jovaiša*, 1978а, p. 52) (Пажарстис, район Пренай) (*Michelbertas*, 1978, p. 62—63, pav. 8, *3*). Во II—III вв. н. э. появляются более крупные (диаметром до 10 см) спиральные височные кольца, прикреплявшиеся по одному с обеих сторон шапочки (рис. 51,*б*). Наибольшее распространение подобные височные кольца получили в Центральной Литве, где, кроме того, употреблялись богато орнаментированные литые пластинчатые височные украшения диаметром до 12 см (рис. 51,*в*). В IV—VI вв. н. э. в Восточной Литве на шапочках носили кольцевидные височные кольца (рис. 51,*а*). О широком распространении височных колец свидетельствует около 40 их местонахождений.

Во второй половине I тысячелетия н. э. височные украшения на шапочках вышли из моды и встречались лишь изредка (Стакай, район Шальчининкай, Юргайчай, район Шилале).

В III—IV вв. н. э. на Литовском взморье часто всю поверхность шапочки покрывали бронзовыми украшениями. Шапочка, найденная в погребении 12 молодой девушки в могильнике Шярнай (район Клайпеды) (*Heszenberger*, 1892, s. 141—168; Taf. XII; *Waetzoldt*, 1939, Abb. 3; *Voladkaitė-Kulikauskienė*, 1959, p. 32—33, pav. 3; *Kulikauskienė R., Rimantienė*, 1958, pav. 82), сплошь покрыта маленькими выпуклыми бронзовыми бляшками наподобие кнопок, образующими орнамент из треугольников, а край ее украшали свободно свисающие бронзовые спиральки, формой напоминающие очки (рис. 51,*е*). Заслуживает упоминания и богатый женский головной убор из погребения 22 в грунтовом могильнике Курмайчай, покрытый такими же, только разными по форме и размерам, бронзовыми бляшками (*Kulikauskas*, 1968, p. 12—15, pav. 19; *Kulikauskienė R., Rimantienė*, 1958, pav. 82).

Женские головные уборы на Литовском взморье и в дальнейшем выделяются богатством украшений. В середине I тысячелетия н. э. края шапочек украшались рядом вертикальных бронзовых трубочек-цилиндриков и бронзовой лентовидной бляшкой (Линкунай, Калининградская обл. РСФСР, возле Советска) (*Waetzoldt*, 1939, Abb. 5) (рис. 52, *а*), в VIII—IX вв.— бронзовыми, а иногда серебряными или покрытыми серебром почковидными или сердцевидными подвесками (*Waetzoldt*, 1939, Abb. 5) (Вежайчай, район Клайпеды, Юргайчай) (рис. 52, *б*).

Украшение краев шапочек подвесками — весьма характерное явление не только для взморья, но и для других районов Литвы. Украшение головного убора молодой женщины из погребения VI в. н. э. в Вилюоне (район Юрбаркаса) (*Michelbertas*, 1967, p.47—60) напоминает богатое ожерелье; оно состоит из двойных бронзовых четырехугольных бляшек, прикрепленных к литым подвескам, соединенным между собой бронзовыми спиральками (рис. 52, *в*). По-видимому, это край шапочки: под ним и возле черепа обнаружены значительные фрагменты материи. Подобные украше-

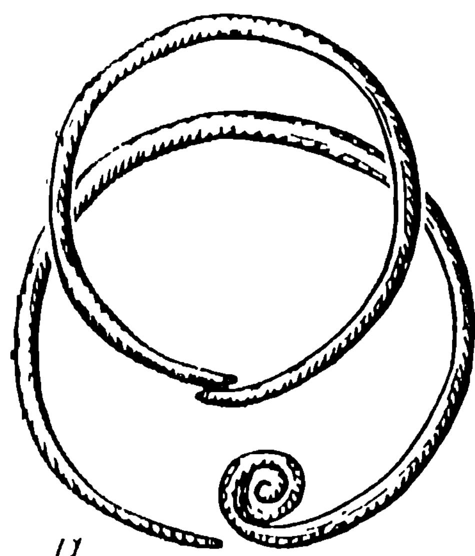
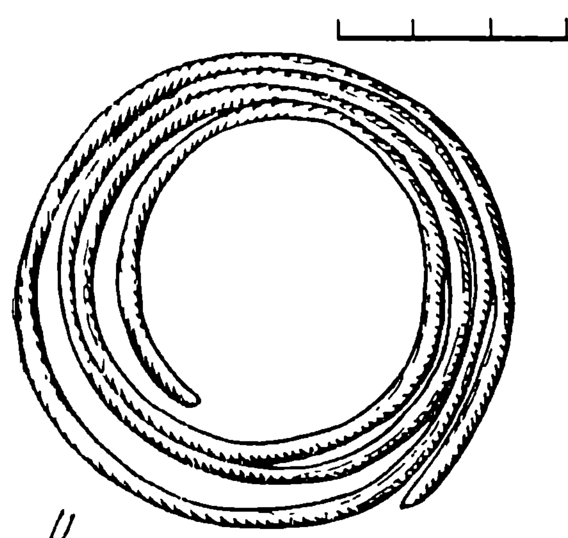
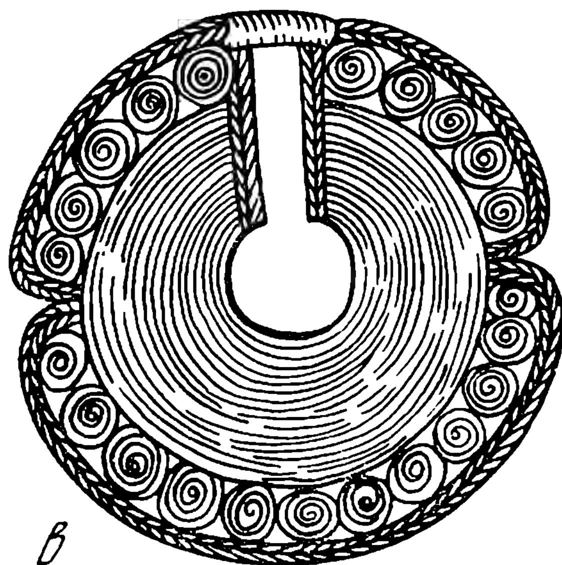
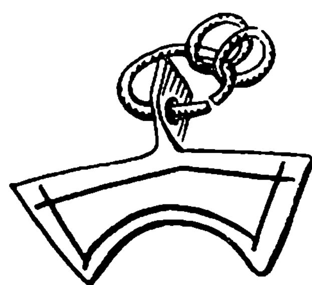


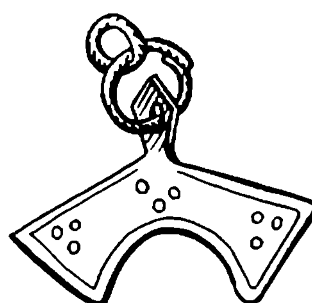
Рис. 51. Типы украшений женского головного убора:

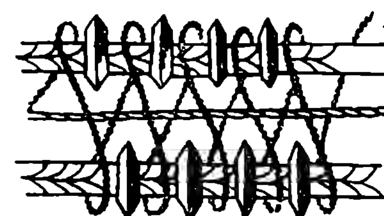
а — кольцевидные;
б — спиральные;
в — круглые литые височные кольца;
г — реконструкция шапочки;
д — реконструкция шапочки и процесс ее изготовления;
е — женская шапочка, покрытая бронзовыми украшениями из могильника в Шернай;
ж — женщина в шапочке. Реконструкция

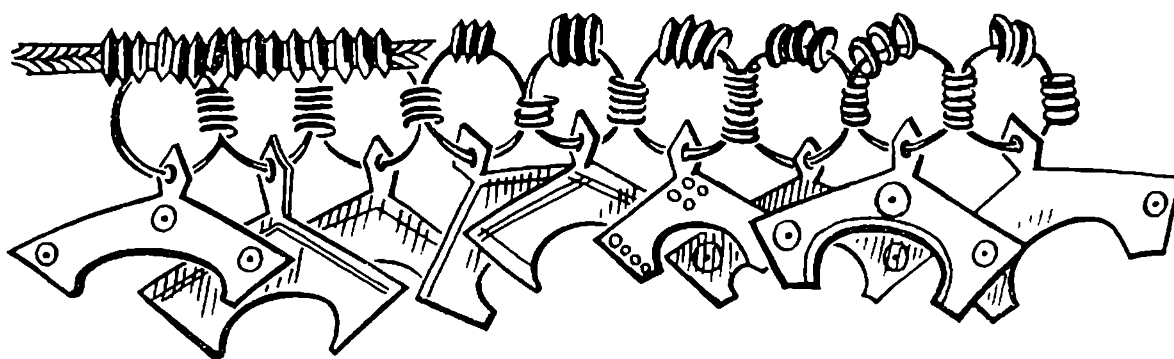


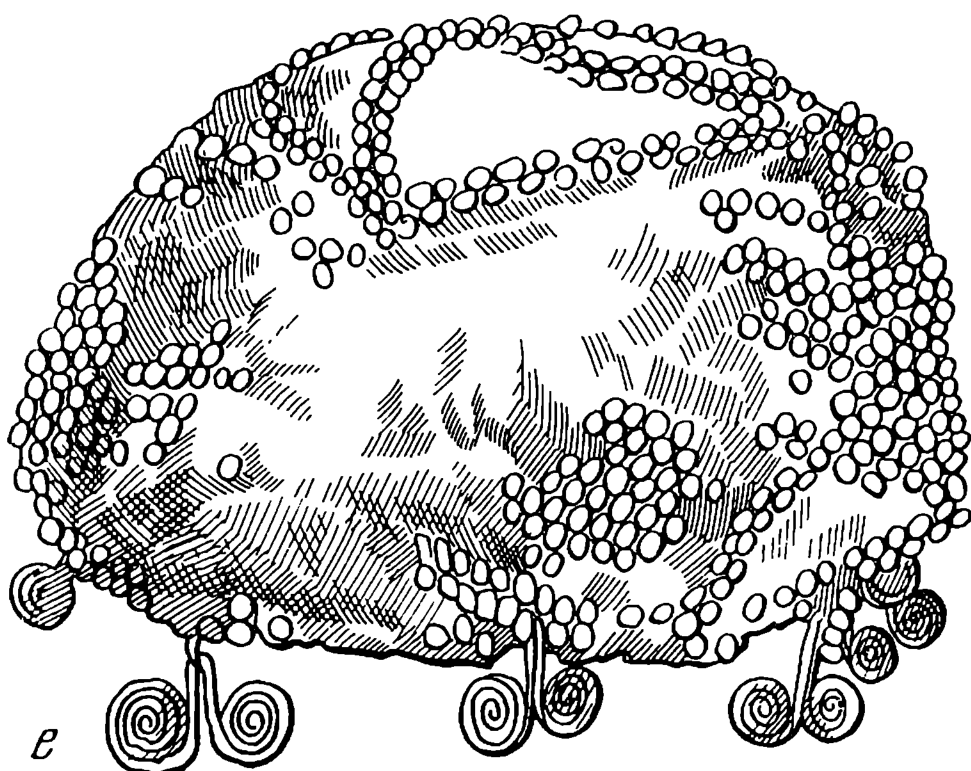












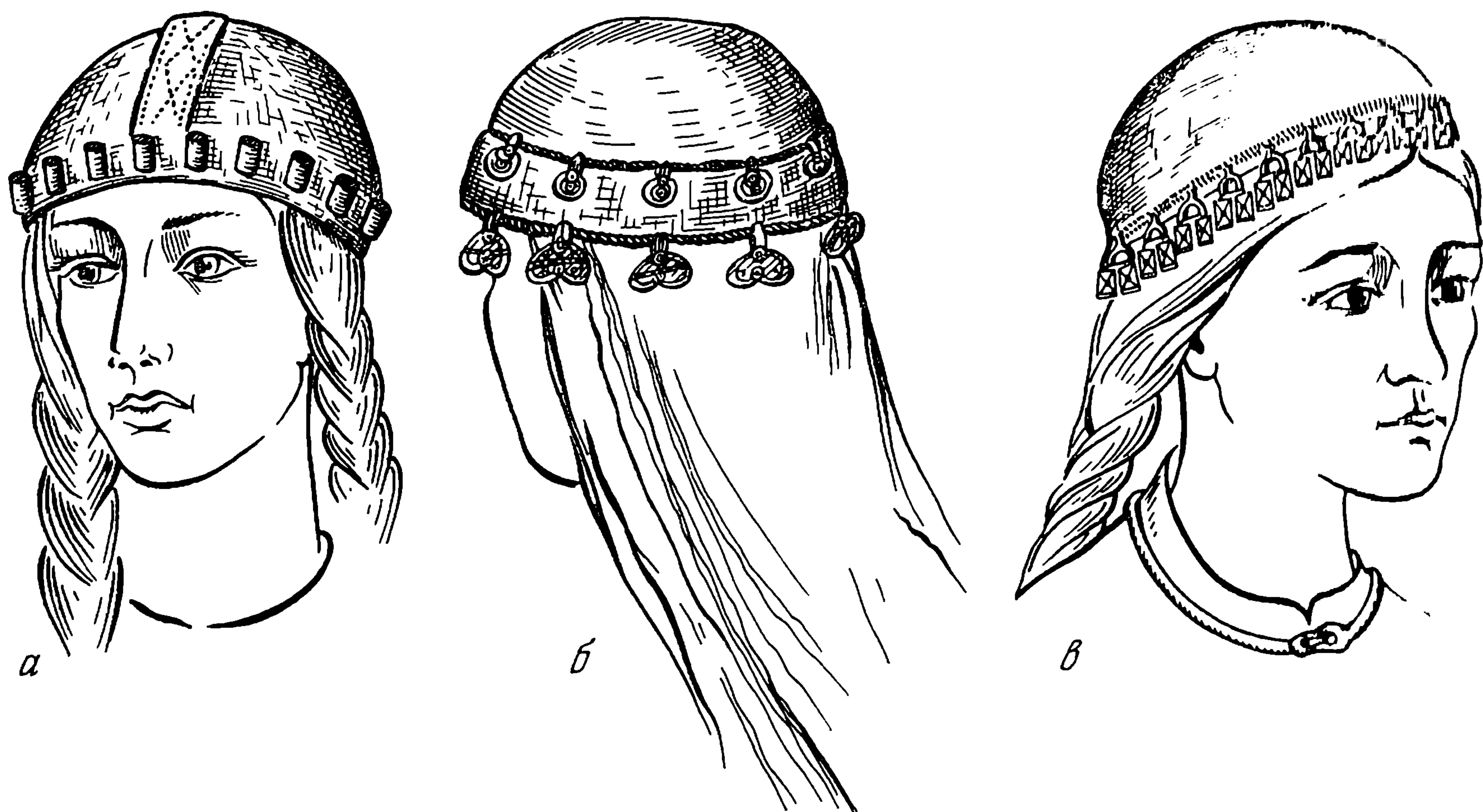
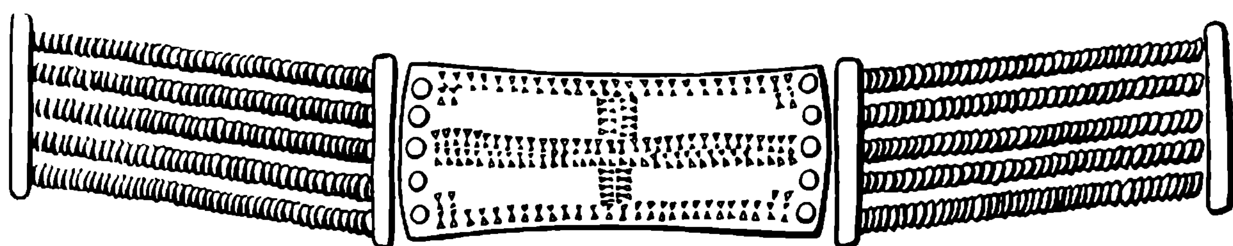
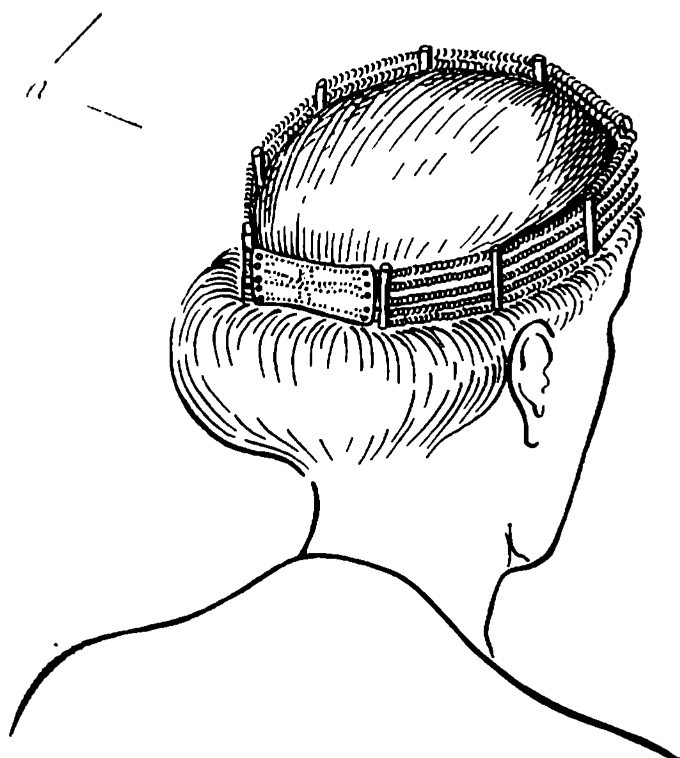


Рис. 52. Различные типы украшений женских шапочек из могильников:
а — Линкунай; *б* — Вежайчяй; *в* — Велюона

ния обнаружены в Центральной Литве в могильниках Пашушвис, Упите, Вершвай. Но украшение из Вершвай как по длине (105 см), так и по обстоятельствам его нахождения следует отнести к ожерельям. Одинаковые подвески зачастую украшали различные части костюма, или же из них составляли различные украшения.

Шапочки были широко распространены и в конце I — начале II тысячелетия н. э., однако в то время ограничивались лишь украшением края шапочек. Основной элемент украшения — различные по длине бронзовые спиральки, располагавшиеся по краю шапочек, причем излюбленной была «шахматная» композиция. Иногда ее дополняла янтарная бусина (Паланга). Более скромное украшение шапочек того времени характерно не только для взморья, но и для северной части Центральной Литвы, где наряду со спиралями иногда употреблялись и бронзовые бляшки наподобие кнопок (Линксмучай). Исключение составляет лишь Жемайтия (Жмудь), где за последние 10 лет на целом ряде могильников (Бикавенай, район Шилуте, Парагаудис, Упина, Жвиляй, Жасинас, район Шилале) обнаружены богато украшенные бронзой шапочки. В целом ряде женских погребений X—XI вв. были найдены хорошо сохранившиеся экземпляры, позволяющие восстановить не только саму шапочку, но и процесс ее изготовления. При изготовлении шапочки брали две довольно толстые плетеные ленточки, на которые нанизывались бронзовые колечки диаметром в 5—7 мм. Затем обе ленты сплетались между собой, а для придания упругости между ними вплеталась нить (рис. 51, *д*). Таким образом, получалась лента шириною в 1,5 см, покрытая двумя рядами бронзовых колечек. Закручивая ленту спирально вверх, получали более высокую конусовидную или же полусферическую шапочку высотою от 14,5 до 21,5 см. Переднюю





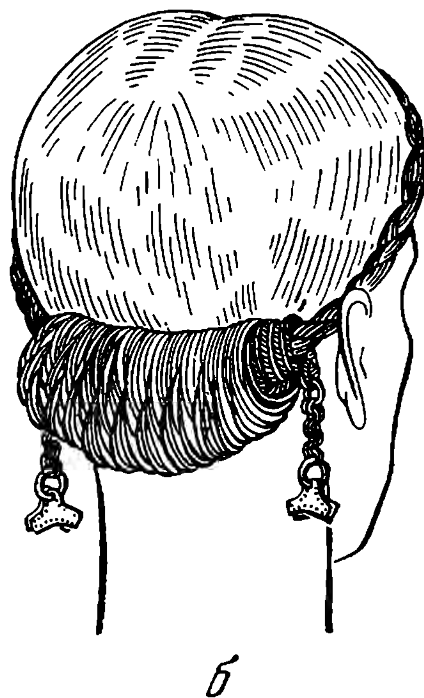


Рис. 53. Укладка женской прически при помощи головного венка и бронзовой спирали:

а — венок из могильника в Шеркай (погребение 8) и способ его надевания; *б* — реконструкция прически из могильника в Плинкайгалис

часть шапочки, кроме того, украшали 13—15 подвесками наподобие кленовых крылаток (рис. 51, *д*). Шапочки были жесткими и тяжелыми, вероятно, их носили богатые женщины и лишь в особо торжественных случаях. Шапочки менее богатых женщин украшались только идущей по краю цепочкой, к которой прикрепляли две или четыре подвески в форме кленовой крылатки (Бикавенай, погребения 221, 224, 243 и др.)

Головной венец — неотъемлемая часть костюма девушки. Головные венцы следует считать лишь украшениями, однако они имели и некоторое практическое назначение, придерживая волосы. Нередко венцы были связаны со специальной прической. О популярности подобных изделий свидетельствует их долгое бытование — от первых веков н. э. вплоть до XIV в. Иногда возле них в погребениях сохраняются значительные органические остатки, что указывает на прикрепление бронзовых украшений к тканым лентам или на ношение их поверх головного убора. Лишь незначительная часть бронзовых головных венцов надевалась непосредственно на волосы.

Основными элементами головных венцов являлись бронзовые спирали и разделительные пластинки. Всевозможные комбинации спиралей по длине и количеству рядов, различия в ширине и орнаменте разделительных пластинок или же использование двух металлов — бронзы и серебра, бусин разнообразили головные венцы (встречаются как скромные, из одного—двух рядов спиралей, так и пышные, высокие, наподобие диадем), зачастую отражая территориальные и хронологические, а в процессе формирования классового общества — и социальные различия.

Наиболее ранние головные венцы первых веков н. э. обычно состояли из двух (Эйгуляй) или трех (Пашушвис) рядов бронзовых спиралей, разделенных невысокими пластинками. Иногда же — из свитой веревочки, на которую группами по три были нанизаны бронзовые колечки из проволоки треугольного или полукруглого сечения (Эйгуляй). Известны го-

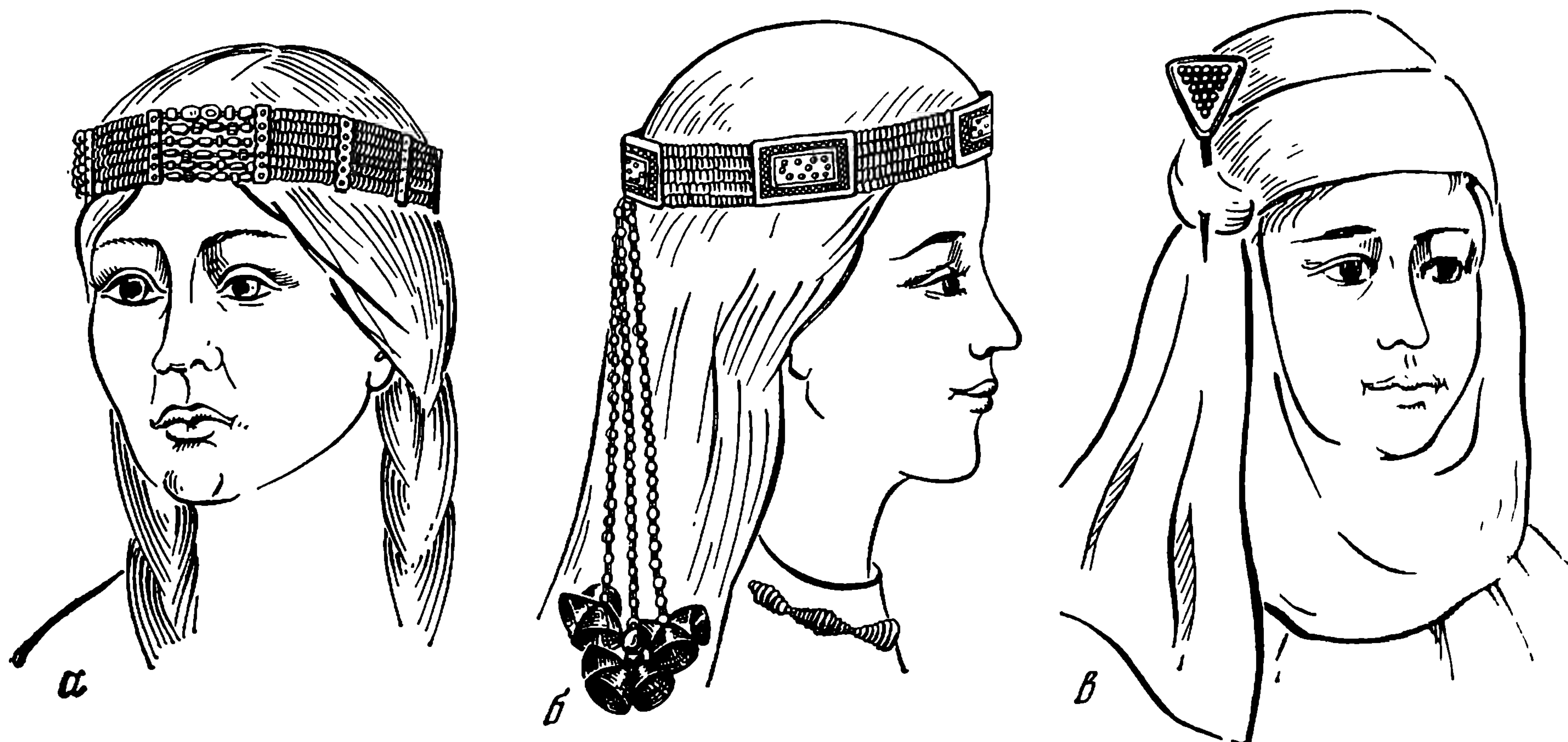


Рис. 54. Реконструкция разных типов венков по материалам из раскопок в:

а — Гиркаляй; *б* — Пашушвис, *в* — наметка из Паланги

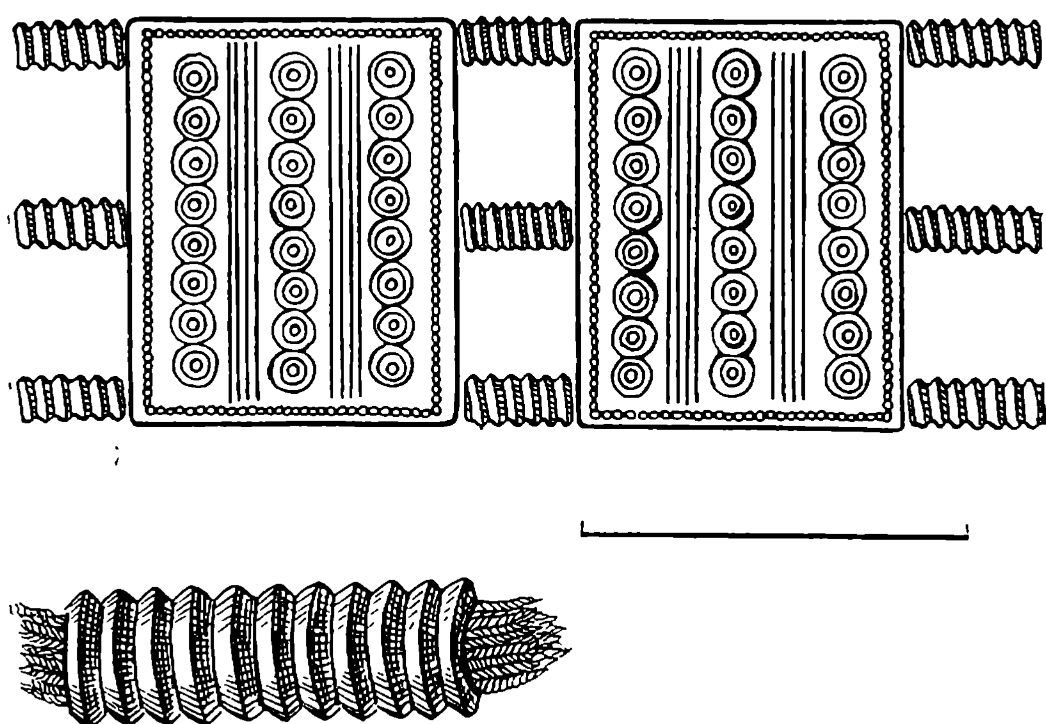


Рис. 55. Деталь головного венка и бронзовая спираль из могильника в Яуняйкяй (погребение 349)

ловные венцы из кожаной или тканой ленты, покрытой рядами полых бронзовых шишечек (Курмайчай). В середине I тысячелетия н. э. появились более высокие венцы, состоящие чаще всего из пяти рядов бронзовых спиралей, разделенных узкими бронзовыми литыми пластинками (Пашушвис, Плинкайгалис, район Кедайняй, Шаркай, район Шилале, Тришакяй и др.). В области затылка венцы заканчивались иногда удлиненной, богато орнаментированной пластинкой, благодаря которой появилась возможность стягивать или расширять их в зависимости от размеров головы (рис. 53, *а*). Кроме того, в погребениях в Шаркай (*Tautavičiene*, 1971, p. 67—74) рядом с головными венками найдены крупные бронзовые спирали (диаметром около 2 см, длиной 12—20 см). К концам подобных спиралей, обнаруженных в могильнике Плинкайгалис, были прикреплены цепочки с подвесками. Необходимо отметить довольно широкое распространение этих спиралей. В настоящее время зарегистрировано 17 мест нахождений, в которых обнаружено около 60 экз. данного украшения. Оно появилось в V—VI вв. н. э. и употреблялось вплоть до IX в. Внутри спиралей — обычно пучок из толстых веревок, а в середине — иногда еще и обернутый тонкой ниткой прутик (рис. 53, *б*), служивший для придания

длинной спирали необходимого изгиба. В могильнике Яунейкяй спирали достигали 36—40 см (погребения 439, 459). До настоящего времени такие спирали большого диаметра обнаружены в центре Жемайтии, в Центральной Литве и в северной ее части. Судя по положению спиралей в погребениях, предполагается, что они были непосредственно связаны с женской прической. По-видимому, на них накручивались и зачесывались вверх длинные волосы, как показано на рис. 53, *а*. На длинные спирали волосы накручивались начиная со лба, а более короткие служили лишь для накручивания волос на затылке. Это предположение подтверждает и спираль с могильника Саугиняй, центральная часть которой в результате длительного употребления была значительно истерта. В могильнике Паэжерис лучше всего сохранился головной венец из погребения 78 рубежа VIII—IX вв. с богатым датирующим инвентарем. Он состоял из ленты, к краю которой с обеих сторон прикреплены бронзовые колечки, между которыми оставлено небольшое пространство. Венец был завязан в области затылка свободно ниспадающими на плечи ленточками двух цветов: концы ленточек украшены небольшими спиральками и подвесками в форме кленовых крылаток.

Большим разнообразием отличаются головные венцы IX—XII вв. Массивные, высокие, они состояли из пяти или даже шести рядов спиралей, разделенных высокими бронзовыми пластинками, поверхность которых была украшена циркульным орнаментом (Гиркаляй). Нередко (в основном на Литовском взморье) передняя часть головных венцов состояла из рядов бронзовых, эмалированных и стеклянных бусин (Гиркаляй, Гинталишке) (рис. 54, *а*).

В северной части Центральной Литвы доминирующей частью венца были разделительные пластинки, а спирали длиной 4—5 см применялись только для их соединения (Яунейкяй). Нередко большие четырехугольные пластинки покрывались листиками серебра (рис. 55). Эти венцы были довольно тяжелы. Поэтому неспроста в Яунейкяй вместе с ними находили вышеописанные крупные спирали для специальной прически, очень удобно поддерживающей тяжелые венцы диадемы.

Для облегчения высоких венцов распределительные бляшки стали изготовлять из тонкой бронзовой жести, соответственно изгибая ее. В уже упоминавшемся погребении 55 женщины в Мешкяй-Якштайчай эти бляшки были из тонкой жести Т-образного поперечного сечения. Большие бляшки из жести придавали венцу массивность и вместе с тем были достаточно легкими (Ляпоряй, район Ионишкис).

Бляшки из тонкой жести особенно широко применялись при изготовлении головных венцов в Восточной Литве. Здесь украшения состояли из крупных, богато орнаментированных бляшек размерами 7,5×5,2 см или 4,5×4,5 см, и бронзовых спиралек (*Volkaite-Kulikauskienė*, 1975, p. 85—95). При этом иногда венец на затылке украшался ниспадающими на плечи цепочками с подвесками-колокольчиками на концах (рис. 54, *б*). В Центральной Литве бляшки иногда заменялись цилиндриками из жести (Паюостис, район Паневежис) (*Michelbertas*, 1972а, p. 27).

Особый тип женских головных уборов представляет наметка. Лучше всего она реконструируется по материалам могильника в Паланге, где обнаружено несколько десятков женских погребений IX—X вв. н.э.,

отличавшихся своеобразием головных украшений: возле черепов обычно лежали две булавки: одна довольно невзрачная, железная, выше головы, в горизонтальном положении, другая, красивая, обычно с посеребренной головкой, в вертикальном положении, возле правого виска (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1964, p. 42, pav. 1). Иногда на месте последней булавки лежала арбалетовидная фибула. Кроме того, в некоторых погребениях у головы найден бисер. На основании расположения украшений, а также незначительных остатков льняной ткани (вытканной в три ремизки) были сделаны попытки реконструкции подобных женских головных уборов (Там же, табл. 6 и 8) из белой льняной ткани, края которой украшались разноцветным бисером. Подобной тканью женщины закутывали голову, а концы связывались с правой стороны. Для прочности узел скреплялся красивой булавкой или фибулой (рис. 54, *в*). Более простой булавкой, вероятно, закалывались скрученные в узел волосы: она была незаметна. По-видимому, в этих погребениях мы сталкиваемся с традиционным полотенчатым головным убором замужней женщины, бытовавшим и в XVIII—XIX вв.,— с так называемой наметкой (нуометас, *nuometas*).

Женская обувь. Сведений о *женской обуви* почти нет. Древнейшей была сшитая из шкур диких или домашних животных меховая обувь без каблука. Вероятно, как и в соседней Латвии, женщины носили обмотки из материи, поверх которых надевали кожаные постолы, а более бедные крестьянки — лапти из лыка. Находки женской обуви имеются лишь из городов. Так, на территории Вильнюсского Нижнего замка в слое XIII—XV вв. обнаружены крупные фрагменты кожаной обуви и даже колодка для ее изготовления (*Navickas*,, 1964, p. 188—196). Женская обувь была без каблука, с острым носом, сильно суживающаяся в середине, с пришивной подошвой и невысоким голенищем; ее шнуровали и стягивали. По-видимому, похожей в то время была и женская крестьянская обувь, по крайней мере, праздничная.

Территориальные различия. Основные части женского костюма в I — начале II тысячелетия н. э. были одинаковы на всей территории Литвы. Территориальные различия ярче всего проявлялись в украшениях.

Уже в первых веках н. э. наиболее ярки были особенности украшения шапочек. Если на Литовском взморье шапочки чаще всего украшались бронзовыми выпуклыми бляшками наподобие кнопок, то для Центральной и Восточной Литвы характерны разнообразные висячие украшения. В Центральной Литве были распространены спиральные височные кольца и литые пластинчатые височные украшения, а в Восточной Литве — кольцеобразные височные украшения. Заметны также различия в нагрудных украшениях и в браслетах. Например, в III—V веках н. э. на Литовском взморье и в Западной Литве носили гривны с дисковидной застежкой, а в центральных и восточных районах — типично литовские гривны с ложковидной застежкой. Если в Западной и Центральной Литве были распространены ленточные браслеты и массивные браслеты различного сечения, то для Восточной Литвы характерны манжетообразные браслеты.

Восточнолитовский женский костюм того времени очень ярок и своеобразен: шапочка с кольцеобразными височными кольцами, шейная гривна с ложковидной застежкой, на запястьях рук — высокие манжетообразные браслеты, а верхнее наплечное покрывало украшено бронзовыми

цилиндриками (*Kulikauskienė R., Rimantenė*, 1958, pav. 262). Наиболее ярко локальные особенности проявляются в IX—XII вв.

Очень своеобразен женский костюм южных куршей — жителей северной части Литовского взморья. Наплечное покрывало застегивалось крестовидными булавками, украшенными листовым серебром и темно-синими стеклышками-глазками. Часто также употреблялись массивные булавки с крестовидной и треугольной головкой, к которой, кроме того, прикреплялись многочисленные посеребренные подвески (Сленгяй, Гиркаляй, Кяулейкяй, Паланга). В начале II тысячелетия н. э. булавку часто заменяла арбалетовидная фибула с перекладинами (Паланга). Выделялся и головной убор, напоминающий наметку (Паланга, Гиркаляй, Гинталишке и др.), с правой стороны в области виска скрепленный булавкой, а иногда и фибулой. Отличались и шапочки жительниц взморья. В северной части взморья шапочки украшали по самому краю одним или несколькими рядами бронзовых спиралей, а иногда и янтарной бусиной (Паланга). Для южной части взморья и низовий Немана, территории расселения племени скалвов, характерны шапочки, украшенные по краям почковидными или сердцевидными подвесками, разделенными бронзовыми спиралями (Вежачай, Юргачай). Своеобразны и головные украшения девушек — высокие, состоящие из пяти-шести рядов спиралек, нанизанных на кожаные ремешки, головные венцы, спереди украшенные бусинками из бронзы или цветного стекла (рис. 54 *а*, *б*); они напоминали короны. Гривны на этой территории носили витые спиральные и, кроме того, излюбленным украшением были ожерелья из янтарных или стеклянных бус темно-синего цвета. Помимо характерных для данного периода спиральных браслетов, женщины на Литовском взморье часто носили на каждой руке по нескольку легких бронзовых лентовидных браслетов.

Жительница Жемайтии (жмудинка) застегивала наплечное покрывало-плащ парой посеребренных булавок с крестовидной головкой. Шею и верхнюю часть груди украшала витая спиральная гривна с петлями или с булавообразными пуговками на концах. Излюбленными были также колье из бронзовых спиралек и колечек диаметром 2,8—3,2 см. Руки украшались бронзовыми спиральными браслетами и спиральными кольцами из тонкой проволоки. Особенно нарядно выглядела полностью покрытая бронзовыми колечками шапочка, украшенная спереди подвесками в форме кленовой крылатки (рис. 49,51). Украшение края одежды бронзовыми ромбовидными бляшками характерно только для женщин Жемайтии. Отличаются на этой территории и девичьи головные венцы, состоявшие из украшенных бронзой плетеных лент, завязанных на затылке.

Костюм жителей северной части Центральной Литвы — южных земгалов — имел много общего с костюмом жемайтов и отличался лишь в деталях. Наплечное покрывало было застегнуто парой булавок с кольцевидной головкой, шею украшали бронзовые гривны с утолщающимися концами; кроме того, излюбленными были гривны с костылевидными и седловидными концами, а также сложные гривны. Руки украшались массивными манжетообразными браслетами. Шапочки были очень скромны, а головные венцы отличались пышностью. Основным элементом в венцах были не спирали, а бронзовые, иногда покрытые серебром пластинки (рис. 55).

Сильно отличался женский костюм восточный областей Литвы. В связи с преобладанием обряда трупосожжения реконструкция костюма далеко не полна, но и здесь территориальные различия отразились в основном на украшениях. Женщины в Восточной Литве не употребляли булавок, но широко использовали украшения шеи и рук. Шею украшали гривны с плоскими, заходящими концами, с бляшками-подвесками или без них, витые гривны с конусовидными концами, реже употреблялись гривны с седловидными концами. Шею женщин Юго-Восточной Литвы, кроме гривен, украшали ожерелья из бронзовых биусеченно-конических бусин. В то время в Восточной Литве женщины не носили массивных браслетов. Они любили лентовидные браслеты с незначительно расширяющимися и утолщающимися, украшенными волнообразным орнаментом концами. Нарядными были девичьи головные венцы. Они состояли из больших, богато орнаментированных бронзовых бляшек, соединенных рядами спиралей, на затылке украшались несколькими бронзовыми цепочками с подвесками-колокольчиками на концах (рис. 54, *б*).

Скудность источников не позволяет высказаться относительно женского костюма жителей Центральной Литвы. Так как Центральная и Восточная Литва, несмотря на некоторые различия, уже с середины I тысячелетия н. э. составляли одну большую культурную область, являвшуюся основным ядром формирующейся литовской народности (*Волкайте-Куликаускене*, 1979, с. 41), можно предполагать, что и в женском костюме жителей этих территорий было много общих элементов. Однако, судя по распространению некоторых украшений, на Центральную Литву не могли не оказывать влияния как северные, так и западные соседи, тем более что в процессе формирования литовской народности на археологическом материале заметна консолидация отдельных культурных областей.

Одежда мужчин. При реконструкции одежды мужчин не следует упускать из виду, что в исследуемый период мужчина прежде всего был воином. Почти во всех мужских погребениях Литвы наряду с орудиями труда встречается оружие. Поэтому реконструируемая одежда — это прежде всего одежда воина, но основные виды одежды не могли отличаться коренным образом, и рабочая одежда была лишь значительно проще и скромнее. *Верхняя комнатная одежда.* Основными частями одежды мужчин являлись *рубаха*, *блуза* и *штаны*.

Белая льняная рубаха с длинными рукавами была нательной одеждой; она изготовлялась из более тонкого материала и, по-видимому, незначительно отличалась от маршкиняй (*marškiniai*), носимых литовскими крестьянами в XIX в. Преобладали короткие рубахи, в длину опущенных рук, с прямой прорезью ворота, застегнутой фибулой. В летнее время, возможно, носили лишь одну рубаху навыпуск, подпоясанную ремнем. В более холодное время поверх рубахи носили блузу (палайдине, *palaidinė*). Блуза была изготовлена из более толстой шерстяной ткани, а так как надевали ее через голову, то спереди была длинная прямая прорезь, застегнутая одной, двумя, а иногда и тремя фибулами. О длине рукавов такой блузы данных нет. Безусловно, употреблялись блузы с длинными рукавами. Но в средневековье западноевропейские рыцари верхнюю одежду обычно носили с рукавами длиной до локтей (*Мерцалова*, 1972, с. 26), как у кольчуги, что было очень удобно. Возможно, в начале II тысячелетия и

древние литовцы, особенно воины, употребляли блузы с такими рукавами. Длина ее была до середины бедра, что подтверждается и расположением фибул в мужском погребении 10 в могильнике Гинталишке, где вдоль костяка располагалось девять подковообразных фибул, причем последняя находилась на уровне бедренных костей. Подобное расположение фибул свидетельствует еще и в том, что в некоторых случаях, возможно, уже употреблялась и распашная одежда типа позднейшего кафтана (*Kulikauskienė R., Rimantenė*, 1958, pav. 566).

Блузу подпоясывали *ремнем*. Это был наиболее богатый элемент мужской одежды. Самые ранние данные о ремнях обнаружены в памятниках середины I тысячелетия н. э. В Таурапилис (район Утена) в кургане 5 в богатом мужском погребении V—VI вв. н.э. найдены серебряные пряжки и оковки от ремня (Lietuvos gyventojus, 1972, p. 134, pav. 6—9), а в датируемом VI в. н. э. погребении 2 в Чукишкес (район Кедайняй) — такие же железные пряжки с остатками кожаного ремня (Историко-этнографический музей Литовской ССР, г. Вильнюс). Ремни были довольно узкие, около 2 см ширины, с небольшими овальными пряжками и сильно профилированными языками. Ремни из Чукишкес были окованы бронзовыми чеканными бляшками, которые прикреплялись к коже не гвоздиками, а попросту загибались и прижимались к ремню. Появление ремней совпадает с появлением в погребениях мужчин мечей, рогов для питья, боевых ножей и других предметов воинского обихода, носимых у пояса. Большинство хорошо сохранившихся ремней найдено в погребениях IX—XII вв., причем они обнаружены почти во всех исследовавшихся памятниках этого периода. В могильниках на взморье (Лайвяй, Паланга, Гиркаляй, Гинталишке и др.) в погребениях мужчин нередко встречаются по два ремня от 1,5 до 3,5 см ширины, при средней длине до 85 см). Обычно они свернуты и лежат в области костей таза или даже груди. Очевидно, ремни в могилу клали отдельно от остального погребального инвентаря. Нередко ремни состояли из трех или даже четырех частей, соединенных между собой бронзовыми звеньями-распределителями, к которым иногда пристегивались богатые бронзовые украшения из спиралей (Пришманчай, район Кротинги, Жасинас и др.). Чаще всего к звеньям-распределителям пристегивались упомянутые предметы воинского обихода. Концы ремней возле распределителей оковывались орнаментированными, а зачастую еще и покрытыми серебром бронзовыми бляшками.

Часто бронзой или даже серебром украшали всю поверхность ремня. Преобладали поперечные узкие четырехугольные бронзовые бляшки (рис. 56). Излюбленным было и украшение поверхности ремня несколькими рядами свинцовых посеребренных гвоздиков с конусообразными головками. Нередки различные комбинации двух вышеописанных способов украшения. Обнаружены также фрагменты ремней, вся поверхность которых переплетена несколькими продольными рядами тоненькой бронзовой проволоки. Самыми поздними являются ремни, поверхность которых украшена бронзовыми гвоздиками так, что последние составляют несложный орнамент. Интересно отметить, что в орнаменте встречаются те же геометрические мотивы, что и на тканых лентах. Пряжки ремней бронзовые или железные. Последние чаще встречаются в Восточной Литве. Преобладают пряжки в форме вытянутого четырехугольника с несколько

закругленными углами. Для Литовского взморья наиболее характерны пятиугольные пряжки.

Штаны — широко распространенная во всей Восточной Европе составная часть мужского костюма. А. В. Арциховский, реконструируя одежду древнерусских крестьян, отмечал, что она состояла из полотняной рубахи, подпоясанной узким ремнем, и штанов, заправленных в высокую обувь, или же при ношении лаптей или постол, обернутых онучами (*Арциховский*, 1948, с. 239). На знаменитых Гнезненских вратах XII в. древние пруссы — воины и крестьяне — изображены в штанах (*Kostrzewski*, 1972, p. 146, 368). Именно в этом заключается основное отличие восточноевропейского мужского костюма от западноевропейского, где в эпоху раннего средневековья неотъемлемой частью мужского костюма были брюки-чулки —так называемое трико.

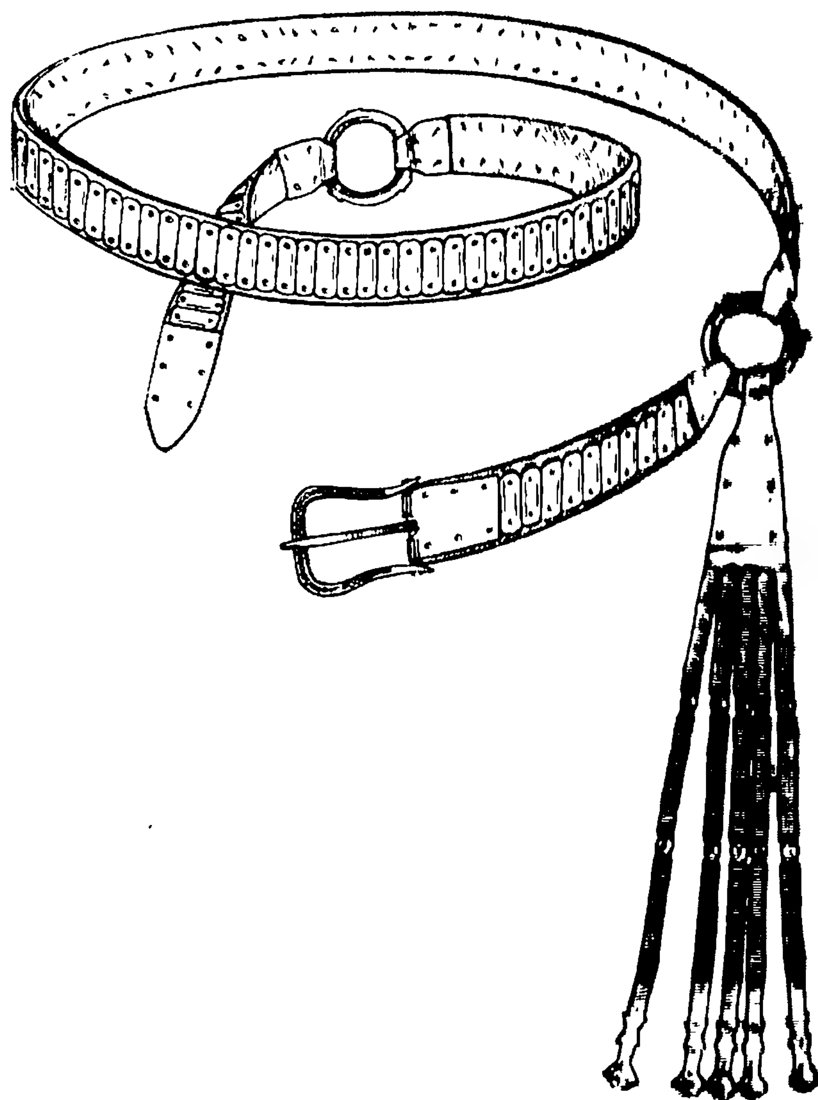
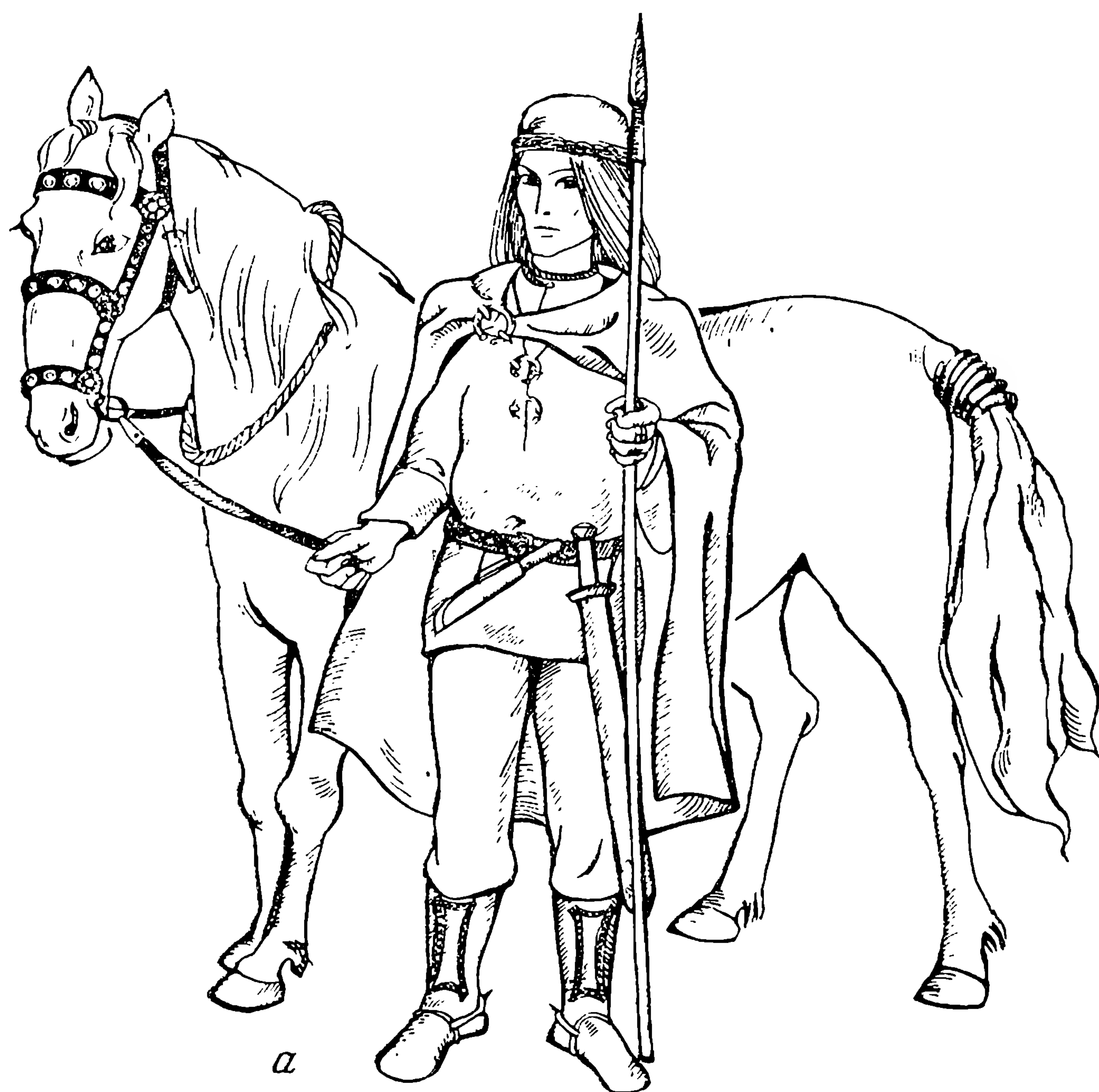


Рис. 56. Мужской пояс X—XI вв. по материалам из могильника в Жасинас (погребение 13)

Фрагменты штанов в могильниках не сохранились, и можно использовать лишь косвенные сведения. Например, находки с середины I тысячелетия н. э. обуви с высоким голенищем указывают на ношение штанов, заправленных в обувь. Вышесказанное подтверждают и находки более поздней обуви.

Теплая верхняя одежда. Основной мужской теплой верхней одеждой был свободно наброшенный на плечи и застегнутый спереди *плащ*. Существует мнение, что у некоторых народов именно плащ выражал основное различие в одежде крестьян и знати (*Арциховский*, 1948, с. 244). Судя по расположению в погребениях украшений — массивных фибул, плащ у древних литовцев застегивался на правом плече, что не затрудняло движений правой руки. Чаще всего застежками плащей являлись крупные арбалетовидные фибулы с головками в форме маковых коробочек (Гиркаляй, Пришманчай, Паланга, Линксмучяй) или массивные подковообразные фибулы с четырехугольными или звездчатыми концами (Бикавенай, Жасинас) (рис. 57). Массивность фибул указывает на то, что плащи были из толстой ткани или даже из меха. Возможно, иногда употребляли плащи из ткани, подбитой мехом.

Обязательной частью костюма, особенно в зимнее время, являлся *головной убор*. Традиционным головным убором были шерстяные или меховые колпакообразные шапки, края которых или же лишь передняя часть украшались бронзой. Лучше всего сохранились фрагменты мужских головных уборов в датируемых X—XI вв. н. э. погребениях 210 в Бикавенай и 12 в Жасинас (оба — в Шилальском р-не). Весь край шапочки был украшен расположенными попарно восемью рядами бронзовых проволо-



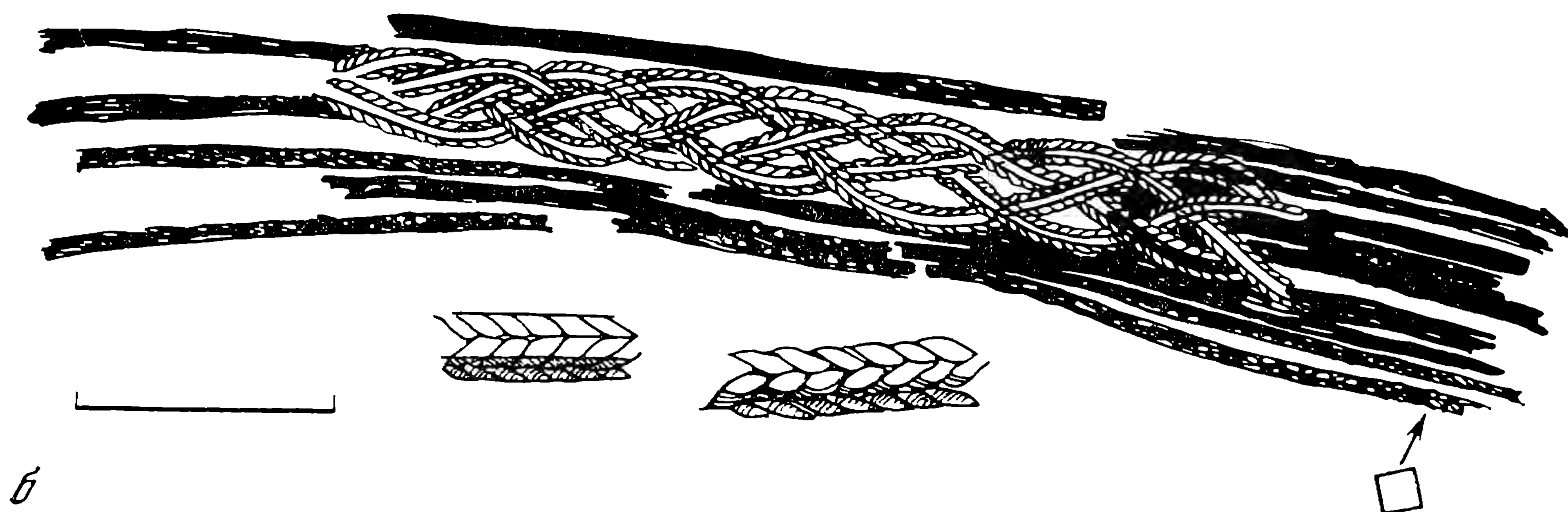


Рис. 57. Реконструкция костюма воина X—XI вв. по материалам из могильника в Бикавенай (погребение 210):

а — общий вид;
б — деталь украшения шапочки

чек, переплетенных так, что они составляли орнамент из ромбов и треугольников (рис. 57, *б*). На Литовском взморье (Гинталишке, район Плунге) в то же время края шапочек мужчин украшались рядами коротеньких бронзовых спиралей, составлявших шахматный орнамент. Иногда, как это отмечено в могильнике Линксмучай (Пакруойский р-н), расположенном в северной части Центральной Литвы, украшалась лишь передняя часть шапочек. Шапочки из Линксмучай были очень близки к шапочкам, реконструируемым В. Уртаном на основе материалов из могильника II Кальниеши в Латвии. Употреблявшиеся здесь мужские шапочки были украшены только спереди, на уровне лба, рядами бронзовых спиралек или бронзовой цепочкой (*Urtans*, 1962).

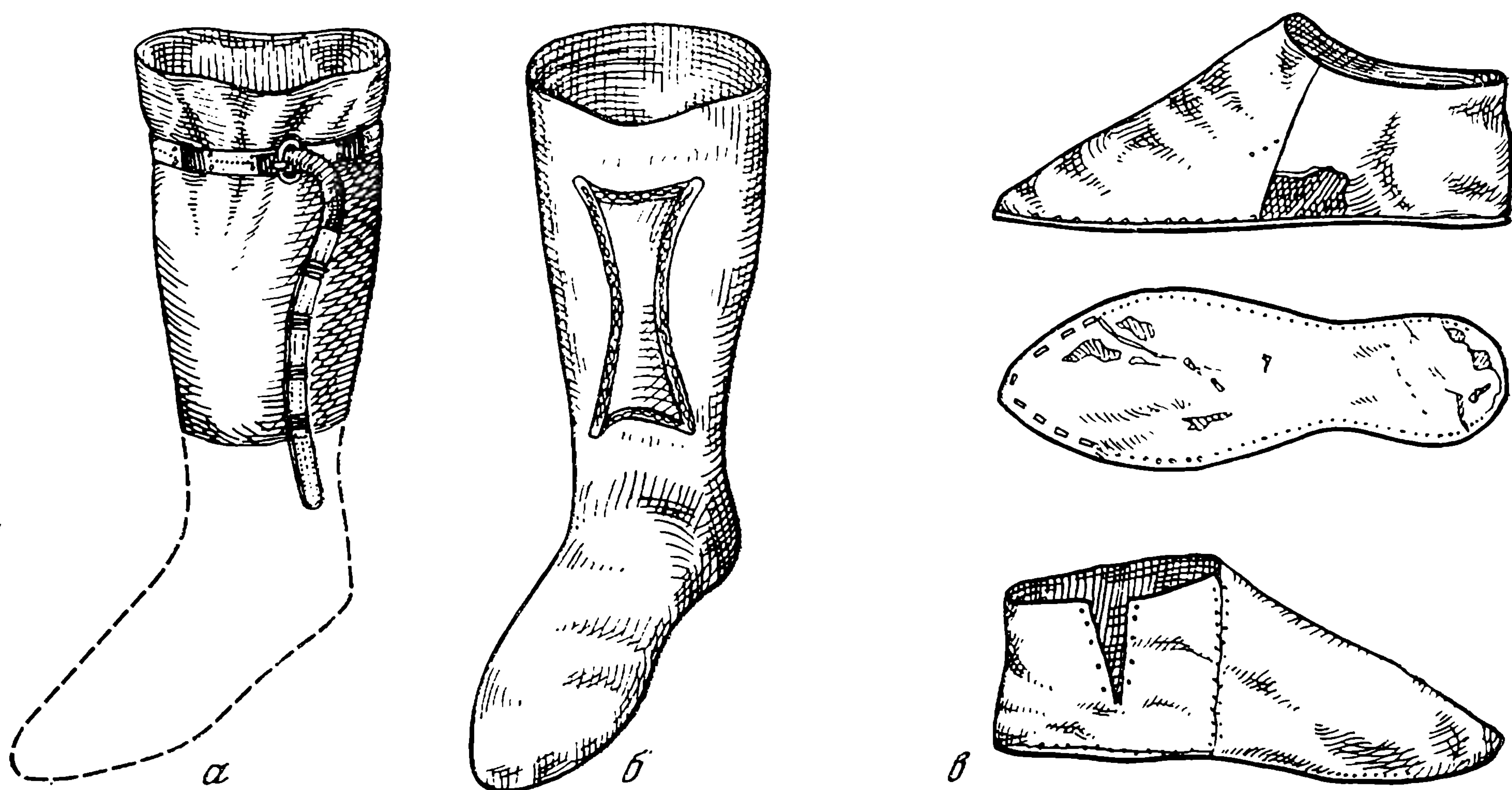


Рис. 58. Реконструкция мужской обуви из раскопок в:

а — Плинкайгалис; *б* — Бикавенай; *в* — Нижнем замке в г. Вильнюсе

Обувь мужчин. Исследования последних лет дали ценные материалы, позволяющие точнее реконструировать обувь мужчин. При исследовании могильника V—VI вв. н. э. Плинкайгалис (район Кедайняй) в богатом мужском погребении 2 в области костей голени обнаружены плохо сохранившиеся фрагменты кожаной обуви (*Jovaiša*, 1978, p. 164—174, pav. 2; 9,10), окружавшие кости голени бронзовые пряжки, язычки и оковки от ремешков. Обувь имела высокое голенище, которое ближе к колену стягивалось кожаным, окованным бронзой ремешком и застегивалось бронзовой пряжкой. Окованный конец ремешка свободно свисал рядом с голенищем (рис. 58). Нижняя часть обуви не сохранилась, однако, по-видимому, она была мягкой. Фрагменты обуви VIII в. обнаружены в могильнике Линксмучай (погребения 21 и 22). В области щиколоток среди органических остатков лежали бронзовые полые шишечки, спиральки и небольшие пряжки (*Volkaité-Kulikauskiené*, 1950, p. 299—300, pav. 6). Остатки обуви обнаружены также в могильнике Паланги в мужских погребениях 133 и 149, однако сохранились лишь бронзовые спиральки и полые шишечки (Историко-этнографический музей Литовской ССР). Немногочисленные остатки украшений обуви не позволяют судить о ее форме, несомненно лишь то, что обувь была кожаной, ибо бронзовые и оловянные шишечки могли приклепляться лишь к коже.

Более редкие и своеобразные фрагменты мужской обуви X—XI вв. обнаружены в могильниках Жасинас (погребение 59) и Бикавенай (погребение 210) (р-н Шилале). В области голени обнаружены одинаковые элементы украшения обуви, напоминающие длинный четырехугольник с сужающимися концами, куски органического материала (размерами 15×6,5 см и 18×9 см), края которых обрамляла узенькая кожаная ленточка. В Бикавенай ленточка была пришита к голенищу тонкой проволокой так, что петли напоминали букву «v» (рис. 58). Уголки деталей украшения

обуви из Жасинаса были укреплены специальными оковками. Положение вышеописанных деталей обуви указывает, что ими украшалась передняя часть голенища.

Видимо, во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. мужчины носили сапоги с довольно высокими голенищами, которые иногда украшались бронзой. Не следует упускать из виду и тот факт, что все погребения, в которых были встречены элементы украшений обуви, принадлежали богатым членам общины. Сапоги более бедных членов общины были проще, не имели украшений и не сохранились. О широком распространении кожаной обуви у горожан свидетельствуют данные раскопок на территории Вильнюсского Нижнего замка. В слое XIII—XIV вв. обнаружено множество фрагментов кожаной обуви, в частности задники сапог длиной от 15 до 30 см и шириной 4—8 см с небольшим язычком посередине (*Navickas*, 1964, p. 192—193), очень похожие на задники современных сапог (батай, *batai*), но, судя по задникам, они должны были быть значительно жестче, нежели сапоги более раннего периода. Они были похожи на обувь, найденную в Новгороде (*Изюмова*, 1959, с. 208) и в других городах (*Оятева*, 1962, 1965, 1974; *Рабинович*, 1964).

О том, что в первых веках II тысячелетия н. э. появилась более жесткая обувь, свидетельствуют и косвенные данные — находки шпор, которые значительно легче прикрепить к жесткой обуви, и стремян с широкой прямой подножкой, приспособленной для обуви с толстой жесткой подошвой.

При раскопках Нижнего замка в Вильнюсе наряду с сапогами были обнаружены и другие виды обуви. Преобладала сшитая из двух кусков мягкая кожаная обувь с невысокими голенищами (рис. 58), о чем говорилось при реконструкции женской обуви. Обувь мужчин отличалась от женской значительно более тупым носом. Обнаружены также довольно хорошо сохранившиеся *постолы*, сделанные из одного цельного куска кожи, с прорезью вверху на уровне пальцев. Их задник был сшит потайным швом. По краю шло 10 надрезов, через которые проходил шнурок для стягивания постолов и прикрепления их к ногам. Аналогичная обувь обнаружена в Гродно в слое XII—XIII вв. (*Воронин*, 1954, с. 61—63, рис. 26). Хотя постолы (нагинес, *naginės*) найдены в городском культурном слое (именно здесь они смогли сохраниться благодаря консервирующим свойствам слоя), в основном это была обувь крестьян, употреблявшаяся в течение всего железного века. Иногда передняя часть такой обуви украшалась бронзовыми спиральками, шишечками или оковками, аналогичными найденным в могильниках Линксмучай, Яунейкяй или Паланги. Имея в виду консерватизм домашнего хозяйства, особенно в области изготовления одежды и обуви, можно утверждать, что бедные крестьяне носили так хорошо известные по этнографическим источникам лапти (вижос, *vÿžos*), изготовленные из лыка (*Куликаускене В.*, 1975, с. 20). Зажиточные крестьяне, возможно, носили и жесткую кожаную обувь типа батай (*batai*).

Одежда в XIII—XVI вв. В одежде XIII—XVI вв. очень ярки традиции предшествующего периода, однако наряду с ними появляется ряд новых элементов, характерных лишь для позднего времени. Основные формы как мужской, так и женской одежды сохраняются. Больше всего различий в металлических украшениях одежды. Прежде всего, в погребениях значительно уменьшается количество бронзовых украшений, а к началу

XVI в. они почти полностью исчезают. В результате применения новых технических приемов изготовления изменилась и форма украшений. В XIII—XIV вв. при изготовлении таких украшений, как шейные гривны, браслеты, иногда даже подковообразных фибул и колец часто применялись различные плетения из проволоки. Кроме того, большую часть металлических украшений стали в то время изготовлять из тонкой жести, от чего изделия стали очень легкими. Видимо, облегчения украшений требовала и более тонкая ткань, употреблявшаяся при шитье комнатной одежды. Наконец, от некоторых форм украшений и вовсе отказались, а на смену им пришли новые. При рассмотрении одежды XIII—XVI вв. этим различиям и уделяется основное внимание. Здесь же следует отметить, что в XIII—XVI вв. украшения почти одинаковы во всех районах Литвы, что приводило также и к однообразию самого костюма. С уменьшением роли металлических изделий территориальные различия в то время должны были проявиться в самой ткани, в композиции цветов и орнамента.

Рис. 59. Реконструкция женского костюма XIV—XV вв. по материалам из могильника в Ажугирис (погребение 9)

Женская одежда этого периода уже не перегружена таким количеством металлических украшений, как в более раннее время. Исключением являлись довольно часто встречающиеся в погребениях лишь такие утилитарные украшения, как фибулы. Наиболее распространены были круглые пластинчатые бронзовые фибулы из жести с выпуклой серединой, украшенные чеканкой,— их находят почти на всех исследованных памятниках этого периода. В погребении находятся обычно одна-две фибулы, реже — три — пять. По положению фибул в погребениях и сохранившимся возле них фрагментам тонкой ткани, сотканной в две ремизки, видно, что фибулы применялись для застегивания легкой верхней комнатной одежды, скорее всего блузы (палайдине, *palaidinė*), а в некоторых случаях (особенно когда несколько фибул располагались вдоль груди) ими, вероятно, застегивалась и безрукавка (рис. 59). Возможно, в исследуемый период женщины носили не только рубаху, но и блузу, а иногда и безрукавку. Об этом свидетельствуют и находимые в погребениях, обычно в области груди, бронзовые пуговицы — полые шарообразные, иногда — ажурные. По-видимому, ими в то время застегивалась рубаха. Это совершенно новый элемент в одежде XIII—XVI вв. О ношении безрукавок свидетельствуют и самые

ранние иконографические материалы второй половины XVI в.— кодекс рисунков Хелдта (*Heldt*; *Reklaitis*, 1968, pav. 3).

Верхней теплой одеждой было наплечное покрывало, застегивавшееся массивными фибулами. В XIII — начале XV в. еще употреблялись подковообразные фибулы, а в XV—XVI вв. очень широкое распространение получили литые бронзовые ажурные фибулы.

Юбки, а зачастую и безрукавки, подпоясывались ткаными поясами, к бахроме которых часто прикреплялся бронзовый бубенчик. Иногда тканый пояс заменялся богато украшенным бронзой кожаным ремнем (Румшишкес, женское погребение 250). Такие украшенные металлом ремни раньше были известны лишь в мужских погребениях, а начиная с XIV в. их носили уже и зажиточные женщины. Тканый пояс или ремень были необходимой часть одежды женщин, к ним прикреплялись самые нужные предметы обихода — железный ножик в кожаных ножнах, игольница с иголками, мешочек-кошелек, бронзовые ключи и т. п. (рис. 59).

Головные уборы были те же, что и в предшествующий период, изменялись лишь их украшения. Как видно из материалов могильника XIII—XV вв. в Саряй (район Швенченис) и некоторых других могильников Восточной Литвы, женщины продолжали носить шапочки, украшенные спереди пятиугольными и ромбическими бляшками (*Kuncienė*, 1974, p. 68—79, pav. 3), однако основная масса головных уборов уже не украшалась бронзой и поэтому сведений о них почти нет.

Замужняя женщина покрывала голову наметкой, которая, как уже упоминалось, отмечена в погребениях IX—X вв. на Литовском взморье. Позднее этот женский головной убор получил еще большее распространение: в поздних женских погребениях XIII—XVI вв. (Румшишкес, Шилялис, Кармелава) возле черепов находят бронзовые булавки, а иногда и фибулы. В женском погребении 6 в могильнике Ажугирис обнаружены шесть одинаковых круглых пластинчатых фибул из бронзовой жести — пять из них лежали вдоль груди, а шестая находилась в области правого виска. Видимо, она была пристегнута к головному убору (рис. 59).

Редки в это время девичьи металлические головные венцы. В могильниках XIII—XVI вв. имеются лишь единичные их находки (Скрябиняй, район Ионава, погребение 134, Румшишкес, погребение 138). Головной венец молодой девушки из Румшишкес состоял из 21 украшенной чеканкой бронзовой четырехугольной бляшки (19×20 мм каждая), прикрепленной к тканой ленте, для чего на них имеются дырочки (*Urbanavičius*, 1970, p. 14—17).

По-видимому, в это время бронзовые головные венцы заменялись ткаными или иными матерчатыми лентами. Подобные головные венцы (апгальвис, *apgalvis*) из лент, украшенных разноцветными нитями, бусинками и т. п., хорошо известны по этнографическим материалам второй половины XIX — начала XX в. (LEB, 1964, V, p. 362—363).

Рассматривая головной убор и его украшения, нельзя не упомянуть еще об одном совершенно новом украшении — серьгах. Их находят у черепов, иногда по одной, но чаще — пару с обеих сторон черепа. Серьги изготовлялись из тонкой бронзовой проволоки и были различной формы. Широко распространены серьги в форме вопросительного знака, кольцевидные с двумя или тремя подвесками и кольцевидные с бусинкой из цвет-

ного стекла. Отдельно следует упомянуть височные кольца XIII—XIV вв., которые прикреплялись к головному убору. Они состояли из серебряного кольца диаметром 4—4,5 см, на которое были нанизаны серебряные чечевицевидные бусинки (погребение 25 в могильнике Саряй). Судя по толщине проволоки и форме украшения, его не могли носить в ушах. Серьги довольно часто встречаются в женских погребениях XIV—XV вв. По-видимому, эти украшения возникли под влиянием соседних восточных славян, где они были особенно широко распространены уже в X—XIII вв. (*Рыбаков*, 1948, с. 337).

Для полноты описания женского костюма XIII—XVI вв. нельзя не сказать хотя бы кратко об украшениях шеи и рук. Шейные гривны почти полностью исчезают. В XIII—XIV вв. витые серебряные шейные гривны находят лишь в кладах. Безусловно, это — украшение представителей знати. В погребениях, да и то лишь в начале рассматриваемого периода, находят бронзовые витые гривны с двойной или тройной дугой (Кармелава, Якштайчай). В XV—XVI вв. шейные гривны заменяются ожерельями из довольно мелких бусинок, иногда ракушек каури и комбинируемых различным образом бронзовых бубенчиков. Иногда бубенчики компонуются с бронзовыми крестиками (Наркунай), которые также служили украшениями. Интересно, что количество бубенчиков чаще всего семь или девять (возможно, священное число). Это излюбленный элемент украшения женского костюма XIII—XVI вв.

Почти исчезают браслеты. Они, как и гривны, еще употреблялись в XIII—XIV вв. Это — пластинчатые браслеты с отогнутыми наружу концами и витые плетеные браслеты, которые, однако, в погребениях очень редки. Больше всего их обнаружено в могильнике Диктарай (район Аникщяй, погребения 12, 28, 66, 79), где они датируются XIV в. В позднейших погребениях браслетов обычно уже нет, зато многочисленны кольца — основное украшение рук. Кольца чаще всего с заходящими концами, неспаянные, легко приспосабливаемые к различной толщине пальца. Более ранними являются кольца с утолщающейся и расширяющейся средней частью, которая иногда принимает ромбовидную форму. В XV в. все чаще появляются перстни со стеклянными глазка́ми, которые иногда изготовлялись из серебра. Наряду с ними все еще широко применялись и кольца с ромбовидной средней частью.

Таким образом, основными частями женского костюма в XIII—XVI вв. были: рубаха, блуза или безрукавка, юбка и передник. В таком уборе изображена крестьянка-литовка и в вышеупомянутом кодексе С. Хелдта второй половины XVI в. (*Reklaitis*, 1968, pav. 3). Праздничная ее одежда, по археологическим данным, отличалась нарядным поясом и такими украшениями, как бронзовые круглые жестяные чеканные фибулы с выпуклой серединой, бронзовые серьги, ожерелья из бусин и бронзовых бубенчиков, перстни, бронзовые пуговицы и т. д. Голову женщина покрывала шапочкой или наметкой, которая с правой стороны головы закреплялась такой же фибулой. Верхняя теплая одежда — наплечное покрывало — застегивалась более массивной литой ажурной фибулой. Весь этот комплект дополняла кожаная обувь, надеваемая на обмотки.

Одежда мужчин. Исследованные могильники XIII—XVI вв.— это крестьянские кладбища, где находят орудия труда — железные топоры,

ножи, точильные камни, кресала и т.п., а также различные предметы быта (железные бритвы, окованные бронзой кошельки, кусочки кремня к кресалам) и некоторые фрагменты одежды. Поэтому для данного периода мы реконструируем уже не одежду воина, а одежду крестьянина.

Археологический материал по одежде очень беден. Из украшений в мужских погребениях встречаются лишь мелкие бронзовые литые фибулы диаметром в 2—3 см (Румшишкес, Наркунай), которыми застегивалась рубаха. Довольно богаты ремни и их металлические детали — пряжки, кольца-распределители, бляшки-оковки. Как и в предшествующий период, ремни довольно узкие. Они часто украшены металлом. Лишь бронзовые бляшки-оковки ремня несколько изменились по сравнению с предшествующим периодом. Излюбленным элементом украшения ремня стали теперь большие четырехугольные бронзовые бляшки, украшенные чеканкой (Румшишкес), круглые бронзовые бляшки различных размеров и другие крупные металлические детали. Вообще же украшенные металлом ремни были обязательным элементом убранства мужчины не только в I, но и во II тысячелетии н. э. Они упоминались во всех источниках XVII в. и были широко распространены вплоть до XIX в., что зафиксировано рядом авторов (*Valančius*, 1972, p. 303, 313; *Jucevičius*, 1959, p. 47).

Наблюдения за положением ремней в погребениях позволяют реконструировать верхнюю теплую одежду. В погребении 36 из могильника Ленинишкес (район Утены) (Urbanavičius, 1974, p. 84) мужчина поверх рубахи имел одежду из тонкой шерстяной ткани, подпоясанную кожаным ремнем шириною в 6 см, с сужающимися концами. Ремень застегивался железной пряжкой размерами 2,5×2,5 см. Поверх вышеописанной одежды из тонкой шерстяной ткани была еще одна, из грубошерстного сукна, также подпоясанная ремнем. Длина этого ремня 1,5 м, ширина 2,5 см. Вся его поверхность была покрыта круглыми бронзовыми бляшками диаметром 2 и 2,4 см, которые прикреплялись к ремню бронзовыми заклепками. Ремень застегивался затейливо профилированной пряжкой с перекладиной посередине. Это новый тип пряжки, при котором конец ремня пропускается через нее дважды. Широким ремнем была подпоясана верхняя шерстяная комнатная одежда — блуза, надеваемая через голову, или распашная одежда. Подпоясанная же тонким ремнем одежда из грубошерстного сукна, несомненно, была верхней теплой уличной. Это предположение подтверждает то, что для уличной одежды требовался более длинный ремень. В вышеописанном погребении мы, безусловно, сталкиваемся с одеждой типа сермяги, надетой поверх более тонкой блузы. На ногах умершего найдены фрагменты кожаной обуви (по-видимому, с высоким голенищем и твердым задником), весьма сходной с находимой в Вильнюсском Нижнем замке в слоях XIII—XIV вв.

Таким образом, перед нами почти полный костюм мужчины в холодное время года. Недостает лишь головного убора, который мы восстанавливаем по иконографическим материалам конца XVI в. Так, из кодекса С. Хелдта (*Heldt*) и рисунков Мартына Харткноха (*M. Hartcknoch*) явствует, что мужчины в то время носили невысокие полусферические войлочные шапки с прижатыми полями (*Kulikauskienė*, 1973, p. 111—123); форма эта, несомненно, унаследована от более древнего времени.

Во всей мужской одежде XIII—XVI вв. весьма заметны более ранние традиции. Комплект одежды состоит из уже описанных нами в предшествующих главах частей. Новым элементом, отмеченным в археологических материалах XIII—XVI вв., является сермяга из толстого грубошерстного сукна, подпоясанная кожаным, иногда украшенным бронзой ремнем. В сермяге изображен крестьянин-литовец и в кодексе С. Хелдта (*Heldt*). Те же части мужского костюма упоминаются в самых ранних письменных источниках XVII в. (*Lepner*, 1744). Таким образом, костюм мужчины XIII—XVI вв. состоял из рубахи, довольно узких и длинных штанов, заправленных в сапоги или (при ношении постол) завернутых *онучами*. Верхнюю одежду составляла шерстяная блуза или куртка, подпоясанная ремнем. В холодное время носили сермягу, войлочную шапку и кожаную обувь. Такой мужская крестьянская одежда сохранялась вплоть до середины XIX в. (*Куликаускене*, 1975, с. 9).

Глава восьмая

ОДЕЖДА ЖИТЕЛЕЙ ЛАТВИИ VII—XVII ВВ.

*

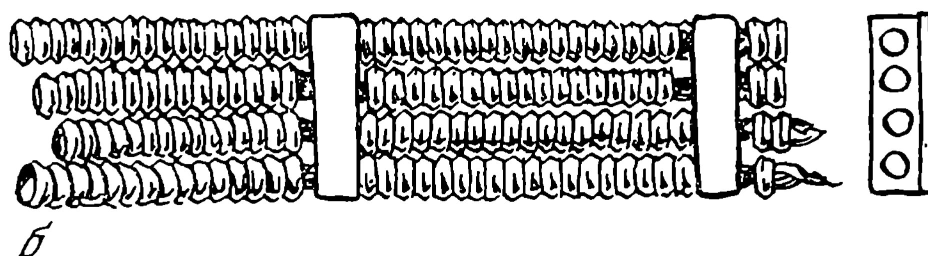
А. Э. Заринял

Введение. В середине I тысячелетия на территории современной Латвии жили как балтские племена (на юге — курши, земгалы и селы, на востоке — латгалы), так и прибалтийско-финские. В начале II тысячелетия курши и латгалы постепенно подвигались на север, ассимилировав в значительной мере прибалтийско-финские племена, но компактные группы финноязычного населения сохранялись в северной и северо-западной части Латвии еще долго (в частности, в X—XII вв.— ливы на северо-западе страны).

В XIII—XVII вв. шла консолидация латышской народности, формировавшейся в тяжелых условиях господства немецких феодалов. В нее вошли названные выше балтийские племена, ливы и некоторые другие этнические группы (Latvijas arheoloģija, 1974, lpp. 171, 277, 279). Эти сложные этнические процессы отразились и в материальной культуре населения, в особенности в одежде.

Основным источником для изучения одежды VII—XII вв. являются археологические находки в могильниках. Особенно важны бронзовые украшения, как сами по себе, так и потому, что возле них лучше сохраняются ткани. Поэтому лучше известна одежда латгалов и близких в культурном отношении селов VII—XII вв. В последние годы получен также материал по одежде ливов X—XII вв. В этот период мало украшений было в одежде земгалов, поэтому она не сохранилась; отсутствует материал у куршей, так как они сжигали умерших. В связи с уменьшением количества бронзовых украшений, начиная с XIII в., после нашествия немецких крестоносцев, в погребениях остатки одежды сохранились слабо. Находки одежды XVI—XVII вв. в погребениях очень редки. Некоторое общее представление об одежде этого времени можно получить по описаниям и рисункам современников-путешественников (*Spekke*, 1934; *Karnups*, 1936, lpp. 98—120).

Исследования одежды жителей территории Латвии VII—XVIII вв. в целом отсутствуют. Больше всего внимания уделялось одежде латгалов VII—XIII вв. (*Баллод*, 1911; *Zariņa*, 1970). Опубликовано также несколько статей, преимущественно о богато украшенных частях одежды (*Ginters*, 1936; *Ozols*, 1939) и об отдельных находках (*Šnore*, 1938; *Urtāns*, 1962a). Имеется обширное исследование об одежде XVIII—XIX вв. (*Slava*, 1966). *Материал.* Для VII—XVII вв. имеются сведения о различных текстильных изделиях: плетеных, вязаных, тканных на дощечках, бердечке и на ткацких станах, для изготовления которых применялись шерсть и лен. Наиболее простые способы плетения — из двух, трех, четырех и восьми нитей — применялись при изготовлении узкой тесьмы для об-



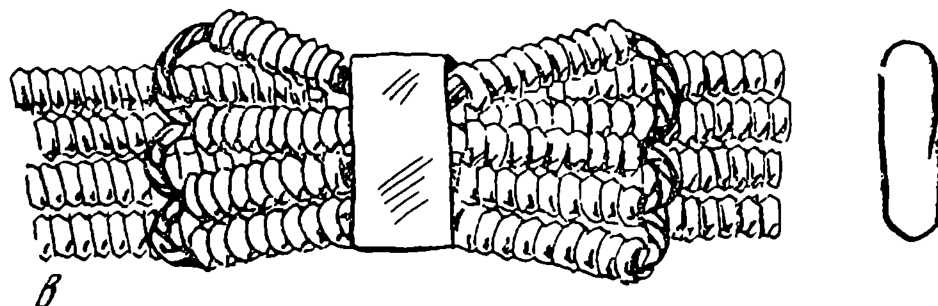
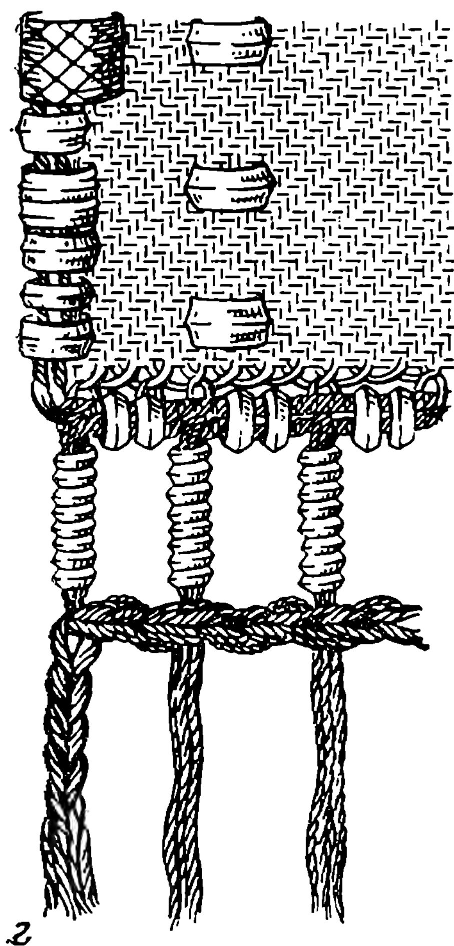
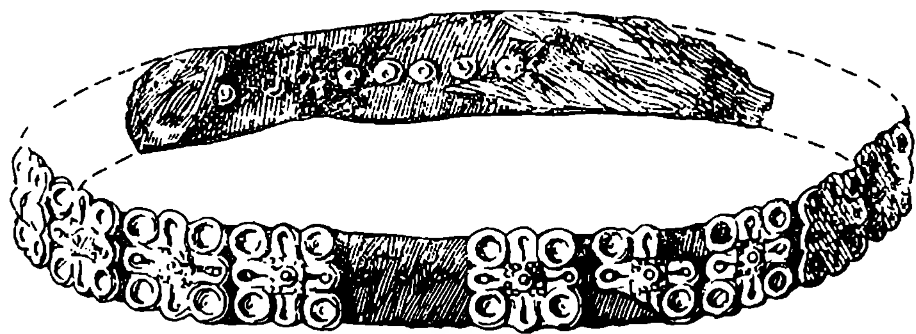


Рис. 60. Женская одежда балтских племен:

а — реконструкция одежды латгалов VIII в. (Кивты, погребение 131);
б — фрагмент бронзового спирального венка земгалов VI в. (Меньгеле);
в — задняя часть бронзового спирального венка латгалов VIII в. (Кивты, погребение 115);
г — рисунок угла виллайне селов VII—VIII вв. (Боки, погребение 9, курган 8);
д — одежда латгалов XI в. (Айзкалне, погребение 117);
е — одежда селов XII в. (Леясдопелес, погребение 17, курган 2)





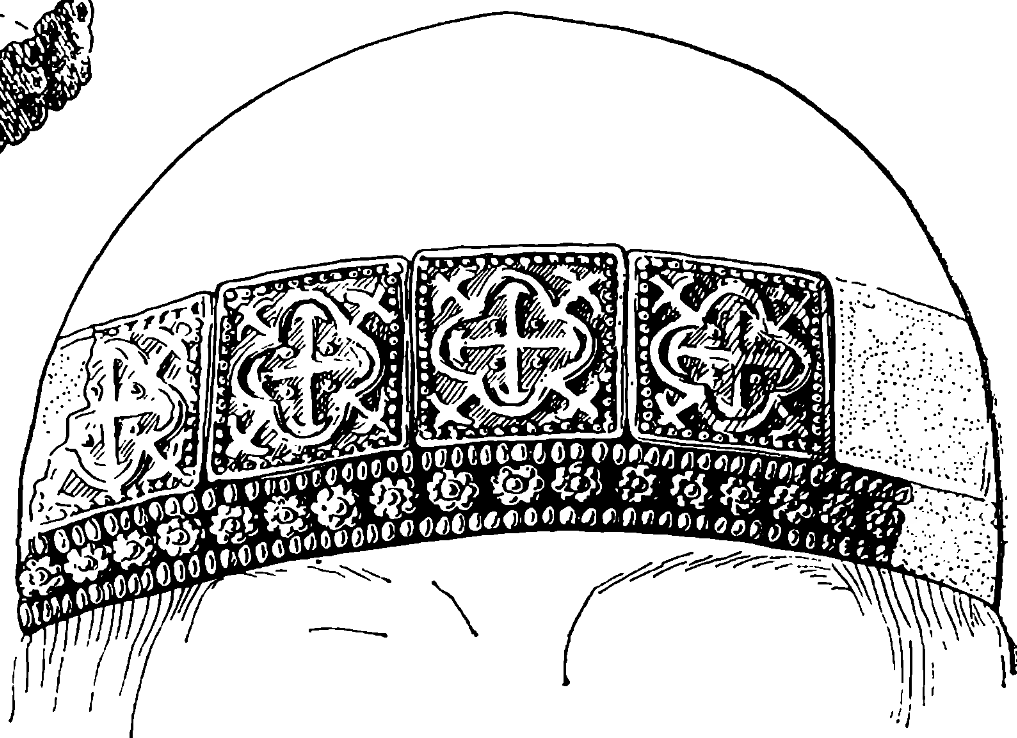


Рис. 61. Головные уборы:

вверху — венок XV в. (Мартыньсала, погребение 191); внизу — чепец XV в. (Макашены, погребение 2)

шивки кромок одежды, нанизывания бронзовых украшений и др. Древним и широко распространенным видом плетения является сетчатое плетение, которое на территории Латвии появляется, судя по оттискам на текстильной керамике, уже в первой половине I тысячелетия н. э. У ливов в XI в. н. э. встречаются нарядные узорчатые пояса (с изменением направления поворота) (рис. 67 *а*) (*Zariņa*, 1972, 4, lpp. 77—87). Упомянутые виды плетения встречаются и в одежде латышей XIX—XX вв. Однако к этому времени вышла из употребления встречавшаяся здесь еще в XII—XIII вв. и распространенная в прошлом во всей Северной Европе техника игольного плетения, применявшаяся для изготовления рукавиц. Техника вязания на спицах возникла позднее и полностью вытеснила игольное плетение. Древнейшие обнаруженные на территории Латвии вязаные предметы — это рукавицы и женские головные уборы XV—XVI вв. (*Caune*, *Zariņa*, 1980, lpp. 60—69) (рис. 61, *б*).

Из поясообразных изделий известны *целайне* (тканные на дощечках) и *аудене* (тканные на бердечке). Целайне — очень древний прием тканья поясов, где витье соединено с тканьем. Благодаря прочности изделий этот прием применялся для закрепления кромок одежды, для поясов и тесемок. Самый древний на территории Латвии фрагмент целайне датирован VI в. Целайне, притканные к виллайне латгалов, можно проследить с VII по XIII в. Древнейшие из них одноцветны, узки (рис. 60, *г*), с XI в. появляются трехцветные полосатые, а начиная с XII в.— узорчатые, как с более простым, ритмичным (рис. 62, *в*), так и с браным узором (рис. 62, *г*). У куршей целайне с ритмичным зигзагообразным узором известно раньше — еще в IX в., а у ливов уже в XI в. найдены целайне с нарядным браным узором (рис. 63, *б*). Это — предел развития данной техники. Возможно, что узорчатые целайне изготовляли специалисты-ткачи. Все виды упомянутых целайне встречаются также в более поздней латышской одежде.

Меньше материала сохранилось в отношении аудене. В IX—XIII вв. часто употреблялись одноцветные аудене (для обуви, основ венков, тесьмы и др.). Встречаются и двухцветные, мелкоузорчатые аудене, также с

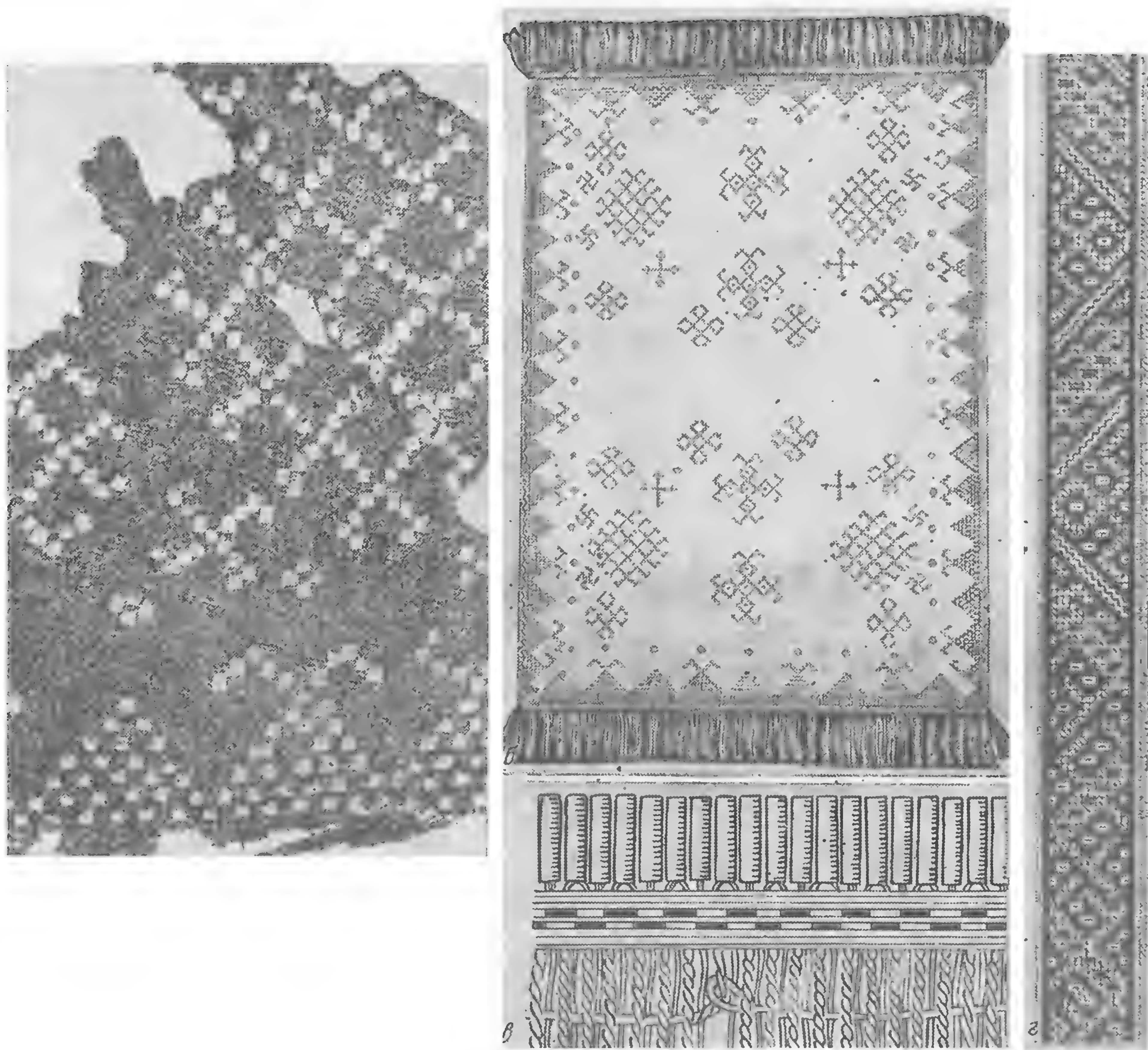


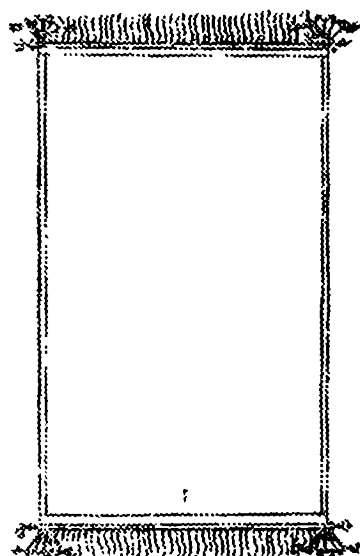
Рис. 62. Виллайне латгалов XII в.:

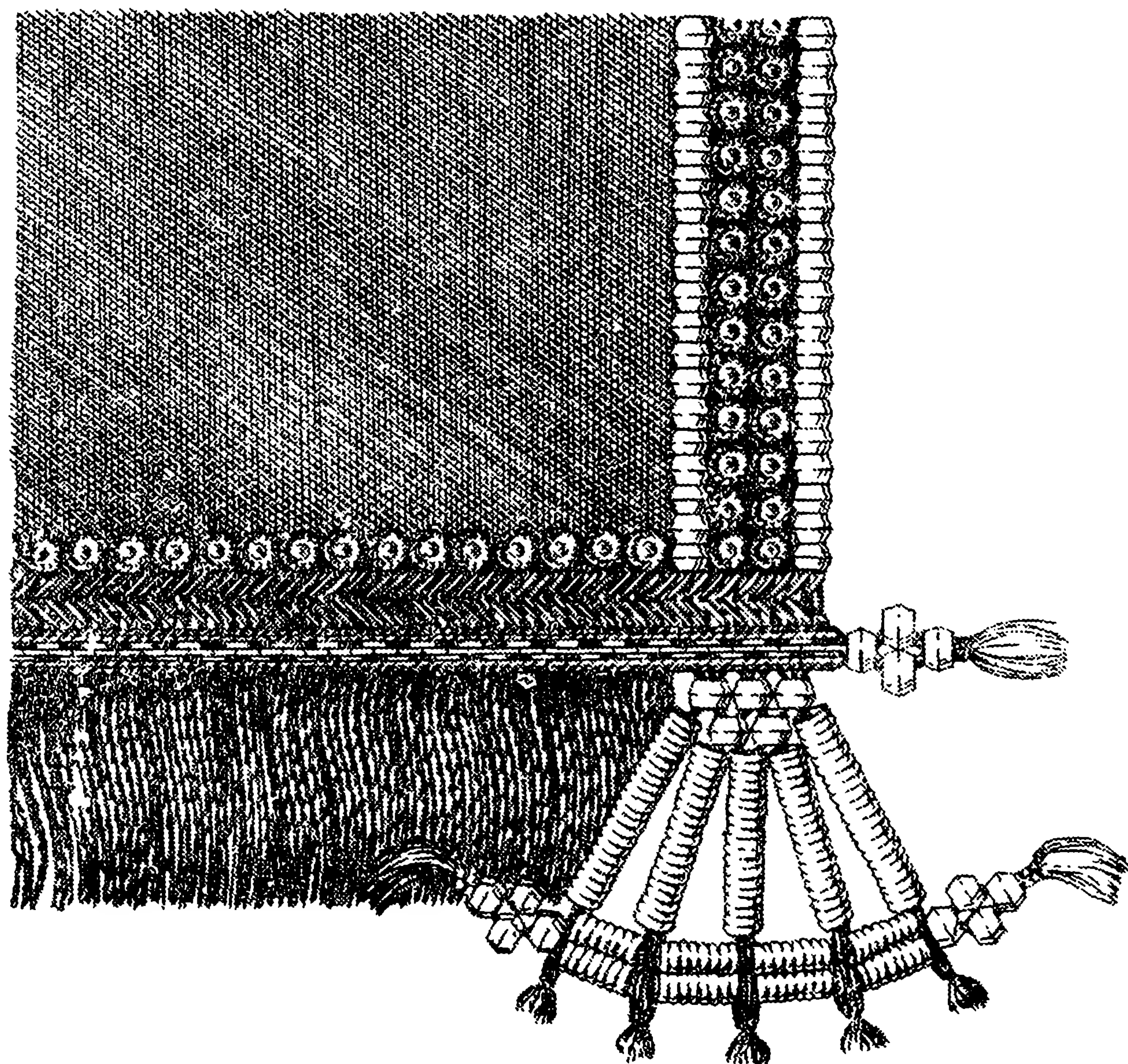
а — фрагмент; *б* — реконструкция (Айнава, погребение 7; реконструкция взята из «Jevads latviesu tautas terpu vesture». Riga, 1936, il. 36); *в* — концевая кайма — целайне (Галгауска); *г* — боковая кайма (Вецгулбене)

браным узором. Обильно представленные в одежде латышей XIX в.[1], они возникли, очевидно, после XIII в.

Ткани, изготовленные на ткацких станках, полотно (1/1) и ткань саржевого переплетения (2/2), судя по оттискам на глиняной посуде, бытовали на территории Латвии уже с эпохи неолита; в III—IV вв. н. э. встречены и фрагменты этих тканей. Ткани полотняного и саржевого плетения следует рассматривать как основные, из которых впоследствии развились все прочие.

В технике полотна ткались главным образом холщовые (рубашечные), реже — шерстяные ткани, а в четыре ремизки — ткани для верхней шерстяной одежды. Холщовые ткани ткались из одинарных, шерстяные — главным образом также из одинарных, но порой и из сученых нитей.





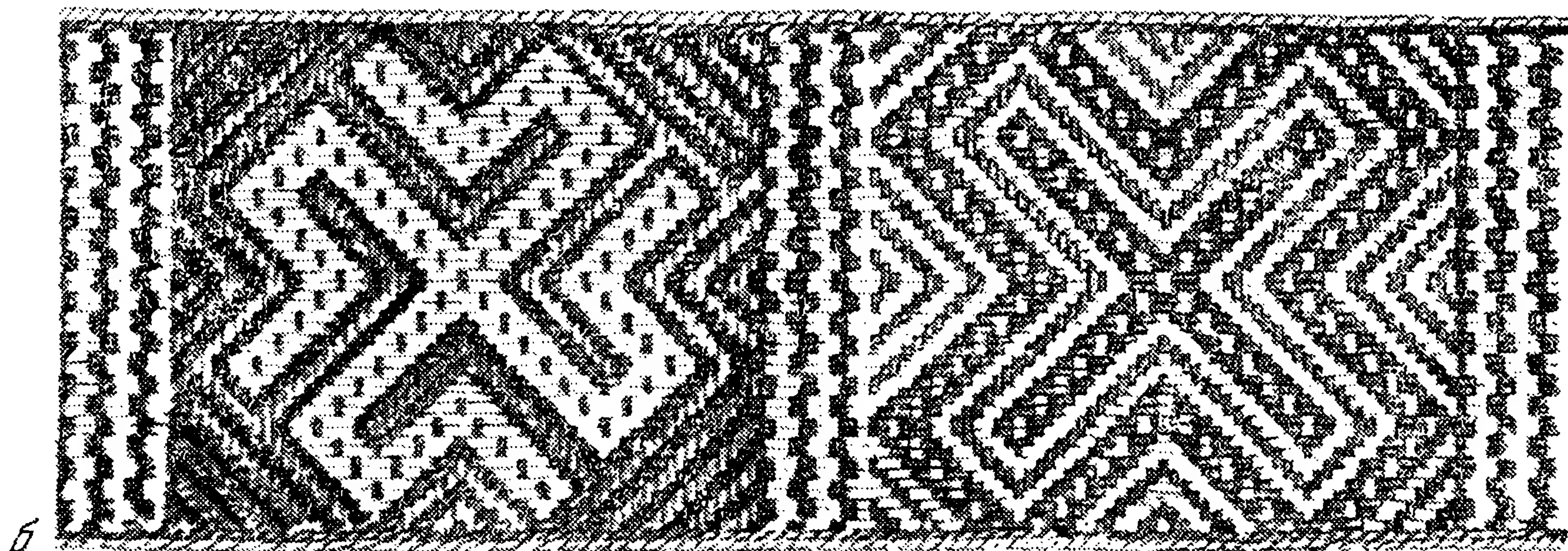


Рис. 63. Ливская одежда XI в. (Лаукскола, погребение 94):

а — реконструкция угла виллайне; б — орнамент каймы (целайне)

До XII в. их ткали на вертикальных станах, на что указывают характерные начальные кромки (плетеные, тканные на дощечках и др.) (*Zariņa*, 1970, lpp. 37—40). Начиная с XI—XII вв. распространяется также ткань в три ремизки (1/2); в этой технике делали шерстяные ткани более высокого качества (плотные) для верхней одежды. В XII в. появляются также ткани с простым браным узором (узорчатые виллайне), изготовленным, по-видимому, с помощью лучины (прутиков) на основе ткани полотняной или в три ремизки (прием в XII—XIII вв. уже широко известный). Ткань с браным узором можно считать основной формой, из которой в последующие столетия развились многие виды узорчатых тканей, широко распространенных в XIX в.

Отмеченные в XII в. новые приемы тканья и более высокое качество тканей свидетельствуют уже об известной специализации: появлении ремесленников-ткачей, а также о внедрении новых, более прогрессивных орудий труда — горизонтальных ткацких станов. В культурных слоях городов XII—XIII вв. найдены также детали горизонтальных станов. Горизонтальные ткацкие станы ранее (в X—XII вв.) знали восточные и западные славяне (*Нахлик*, 1963, с. 281). Все эти новшества не вызвали, однако, заметных изменений в приемах изготовления одежды, которое в условиях натурального хозяйства продолжало оставаться кустарной отраслью. Лишь в середине XVII в. в Курземе были организованы крупные крепостнические ткацкие мастерские, где под руководством зарубежных мастеров вырабатывались сложные узорчатые ткани. Такие же ткани начали изготовлять латышские кустари, и их влияние заметно в одежде жителей Курземе и Земгале XVII в. (*Slava*, 1966, lpp. 112).

Одежда балтских женщин VII—XII вв.

Найденные в погребениях латгалов и селов VII—IX вв. фрагменты тканей и украшений дают представление о частях одежды. Женщины носили рубахи, юбки, наплечные покрывала — виллайне, возможно, также глухую верхнюю одежду, на голове — венец, может быть, чепец и полотенчатый головной убор. Ноги обматывали обмотками, обували на них кожаную или лыковую обувь (рис. 60, *а*). В последующие столетия основные части одежды оставались теми же, но изменялись приемы их изготовления и украшения.

Рубахи были из холщовой (льняной) ткани, с длинными рукавами, их остатки найдены под гривнами и браслетами. Характерным женским украшением латгалов и селов для VII—VIII вв. является пара булавок, которая в погребениях находится возле плеч, что могло бы свидетельствовать о наплечной одежде, не сшитой, а сколотой на плечах. Однако прямые указания на это отсутствуют. Возможно также, что булавки использовались только для крепления углов виллайне. По-видимому, в это время бытовали и несшитые поясные одежды, которые отмечены как древний вид поясной одежды и в XVII—XVIII вв. у латышских крестьянок и у соседних народов (*Slava*, 1966, lpp. 48). На ношение поясной одежды указывают также обнаруженные в погребениях (начиная с IX в.) две подковообразные фибулы, меньшей из которых застегивался шейный вырез рубахи, а большей—углы виллайне на груди, что исключает возможность ношения наплечной одежды. Найденные на некоторых (предположительно XI—XII вв.) шерстяных и полушерстяных юбочных тканях швы свидетельствуют о возможности бытования сшитых или частично сшитых юбок, которые, вероятно, сшивались так же, как в XVIII—XIX вв.—из прямых кусков ткани, и удерживались поясом. Имеются указания на украшение нижней кромки юбок узкой полосой бронзовых спиралек (МИА Латв. ССР, 1957, с. 34) или бисером (*Zariņa*, 1970, lpp. 58). В погребениях XII в. на территории со смешанным латгальско-ливским населением обнаружены также остатки верхней распашной одежды типа кафтанов. Поясов сохранилось

мало, но встречаются подвешенные к поясам предметы (ножи, ключи и др.). Очевидно, пояса были ткаными. В некоторых погребениях X—XII вв. обнаружены фрагменты узорчатых аудене, целайне и поясов сетчатого плетения.

Виллайне — традиционная часть женской одежды — сохранилось в одежде латышских женщин вплоть до XVIII—XIX вв., причем продолжали существовать также древние традиции его украшения. Обычно оно богато украшено. В VII—XII вв. виллайне обычно изготовлялись из темно-синей шерстяной ткани размерами 60—90×110—130 см. С VII в. латгалы, селы, а также земгалы начали украшать их бронзовыми колечками. В последующие столетия такое украшение становится характерным и развивается далее именно у латгалов (рис. 64) (*Zariņa*, 1970, lpp. 67—91). В VII—IX вв. украшение виллайне простое: несколько рядов колечек по краям или на концах, где помещалось несколько рядов спиралек, для прикрепления которых приткана узкая целайне (рис. 60, *а*, *г*). В X—XI вв. украшение по краям у́же, на концах — шире (рис. 60, *д*), а в более богатых погребениях XI—XII вв. оно мелким узором заполняет все поле покрывала (рис. 60, *е*). Наиболее нарядными были украшения в XII в., когда композиция образовывалась из нескольких сгруппированных орнаментов (рис. 62). К краям этих виллайне приткапы целайне (на концах с цветной бахромой). Надо полагать, что шерстяные виллайне были непременной частью праздничного наряда: их обязательно клали в могилу (у богатых — украшенные бронзой, а рядом с ними нередко также фрагменты неукрашенных виллайне). Вероятно, в большей части женских погребений виллайне были без украшений, синие либо вовсе неокрашенные. Кроме того, в женских погребениях латгалов и селов XII—XIII вв. под украшенными бронзой виллайне встречаются также полушерстяные клетчатые (см. цветную вклейку, рис. 2) и с браным узором. Сходные по сырью и композиции клетчатые ткани, начиная с XI в., известны также на древнерусской территории, в районах верхних течений Днепра и Оки (*Левинсон-Нечаева*, 1959, с. 22—25). Возможно, что здесь сказывается этническое родство, ибо некоторые из упомянутых районов находятся на территории, некогда населенной восточными балтами, где впоследствии поселились славяне (*Седов*, 1980, с. 20). В XVIII—XIX вв. холщовые или шерстяные клетчатые виллайне употреблялись на всей территории Латвии, тогда как виллайне с браным узором уже не встречались (за исключением Курземе).

Головные уборы. У латышских крестьянок в XVIII—XIX вв. различались головные уборы для девушек (*венцы*) и для женщин (*полотенчатые головные уборы* и *чепцы*). В погребениях VII—XII вв. встречены только венцы. Согласно похоронным традициям, их надевали как смертный убор также женщинам. До сих пор чепцы найдены только в некоторых погребениях XV—XVI вв., возможно, их носили и раньше (украшенный бронзой чепец найден в куршском погребении IV в. в Клайпедской обл.; есть и другие находки на территории Литвы — *Volkaite-Kulikauskiene*, 1959, рис. 3, 15, 16, 18). Традиционным убором литовских, равно как и эстонских, женщин в этот период был полотенчатый убор. Возможно, что он был распространен и у балтских племен на территории Латвии, но без бронзовых украшений, почему его остатки не сохранились. Венцы в археологическом

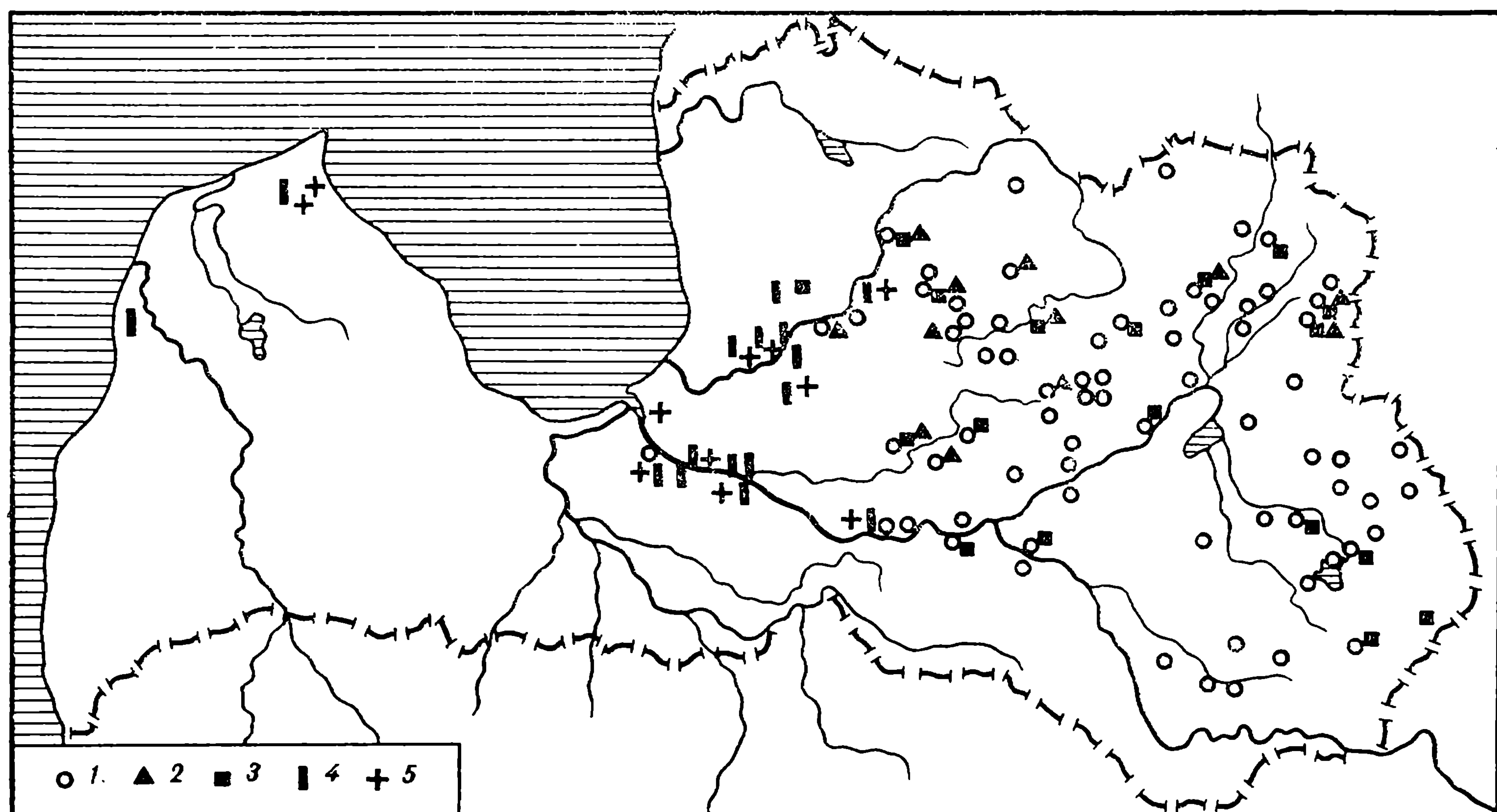


Рис. 64. Распространение виллайне и обмоток для ног:
1 — виллайне латгалов и селов, украшенные бронзовыми колечками, VII—XIII вв.; *2* — виллайне латгалов с браным узором, XII—XIII вв.; *3* — клетчатые виллайне латгалов и селов, XII—XIII вв.; *4* — виллайне ливов с нашитым украшением из бронзы, олова, бисера, X—XV вв.; *5* — обмотки для ног ливов с бронзовыми украшениями (кружки, спиральки), X—XIV вв.

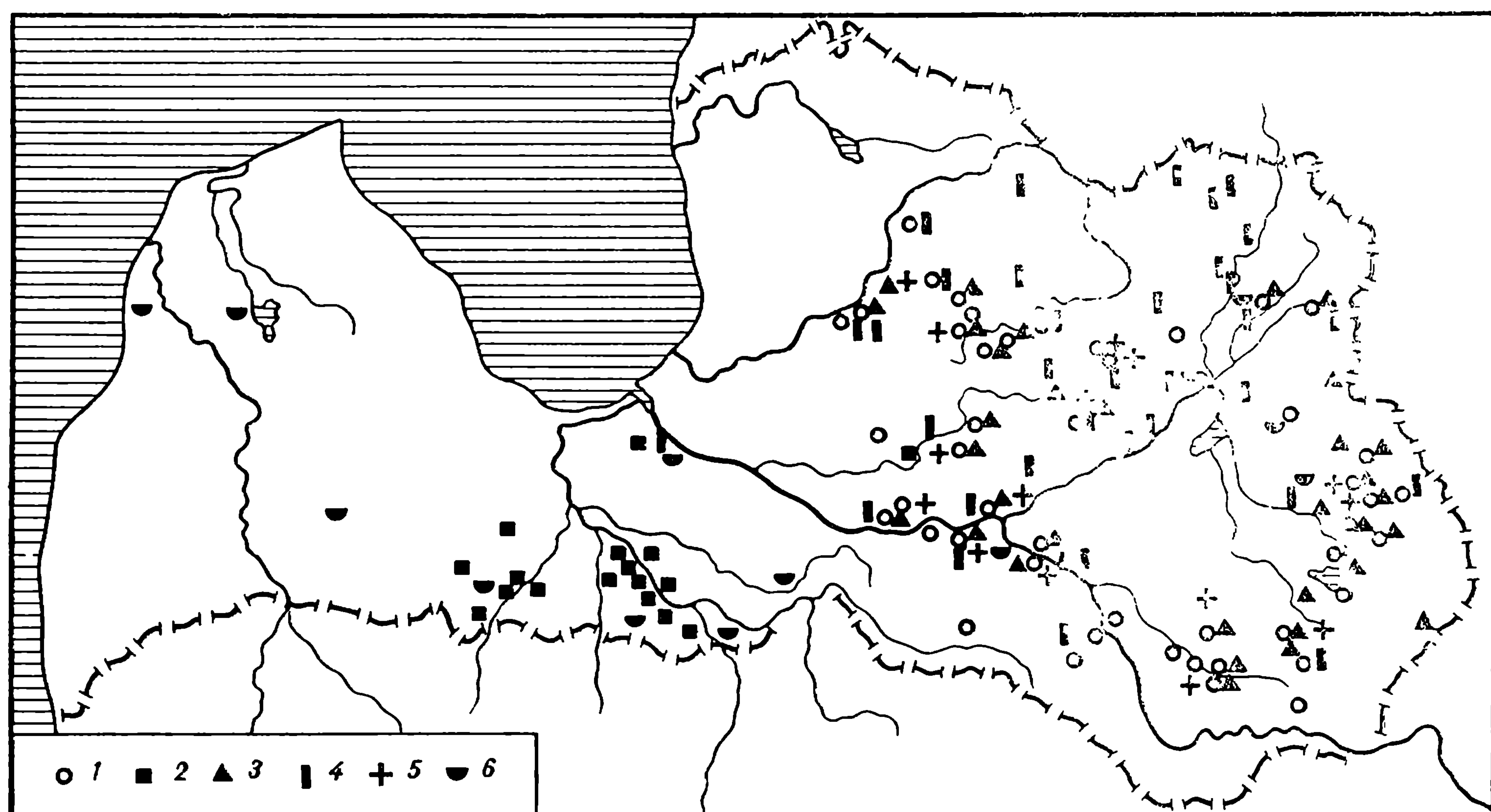


Рис. 65. Распространение венков и нарукавников:
1 — венок латгалов и селов из бронзовых спиралек с жестяными пластинками, VII—XIII вв.; *2* — венок земгалов из бронзовых спиралек с узкими, массивными звеньями, V—XII вв.; *3* — бронзовый жгутовый венок латгалов и селов, IX—XII вв.; *4* — матерчатые венки латгалов и селов, XII—XIV вв.; *5* — нарукавники латгалов и селов, IX—XI вв.; *6* — украшения венков и головных уборов из бронзовых пластинок, XIV—XVI вв.

материале встречены с того времени, когда их стали изготовлять из металла. Наиболее ранние венцы, изготовленные из трех-четырех рядов спиралек, разделенных узкими звеньями, найдены в земгальских погребениях V—VI вв. (рис. 60, *б*). Венцы из спиралек такого вида затем распространяются в Восточной Латвии — на территории латгалов. В VIII в. ряды спиралек венцов разделены тонкими пластинками (рис. 60, *в*); в XII в. венцы стали шире (до пяти-шести рядов спиралек), а сзади появились подвески. Подвески нередко носили и с венцами другого вида, например жгутовыми (рис. 60, *е*) или даже матерчатыми, еще в XIII в. В могильниках селов и латгалов, особенно VII—VIII вв., встречаются варианты подобных венцов, в которых пластинки заменены несколькими колечками. С IX в. появляются венцы другого вида — жгутовые: на шерстяные нити нанизаны бронзовые спирали или рифленые цилиндрики, обычно за ними укладывалась пышная коса (рис. 60, *д*). В некоторых богатых погребениях XII в. встречаются жгутовые венцы с широкой передней частью (рис. 60, *е*). Спиральных венцов с тонкими пластинками больше встречается в западной, а жгутовых — в восточной части территории латгалов (рис. 65). В XII в. появляются матерчатые венцы, которые постепенно вытесняют бронзовые (рис. 65). В их основе — одноцветная тесьма-аудене из шерстяных нитей, к которой пришиты особо изготовленные полосы зигзагообразного орнамента из бронзовых спиралек или бисера, сзади прикреплены подвески.

Начиная с XII в. на территории латгалов и селов распространяются также узкие венцы из нескольких нитей, на которых зигзагообразно нанизаны бронзовые кружочки, на затылке нити соединены, образуя пышную кисть. Реже носили венцы из узких ремешков, украшенных бронзовыми пуговками, и венцы из конского волоса.

У земгалов не было такого разнообразия венцов. Здесь долго сохранялся известный с V—VI вв. спиральный венец с массивными промежуточными звеньями (рис. 65).

В погребениях куршских женщин X—XII вв. найдены фрагменты тканей, украшенные бронзовыми кружочками, и бронзовые головные уборы из спиралек, реконструировать которые нет возможности.

Пока отсутствуют достоверные сведения о других частях женской одежды земгалов и куршей. Парные булавки у плечей в погребениях X—XII вв., возможно, от какой-то наплечной одежды.

В период с VII по XII в. одежду женщин пополняли довольно богатые бронзовые украшения: гривны, цепочки, булавки, фибулы, браслеты, перстни; у латгалов и селов — множество звенящих подвесок: трапециевидные, колокольчики, бубенчики.

Мужская одежда. Мужская одежда у балтских племен мало отличалась от одежды жителей соседних земель. Поверх льняной рубахи мужчины носили глухую или распашную шерстяную одежду. Узкие штаны по колено обматывали обмотками; на ноги обували кожаную либо лыковую обувь, на голове носили шапку, на плечах — безрукавный плащ (рис. 66, *б*).

Рубаха имела длинные рукава, иногда с кожаными нашивками на локтях. Концы рукавов мужчины обхватывали браслетами, у латгалов и селов — специальными обмотками-нарукавниками. Шейный разрез рубахи иногда застегивали фибулой. Покрой верхней одежды нельзя установить;

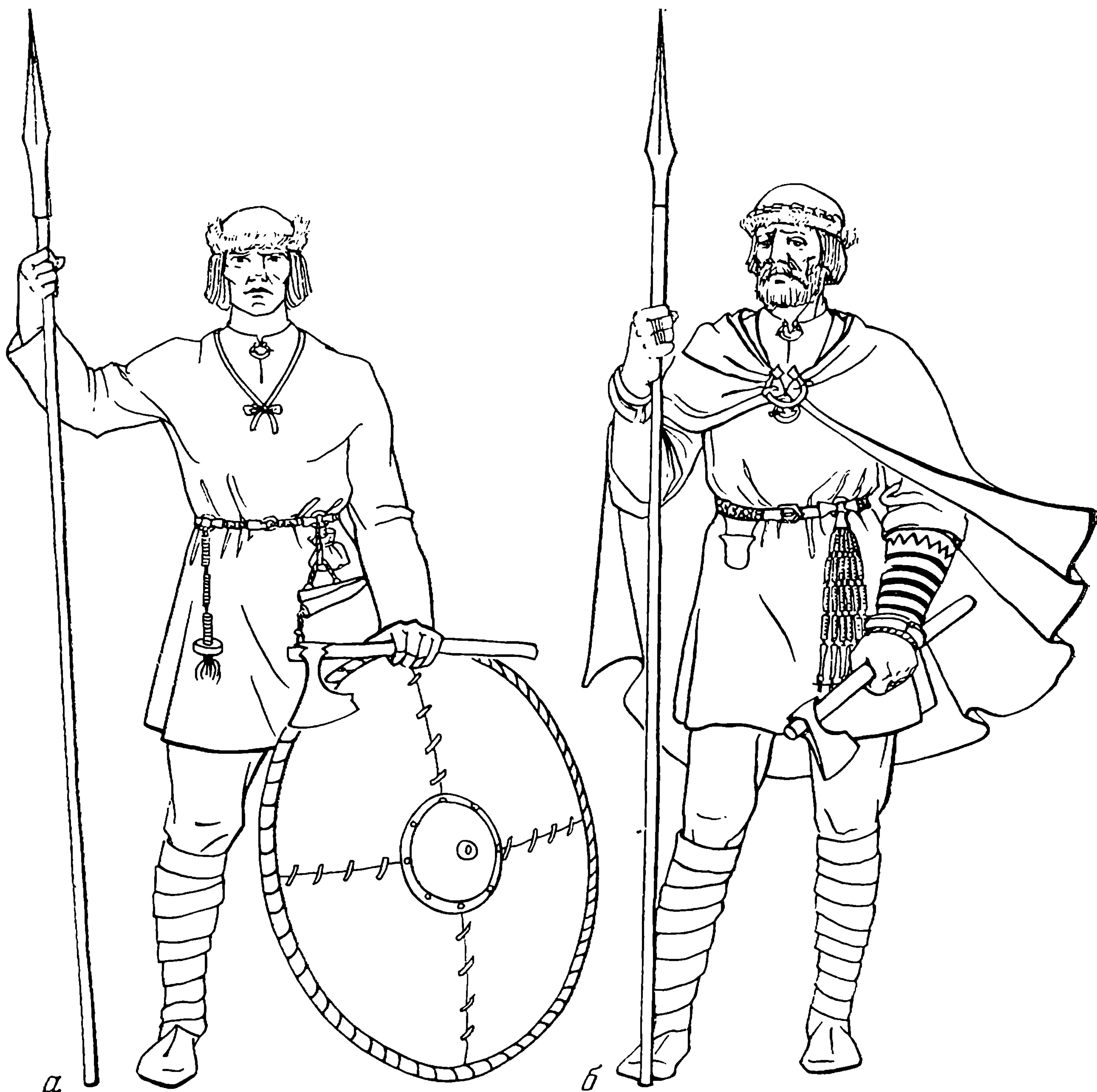


Рис. 66. Мужская одежда:

а — одежда ливов XI в. (Лаукскола, погребение 575);
б — одежда латгалов XI в. (Кестеры, погребение 2)

возможно, она была туникообразной, с пришитыми рукавами из коричневой или синей шерстяной материи. В погребениях латгалов обнаружены фрагменты распашной одежды типа кафтана, которая спереди скреплялась фибулой, а также глухой одежды с разрезом на груди. Этот разрез в некоторых богатых погребениях XII в. украшен бронзовыми спиральками или подвесками, иногда вся передняя часть одежды украшена бронзовыми колечками (*Zariņa*, 1970, рис. 89). Иногда рукава верхней одежды делались короче, чем рукава рубахи, чтобы не закрывать браслеты и нарукавники. Длину верхней одежды установить трудно, надо полагать, что она была выше колен. При повязывании пояса она присбаривалась. В более богатых погребениях кожаный пояс был украшен бронзовой оковкой — орнаментированными пластинками с подвесками, к нему прикрепляли также необходимые бытовые предметы (нож, гребень и др.) и оружие. В немногих мужских погребениях VII—XI вв. у латгалов и селов найдена своеобраз-

ная часть одежды — нарукавник: полоска из шерстяной ткани шириной 4—7 см и длиной 100—140 см, нарядно украшенная бронзовыми колечками, обычно обмотанная вокруг левой руки выше запястья; ее носили с массивным браслетом (браслет-кастет) (рис. 65, 66 *а*), вероятно, только воины из племенной знати. В латгальских погребениях иногда на обеих руках встречаются также нарукавники, украшенные рядом бронзовых спиралек.

Мужским головным убором, вероятно, была кожаная или шерстяная шапка. У части более богатых селов VIII—XII вв. нижний край шапки был украшен бронзовыми спиральками, колечками или цепочками (*Urtāns*, 1962. tab. VII), у латгалов — также прикрепленными к ткани или коже пуговками (*Zariņa*, 1970, lpp. 98). В куршском кладе IX в. обнаружен также отдельный суконный капюшон (*Urtāns*, 1962a, lpp. 91).

Фрагменты шерстяных (обычно — синих) плащей, заколотых массивными фибулами, обнаруживаются в погребениях селов и латгалов VII в., а также в X—XII вв. Мужские плащи лишены украшений, обычно они больше, чем женские виллайне (рис. 66 *а*) (в куршском кладе IX в.— 110×210 см) (*Urtāns*, 1962a, lpp. 84, tab. II, *3*). Зимой, надо полагать, носили также *шубы* или меховые плащи.

И мужчины и женщины обматывали ноги до колен (рис. 60, *а*, 66,*б*). *Обмотки* представляли собой специально вытканную из шерстяной пряжи полосу шириной 10—15 см. Женские обмотки обычно не украшались (исключение составляет погребение селки VII—VIII вв., в котором наружный конец обмотки был украшен рядом бронзовых колечек). У зажиточных латгалов в VII—XII вв. мужские обмотки в отдельных случаях украшали по концам (под коленом или у щиколотки) бронзовыми колечками или трапециевидными подвесками, которые сохранились плохо. По некоторым данным, у латгалов X—XI вв. (Одукалнс) обмотки наматывали от стопы кверху, завязывая под коленом тесьмой, которая шла по краю всей обмотки. Для стопы употребляли отдельные обмотки. В куршском кладе IX в. найдены обмотки длиной около 100 см и шириной 13 см (*Urtāns*, 1962a, lpp. 84, tab. II, *6*).

Больше данных об *обуви*. У латгалов в озерном замке Арайшу IX—X вв. найдена обувь с плетеной лыковой подошвой и верхом из шнуров (Latvijas arheoloģija, tab. 38, *12*). Остатки кожаной обуви имеются лишь в редких богатых могилах: например, в мужских погребениях латгалов IX в. (Айзкраукле, Леясбитены) и земгалов (Бауска, Чункани) встречена мягкая кожаная, украшенная бронзовыми пуговками обувь. Носки кожаной обуви (мужской и женской) зачастую украшены бронзовыми спиральками либо бубенчиками. В древних городах — Кокнесе и Риге — в слоях XII в. найдено много фрагментов кожаной обуви (постол и туфель из дубленой кожи, а также сапог). Эта обувь сшита специалистами-сапожниками. Надо полагать, что ее носили главным образом горожане, но возможно, и более зажиточные сельские жители. Об употреблении кожаной обуви свидетельствуют также найденные в мужских погребениях шпоры. Сходная обувь в это время изготовлялась в древнерусских городах Новгороде, Пскове, Москве и др. (*Оятева*, 1962; *Изюмова*, 1959; *Рабинович*, 1964).

Следует отметить находку перчатки из грубой шерстяной пряжи в раскопках в Риге в слое XIII в. (*Caune*, *Zariņe*, 1980, lpp. 61—65). Она

изготовлена техникой игольного плетения, в которой изготовлялись перчатки и в других странах. Возможно, что аналогичные фрагменты в погребениях ливов и латгалов XII в. тоже представляли собой остатки перчаток.

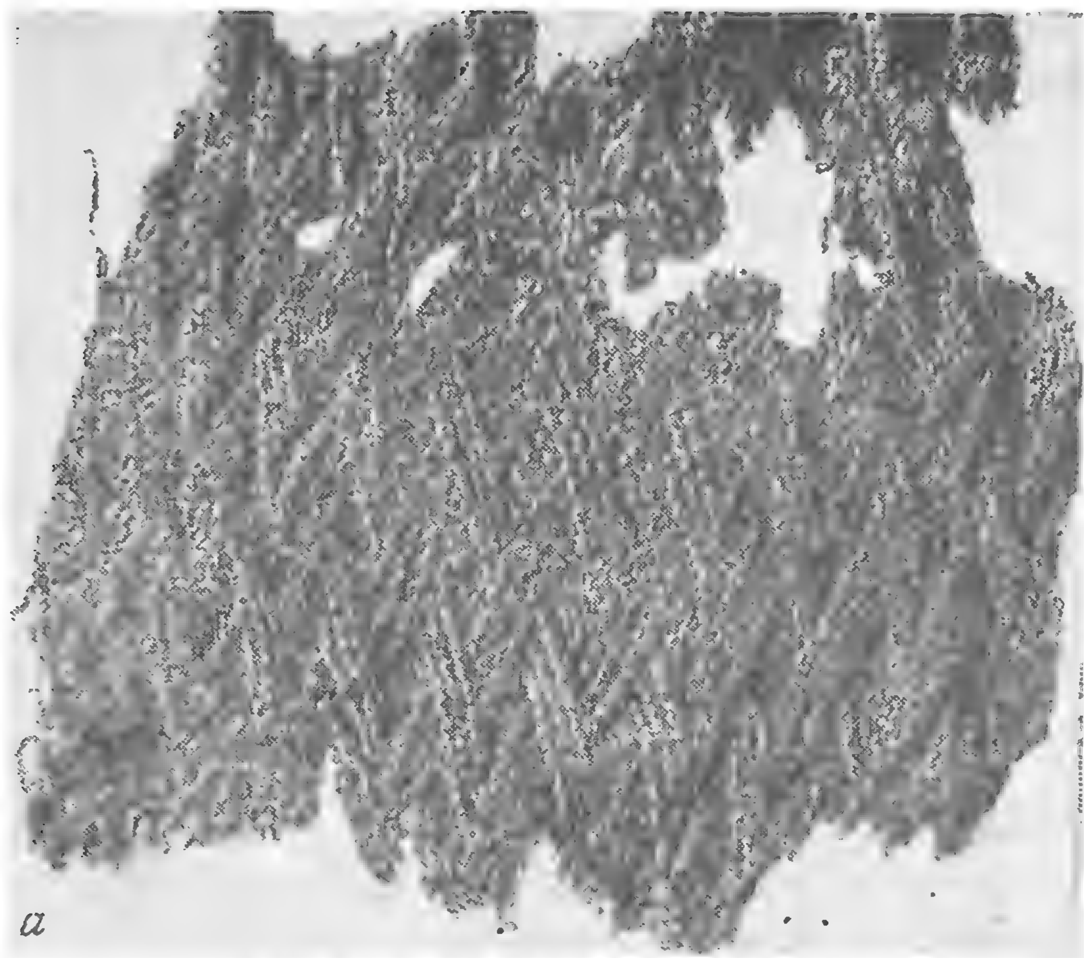
Одежда ливов X—XII вв.

У ливов некоторые части одежды по украшениям отличаются от одежды жителей балтских племен.

Женская одежда. Женщины носили льняную рубаху с длинными рукавами, юбку из шерстяной ткани, верхнюю одежду, напоминающую кафтан, виллайне, в отдельных случаях также шерстяной головной убор, реже — венцы. На ногах — обмотки. Фрагменты обуви не обнаружены, надо полагать, она не отличалась от обуви соседних племен. Множество украшений имели балтские формы (гривны, булавки и др.), но особо выделяются богатые ожерелья из бус и своеобразные украшения из цепочек с черепаховидными фибулами или булавками. К цепочкам приклеплены нож в ножнах, ключи, игольник, привески-амулеты.

Ливские женщины носили застегивавшуюся *поясную одежду*, которую можно считать переходной формой от нешитой поясной одежды к сарафану на лямках. Вероятно, они состояли из одноцветного (синего, коричневого) куска шерстяной ткани, к которой были пришиты петли из тесьмы, застегиваемые фибулами или булавками на обоих плечах (см. цветную вклейку рис. 3). Остатки таких петель с фибулами обнаружены в погребениях XI в. Сходную поясную одежду, застегиваемую на плечах, носили в Скандинавии (*Geier*, 1938, s. 153—155; *Hägg*, 1974, s. 108, fig. 34), в Финляндии (*Lehtosalo-Hilander*, 1978, s. 61—62), по некоторым данным, и в Эстонии. Обнаружены также фрагменты юбки, возможно, с пришитой, как у сарафана, верхней частью из более грубой ткани. Нижняя часть некоторых юбок заложена в складки. Найдены также тканые «плиссированные» юбки (рис. 67, *б*).

Поверх рубахи и юбки носили наплечное покрывало — *виллайне* или шитую *наплечную одежду*, которую в литературе условно называют кафтаном. Остатки туникообразной глухой наплечной одежды обнаружены в раскопках в Саласпилс Лаукскола. Спереди до пояса она имела разрез (тем самым не закрывая нарядные ливские женские нагрудные украшения). Края разреза украшены рядом бронзовых колечек, в конце его — пучок из спиралек. Длина наплечной одежды немного выше колен, нижний край обшит рядами бронзовых и оловянных украшений (рис. 68). Юбки, равно как и наплечная одежда, подпоясывалась поясами, тканными на дощечках, либо поясами сетчатого плетения (рис. 67, *а*). Ноги до колен покрывали обмотки из шерстяной ткани, закрепленные узкой целайне, иногда украшенной бронзовыми кружочками (рис. 68, *а*). Нередко такое украшение дополняется под коленом кожаными ремешками с нанизанными на них бронзовыми спиральками (см. цветную вклейку, рис. 3). Обнаружены также нарядные спиральные украшения под коленями; обычно вся украшенная часть обмотки достигает половины лодыжки. Очевидно, юбки были такой длины, чтобы не закрывать украшения ног. Толстые, обмотанные ноги должны были подчеркивать силу и выносливость женщины, что яв-



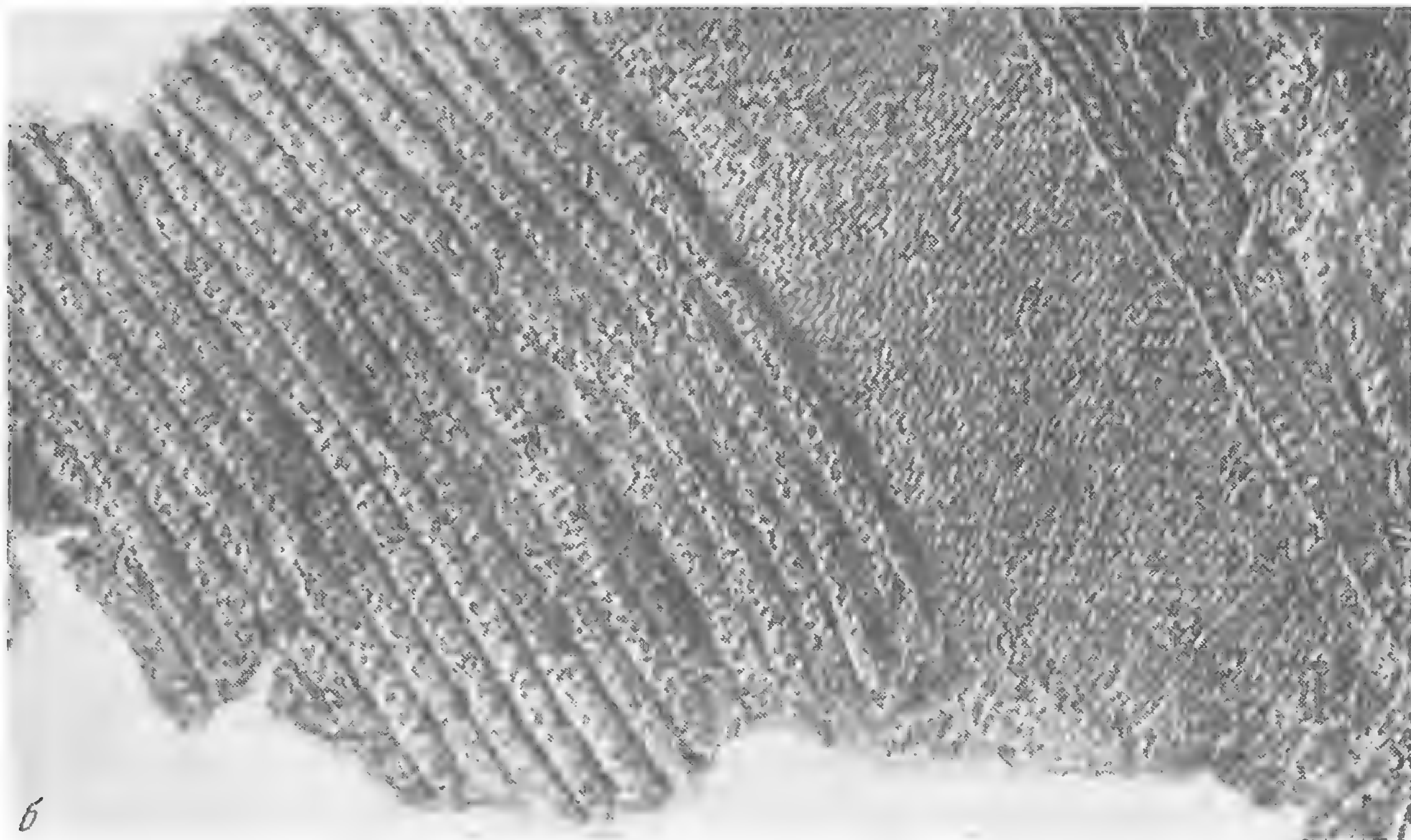


Рис. 67. Фрагменты одежды ливов:

а — пояса сетчатого плетения XI в. (Лаукскола, погребение 37);
б — рифленая шерстяная ткань (Зарини, погребение 8)

ляется характерным признаком одежды финского происхождения и в последующие столетия (*Зеленин*, 1948, с. 35).

О *головных уборах* сведений мало. В некоторых случаях обнаружены остатки *полотенчатых* головных уборов из шерстяной ткани, украшенных бронзовыми колечками или спиральками (рис. 68, *а*). Венцы для ливок X—XI вв. не характерны, в XII в. изредка встречаются венцы из нанизанных на нити бронзовых кружочков. Такие венцы в то время носили также латгалки.

Ливские темно-синие шерстяные виллайне имеют длину 150—170 см, ширину — до 90 см. Они длиннее латгальских виллайне, но по размерам сходны с финскими (*Appelgren-Kivalo*, 1907, s. 29, 44). В погребениях они обычно покрывают умершую. Украшения виллайне просты: края обшиты целайне, на которую в свою очередь нашиты ряды бронзовых колечек и

оловянных украшений. Обычно на основы концов виллайне нанизаны один-два ряда бронзовых кружочков, затканных узкой целайне. По углам на бахрому целайне нанизаны спиральки, которые образуют характерный веерообразный пучок (см. цветную вклейку и рис. 63, *а*). В украшении виллайне XII—XIII вв. бронзовые колечки сменяются бисером. Начиная с XII в. при украшении ливских виллайне использовались также нанизанные на плетеную тесьму мелкие спиральки-пронизки из бронзовой проволоки (*Tõnisson*, 1974, tab. XV). Такой прием распространен и у других финских племен, например в Финляндии, и у жителей финского происхождения Новгородской земли, и встречается еще раньше — в XI в. (*Appelgren-Kivalo*, 1907, s. 7, 16, 19, табл. 1, 12; III, *5*, *9*; *Хвощинская*, 1976, с. 18, рис. 1, 33).

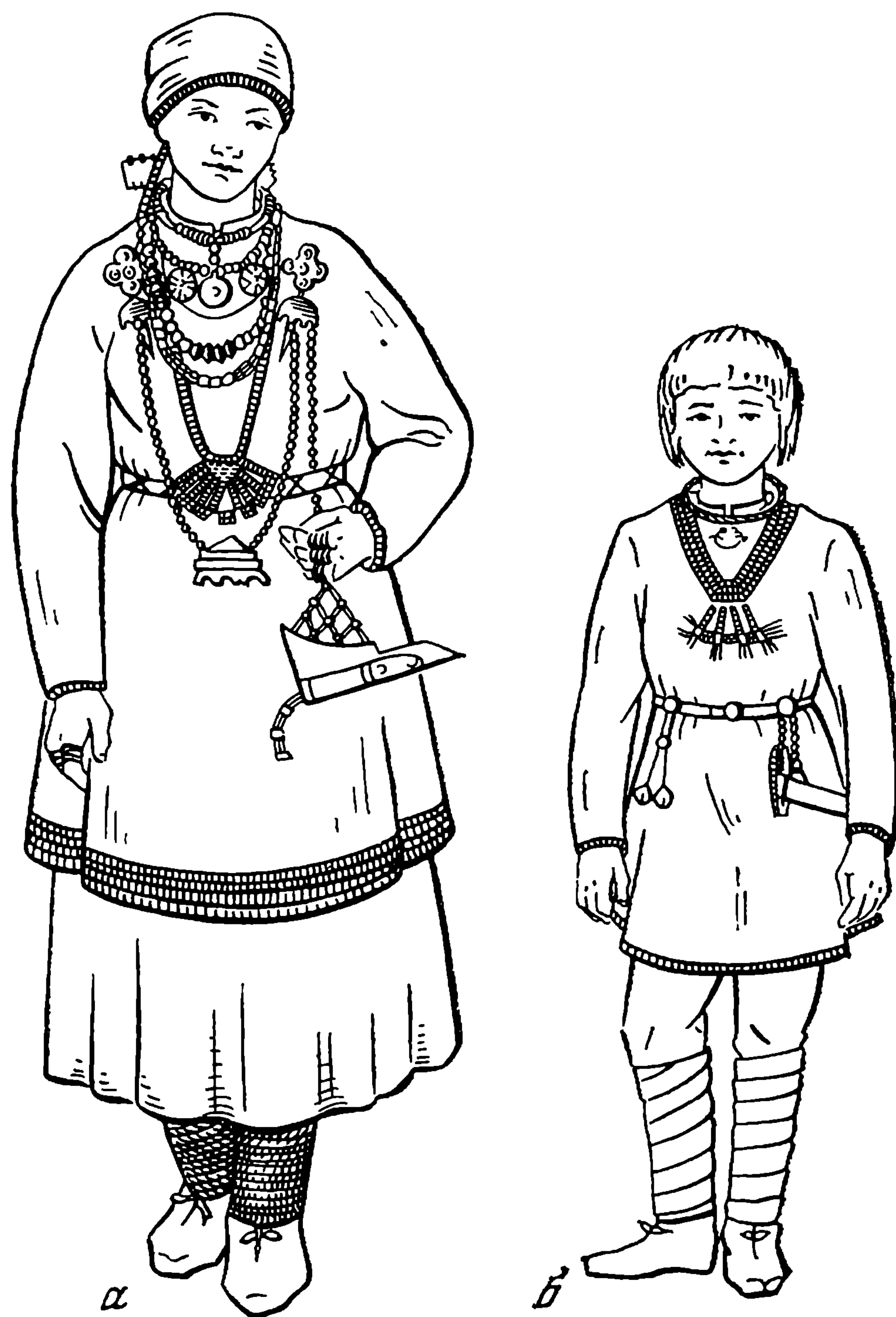


Рис. 68. Реконструкции одежды ливов:

а — женская одежда XI в. (Лаукскола, погребение 191);
б — детская одежда XI в. (Лаукскола, погребение 227)

Украшенные подобным образом виллайне и обмотки для ног прослежены в X—XII вв. у ливов в нижнем течении Даугавы и Гауи (рис. 64, *4*, *5*).

Детская одежда. В детских погребениях под фрагментами шерстяной верхней одежды сохранились и остатки льняной ткани рубашки. Вырез рубашки у шеи был застегнут фибулой.

От шерстяной верхней одежды в нескольких детских погребениях сохранились фрагменты украшенных частей ворота, концов рукавов, подола. По покрою детская верхняя одежда похожа на описанную выше женскую одежду — туникообразную, глухую, с длинными рукавами, длиной несколько выше колен. В некоторых погребениях две такие одежды надеты одна поверх другой. Видимо, для детей эта одежда была основной. Вырез ворота доходит иногда почти до пояса, небольшой вырез сделан и сзади. По краю выреза нашиты рядами бронзовые колечки и оловянные украшения (как у виллайне), а в конце разреза на груди, равно как и сзади,— пучки из спиралек. Рядами колечек иногда украшены также запястья и подол. Одежда подпоясывалась. К поясу, как и у взрослых, подвешивались нож в кожаных ножнах, гребень и др., а цепочки с подвесками-амулетами обычно прикреплялись к пучку на груди (рис. 68, *б*).

Мужская одежда. О мужской одежде ливов этого времени немного материала. Кажется, она мало отличалась от одежды соседних племен. Изредка встречаются украшения (глухой или распашной наплечной одежды), которые напоминают украшения одежды мальчиков. Мужской головной убор иногда украшала парчовая лента. Найдена обувь с серебряной полоской. Обмотки в редких случаях украшены бронзовыми спиральками. Наиболее нарядной частью одежды был пояс (особенно кожаные пояса с бронзовыми пряжками и орнаментированными пластинками). Кроме меча или ножа, рога для питья, гребня, кошелька с огнивом и кремнем и т. п., к поясам имели обыкновение прикреплять, как и у латгальских мужчин, пучок из кожаных полосок с нанизанными на них спиральками (рис. 66 *б*).

Одежда латышей XIII—XVII вв.

Женская одежда. Немногие археологические находки относятся к первой половине этого периода. В XIII—XIV вв. в погребениях еще много бронзовых украшений (браслеты, фибулы, перстни, подвески). Видно, что сохранились старые, традиционные одежды, но украшения их изменились. Так, например, на виллайне XIII в. орнамент из бронзовых колечек стал проще (см. цветную вклейку, рис. 2 *б*); вышивка цветными нитями, бисером и оловянными розетками (см. цветную вклейку, рис. 2 *а*) свелась к узкой полосе вдоль края виллайне. Более нарядные геометрические бисерные украшения встречены лишь в нескольких случаях (Latvijas arheoloģija, рис. 199); найдены также клетчатые и узорчатые виллайне (см. цветную вклейку, рис. 2). Из головных уборов XIII—XIV вв. встречаются главным образом матерчатые венцы (см. рис. 65). Они по сравнению с XII в. стали шире, с несколькими рядами орнамента из бронзовых пронизок и бисера и подвесками позади (*Zariņa*, 1970, lpp. 119—127) (см. цветную вклейку, рис. 2). Этот вид венцов был самым распространенным на территории Восточной и Северной Латвии и в XVIII—XIX вв. На всей территории Латвии, особенно в XV—XVI вв., изредка встречаются венцы, украшенные бронзовыми пластинками (рис. 61, *а*, 65). Такими же пластинками, бисером и оловянными розетками украшены и женские чепцы XV—XVI вв. (рис. 61, *б*), наиболее древние из раскопок в Латвии.

На территории, заселявшейся ливами, в погребениях XIII в. (Кабелес, Сигулда, Кримулда и др.) найдены фрагменты виллайне (?) с пришитым к ткани орнаментом из нанизанных на плетенку бронзовых пронизок, какой часто встречается у финских племен. Бронзовые колечки, ранее применяемые ливами, в XIII в. распространились на более широкой территории Восточной Латвии (Мейраны, Яунпиебалга, Даниловка, Леясдопелес). В области со смешанным ливо-куршским населением в погребениях могильника Лаукмуйжа XIII—XIV вв. найдено несколько фрагментов женской одежды, украшенной бронзой, например, темно-синяя виллайне размерами 150×250 см с приткавной к краям целайне, украшенной бронзовыми кружочками и пронизками, и украшенные обмотки для ног. Стопа была обмотана другой, неукрашенной обмоткой, подвязанной узкой целайне (*Šnore*, 1938, lpp. 112—115). Обмотки для ног с украшенными бронзовыми кружочками целайне найдены также в погребениях XIII—XIV вв.

в г. Риге (рис. 64, *4*, *5*). Как видно, и здесь продолжались ливские традиции украшения одежды. В северной Курземе украшения из бронзовых пронизок для традиционных синих виллайне сохранились вплоть до XIX в.

Начиная с XII в. бронзу постепенно заменяют украшения из бисера, оловянных бляшек— розеток, вышивка из цветной пряжи. Они встречаются на матерчатых венцах, виллайне, чепцах XIII—XVII вв. Оловянные украшения и бисер в это время распространены и в Эстонии (*Моора*, 1960, с. 19—20).

В археологическом материале XVI—XVII вв. фрагментов одежды еще меньше, однако сведения об одежде этого времени дополняют письменные источники. Отмечается, что женщины носили длинную льняную рубаху с рукавами, а поверх нее — шерстяную юбку. Несшитая поясная одежда, которая является наиболее древним видом юбки, упоминается в письменных источниках и видна на рисунках XVII в. Такая одежда на территории Латвии еще бытовала и в XVIII в. (*Slava*, 1966, lpp. 48). Есть основание полагать, что в XIII—XVII вв. были распространены шитые, а также и сарафановидные юбки. В XIX в. они встречаются в районах, где сохранились черты ливской культуры (*Slava*, 1966, lpp. 51). Юбки XIII—XVII вв. были одноцветными, иногда с вышивкой или каймой вдоль нижнего края. Полосатые и клетчатые юбки стали распространяться только в конце XVIII в.

В отдельных местах в Видземе женщины носили также похожую на мужскую длинную глухую верхнюю одежду с глубоко вырезанным воротом, открывающим шейные и нагрудные украшения (*Brand*, 1702, s. 137, 141). Сходные одежды отмечены уже у ливок XI в. (рис. 68), такие же распашные одежды встречаются еще у эстонских женщин XVIII—XIX вв. (*Моора*, 1960, с. 24, 26). Подпоясывали юбки ткаными поясами, украшенными пышными кистями. Судя по находкам в могильниках, к поясу подвешивался также нож.

Из рисунка XVI в. видно, что на плечах у крестьянки из окрестностей Риги — светлое виллайне (по сравнению с древними они стали длиннее). На голове — украшенный вышивкой чепец, какие позже, в XVIII—XIX вв., были широко распространены в Видземе. Новой, раньше не встреченной частью одежды является передник (рис. 69).

Письменные источники XVII в. обычно упоминают полотенчатый головной убор (*Brand*, 1702, s. 73—74). Заметны и локальные различия (например, металлические «спанговые» венцы в северо-западной части Курземе, где их изготовляли еще в XIX в., орнаментированные бронзовые пластинчатые венцы в Земгале и кожаные пояса с богатым орнаментом из бронзовых заклепок). *Мужская одежда*. По данным письменных и археологических источников, мужская одежда на всей территории Латвии представляется более однородной: поверх рубахи мужчины носили не очень длинную (выше колен), собранную в талии и подпоясанную распашную шерстяную или холщовую одежду типа кафтана; с XIII в. застегивались на пуговицы. У пояса висел нож, нередко точило, кошелек или мешочек для различных необходимых предметов. Шапки летом были валяными, зимой — меховыми. Штаны — до колен, носили с обмотками (рис. 69). Летом мужчины и женщины обували лапти, зимой — постолы, по празд-

Рис. 69. Латышские крестьяне в Риге (по гравюре Молина 1612 г.)

никам — сапоги (*Spekke*, 1934, lpp. 28—30 и др.; *Brand*, 1702, s. 72—74, 137—141 и др.). Подчеркивая бедность крестьян, источники XVI—XVII вв. постоянно упоминают лапти и постолы; все же кажется, что кожаные мягкие туфли и сапоги в это время не были редкостью. Много фрагментов кожаной обуви в слоях XIII в. и более поздних найдено в древних городах Кокнесе и Риге.

Носили и вязаные шерстяные варежки и перчатки (найдены в слое XV в. в Риге и в нескольких погребениях крестьян XVII в.) (*Caune*, *Zariņa*, 1980, lpp. 66—68).

Следует отметить, что после XII в., когда гривны уже не носили, на древней территории, населяемой латгалами, широко распространились ожерелья из раковин каури и стеклянных бус (см. цветную вклейку, рис. 2 *а*, *б*). В XVI—XVII вв. украшений в сравнении с предыдущим периодом стало еще меньше. Встречаются главным образом фибулы, необходимые для скрепления одежды, несколько перстней, изредка — ожерелья из монет. В немногочисленных богатых погребениях попадаются серебряные предметы.

В первой половине рассматриваемого периода еще бытовали древние племенные традиции изготовления и ношения одежды, но уже во второй его половине они значительно сглаживаются. В то же время феодальная обособленность отдельных областей или даже владений приводит к новым локальным различиям. *Выводы*. Мы видим, что разнообразные источники, несмотря на свою фрагментарность, позволяют составить общее представление о развитии одежды в VII—XVII вв. Сходный уровень общественно-экономического развития общества и единство этнических процессов обусловили известную общность одежды на всей территории Латвии и связь ее с соседними странами (материала, способы изготовления, основные части одежды и др.). Этнические особенности населения отражены, как показано выше, в основном в украшениях. Распространение некоторых украшений — результат влияния соседних племен (например, ливов на латгалов и селов).

В X—XIII вв. в ливской одежде имеются общие черты (украшения,

покроя) с одеждой соседних финских племен этого времени (эстов, финнов, карел и жителей финского происхождения в Северо-Западной Руси). После XIII в. этнические особенности одежды проследить трудно. Они обнаруживаются только при сравнении более древней (VII—XIII вв.) и более поздней (XVIII—XIX вв.) одежды.

Культура немецких феодалов не оказала существенного влияния на одежду местного населения. Даже горожане латышской народности XIII—XVII вв. носили одежду, которая по существу не отличалась от крестьянской одежды. Эту, так называемую ненемецкую одежду немецкие феодалы установили даже обязательной для коренного населения, чтобы общественное различие отразилось в одежде (Feodālā Rīga, 1978, lpp. 95, 167).

Немецкое влияние сказалось в основном на социальной верхушке латышей, которая либо онемечилась, либо погибла.

Глава девятая

ОДЕЖДА ЭСТОНЦЕВ I—XVII ВВ.

*

С. К. Лаул

Основные источники. Изученность. Под эстонской народной одеждой обычно подразумевают крестьянскую одежду периода феодализма, известную в основном по музейным материалам, собранным в XIX в. Источники для изучения развития народной одежды более раннего периода недостаточны.

Некоторое представление об одежде древнеэстонского населения дают лишь археологические материалы.

Из-за господствовавшего в I тысячетелетии н. э. обряда трупосожжения текстиль в погребениях не сохранился, поэтому находки тканей чрезвычайно редки. Но все же по сохранившимся украшениям и отпечаткам тканей на керамике можно в известной степени представить себе изготовление тканей и одежду того времени.

Значительно больше материала для изучения истории одежды содержат могильники XI—XIII вв. с трупоположениями. Возле многих металлических предметов сохранились фрагменты тканей, а расположение украшений показывает их роль в костюме. Но украшения находят преимущественно в женских захоронениях. Поэтому наши сведения относятся в основном к женской праздничной одежде, которая обычно была и погребальной.

Остатки повседневной одежды встречаются в захоронениях редко. Археологический материал по одежде последующих столетий также сравнительно беден. К XIV—XV вв. относятся некоторые находки в болотах.

Письменные источники по одежде эстонцев до конца XVIII в. весьма скудны. Отдельные упоминания есть в хрониках и путевых записках иностранных путешественников. Некоторые сведения для датировки и локализации ряда деталей крестьянской одежды можно найти в первых словарях эстонского языка, опубликованных в XVII—XVIII вв. (*Viires* 1959, с. 184—194). С конца XVI в. изредка появляются изображения одежды эстонцев.

В силу этих причин одежда эстонцев до XVIII в. не была до сих пор объектом специального исследования. В археологических исследованиях по материальной культуре начала II тысячелетия н. э. она затрагивалась лишь в общих чертах. Древнеэстонская одежда кратко охарактеризована в некоторых обобщающих трудах (Tallgren, 1925a, 56—62; *Moora*, 1926, s. 5—35), но в основном на сравнительном материале соседних стран, особенно Финляндии. Предположения о развитии некоторых частей одежды (юбки, наплечного покрывала, передника и др.) до XIII в. есть в ряде этнографических работ (*Manninen*, 1927; ЭНО). А. Моора, используя народную одежду как источник по этнической истории, проанализировала историче-

ские причины возникновения локальных групп народной одежды (*Моора*, 1956, с. 243—292). Обобщающий обзор ранней истории одежды эстонцев опубликовал Х. Моора во вступительной главе к книге «Эстонская народная одежда», где прослеживается эволюция древних элементов одежды вплоть до XIX а частично — даже до XX в.

Во всех упомянутых исследованиях внимание обращено главным образом на крестьянскую одежду. Одежда же городского населения, среди которого преобладали немцы, эстонскими исследователями почти не изучена, хотя не раз говорилось, что она влияла на развитие эстонской народной одежды. Поэтому нет возможности рассматривать одежду горожан и в данной главе.

Древнеэстонская одежда. По данным археологии, прядение и ткачество распространились в Эстонии приблизительно тогда же, что и в остальных районах лесной полосы Восточной Европы. Отпечатки ткани полотняного плетения встречаются на глиняных сосудах начиная с первой половины II тысячелетия до н. э. (*Янитс*, 1959, с. 300—301). В I тысячелетии до н. э. изготовлялась уже и репсовая ткань. Особенно часто следы такой ткани встречаются на керамике первой половины I тысячелетия н. э. (*Laul*, 1966, s. 96—101).

В то же время были широко распространены ткани и более примитивного переплетения. Репсовая ткань первой половины I тысячелетия н. э., судя по ее гладкости и отсутствию изъянов, соткана, очевидно, на ткацком станке. Прямых свидетельств о существовании в то время ткацкого станка пока еще нет. Найденный на городище Иру глиняный грузик, применявшийся при вертикальном ткацком станке, относится ко второй половине I тысячелетия (*Vassar*, 1939, рис. 34).

Самой ранней находкой ткани в Эстонии являются два фрагмента полотна в кладе серебра VI в. н. э., обнаруженном в Пилиствере (*Moora*, 1925, s. 113). Видимо, уже в I тысячелетии сложились обе основные техники изготовления ткани, использовавшиеся эстонскими крестьянами и в XVII—XVIII вв.,— полотняное переплетение льняной ткани и саржевое переплетение преимущественно для шерстяной ткани.

Как уже сказано, прямые данные о покрое и моде одежды отсутствуют. Все же можно предположить, что уже в начале н. э. носили известную по поздним материалам глухую шитую одежду и скрепляемые булавками накидки. В начале н. э. по всей Эстонии широко распространились металлические (сначала железные, а затем и бронзовые) посоховидные булавки (*Lõugas*, 1971, s. 25), которые служили не только для скрепления одежды, но и как украшения. Посоховидные булавки встречаются чаще поодиночке, но найдены иногда и попарно. В каменном могильнике Вирунука в Юго-Восточной Эстонии найдены две бронзовые посоховидные булавки III—IV вв., соединенные бронзовой цепочкой (рис. 70). Следовательно, нагрудные украшения из цепочек, весьма распространенные на территории Эстонии в первые века II тысячелетия, стали формироваться в первой половине I тысячелетия. Во II в. н. э. в Эстонии входит в употребление и новый вид украшений — застежки фибулы, широко известные в Южной и Средней Европе еще в I тысячелетии до н. э. Одной из первых на территории Эстонии появилась глазчатая фибула. В результате контактов с населением низовьев р. Вислы и с соседними балтскими племенами распространяются и

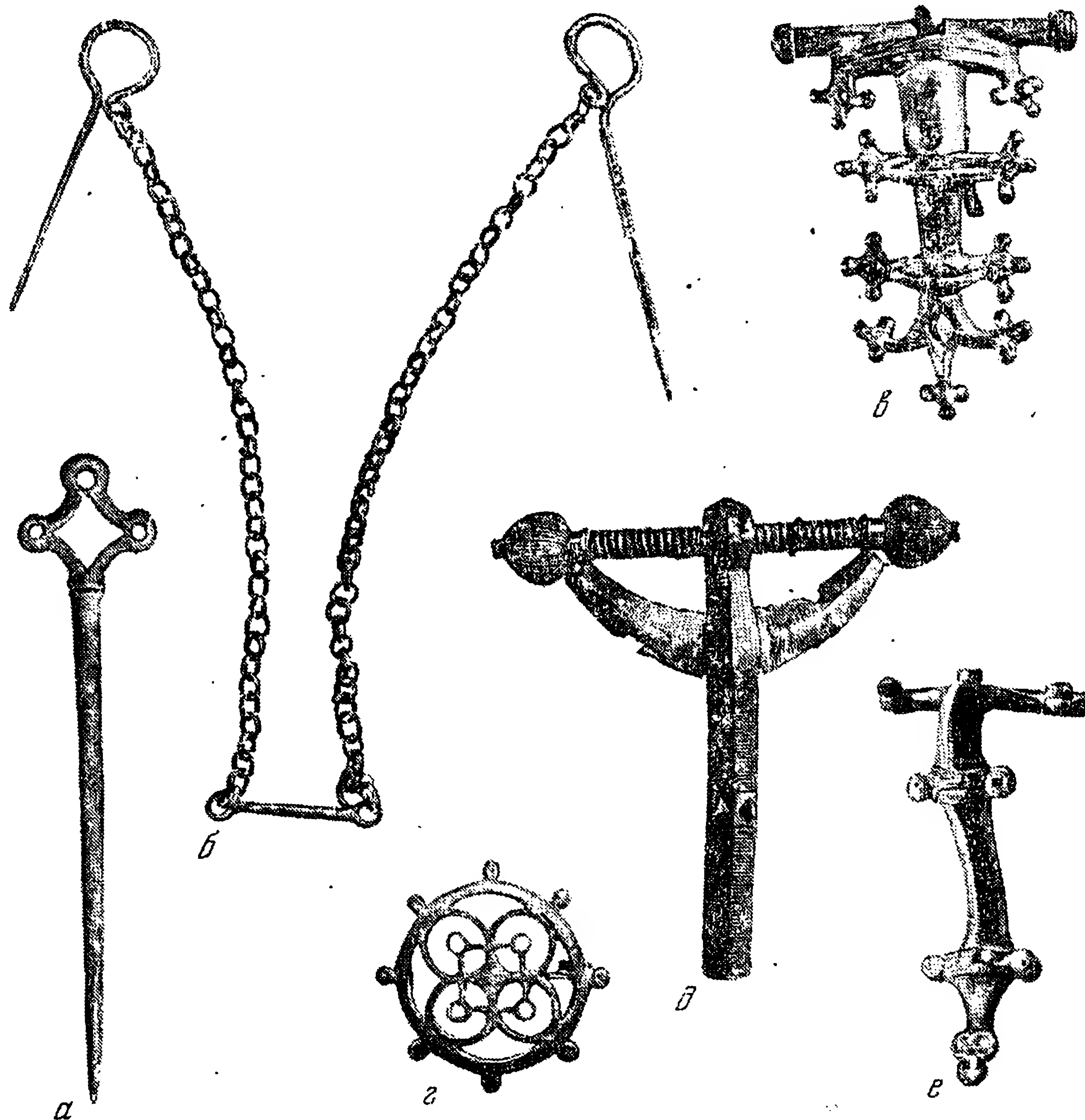


Рис. 70. Нагрудные булавки (*а—б*) и фибулы (*в—е*) I тысячелетия н. э. Арбалетная фибула (*д* — 1/3 натуральной величины, остальные — в натуральную величину)

другие типы фибул, на основании которых возникли многие местные типы (рис. 70).

Вместе с фибулами сложились и многие другие местные формы украшений, отличающие материальную культуру племен Эстонии и Северной Латвии. Кроме того, возникли и узко локальные особенности, связанные, видимо, с племенными различиями и хорошо выраженные в фибулах. Фибулы распространились в первую очередь в северной, центральной и юго-восточной частях материковой Эстонии. В Западной и Юго-Западной Эстонии, а также на островах их значительно меньше и местные типы совсем отсутствуют. Там по-прежнему пользовались известными с рубежа н. э. нагрудными булавками, главным образом посоховидными.

Можно полагать, что появление способа скрепления одежды при помощи фибулы, в частности в Северной, Центральной и Юго-Восточной

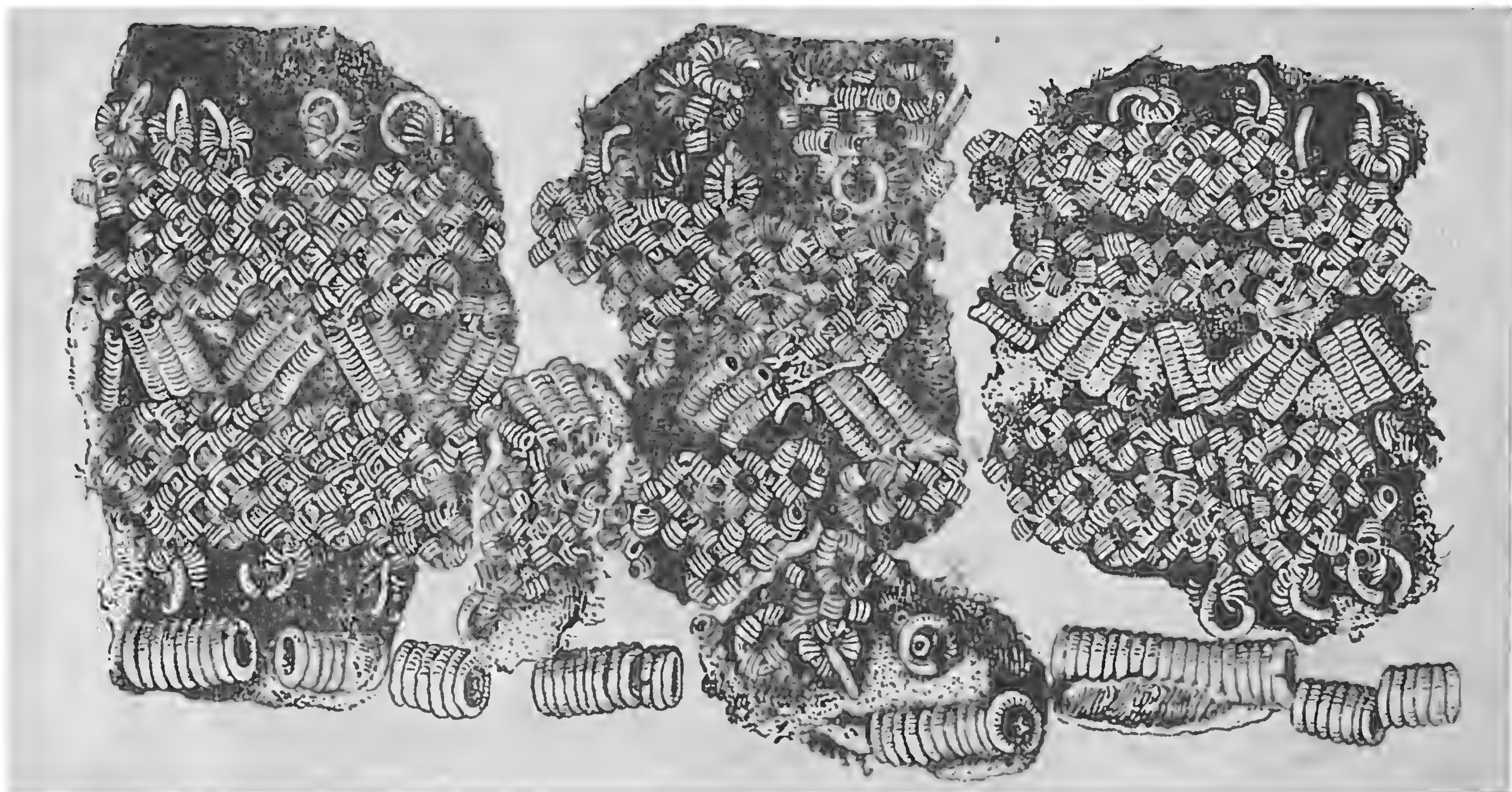


Рис. 71. Нижний край передника из Лоона (о-в Сааремаа), украшенный бронзовыми пронизками и колечками

Эстонии, обусловлено какими-то изменениями в одежде населения этих территорий. К первой половине I тысячелетия сложились, очевидно, определенные различия в материальной культуре, в том числе и в одежде, между западными и восточными прибалтийско-финскими племенами. Так, например, фибулы в этот период известны лишь на территории каменных могильников, т. е. у племен западной группы. У племен восточной группы, к которым относятся и племена крайней восточной материковой Эстонии, фибулы отсутствуют. Они не распространялись там и во второй половине I тысячелетия (*Лаул*, 1975, с. 378—384).

В середине I тысячелетия появляются пояса, от которых сохранились металлические пряжки и накладки в каменных могильниках западной группы прибалтийско-финских племен, а также в курганах с трупосожжением восточных прибалтийских финнов.

Одежда XI—XIII вв. Женский костюм состоял, видимо, из льняной рубахи с рукавами, надетой поверх нее глухой одежды без рукавов и наброшенного на плечи шерстяного прямоугольного покрывала. Такой удлиненный кусок ткани служил иногда и набедренной одеждой. Обязательной принадлежностью костюма был головной убор, а у замужних женщин кое-где — и передник.

Рубаха, являющаяся в настоящее время нижним бельем, служила ранее единственной наплечной одеждой. Еще в середине прошлого столетия длинная белая льняная рубаха была в Южной Эстонии обычной летней женской одеждой (*Manninen*, 1927, с. 133—136 с библиогр.).

По сохранившимся фрагментам видно, что рубаха изготовлялась обычно из льняной ткани полотняного переплетения. Хотя по остаткам рубах нельзя судить об их покрое, можно предположить, что он был довольно примитивен. В Халлисте, в Юго-Западной Эстонии, еще в XIX в. носили

рубахи туникообразного покроя — из перегнутого вдвое куска ткани, сшитого по бокам так, что оставались проймы для рукавов. К ним пришивались довольно короткие рукава без обшлагов. Ширина рубахи зависела от ширины ткани (обычно примерно 80 см). Разрез ворота — вертикальный прямой. Более развитой формой был ворот с Т-образным разрезом. Можно предполагать, что древние рубахи имели такой же простой покрой. Наиболее простым способом скрепления ворота были тесемки, применявшиеся еще в XIX в., но в погребениях под подбородком покойницы находят и небольшую фибулу, видимо скреплявшую ворот рубахи.

Самой архаичной верхней одеждой была *умбкууб* — туникообразная (как и рубаха) глухая шерстяная наплечная одежда длиной примерно до икр. Судя по археологическим материалам, она была на плечах не сшита: верх спинки, покрывая плечи, заходил по обе стороны от ворота на грудь и застегивался булавками. Подобная глухая одежда известна и в Финляндии, где она застегивалась чаще фибулами (*Appelgren-Kivalo*, 1907, s. 48; *Lehtosalo-Hilander*, 1978, s. 28—29). В Эстонии фибулы для этой цели использовались на островах Сааремаа и Муху.

По данным об одежде соседних народов того периода и более позднему этнографическому материалу можно предположить, что, кроме глухой одежды, женщины носили поверх рубахи несшитую поясную одежду из шерстяной или полотняной ткани, доходившую почти до щиколоток.

Характерной частью древнего костюма замужней женщины обычно считается *передник* (реконструкцию см.: ЭНО, с. 15, рис. 7,*а*). Основанием для такого предположения, являются прежде всего находки остатков передников в могильниках Западной Финляндии (*Vahter*, 1928, s. 61—70). На территории же Эстонии бронзовые украшения передников найдены главным образом в могильниках XII—XIII вв. на западных островах (рис. 71). В центральных частях материковой Эстонии подобные находки передников отсутствуют.

В восточной и южной частях Эстонии носили *набедренники*, которые были традиционной принадлежностью женского костюма у восточной группы прибалтийских финнов, а также у мордвы (*Воолмаа*, 1975, с. 370—371). В могильниках XIII—XIV вв. юго-востока Эстонии (Отепя, Вирунука, Кыргепалу, Койккюла) найдены переплетенные бронзовыми пронизками остатки набедренников, имеющие одинаковый орнамент и бахрому на концах (рис. 72). Обнаруженный в Ваймаствере в Восточной Эстонии набедренник был окаймлен бронзовыми бубенчиками (ИИ, № 3515) [1]. Фрагменты набедренников лежали под костями таза, следовательно, набедренник свисал позади с пояса по обоим бедрам примерно на 20 см. Их не следует связывать с позднейшими, известными по этнографическому материалу набедренниками. Они являются частью древней женской одежды, зафиксированной в Восточной и Южной Эстонии, у ижор и на севере Финляндии (*Laul*, 1981, s. 76—88).

Передник, набедренник и поясную нешитую одежду поддерживал пояс (видимо, текстильный); остатки его сохранились лишь в редких

[1] Набедренник с бубенчиками известен также из Финляндии (См.: *Vahter*, 1932, s. 40—41).

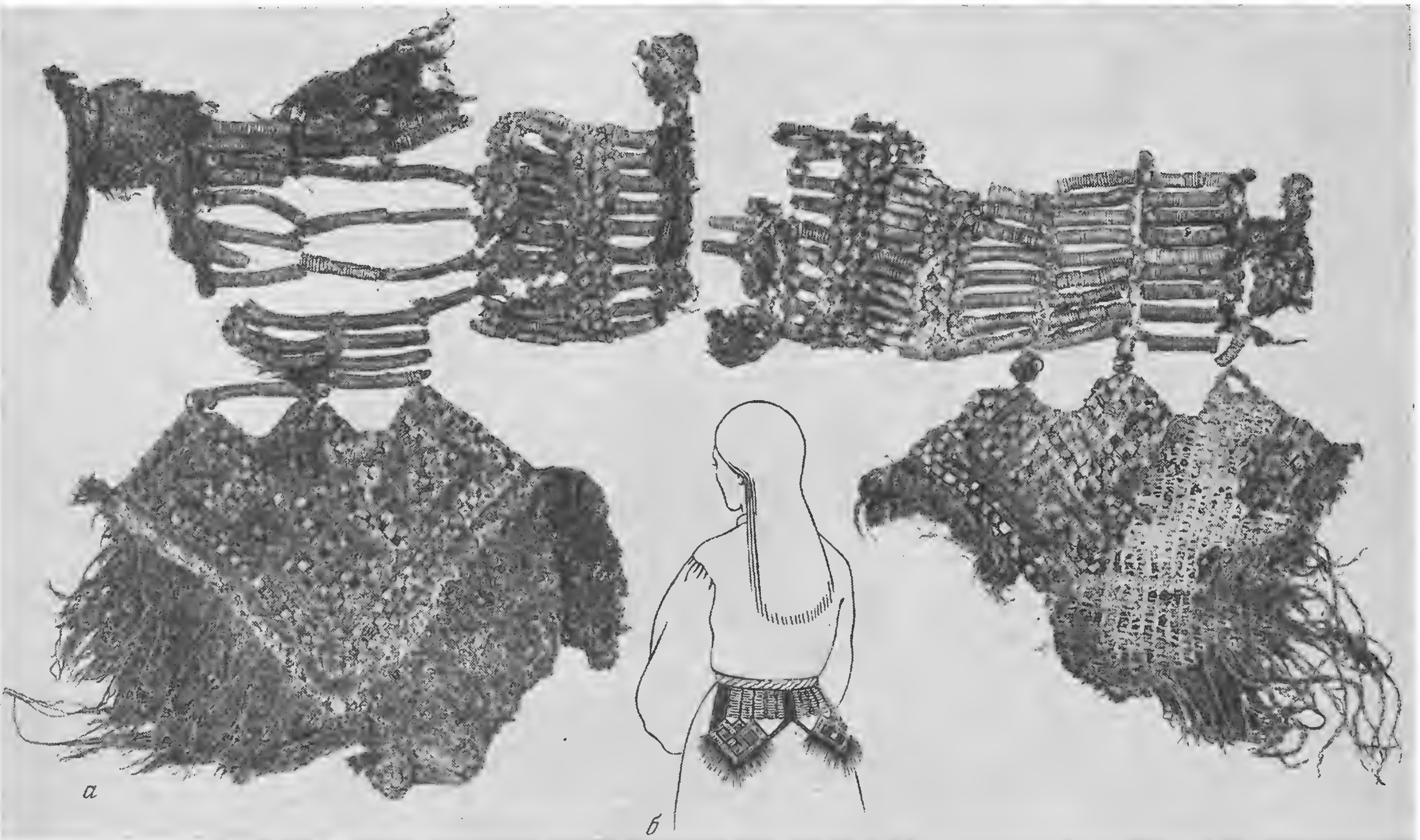


Рис. 72. Набедренник из могильника Вирунука (Юго-Восточная Эстония):
а — остатки набедренника; *б* — реконструкция

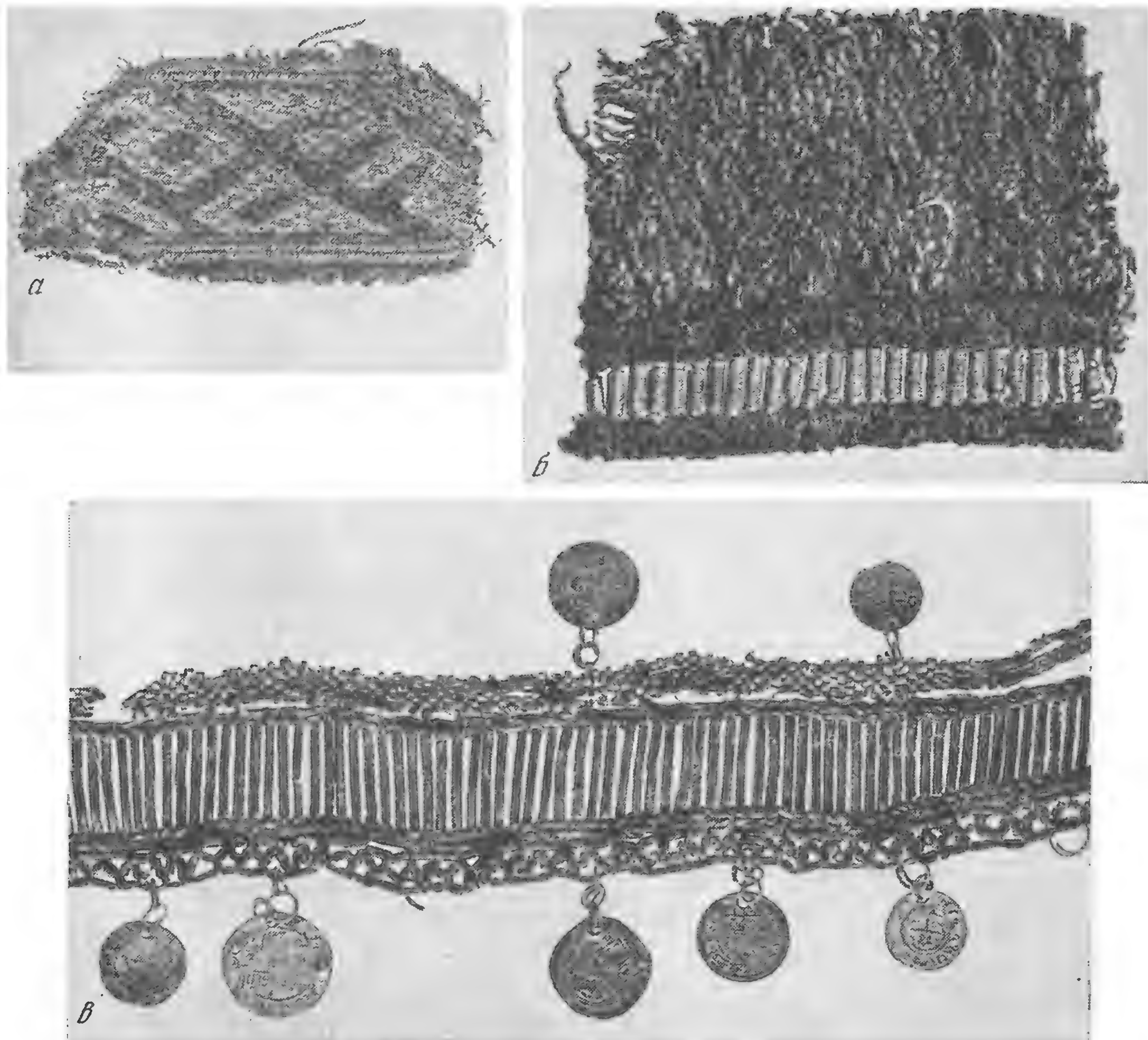


Рис. 73. Текстильные материалы:

а — кусок шерстяного пояса из могильника Вирунука; *б* — край покрывала (сыба), орнаментированный бронзовыми пронизками из могильника Кюти (Восточная Эстония); *в* — край покрывала из Халлисте (Юго-Западная Эстония)

случаях. Куски тканных на дощечках шерстяных поясов были найдены в упоминавшемся уже могильнике Вирунука и в одном погребении в Отепя, вместе с набедренниками. Ширина этих поясов — 4 см. Геометрический их орнамент выткан из шерсти двух цветов — красного подмаренникового и темно-коричневого или черного (рис. 73, *а*). Реже женщины носили кожаные пояса, застегиваемые спереди бронзовыми пряжками. Сбоку к поясу часто привешивались различные предметы — ключи, игольник и нож (как правило, в ножнах, иногда — с набором бронзовых блях).

Традиционной частью древнего женского костюма было носимое на плечах удлиненное шерстяное покрывало — *сыба*, а в теплое время года —

льняное покрывало — *палакас* или *каал*. «Сыба» — древнее слово, распространенное во всех прибалтийско-финских языках. Покрывало как часть женской одежды было известно прибалтийско-финским и финским народам еще в XVIII в. Наиболее ранние покрывала найдены в восточной Латвии в латгальских погребениях VII—VIII вв. (*Zariņa*, 1970, s. 67—69). Предполагается, что в Финляндии сыба начали носить в XI в. (*Lehtosalo-Hilander*, 1978). Время появления сыба на территории Эстонии пока не установлено. Во всяком случае, в XII в. следы сыба имеются во многих женских погребениях. По расположению остатков сыба можно сказать, что это — покрывало на плечах. В некоторых случаях сыба покрывали покойника сверху (что нужно отнести уже к погребальному обряду).

Сыба изготовляли обычно из толстой шерстяной ткани саржевого переплетения, часто коричневого цвета. На одном куске сыба, найденном в могильнике Кюти в Северной Эстонии, имеется тканый цветной геометрический орнамент (ИИ, № 2670). По имеющимся данным, длина эстонской женской сыба XII—XIII вв. достигала 2,5—2,7 м (длиннее латышских женских покрывал — виллайне).

Сыба украшалось больше, чем другие части одежды. Украшения располагались по краям, чаще всего на концах покрывала. Основными элементами узора на бортах покрывала были в XII—XIII вв. бронзовые пронизки и колечки. Самым распространенным был орнамент, состоящий из нескольких рядов пронизок, вотканных в нитки основы. Состоящие из пронизок орнаментированные каймы иногда ткали отдельно и впоследствии прикрепляли к сыба (рис. 73, *б*). На концах сыба имелась бахрома.

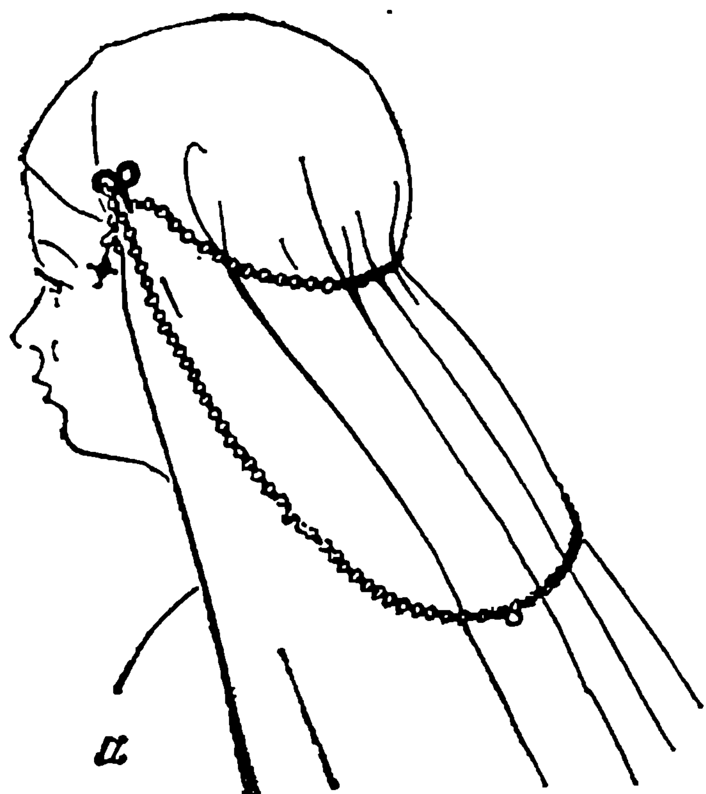
Украшение покрывал бронзой широко известно не только в Эстонии, но и у других народов Прибалтики, а также в Финляндии. Особенно богато были украшены покрывала латгальских женщин. Однако характер украшений этих покрывал заметно отличен от эстонских, хотя есть и ряды пронизок; орнамент состоит чаще из вотканных бронзовых заклепок, которые на эстонских и финских покрывалах не использовались.

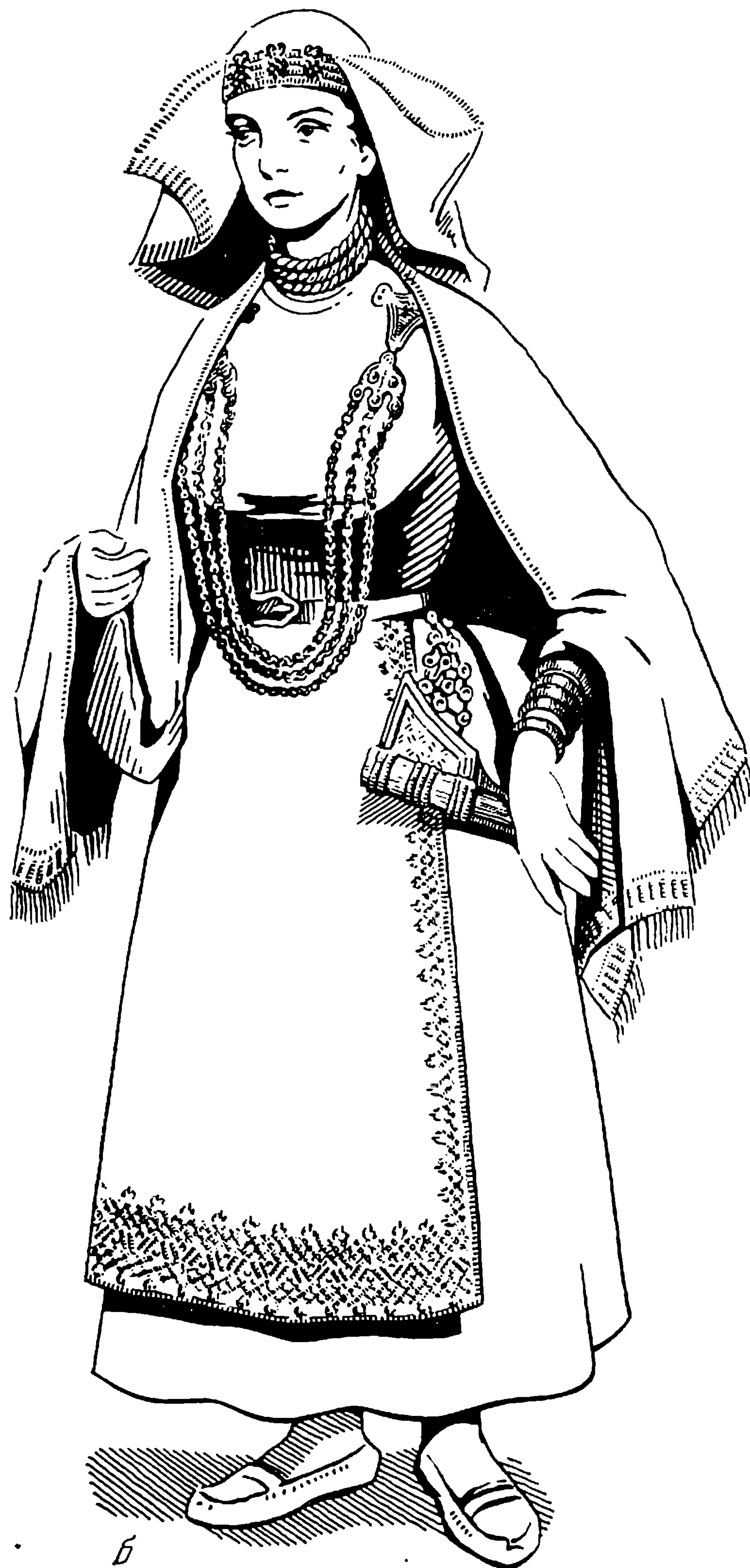
По этнографическим данным, сыба набрасывали на плечи, накидывали на голову, иногда носили и свисающим с плеч вдоль спины (ЭНО, с. 93, рис. 128). Обычно сыба застегивали спереди подковообразной фибулой.

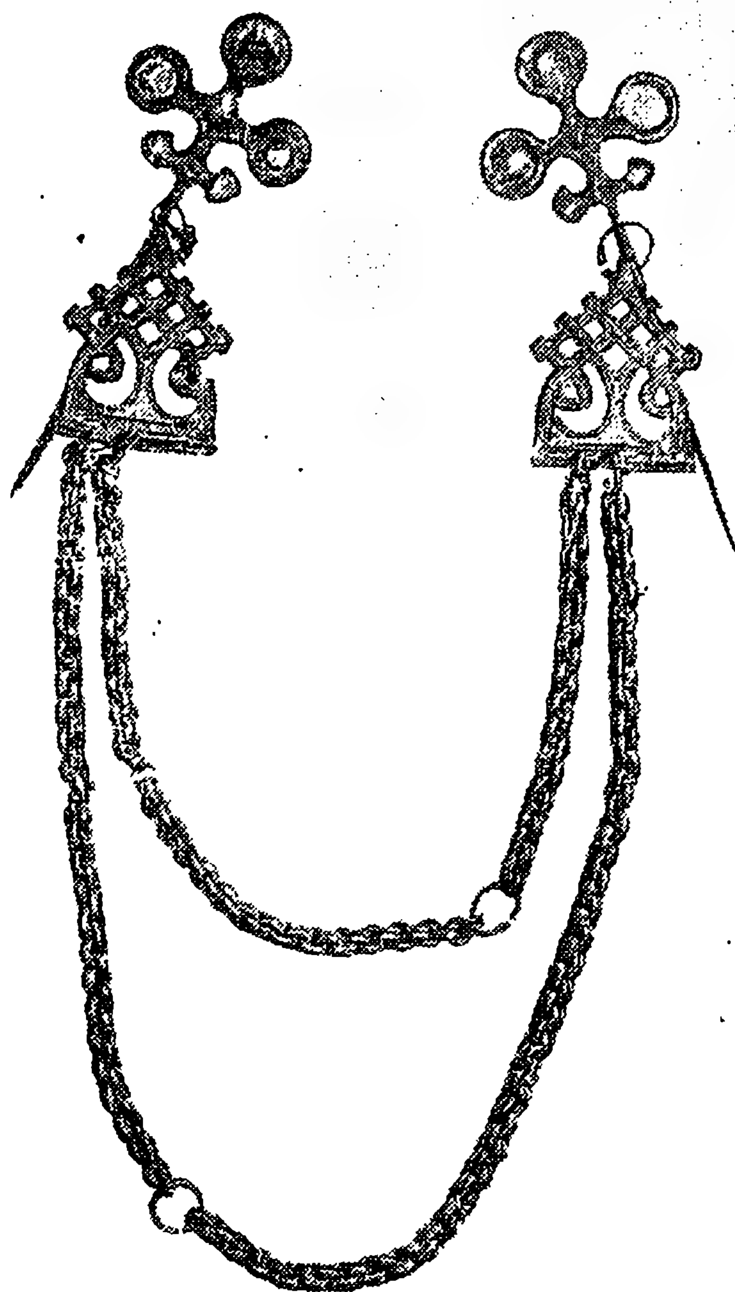
Головным убором замужних женщин был белый полотняный линик, который иногда украшался по краям вышивкой из бронзовых пронизок и колечек. В XII—XIII вв. в качестве украшений лиников, главным образом в материковой Эстонии, распространились цепочки, закрепляемые булавками с парноспиральными головками (рис. 74). На о-ве Сааремаа, а возможно, и на материке в западной Эстонии и в юго-западной Финляндии носили еще особый головной убор из куска ткани, окаймленный бронзовыми колечками (рис. 74, *б*) (*Vahter*, 1952, s. 151—158).

Девушки, по-видимому, носили головную повязку или венец. Судя по археологическому материалу, в XII в. в Юго-Восточной Эстонии, особенно на позднейшей сетуской территории, девушки носили сходные с латгальскими венцы из бронзовых спиралек (лат. *вайнагс*), откуда происходит и название венца — *ваник*.

Обувь в погребениях не сохранилась. Можно лишь предположить, что носили кожаные постолы или туфли, а также лапти. Ноги обматывали длинными узкими обмотками.







↑

Рис. 74. Реконструкции:

а — головного убора (линика) материковой Эстонии;
б — западноэстонского женского костюма XII — начала XIII в.

←

Рис. 75. Нагрудная цепь с булавками и цепедержателями из Лахепера (Восточная Эстония)

Основные части женского костюма — рубаха, глухая верхняя одежда, нешитая юбка и покрывало-сыба, а также полотенчатые головные уборы — были в прибалтийских странах и Финляндии в основном сходны. В орнаменте же одежды, в особенности в украшениях, имелись значительные различия. Так, для эстонцев, финнов, ливов и прибалтийско-финских племен к востоку от Чудского озера в начале II тысячелетия было характерно украшение одежды пронизками и колечками. В Скандинавии и славянских землях подобная орнаментация одежды не применялась. Балтское население вместо пронизок для украшения одежды часто пользовалось металлическими заклепками. Бронзовые пронизки применялись в одежде латгалов лишь изредка, на древней территории прибалтийско-финских племен, в Восточной и Северной Латвии.

Украшение одежды бронзовыми пронизками было сложной работой. Особенности этих пронизок позволяют предположить местное их производство. Нет сомнения в том, что орнаментированная одежда была дорога, и ее могли носить в основном богатые и знатные женщины, в погребениях которых обычно имеется и много других украшений.

Одним из наиболее распространенных украшений была фибула. Начиная с X в. широко распространяется во многих разновидностях подковообразная фибула, вытеснившая характерные для предыдущих столетий арбалетовидные фибулы. Значительная часть типов подковообразных фибул возникла в Прибалтике, распространившись отсюда в Финляндию, а также в соседние восточные и западные земли. Небольшими фибулами обычно застегивали ворот рубахи, более крупными фибулами, которые зачастую встречаются в погребениях попарно, скрепляли, видимо, на плечах глухую одежду или покрывало-сыба.

Характерной застежкой глухой одежды были нагрудные булавки, которые в материковой Эстонии имели преимущественно крестообразные (рис. 75), а на о-ве Сааремаа — треугольные головки. Прототипами обоих видов булавок были более ранние балтские булавки. Поздние варианты булавок с крестообразной головкой бытовали до XIII в.

От булавок на грудь свисали бронзовые цепочки, которые в первые века II тысячелетия стали особенно длинными, заходя иногда через плечи еще и на спину. В комплект нагрудных цепочек входили нередко еще цеподержатели, разъединители и различные подвески.

Шейными украшениями девушек были обычно стеклянные бусы, иногда добавляли к ним серебряные монеты или подвески. Женщины носили бронзовые и серебряные шейные гривны; на руках — браслеты и перстни.

В XII—XIII вв. в комплект женских украшений самых восточных и юго-восточных частей Эстонии входили еще некоторые украшения, которые в остальной Эстонии встречаются редко или совсем отсутствуют (например, витые из проволоки браслеты, височные кольца, серьги, решетчатые круглые подвески и др.), но сходны с украшениями восточных соседей — води и, частично, славян. Среди них встречаются изделия псковских и новгородских ремесленников.

О некоторых украшениях — фибулах, браслетах, кольцах известно, что их носили и мужчины. Для застегивания одежды мужчины использовали обычно подковообразные фибулы.

От мужской одежды в погребениях почти ничего не сохранилось. На основании археологического материала из соседних территорий, а также более поздних этнографических данных можно полагать, что она была в некоторой мере похожа на женскую; различия между полами проявлялись прежде всего в головных уборах и украшениях.

Можно предположить, что мужской костюм состоял из льняной рубахи и доходившей до колен наплечной распашной одежды с длинными рукавами, штанов, обмоток и обуви из кожи или древесной коры. Возможно, что и мужчины в качестве верхней одежды носили иногда простые шерстяные покрывала. Сведения об этом имеются из Финляндии (*Hirviluoto*, 1973, s. 66).

В холодное время года и мужчины и женщины носили, очевидно, овчинную шубу. О форме мужских головных уборов сведений нет. Можно полагать, что в ненастную или холодную погоду мужчины носили что-то вроде капюшона и меховые шапки. Мужская одежда была (за редкими исключениями) украшена проще женской.

Судя по особенностям металлических украшений известные локальные различия существовали и в самой одежде. Они более заметны между одеждой жителей островов и материковой части Эстонии. В то же время в женском костюме эстонских островов (в частности — в головных уборах, в ношении передника, а также в сходных приемах украшения одежды) наблюдаются общие черты с одеждой западной Финляндии. Но и на материке, в свою очередь, сложились различия между северными и южными районами. Набедренники, бывшие одной из характерных деталей женской одежды Южной Эстонии, указывают на древние связи этой территории с родственными восточными прибалтийско-финскими племенами.

Несмотря на существование в одежде и украшениях известных местных различий, в XII—XIII вв. заметна и определенная тенденция к их нивелировке. Так, поздние нагрудные булавки с крестообразными головками, многие типы подковообразных фибул, браслеты, различные подвески и т. п. были более или менее распространены по всей Эстонии. В общих чертах одинаково была и орнаментика. Культура на территории Эстонии была своеобразной и отличалась от культуры соседних территорий; это выражалось и в одежде. *Одежда эстонских крестьян в XIV—XVII вв.* Остатки одежды этого периода обнаружены дважды (*Tallgren*, 1925a, s. 57—60). Из них лучше сохранилась датируемая XIV—XV вв. глухая одежда (рис. 76) из Парисселья (Западная Эстония). Она сшита из цельного полотнища шерстяной саржевой ткани (длина 236 см, ширина 62 см), перегнутого через плечо так, что оно образует перед и спинку; рукавов нет. Посередине вырезан ворот. По бокам между краями переда и спинки для расширения одежды вшиты клинообразные куски ткани. Вокруг ворота и пройм нашиты для украшения оловянные звездчатые бляшки. К краю подола пришита сплетенная также из шерстяных ниток кайма.

Одежду дополняли пояс, сотканный на дощечках из шерстяной нити двух цветов, а также обмотки из сходной с материалом глухой одежды ткани.

Похожая шерстяная глухая одежда была обнаружена и на о-ве Сааремаа, в болоте Кареда (*Tallgren*, 1925, s. 37—38).

В XIV—XV вв. изменения коснулись главным образом способа украшения и самих украшений; в покрое одежды они были незначительны:

Рис. 76. Глухая шерстяная одежда, онучи, части пояса и плетеной тесьмы, найденные в болоте Париссельья (Западная Эстония)

глухая одежда изготовлялась теперь закрытой на плечах. Такое изменение покроя глухой одежды должно было быть повсеместным, так как, начиная с XIV в., исчезают нагрудные булавки, а также расположенные попарно на плечах подковообразные фибулы. Все больше распространяется кольцеобразная фибула или пряжка, которая к XVII в. постепенно сделалась конусовидной. Шею украшали теперь в основном стеклянными бусами,в богатых погребениях в XIV—XV вв. встречаются и раковины каури, составлявшие целые ожерелья или нанизываемые на нитку вперемешку со стеклянными бусинами. По-прежнему использовались бронзовые бубенчики. Вначале металлические украшения имели еще древние формы, но были грубее и тоньше, из серебра более низкого качества. Распространенный в первые века II тысячелетия обычай украшения одежды бронзовыми пронизками в XIV—XV вв. в большей части Эстонии исчез и заменился украшением оловянными бляшками и вышивками из мелких цветных бусинок.

Бронзовые пронизки сохранились только в Южной Эстонии. Найденная в Халлисте плетенка с пронизками и привешенными монетами XVI в. (рис. 73, *в*) принадлежала, по-видимому, покрывалу-сыба (Katalog, 1896, taf. 1, где кайма ошибочно определена как пояс).

Во второй половине рассматриваемого периода, особенно в XVII в., происходят значительные изменения в сохранившейся до того почти неизменной крестьянской одежде. Все больше появляется новых предметов одежды, а также украшений, изготовляемых для крестьян городскими мастерами. Особенно заметные изменения произошли в североэстонской народной одежде. Об одежде пожилой бедной североэстонской женщины того времени дает представление сильно изношенный костюм, обнаруженный в болоте Рабивере (Раплаский р-н) (ЭНО, с. 19) и датируемый по медной монете 1667 г. Рубаха (по-видимому, льняная— она не сохранилась) была застегнута на груди маленькой серебряной кольцеобразной пряжкой. Поверх рубахи были надеты темная шерстяная, сшитая из трех полотнищ, расширяющаяся книзу юбка и шерстяная полудлинная запашная безрукавка. Сверху была надета шерстяная длинная (ниже колен) распашная одежда с рукавами. Полы ее были скреплены впереди в двух местах кожаными ремешками.

Как явствует из описанной находки, а также других имеющихся данных, в рассматриваемый период существенно изменилась женская набедренная одежда. Самое позднее в XVII в. в Северной Эстонии начали носить сшитую юбку — «*юмбрик*» (*Viires*, 1959, s. 190) — узкую, из одноцветной (чаще черной) шерстяной ткани: подол украшала узкая цветная тесьма или широкая кайма, вышитая бисером. Юбку поддерживал и пришитый поясок, и повязываемый вокруг тела пояс. А. Олеарий, бывший в Северной Эстонии в 1630-х годах, отмечал, что эстонки «носят узкие, как мешки, юбки» (*Olearius*, 1656, s. 107). Такую узкую юбку носили на протяжении и всего XVIII в. В Южной Эстонии, напротив, местами носили несшитую юбку старого типа, называемую «*сыба*», «*сыуке*» или «*кырик*», т. е. так же, как и наплечное покрывало-сыба (мы уже говорили, что первоначально этот прямоугольный кусок ткани имел два назначения).

Рубаха же по-прежнему оставалась в Эстонии как у женщин, так и у мужчин туникообразной и с длинными рукавами, какой она была и вообще у финно-угров и народов Прибалтики. Летом на работе подпоясанная рубаха была у женщин часто единственным одеянием, мужчины носили такую же рубаху и льняные штаны. В Северной Эстонии в начале XVII в. женщины стали носить поверх рубахи короткую пышную блузку («*кяйсед*»), которая бытовала здесь вплоть до исчезновения народной одежды. Носимая под блузкой-кяйсед рубаха шилась теперь без рукавов. Кяйсед входили и в комплект женской одежды шведов, живших с XIII—XIV вв. на побережье и островах Северо-Западной Эстонии, откуда, видимо, и распространились далее. С появлением кяйсед североэстонский женский костюм приобрел резко отличный от одежды других районов Эстонии вид.

Передник в рассматриваемый период превратился в традиционную деталь одежды замужней женщины. Это связано не так с древними местными традициями, как с влиянием западноевропейской моды, распространившейся среди крестьянства из городской и мызной среды преимущественно через городские низы и мызную прислугу эстонской националь-

ности. Передник не прижился лишь на самом юго-востоке Эстонии у сету, у которых его начали носить только в середине XIX в. (*Manninen*, 1927, s. 315). Зато сетуские женщины и девушки на поясе сбоку носили набедренник. В костюме невесты и молодухи набедренник сохранялся до середины XIX в. еще и в западных частях Южной Эстонии.

В качестве верхней одежды женщины, как и ранее, носили шерстяное наплечное покрывало, украшаемое теперь в основном вышивкой. Но древний прием украшения бронзовыми пронизками нередко встречался еще в конце XVII в. (ЭНО, с. 29, рис. 18).

Древняя глухая одежда к XVII в. сменилась распашной одеждой типа кафтана, одинаковой для мужчин и женщин.

В мужской одежде в XVII в. длинные штаны начали вытесняться короткими, до колен, штанами, которые в первую очередь распространились в Северной и Центральной Эстонии, а позднее — и по всей Эстонии. Их никогда не носили только в самых южных приходах Эстонии, а также у сету. Вначале короткие штаны имели широкие, стянутые под коленом в сборки штанины, напоминая тем самым западноевропейские штаны периода Ренессанса.

Как и раньше, важное место в одежде занимал пояс. Им подпоясывали рубаху, верхнюю одежду, поддерживали штаны или набедренник. В большинстве своем пояса, как и прежде, ткались из шерстяных или шерстяных и льняных ниток и имели геометрический орнамент. По своему характеру эстонские пояса сравнимы с латышскими и литовскими, хотя цвета и комбинации узоров часто различаются. Мужчины носили, кроме того, и кожаные ремни. Иногда и зажиточные женщины в XVI—XVII вв. носили заимствованный из городской моды украшенный медью кожаный ремень, к которому зачастую подвешивали нож, игольник и в качестве украшения так называемый *рыхуд* (*Manninen*, 1927, s. 378—380) из нескольких рядов медных цепочек, свисавших сзади. Самое раннее изображение такого украшения имеется на гравюре Олеария (рис. 77, *а*, 78). До XIX в. рыхуд сохранился лишь в одежде женщин о-ва Хийумаа.

О женских головных уборах по имеющимся скудным сведениям можно предположить, что замужние женщины почти во всей Эстонии носили в XVII в. старинные длинные, свисающие на спину льняные полотенчатые головные уборы — *линики*, сохранившиеся в Юго-Восточной Эстонии еще в первой половине XIX в., а у сетуских женщин — даже в XX в. Такой полотенчатый головной убор изображен у эстонских женщин и на гравюре Олеария (рис. 77, *а*). Девушки ходили обычно с непокрытой головой. Для поддержания волос, а вместе с тем и для украшения использовали узкую тесьму. Очевидно, тогда носили и венец, известный в последующие столетия. Именно венец изображен в конце XVI в. на голове девушки из Лифляндии. Позади венца на затылок свисает кисть из шерстяных ниток (рис. 77, *б*).

Одежду шили из домотканой шерстяной и льняной ткани. Из полотна шили рубахи, передники, линики, летнюю рабочую одежду, а из шерстяной ткани — юбки и различную верхнюю одежду. Из шерсти вязали рукавицы, носки и чулки. Как показывают находки из Рабивере и данные старых словарей, вязание на спицах было в XVII в. в Эстонии уже общеизвестно. Основная часть одежды была не окрашена. Полотно отбеливали, шерстя-

Рис. 77. Женская одежда:

а — эстонские женщины. Гравюра из книги Олеария, около 1630 г.;
б — Лифляндская девушка в одежде конца XVI в.

ную верхнюю одежду шили из сукна цвета натуральной коричневой или черной, а в южных частях Эстонии — и из белой овечьей шерсти. На зиму шили овчинные шубы. Обувью, по-прежнему, служили кожаные постолы или лапти из ивовой или березовой коры. Сапоги и туфли в крестьянскую одежду в общем не входили.

Расслоение крестьянства проявлялось не столько в одежде, сколько в украшениях. Здесь более ощутимо и влияние города на крестьянский костюм. К XVII в. окончательно исчезли древние типы металлических украшений. Основными праздничными украшениями стали различные ожерелья из бус и серебряные цепочки, зачастую с подвешенными к ним большими серебряными монетами (так называемый *паатрид*). В XVI—XVIII вв. широко бытовали ожерелья из больших серебряных дутых бус, сохранившиеся позднее лишь у сетуских женщин. Очень распространены

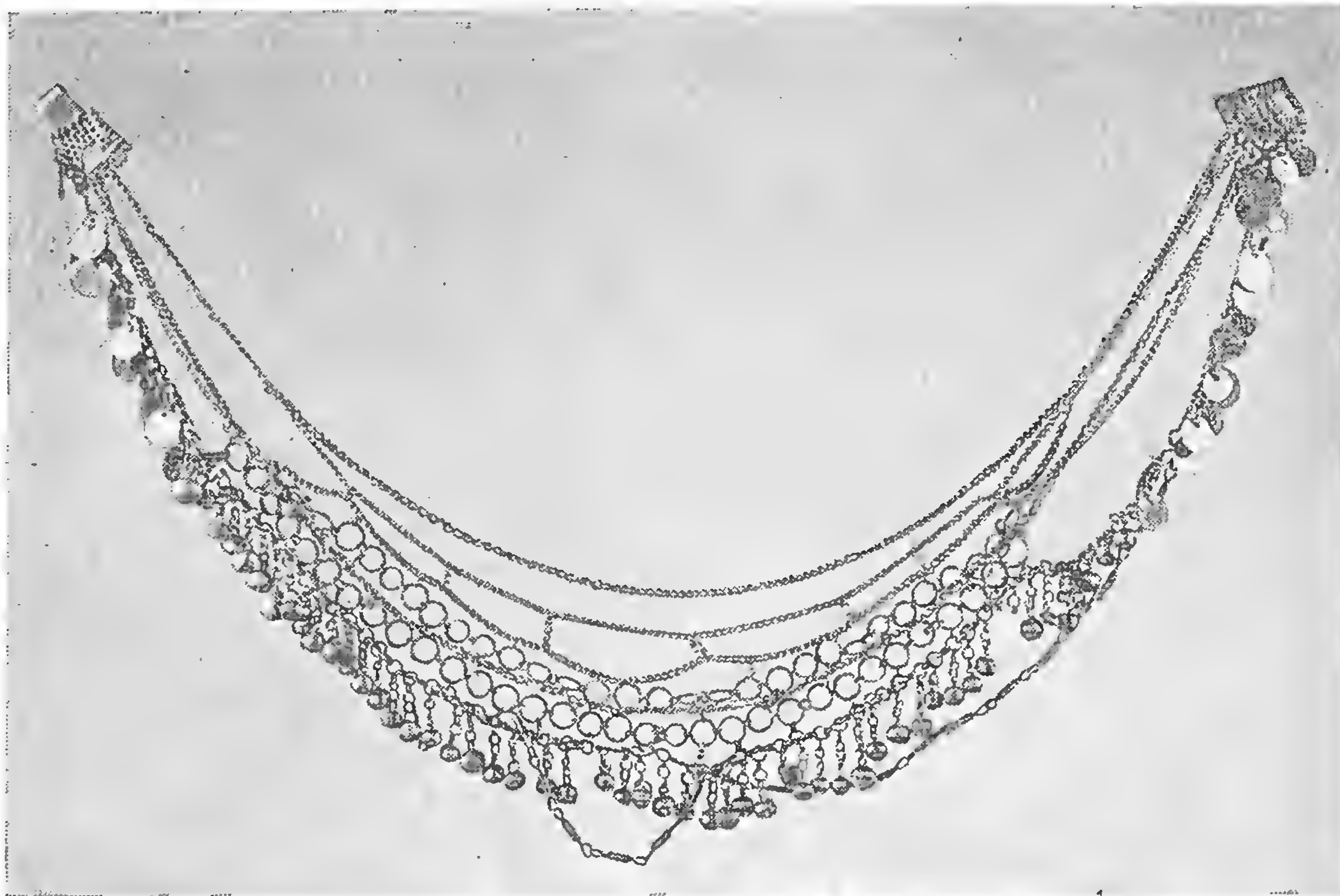


Рис. 78. Металлические украшения «рыхуд» из Салевере (Западная Эстония), XVI в.

были в Эстонии, как и в других прибалтийских странах, сердцеобразные пряжки (*Kindlam*, 1935, s. 321—322).

В одежде эстонского крестьянства (в том числе и его зажиточного слоя) до XVI в. бытовали старые традиционные формы, возникшие еще до завоевания страны немцами. Начиная с XVI в. постепенно появляются новые детали и изготовляемые для крестьян городскими мастерами украшения. Эти новшества были более заметны в северной и западной частях материковой Эстонии и на островах, где исходящие из Западной Европы веяния моды распространялись легче. Южная Эстония, особенно ее крайний юго-восток, отличалась большей консервативностью. Многие старые черты сохранились здесь вплоть до XIX в.

Существенные изменения произошли в эстонской крестьянской одежде в XVIII — начале XIX в., когда с разложением феодализма и развитием капитализма товарно-денежные отношения проникли и в эстонскую деревню. Появилось все больше элементов городской моды и приобретенных в городе материалов. Рассмотрение этого процесса выходит за рамки настоящей главы.

Выводы. Мы уже говорили, что одежда эстонцев с древнейших времен имела много общих черт с костюмом других народов Прибалтики, составляя вместе с ними одну общую большую группу.

Одежда каждого народа имеет, однако и свои особенности. Некоторым своеобразием, как указывалось выше, выделяется и эстонская одежда. В то же время в эстонской одежде проявляются и более узкие локальные группы.

Рис. 79. Территория распространения набедренников:

I — по археологическим данным из могильников Ваймаствере (*1*), Отепя (*2*, *3*), Вирунука (*4*), Кыргепалу (*5*), Койккюла (*6*), Алуксне (*7*);
II — распространение набедренников у эстонцев, води и ижоры в XIX в. (по А. Воолмаа)

Результаты изучения археологического и этнографического материала, а также данных языка и фольклора показывают, что корни локальных различий эстонской народной одежды уходят глубоко в древность. Ареалы некоторых особенностей народной одежды, так же как и других явлений материальной культуры, соответствуют в общих чертах территориям диалектов эстонского языка, фольклорным районам, а также территориям, выделяемым по распространению местных особенностей археологических памятников в первые столетия н. э. (*Моора*, 1956, с. 244; ЭНО, с. 10—13, рис. 3—6). Отсюда можно сделать вывод, что начало формирования местных групп эстонской народной одежды связано уже с древними племенными различиями, восходящими к первобытнообщинному строю. В эстонской одежде хорошо видны пласты, связанные с племенными различиями прибалтийских финнов. Эти древние своеобразные черты не только в одежде, но и в остальной материальной культуре, а также в языке, отличают западную группу прибалтийско-финских племен в Западной и Северной Эстонии от населения южной и восточной Эстонии, связанного с племенами восточной группы прибалтийских финнов, в первую очередь с водью.

Насколько позволяют заключить местные особенности металлических украшений, различия между женской одеждой Южной и Северной Эстонии существовали уже в I тысячелетии. Особую подгруппу в Северной Эстонии составляет одежда западной части территории республики, в частности островов. Сохранение древних племенных различий еще и в XIV—XV вв. хорошо иллюстрирует карта распространения набедренника (рис. 79). Набедренники носили в южной и восточной части Эстонии, население которой на рубеже н. э. относилось к восточной группе прибалтийских финнов и было наиболее близким водским племенам (*Лаул*, 1974, с. 34). Древние племенные связи выражались в одежде и украшениях населения Восточной и Южной Эстонии и несколькими столетиями позже, хотя здесь появилось много пришельцев из западных и северных частей страны.

К первым столетиям II тысячелетия крайняя юго-восточная часть Южной Эстонии вместе с окрестностями Печор, где позднее известна этнографическая группа сету, а также большая часть водской территории вошла в древнерусское государство, что способствовало распространению на этих

землях славянских типов украшений (височных колец и серег, в других районах Эстонии не встреченных). Но при этом в одежде местного населения сохранялись общие элементы с южноэстонской одеждой. Так, сетуская народная одежда еще в XIX в. была, как и в других местах Южной Эстонии, белого цвета (ЭНО, с. 52). Одежду белого цвета носили также русские в окрестностях Пскова и латыши в северной Латвии, т. е. на территориях, население которых сформировалось на древней прибалтийско-финской этнической основе, точнее, ее восточной подгруппы. Сетуский геометрический орнамент более или менее сходен с орнаментом остальной Южной Эстонии. В результате длительного соседства с русскими в сетуской народной одежде, как и в остальной материальной, а также и духовной культуре, появилось много русских заимствований, бо́льшая часть которых относится, правда, к позднему времени — концу XVIII и XIX вв. (ЭНО, с. 55). Белая одежда чрезвычайно характерна для славян, да, наверное, и для всех народов, употребляющих беленый холст.

Северная и Западная Эстония с островами заметно отличались по одежде от Южной и Юго-Восточной Эстонии; в костюме Северной и Западной Эстонии можно проследить локальные различия. В женской одежде эстонских островов уже в первые столетия II тысячелетия имелись общие черты с одеждой Юго-Западной Финляндии (головные уборы из куска ткани, передник, сходство орнамента украшений из пронизок). В последующие века в одежде Северной Эстонии проявились и связи со шведами, поселившимися на побережье Северо-Западной Эстонии. В частности, распространившиеся с этой территории блузки-кяйсед послужили причиной того, что одежда Северной Эстонии с XVII в. стала еще больше, чем ранее, отличаться от южной части страны. От остальной Северной Эстонии отличались, в свою очередь, ее северо-восточная часть и западное побережье Чудского озера, где в одежде, как в начале II тысячелетия, так и позднее, проявились некоторые водские и русские черты, общие с территорией Юго-Восточной Эстонии, особенно с территорией сету.

Долгое сохранение многих, уходящих корнями в глубокое прошлое черт одежды, было вызвано сложившейся в Прибалтике исторической ситуацией. После вторжения немецко-датских феодалов в XIII в. в Прибалтику одежда здешнего местного населения стала одеждой угнетенного «ненемецкого» («undeutsche») крестьянства. Различия в одежде разных классов были в Прибалтике особенно резки. Помещики, горожане, купцы и большая часть обслуживающих их ремесленников принадлежали к другой национальности, говорили на чужом языке и носили совершенно отличное от крестьянской одежды немецкое платье. Это различие пытались закрепить характерными для феодального общества правительственными предписаниями, запрещая крестьянам и городским низам носить одежду, сходную с костюмом имущих слоев. Поэтому эстонская народная одежда резко отличалась от одежды господствующего класса. И если какие-то отдельные элементы и были восприняты из немецкой одежды, то преимущественно при посредстве возникающей сельской буржуазии и ремесленников в начальный период развития капитализма.

Глава десятая

АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ ВОДИ И ИЖОРЫ

*

Н. В. Шлыгина

Ингрия, или Ингерманландия, т. е. территория, расположенная к югу от Финского залива между р. Нарвой и устьем Невы и южная часть Карельского перешейка, отличалась в прошлом сложным этническим составом населения. Здесь жили чересполосно с русскими различные финноязычные народы: водь, ижора, так называемые петербургские финны или ингерманландцы, а также группы эстонцев, карел и вепсов, переселившихся сюда в разное время (*Köppen*, 1849).

Водь была наиболее древним известным нам населением этих мест и представляла собой ветвь североэстонских племен, отделившуюся, по лингвистическим материалам, к I тысячелетию н. э.; археологи предлагают более раннюю датировку (*Аристэ*, 1956, с. 21; *Моора Х. А.*, *Моора А. Х.*, 1965; *Седов*, 1952, с. 72; *Laanest*, 1975, lk. 16—21). Ижора выделилась из южнокарельских племен, заселявших северо-западный, а возможно, и юго-восточный берег Ладожского озера. Часть ижоры с течением времени продвинулась по течению р. Невы на запад и далее по побережью Финского залива. Что касается местных финнов, то основная часть их расселилась на территории Ингрии в XVII в. после Столбовского мира. Большая их часть была переселенцами из юго-восточной Финляндии и говорила на юго-восточных диалектах финского языка. На их происхождение указывают и их самоназвания — эвримейсет (äyrämöiset) — т. е. выходцы из прихода Эюряпяя (Äyräpää) и савакот (savakot)— т. е. переселенцы из провинции Саво (*Honko*, 1962, S. 15—43, карта на с. 27; *Laanest*, 1975, lk. 34—39; *Talve*, 1972).

Изучая историю одежды народов европейской части СССР на ранних этапах развития, невозможно пройти мимо тех своеобразных ее форм, которые были характерны для финноязычных народов Северо-Западного края — в первую очередь води и ижоры. В средние века они были достаточно многочисленны и сыграли немалую роль в формировании местного населения и его культуры. Наиболее ранние этнографические сведения об одежде води и ижоры относятся к концу XVIII — началу XIX в. (данные И.-Г. Георги, Фр.-Л. Трефурта, Л.-А. Цетреуса и Й. Шёнберга). Кроме того, некоторые, хотя и скудные, данные можно извлечь из полевых материалов и записок лингвистов и фольклористов, работавших в Ингрии в середине прошлого века (А. Алквист, Э. Лённрот, А. Регули) (см.: *Haltsonen*, 1958; 1958а). На рубеже XIX—XX вв. весьма богатый материал по одежде, в том числе и уникальные музейные экспонаты, были собраны здесь финскими учеными, в первую очередь В. Алава и Э. Сетяля.

Водская и ижорская одежда рассматривалась в обобщающих работах по финно-угорским народам такими известными финскими этнографами,

как А. Хейкель, У. Сирелиус, И. Маннинен и др. (*Heikel*, 1899; 1909; *Sirelius*, 1915; *Manninen*, 1957). Правда, ими эти материалы использовались преимущественно для построений, отражающих воззрения финских специалистов того времени на культуру финно-угорских народов. Каждый элемент одежды анализировался последовательно для каждого из народов финно-угорской языковой семьи, и строилась эволюционная линия его развития. При всех недостатках этого метода и ошибках, возникавших при подобных построениях, названные работы и сейчас представляют интерес благодаря богатому фактическому материалу, использованному авторами, и их наблюдениям по истории и эволюции форм одежды. Не утратили значения и многие выводы, основанные на анализе сравнительного материала. К некоторым из них мы вернемся в ходе нашего изложения.

Существенные вопросы истории развития одежды води и ижоры разбирались также в специальных статьях. Среди них заслуживают упоминания работы К. Салминен, финского этнографа, которая в 1930-х годах наряду со сбором полевых материалов на территории между реками Лугой и Нарвой, отошедшей в 1920 г. к буржуазной Эстонии, провела трудоемкую работу по анализу фольклорных данных об одежде води и ижоры (*Salminen*, 1931; 1933). Интересная работа принадлежит советскому этнографу Н. Прытковой, работавшей на территории расселения этих народов в 1920-х годах и сумевшей даже на столь позднем этапе уловить следы некоторых очень древних явлений в их одежде, хотя ее попытки реконструировать старинные формы одежды води привели к ошибкам, в сущности неизбежным при скудости имевшихся в ее распоряжении источников (*Прыткова*, 1930).

Особый интерес представляет вышедшая в 1970 г. работа эстонской исследовательницы Элины Эпик, где опубликован неизвестный до того труд русского литератора и историка Федора Туманского, написанный в 1789—1790 гг. (*Öpik*, 1970). В комментариях и введении Э. Эпик детально рассмотрела и ранее известные источники в свете данных Туманского. Ее анализ как рукописи Туманского, так и всего материала представляет собой практически прекрасное самостоятельное исследование вопроса, доступное, к сожалению, только людям, владеющим эстонским языком. Вряд ли возможно сейчас внести еще что-то новое в рассматриваемый вопрос, но, вероятно, целесообразно суммировать все имеющиеся данные.

Описывая водскую одежду конца XVIII в., мы можем в целом исходить из данных Туманского, достоверность и оригинальность которых уже тщательно проанализирована и установлена Э. Эпик. Материалы других источников того времени теперь могут использоваться как дополнительные. Данные об одежде как води, так и ижоры конца XVIII — начала XIX в. относятся лишь к сельскому населению и притом к его вполне определенным территориальным группам: по води — в основном из окрестностей Котлов, по ижоре, в первую очередь, с более восточной территории — Лендовщины (Хева) (*Öpik*, 1970, lk. 17—19, ссылка 24). Считать, что одежда была однотипна у всех групп води и ижоры вряд ли возможно; различия в их диалектах, сохранившиеся до XX в., заставляют предполагать, что в прошлом существовали различия и в материальной культуре, которые, как известно, особенно ярко проявляются в одежде.

Следует учитывать и значительные миграции обоих народов. Постепенное продвижение ижоры на запад сопровождалось поглощением ею какой-то части водского населения и контаминацией различных по происхождению элементов культуры.

Водь

Мужская одежда. Сведения по мужской одежде води у Трефурта и Туманского скупы: зимой мужчины носили шубы, летом — льняные, осенью — суконные кафтаны. Головной убор — шапка с красным верхом, отороченная мехом, рисунок которой приводит Туманский,— был отличен от русского и финского. В остальном же, по словам Туманского, одежда вожанина аналогична русской, хотя прежде они и имели «особливую им собственную одежду» (*Öpik*, 1970, 86; рис. на табл. III; *Trefurt*, 1783).

Женская одежда. Женская одежда води интересна как большим своеобразием покроя, так и тем, что в ней сохранились многочисленные и очень существенные различия по возрастным группам, гораздо в большей степени, чем у соседних народов в эти времена. Согласно Туманскому, различной была одежда: 1) девушек брачного возраста; 2) молодок; 3) замужних женщин старшего возраста; 4) старух. Очевидно, что следует предполагать отличия еще и в одежде детей-подростков.

Основной частью одежды как девушек, так и замужних женщин была глухая наплечная одежда без рукавов длиной почти до щиколоток. Она надевалась без рубахи, прямо на тело, а поверх нее носили короткую широкую кофту-рукавник. Эта весьма своеобразная как по форме, так и по способу ношения одежда — типа глухого сарафана — имела две формы: одна шилась из белого полотна и называлась *амы* (amõ, у Туманского — *амиг*), другая — из синего сукна и называлась *рукка* (rukka). Амы служила девичьей одеждой, а рукку носили замужние женщины, надевая ее впервые, видимо, на свадьбу.

Одежда под названием «амы» известна по материалам, собранным финскими исследователями на рубеже XIX—XX вв., и три экземпляра ее хранятся в коллекциях Национального музея в Хельсинки. Однако в то время она была зарегистрирована как уже вышедшая из употребления одежда старух.

Синяя рукка не дошла до нас, сохранился лишь сам термин, упоминавшийся также в старинных песнях. В них говорится о рукке как одежде невесты и о том, что она была синего цвета (*Salminen*, 1931, s. 56). О синей одежде, которую жених дарил невесте, писал и Трефурт, называя ее по-немецки Rock (*Trefurt*, 1785, S. 93; *Öpik*, 1970, lk. 105). Покрой рукки оставался неизвестным, тем более что немецкое Rock могло аналогично слову «платье» в русском языке обозначать любую форму одежды, от юбки до сюртука. Правда, в материалах середины XIX в. сохранились определения рукки — в словаре Алквиста она значится как «женский кафтан без рукавов синего цвета» (*Ahlqvist*, 1856, s. 149). Несколько иначе определяется рукка у Лённрота — он записал, что рукка — это парадная юбка (kjortel) (*Haltsonen*, 1958a, s. 188; *Öpik*, 1970, lk. 149). Это расхождение у авторов, которые еще могли видеть рукку если не на женщинах, то хотя бы

хранящуюся в сундуках, не столь удивительно, поскольку эту своеобразную форму одежды трудно правильно назвать, не будучи этнографом. Во всяком случае, данные словаря Алквиста не были оценены исследователями. К тому же и рисунок вожанки, опубликованный Трефуртом, был неправильно понят: до недавнего времени все считали, что женщина на нем одета в рубаху или кофту и синюю юбку (рис. 80). Только после публикации Туманского стало очевидно, что на рисунке изображена вожанка в синей рукке, верхняя часть которой скрыта кофтой-рукавником. Интересна при этом не только своеобразная форма сочетания и способа ношения одежды (нательная наплечная безрукавная одежда, поверх — кофта), но и самый вид этой кофты.

Рис. 80. Замужняя вожанка. Рисунок по гравюре из статьи Трефурта (*Trefurt*, 1785)

Рукавник — *ихад* (буквальный перевод термина — «рукава») — вообще довольно распространенный элемент одежды, известный и у соседних народов. Водские рукава-ихад интересны примитивным покроем, который хорошо описан и виден на рисунках Туманского. Ту же форму имеет и один дошедший до нас их экземпляр (рис. 81, *в*) [1]. По покрою ихад похожа на верх рубахи — станушку, однако не имеет боковых швов, так что собственно рукава прикреплены к ней только в верхней части.

Туманский сообщает, что у девушек рукавник был простой холщовый, а у молодок на плечах и у кисти руки украшался вышивкой бисером и каменьями. О бисерной вышивке на рукавнике есть сведения и от середины XIX в. (*Haltsonen*, 1958, s. 108; 1958a, s. 32), но сохранившийся упомянутый экземпляр ихад скромно украшен мережкой и вышивкой белой нитью. Правда, он принадлежал уже старой женщине, а по Туманскому и в его время старшие женщины носили рукавники без украшений.

Э. Эпик уже обратила внимание на то, что в рисунках Георги есть женская фигура в одежде, очень напоминающей кофту-рукавник («Чухонская крестьянская баба») (рис. 82). Также и при описании одежды «финнок» Георги сообщает, что они носят «подобную верхней рубашке телогрею с широкими рукавами», что заставляет предположить, что речь может идти именно о водской одежде ихад (*Георги*, 1776; *Öpik*, 1970, lk. 18).

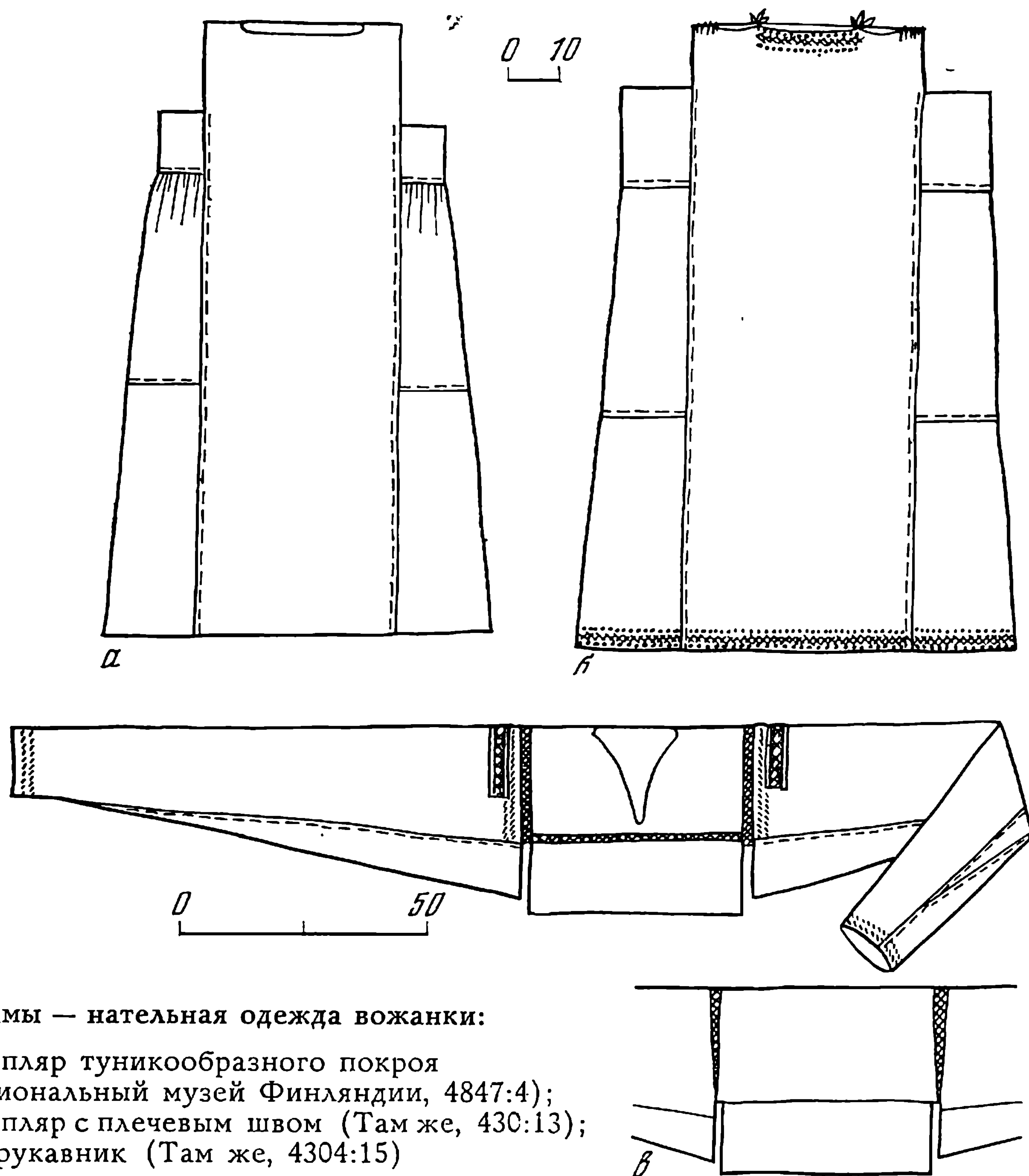


Рис. 81. Амы — нательная одежда вожанки:

а — экземпляр туникообразного покроя (Национальный музей Финляндии, 4847:4);
б — экземпляр с плечевым швом (Там же, 430:13);
в — ихад-рукавник (Там же, 4304:15)

Сообщение Туманского, что комплекс рукка-ихад (или амы-ихад) надевался прямо на тело, без рубахи, не вызывает особых сомнений. Напротив, в сочетании с данными о покрое ихад (без боковых швов) объяснимы и наблюдения некоторых путешественников, что когда вожанки поднимали руки, то под мышкой было видно голое тело. Однако нет оснований полагать, что такая общераспространенная для рассматриваемого региона в целом форма одежды, как рубаха, была неизвестна води вообще.

Туманский сообщает, что старухи носили «сарафан простой белый холстинный, с рукавами, сшитый как мужская рубашка и называется уммика» (*Öpik*, 1970, lk. 101—102). Сопоставление «сарафана» с мужской рубахой было неслучайным, так как другие исследователи просто называют уммико рубахой, носимой старухами «как платье» (*Ahlqvist*, 1856, s. 157; *Öpik*, 1970, lk. 153, комм. 71). Можно полагать, что рубаха была также одеждой подростков, вероятно, служила и рабочей одеждой.

Одежда водских женщин дополнялась большим количеством поясных элементов — передников и набедренников, ношение которых было также четко регламентировано по возрастным группам. Передники и набедрен-

ники носили как девушки брачного возраста, так и замужние женщины (но не старухи). Однако девушки надевали лишь один полотняный передник, а у замужних женщин, кроме того, обязательным был и второй, из синего сукна, который носили под полотняным.

Полотняный передник — *чесярятид* (čässärätid) — имел форму двух узких полотнищ, спускающихся вниз от пояса и сшитых только вверху. Его хорошо видно на рисунках Трефурта и Туманского. Последний наряду с подробным описанием передника дает и его размеры: «...два полотнища шириной по поларшина и длиной аршина в полтора». Поздние экземпляры чесярятид, которые имеются в музейных коллекциях, сохранили те же размеры (0,7×1 м), хотя уже в форме одного цельного куска ткани. Интересно, что один из них имеет снизу разрез, имитирующий старую форму чесярятид [2].

Рис. 82. «Чухонская крестьянская баба» (по Георги)

Если полотняный передник украшался просто вышивкой, то нижний, суконный, был шит бисером, бронзовыми пронизками и колечками, украшен монетами и бубенчиками. Богато украшенный суконный передник — *пыльвилина* (põlvilina) был принадлежностью костюма молодки, женщины постарше снимали с него украшения.

На боках от пояса спускались набедренники в виде двух суконных полос — *каатырыд* (kaatõrõd, у Туманского — *катрид*). Они ткались специально из красной шерсти с цветными полосами и украшались бисером, кораллами, раковинами каури и монетами (рис. 83). Набедренники были известны у многих, в том числе и финно-угорских, народов, и этот элемент одежды отличался большой устойчивостью. Аналогичные водским набедренники были, видимо, принадлежностью костюма финских женщин еще в железном веке (*Vahter*, 1931, s. 40—49). У води и ижоры они сохранялись и на позднем этапе, в конце XIX — начале XX в., когда их носили уже с юбками-хурстут и русским сарафаном. Сохранились некоторые сведения о том, что им придавали некоторое магическое значение (*Manninen*, 1957, S. 159).

В костюм невесты входил еще один своеобразный элемент поясного украшения: узкий вышитый платок, висевший на боку рядом с передником. Туманский называет его просто *ретити* (räti — платок); очевидно, его же упоминают Регули и Лённрот как *боккорятте*, причем первый из них добавляет, что «бокко» значит по-русски «бок».

Для вожанок было характерно ношение, во всяком случае с празднич-

Рис. 83. «Изображение чюдской молодки в полном уборе»:

а — вид спереди; *б* — вид сбоку; *в* — вид сзади. Рисунки Ф. Туманского (по *Öpik*, 1978, s. 97—98, 100)

ным костюмом, нескольких поясов. Обычными были, видимо, два тканых пояса, надевавшихся один на другой: нижний, «широкий», — *ладья вюэ* (lad'dja vyo — 'широкий пояс') и верхний, узкий,— *чирья вюз* (čirjavyö —пестрый пояс). Сверх того, носили кожаный пояс *пуута* (puuta), украшенный оловянными бляшками. По сообщениям Трефурта и Регули, этот пояс дарил невесте жених. У Туманского он изображен на рисунках, изображающих молодку (*Trefurt*, 1785, s. 93; *Haltsonen*, 1958a, s. 32; *Opik*, 1970, lk. 97). В прошлом, видимо, были известны и еще какие-то формы поясов, так как в конце XIX в. вожанки рассказывали, что ранее на «правильно одетой невесте» было девять поясов и всего существовало их десять форм (*Alava*, XI, s. 325).

Головные уборы и прическа у водских женщин разного возраста и положения имели также весьма существенные различия. Интересно, что именно прическа и головной убор замужних вожанок известны по очень ранним источникам. Местный обычай отрезать женщинам при выхо-

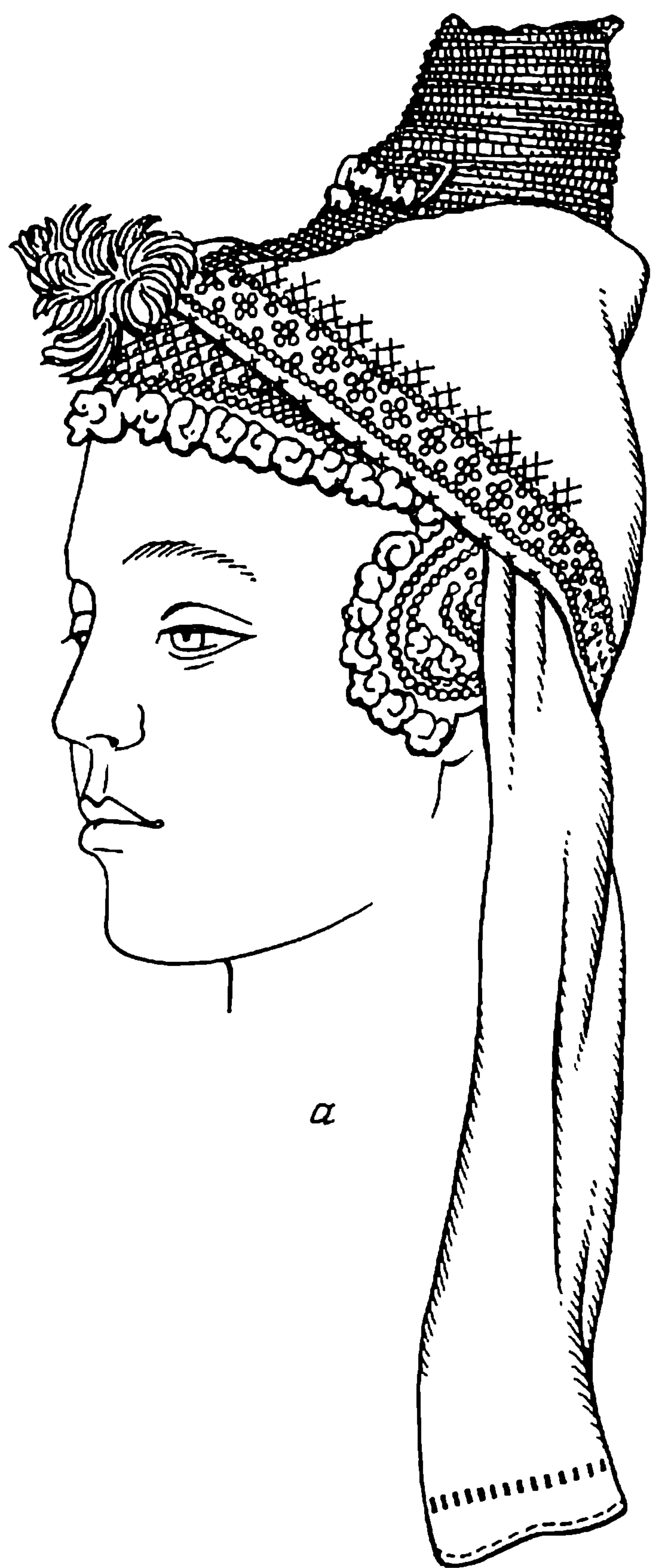
де замуж волосы и даже сам белый головной убор казались православным священникам несовместимыми с христианством, и они старались бороться с языческими нравами води. Это нашло отражение в некоторых документах XV в. (*Кеппен*, 1851, с. 42, примеч. 88).

До брака волосы носили распущенными, во всяком случае в праздники. Девушки на выданье покрывали голову *пяясиэ* (pääsiä) — шапочкой полусферической формы. Сзади снизу у нее была сделана петля (kassa nitto — т. е. косная нитка), через которую пропускали волосы. Вся поверхность шапочки была сплошь расшита бисером, раковинам каури, оловянными бляшками. На висках из-под шапочки спускались и шли назад, под волосы, «тясьмы», украшенные бисером и каури, которые и помогали шапочке держаться на голове (рис. 84, *б*). Они назывались *кыркалункад* (*kõrvalunkad*, т. е. ушники, позже этот термин сменился русским — *ушникад*). Молодка носила уже иной головной убор — *пайкас* (paikas). По Туманскому, это — «шапка подобныя гранодерским... вышитыя и выстроченныя на холсте самом чистом белом, и от шапки вниз по плечам пущены длинныя и широкия лопасти называемыя пеапюгде...» (peapühde, т. е. головное полотенце). На верху шапки было вышито украшение «наподобие цветка» бисером и «змеиными головками» (каури) (рис. 83) (*Õpik*, 1970, lk. 95—96).

Аналогичное описание головного убора, надеваемого невесте после отрезания волос, дано Цетреусом; о том же «башнеобразном колпаке» сообщал и Шёнберг. В середине XIX в. Алквист отметил, что пайкас уже вышла из употребления (*H. O*[*jansuu*], 1906, s. 2—3; *Õpik*, 1970, lk. 147). О том, как долго носила молодка пайкас, сведения расходятся: по Шёнбергу — первый год замужества, по Туманскому — два года, по другим данным — до рождения первого ребенка или именно мальчика (т. е., возможно, и очень долго) (*Õpik*, 1970, lk. 99, 152; *Haltsonen*, 1958a, s. 32). После того белый головной убор сменялся на красный, аналогичного покроя, сшитый из сукна и называвшийся, как и девичий, пяясиэ. Под него надевалась полотенчатая часть пайкас, которая в отличие от пеапюхде повязывалась так, что на спину спускался длинный конец. Поверх пяясиэ повязывали еще сложенный наугол шелковый платок, причем таким образом, чтобы узел приходился надо лбом.

Старухи носили также сложный головной убор — белый пайкас, поверх которого накидывалось еще белое покрывало — *ылгалина* (õlgalina, у Туманского — *оелкалинна*). Пайкас не дошел до современных исследователей, однако, поскольку старые авторы называют его шапкой или колпаком, можно полагать, что это был сшитого типа убор.

Одежда вожанки дополнялась разнообразными украшениями. Замужние женщины носили нагрудные украшения из двух кусков красного сукна в форме серпа или полумесяца, сплошь зашитых бисером, «кораллами», раковинами каури. Одно, более широкое,— *мюэци* (müätsi)— надевалось пониже, другое, более узкое,— *риссико* (rissiko) — ближе к шее. Эти украшения хорошо видны на гравюре Трефурта (рис. 92). Они были принадлежностью замужних женщин, и снимали их только в старости. Все, вне зависимости от возраста, носили нагрудный крест, который прикреплялся к двойной нити бус *риссивирка* (rissivirka, т. е. крестный шнур), а молодые женщины носили вокруг шеи также множество бус.



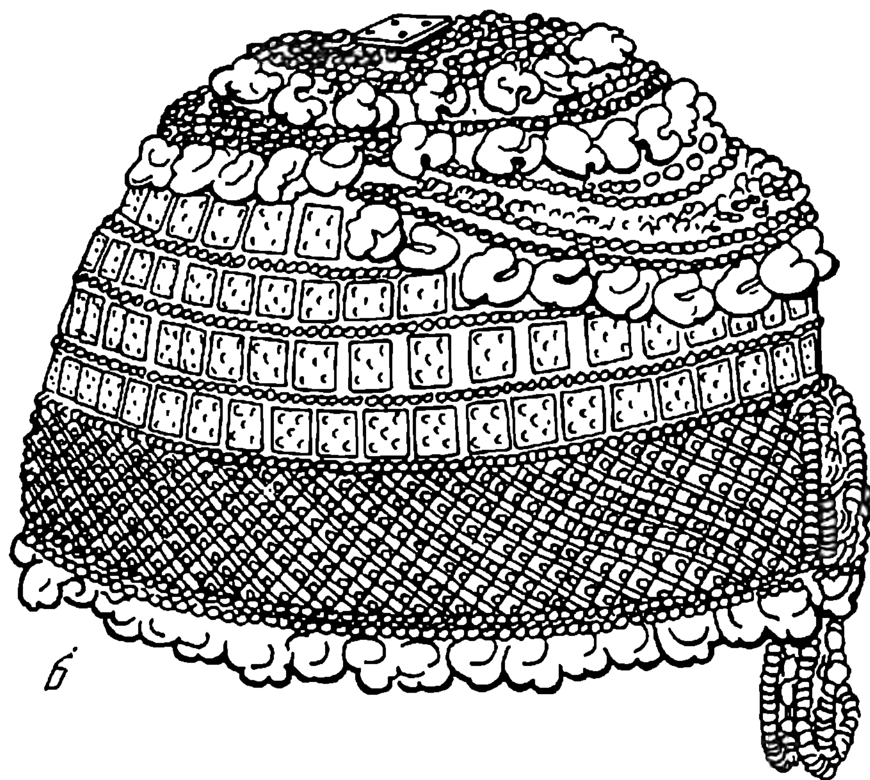


Рис. 84. Головные уборы вожанок:

а — головной убор замужней вожанки (по *Manninen*, 1977, Taf. IV); *б* — головной убор девушки (Национальный музей Финляндии, 4304:2)

Интересны сложные височно-ушные украшения, форма которых не вполне ясна в деталях. Видимо, к продетым в уши серьгам подвешивались большие кольца, а к ним — различные привески из камней, жемчуга и т. п., а также серебряные и золотые шнуры с кистями. Кольца назывались *пелдушкад* (*pelduškad*), а подвесные украшения — *ойтанад* (*oitanad*, ← рус. гайтан). Кроме того, от колец отходили более длинные шнуры, которые на спине связывались вместе и спускались до поясницы. Эти украшения снимались лишь в пожилом возрасте.

На ногах вожанки носили короткие чулки-*капутат* (kapputad): поверх них — толстые обмотки *ялкарятид* (jalkarätid), затем наголенники *ривад* (rivad) и кожаные туфли без каблука, видимо, типа постол, прикрепленные оборами [3]. Внимание Туманского привлекло то обстоятельство, что ноги обматывались очень толсто, так что казались «с выгибом или кривы» — обычай, в общем широко распространенный, в частности у народов Поволжья.

При сопоставлении водской одежды с одеждой других прибалтийско-финских народов, прежде всего следует обращаться к эстонским материалам, учитывая родственную близость этих народов. Не возникает сомнений в правильности сопоставления водской амы-рукка, т. е. глухой наплечной безрукавной одежды, с материалами археологических находок в Эстонии, в первую очередь с одеждой XIV—XV вв., найденной в болоте Париссельья (см. в настоящей книге главу С. Лаул). Это прекрасной сохранности шерстяная одежда глухого туникообразного покроя без рукавов. Видимо, аналогичны ей были формы одежды и из некоторых других мест-

ностей, хуже сохранившиеся (*Моора*, 1960, с. 15—20, рис. 7*а*, 9). Туникообразный покрой был в Эстонии, как и у некоторых соседних народов, очевидно, весьма древним и устойчиво сохранялся в разных элементах одежды, в частности рубахах, практически вплоть до исчезновения народного костюма.

По археологическим материалам глухая наплечная одежда без рукавов известна была примерно в то же время (XII—XIII вв.) и на территории Финляндии. Однако некоторые хорошей сохранности материалы (в частности, из Перниё, Кауккола и Эура) позволяют с полной уверенностью заключить, что здесь речь идет об одежде, ткань для которой была изготовлена на вертикальном станке. Поэтому полотнище было широким и сшивалось одним боковым швом, при этом оно соответствовало длине одежды и скреплялось на плечах с помощью фибул (*Appelgren-Kivalo*, 1907; *Kivikoski*, 1961, s. 233—242; *Lehtosalo-Hilander*, 1973, s. 15—32). В связи с последними находками (в Эура) было высказано предположение, что верхняя часть этого одеяния была двойной и держалась на плечах при помощи пряжек (*Lehtosalo-Hilander*, 1978, s. 32).

Покрою — наличию или отсутствию плечевого шва — при определении генезиса и сходства форм одежды справедливо придается большое значение. Для сопоставления водской одежды с эстонской и финской мы не располагаем достаточным материалом: имеющаяся водская одежда относится к более позднему времени, а старые описания ничего не говорят об этой детали покроя. Сохранившиеся экземпляры амы различного типа; одна — туникообразного покроя, две — с плечевыми швами, причем все три приобретены на рубеже XIX—XX вв. в одной деревне [4]. Возможно, что плечевые швы этих амы вторичны, а у одной из них, видимо, просто починена верхняя часть. Сходные с амы формы можно найти и среди русских глухих безрукавных косоклинных сарафанов (Крестьянская одежда, 1971, с. 58, 72, рис. 45, 58). Вероятно, были сходные формы и на территории Карелии и восточной Финляндии. Но ближе всего амы к эстонским археологическим материалам, что вполне естественно, учитывая происхождение води, и можно считать, что когда-то такая шерстяная одежда была известна обоим народам.

Второй основной элемент водского костюма — рукавник-ихад — свидетельствует и о более поздних культурных контактах с Северной Эстонией. Как уже упоминалось, рукавник — довольно распространенный элемент одежды, известный, в частности, и русским. Однако у последних он имел несколько иной покрой и не составлял обязательного элемента костюма, тем более праздничного. Гораздо ближе по покрою к водским ихад эстонские кяйсед, что также значит «рукава». Правда, последние имели более развитую форму покроя — с боковыми швами, что, вероятно, отчасти связано с тем, что у эстонцев кяйсед надевались не с наплечной, а с поясной одеждой. Кяйсед появились в Северной Эстонии в XVII в. (*Manninen*, 1927, lk. 303—314; *Моора*, 1960, с. 19; Крестьянская одежда, 1971, с. 134; *Маслова*, 1956, с. 647—648). Вероятно, они постепенно продвигались с запада на восток вдоль побережья, распространившись у води и финнов на островах Финского залива. Кяйсед сохранились у северных эстонцев и на финских островах в праздничных костюмах практически до перехода к городской одежде. У води же рукавник исчез примерно в середине

прошлого века, когда старинная одежда стала сменяться новыми формами, складывавшимися под сильным русским влиянием.

Характерным элементом старинной одежды западнофинских народов (эстонцев, финнов и води) был шерстяной передник, известный уже по археологическим материалам. Можно предполагать, что он был принадлежностью именно замужних женщин. В Эстонии, правда, передник вообще носили лишь по выходе замуж. Шерстяные передники в Эстонии вплоть до конца XIX в. сохранялись на о-ве Муху, но ранее были известны шире (*Manninen*, 1927, lk. 314—324; *Kivikoski*, 1961, s. 239; *Voolmaa*, 1975). У соседних народов — у латышей и русских — шерстяных передников, видимо, не носили.

Набедренник имел широкое распространение у финно-угорских народов, в связи с чем неоднократно привлекался исследователями как свидетельство их культурной общности. Но форм, близких к водским каатырыд, на востоке, у поволжских народов, мы не знаем. На основе археологических данных можно полагать, что сходные формы были известны в прошлом на территории Финляндии (*Vahter*, 1932). Вероятно, у эстонцев в прошлом были и какие-то аналогии водскому «боковому платку». В Южной Эстонии известен был кюльератт (küljerätt, т. е. «боковой платок»), который, вероятно, здесь был принадлежностью комплекса одежды с несшитой юбкой. На юго-востоке, у сету, носили на боку декоративное полотенце, которое называлось набедренником (puusepõll), и, по-видимому, являлось именно его вариантом (ЭНО, с. 36, 53). Полотенчатые элементы головных уборов у води служат лишь составной частью сложных уборов, которые в целом не имеют аналогий у соседних народов. К ним мы вернемся ниже. Зато наплечное покрывало ылкалина, носившееся старухами, может восходить к общим эстонско-водским формам, хотя наряду с этим было издавна известно и финнам, и летто-литовским народам.

Важны некоторые детали украшений, в частности наличие в относительно поздних формах одежды бронзовых пронизок и колец, которые, правда, уже начали в XVIII в. сменяться вышивкой желтым бисером, а также бубенчиков. Во-первых, украшение одежды бронзовыми пронизками было, как доказывают археологические материалы, характерно и для Восточной Прибалтики, и для Финляндии. Во-вторых, их сохранение в одежде води свидетельствует лишний раз об определенном консерватизме ее одежды вообще. В-третьих, можно полагать, что бронзовые пронизки, так же как и бубенчики, сохранялись именно на более древних элементах одежды, для которых они были характерны и ранее: на набедренниках, шерстяных передниках [5].

Не столь древним, но весьма архаичным было использование в качестве украшений и оловянных бляшек. Вообще оловянные украшения в XVII—XVIII вв. были распространены в Эстонии. На островах оловянные декоративные застежки сохранились и позже. Правда, кожаные пояса у эстонцев известны лишь с медными наборными украшениями (*Manninen*, 1927, lk. 297, 378 jj).

Наряду с чертами, характерными и для других прибалтийско-финских, а иногда и летто-литовских народов, в одежде води обнаруживаются параллели с одеждой и весьма отдаленных народов, в частности поволжских. Прежде всего они обнаруживаются в головных уборах, называвшихся пяя-

сиэ. Оба они — как полусферическая шапочка девушки, так и красный убор с коническим верхом замужней женщины — не имеют сходных форм ни у кого из соседних народов. Зато полусферические шапочки, украшенные бусами и монетами, носили девушки на выданье у народов Поволжья, как финноязычных (мари, мордва, удмурты), так и тюркоязычных (чуваши, татары, башкиры) (*Manninen*, 1957, s. 96—97; *Öpik*, 1970, lk. 135). Определенные аналогии с пяясиэ замужних вожанок имели высокие головные уборы, которые носили когда-то мари, а также башкиры и чуваши (Manninen, 1957, s. 89—96; *Öpik*, 1970, lk. 39).

Восточные параллели имело и нагрудное украшение вожанок в форме двух серповидных полос ткани, украшенных раковинами, бисером и подвесками. Оно близко по форме к удмуртским, также парным нагрудникам, которые назывались чертыкыч. Но прямая параллель отмечается с татарским украшением, которое носило то же самое название муэнса, что значит «нагрудник» (*Суслова*, 1981, с. 100—101).

Обращает на себя внимание широкое использование в качестве украшений раковин каури. Они, как известно, имели широкое распространение и от мест их лова доставлялись на огромные расстояния. Интересно, что на территории Ингрии они появляются лишь в XIV в., т. е. значительно позже, чем на территории Латвии и Эстонии, где они известны уже в VII—VIII вв. Вероятно, в Прибалтику они шли иными торговыми путями, чем в Северо-Западный край, куда, очевидно, они привозились через Поволжье. «Ужовки» использовались и русскими, однако в значительно меньшей мере, чем водью и ижорой.

В заключение необходимо отметить, что собственно славянское влияние в одежде води на рассматриваемом этапе, т. е. в конце XVIII в., прослеживается очень слабо (если не считать мужской одежды). Вероятно, под славянским влиянием сложились у води височные украшения ойтана. Для других прибалтийско-финских народов (кроме ижоры) они нехарактерны. Можно полагать, что и кольца-подвески к серьгам являются дальнейшим развитием тех многобусенных височных колец, которые известны по курганным захоронениям води и также говорят о славянском влиянии (*Седов*, 1953, с. 195; *Öpik*, 1970, lk. 136—137).

Можно отметить также некоторые термины, заимствованные из русского — койтанад (гайтан), каатыры (скатерть) и др. Возможно, кое-где прослеживалось русское влияние и на покрое традиционных водских форм одежды — так, например, сохранившийся в музейных фондах экземпляр ихад имеет очень длинные, суженные к кисти рукава, подобные тем, что были у русских рубах-долгорукавок. Эта эффектная для праздничного одеяния форма рукавов проникла на юго-восток Эстонии (к сету) и на Карельский перешеек к местным финнам (ЭНО, с. 53, табл. XVII; *Schvindt*, 1913, s. 37; *Öpik*, 1970, lk. 68). Видимо, в какой-то мере она была воспринята и водью, но, насколько широко распространилась здесь эта мода и когда, мы не знаем. Вероятно, все же лишь в XIX в., поскольку Туманский не отметил такого покроя.

Ижора

Данные Георги и Туманского об ижорской одежде почти не расходятся, кроме того, они хорошо подтверждаются более поздними сведениями, поскольку старинные формы ижорской одежды дожили почти до XX в. От XVIII в. мы, как будто, имеем и рисунки. У Туманского они, к сожалению, отсутствуют, но у Георги, видимо, ижорку изображает гравюра «Чухонка в уборном платье» (вид спереди и сзади) и, вероятно, также рисунок «Ингерская крестьянская баба».

Мужская одежда. Относительно мужской одежды данные у обоих названных авторов скудны и говорят лишь об ее сходстве с мужской одеждой других народов Ингрии: Георги сообщает, что «она во всем подобна одеянию финских мужиков», а Туманский — что «они одеваются точно как русские» (*Георги*, 1776, с. 27; *Õpik*, 1970, lk. 68).

Женская одежда. Описывая достаточно подробно женскую одежду, Туманский ничего не говорит о различиях по возрастным группам; видимо, сложной градации, подобно водской, здесь не существовало, иначе столь внимательный наблюдатель не прошел бы мимо этого.

Основным элементом одежды ижорок была рубаха — *рятсиня* (rätsinä ←рус. рядина). Иногда надевали две рубахи сразу, причем, судя по Туманскому, в таких случаях нижняя рубаха имела более короткие рукава, чем верхняя, так что, вероятно, можно говорить о существовании особой нижней рубахи. Рятсиня была относительно короткой, чуть ниже колен. По словам Георги, рубаха была узкой, плотно прилегала к телу и имела плотно охватывающие руки и шею обшивки (*Георги*, 1776, с. 27). Этих особенностей никак нельзя уловить из данных Туманского (и более поздних материалов), так что не исключено, что Георги говорит о каком-то локальном варианте покроя или просто ошибся.

Рубаха-рятсиня имела довольно сложный покрой. Она состояла из верхней части, очень короткой станушки, к ней от подмышек пришивалась подстава-*меехуста* (meehusta) из простого холста. Верхняя же часть состояла из двух оплечий-*хартиуксет* (hartiukset), соединенных сзади полоской ткани в три вершка шириной (nisantakain, т. е. «часть за затылком», у Туманского ошибочно — «мизантакайн»). Спереди к оплечьям на груди пришивали по узкой полоске полотна (poimet), которые с обеих сторон окаймляли нагрудный разрез. Рукава были пришиты к оплечьям (рис. 85, *а*). Рубахи необычайно богато украшались тканым и вышитым орнаментом, так что Георги с полным основанием говорит о том, что «женская одежда нарочито еще и суетна» и «на отделку такой рубахи требуется времени не менее, чем как недели четыре» (*Георги*, 1776, с. 27). Расцветка и орнаменты подробно описаны Туманским. Интересно, что оплечья имели несколько иной орнамент и цветовую гамму, чем рукава. Богатство орнаментации обращает на себя внимание и на более поздних, дошедших до нас экземплярах рятсин.

Поверх рубахи ижорки носили своеобразную одежду из двух полотнищ на лямках, которую старые авторы называют «запонами» (Георги) или «родом передника» (Туманский). Надевались они также весьма необычно: одна лямка на левое плечо — и полотнище закрывало тело с правой стороны, другая — на правое плечо и запон закрывал левый бок [6]. Одно полот-

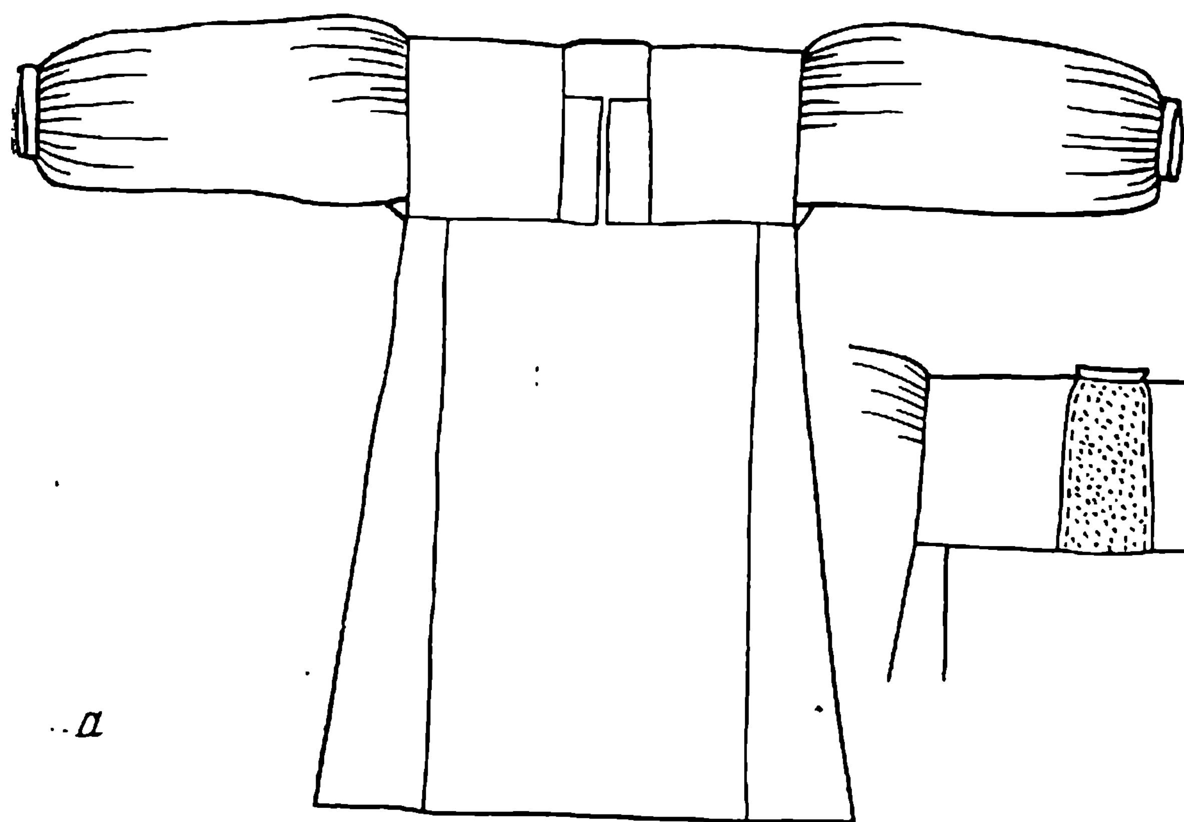
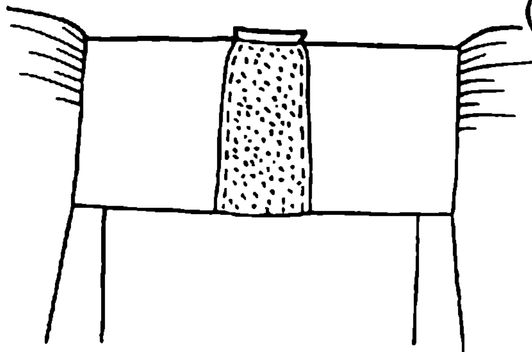
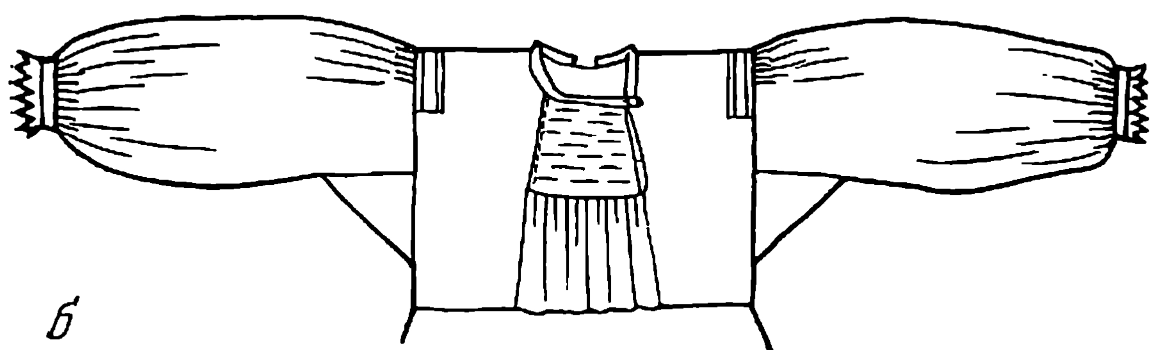
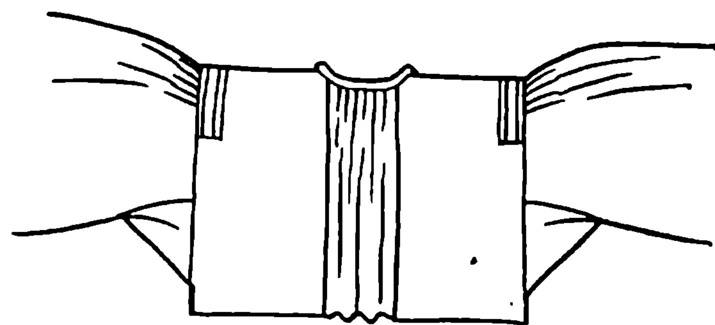





Рис. 85. Женские рубахи:
а — ижорская рятсина (Национальный музей, 4304:2);
б — рубаха финок-эвримейсет (верхняя часть), вид спереди и сзади (Там же, 5733:2)

нище, лямка которого надевалась на левое плечо, было большего размера и служило верхней частью. Оно называлось *аанпуа* (aannua) и было шириной примерно в два аршина, так что закрывало весь корпус, оставляя лишь просвет на левом боку, который закрывало нижнее, более узкое (аршин с четвертью) полотнище-*хурстут* (hurstut). Внизу аанпуа и хурстут, согласно Туманскому, доходили «до самих башмаков». Нижний запон-хурстут ткался поперечнополосатым, и внизу имел «подолье» — *лбеус* (lebeus) из разноцветных лоскутков сукна и три суконных «окромка» — *сувве* (suvve), которые придавали подолу жесткость.

Аанпуа ткалась из шерсти или делалась из покупного сукна, обязательно синего или черного цвета («а белого и красного вообще никогда не носят»). Будничное платье, по свидетельству Туманского, вышивки не имело, а праздничное вышивалось шелком и бисером, благодаря чему было тяжелым и плотно прилегало к телу (*Õpik*, 1970, lk. 73—74, 76).

Одежда дополнялась передником-*полле* (polle), узким, вытканным из разноцветного шелка или шерсти и украшенного бисером, жемчугом и раковинами каури. Именно такой передник изображен на гравюре Георги (рис. 86). Передник держался при помощи пояса *вюё* (vyö), кроме того, на поясе носили еще «спинной передник» — *селга вюё* (selga vyö). Этот элемент одежды со временем сильно изменился, так что его старая форма стала известна только по описанию Туманского: это была полоса сукна шириной в четверть аршина, сплошь покрытая бисерной вышивкой, украшенная золотым и серебряным позументом, раковинами каури, которые, помимо этого, свисали вниз на шнурках, образуя нечто вроде бахромы [7].

Кроме того, носили еще кожаный пояс, украшенный оловянными бляшками (tina remena, т. е. «оловянный ремень»), который два-три раза оберты-

Рис. 86. «Чухонка в уборном платье» (по Георги):

а — вид спереди; *б* — вид сзади

вался вокруг талии и застегивался пряжкой. Его хорошо видно на рисунке у Георги (рис. 86).

Различие в одежде девушек и замужних женщин было лишь в форме головного убора и прически. Девушки особого головного убора не имели, а волосы, согласно данным Туманского, носили распущенными, спереди подрезая их челкой. По словам Георги, они заплетали косы, что, вероятно, было повседневной прической (*Õpik*, 1970, lk. 68—69; *Георги*, 1776, с. 27). Прическа замужних женщин была сложной. Волосы разделяли на три части: на затылке волосы собирались в пучок, а спереди разделялись пробором и заплетались на висках в косы или просто скручивались и укладывались жгутом-*сюкярет*. Таким образом, образовывалось три пучка, которые соединялись между собой тесьмой. Поверх надевался убор полотенчатого типа — *саппана*, или *саппано*. Он держался на голове с помощью завязок: прилегавшая ко лбу часть имела тесьмы, идущие от висков назад, к затылку. От затылочной части снизу вокруг головы шли завязки. Длинный конец убора спускался вниз по спине, проходя под пояс, и достигал до нижнего края одежды. Саппано украшалось вышивкой

и позументом на очелье-*отсимус* (otsimus) и теменной части; кроме того, посредине спускавшегося конца-*пурста* (purstva) шла также вышивка (*Öpik*, 1970, lk. 70; *Paulaharju*, 1912, s. 39—43). Ворот рубахи застегивали овальной серебряной фибулой (рис. 87). На шее носили большое количество ожерелий. Часть бус носили на коротких нитях, а часть спускалась на грудь. Ожерелье из раковин каури и разноцветных камней было длиной до пояса. На нитке из наиболее дорогих камней висел крест. В ушах ижорки носили небольшие серьги — *тиллукайет* (tillukaiet), а в них вдевались вторые — «собственно ижорские» — *таллукар* (tallukar). Последние имели вид несомкнутого кольца-*панга* (panga) с двумя отходящими вниз металлическими ножками-прутиками *сяярет* (sääret), которые были украшены большими каменьями. Кроме того, к кольцам крепилось множество лент — *корва линтит* (korva lintit, т. е. ушные ленты), которые полукружием спускались по спине.

На ногах носили чулки, оборы и обмотки. Прямо на голую голень надевали красные обмотки-*риват* (rivat): Туманский называет их «покромками». Они закреплялись черными оборами, в холодную погоду поверх них надевали шерстяные, узорной вязки чулки-*суккат* (sukkat), а сверх— еще короткие белые холщовые обмотки-*рятит* (rätit), закрепленные красными оборами-*пунапаглат* (punapaglat). Обувь названа Туманским «босовиками» и дан термин *кенгет* (kenget), который может обозначать практически любую форму обуви. Но затем он говорит о каблуках, так что можно полагать, что обувь была на жесткой подметке.

Ижорская одежда не была столь сложной, как водская (в первую очередь благодаря отсутствию в ней сложных возрастных отличий), но она весьма примечательна своеобразием форм. Интересно, что в ней не обнаруживается в основном сходства с водской одеждой. Но на рассматриваемом этапе одежда различных прибалтийско-финских народов прошла уже долгий путь со времени распада их прежней общности. При этом естественно предполагать наличие в ижорской одежде черт, общих с одеждой народов, восходящих к южнокарельским племенам, в первую очередь живущих на Карельском перешейке.

Сведения об одежде населения Карельского перешейка довольно поздние и относятся в основном к местным финнам — савакот и эвримёйсет. Собственно ижорское население этой территории было в свое время плохо изучено, а затем оно растворилось среди местного финского и русского населения. Известные параллели можно еще обнаружить в одежде эвримёйсет, которые были исконным населением Привыборгской части перешейка. Об их одежде сохранились еще некоторые, хотя и скудные, но, видимо, достаточно точные данные от XVIII в. В конце XVIII в. в приходе Пюхяярви эвримёйсет носили одежду в виде двух полотнищ на лямках. По сведениям, приводимым И. Маннииеном, и ткань, из которой изготовлялась эта одежда, была аналогична той, из которой была ижорская хурстут-аануа (*Schvindt*, 1913, s. 18; *Manninen*, 1957, s. 121). Правда, термин «аануа» на территории Карельского перешейка не встречается, одежда называлась просто «хурстут». В другом случае хурстут из прихода Кирву описана как «полуюбка» (Halbrock) из сукна с красной полосой по подолу. Определение «полуюбка» обозначает здесь именно несшитую форму одежды, но не поясную, поскольку сказано, что она доходила до подмышек

и держалась на одном плече с помощью пестрой лямки, а длиной была до пят. При этом с одного бока видно было рубаху. Таким образом, здесь мы встречаем не два, а одно полотнище с лямкой, но по форме оно сходно с аannua ижорок.

В других случаях (приходы Яяски, Антреа, Кирку, Койвисто, Уусикирко и др.) хурстут более определенно характеризуется как клетчатая юбка с красной полосой по подолу (*Schvindt*, 1913, s. 105, 117, 140). Не исключено, что с течением времени хурстут приобрела и такую форму.

Наряду с этим сохранились описания и рисунки хурстут, имевших вид небольшого передника на лямке, который носили поверх одежды на одном боку (приходы Руоколахти, Рантаъярви, Йоутсено). Эти хурстут по форме вполне соответствовали хурстут ижорок из Хева, по функции же они превратились в нечто типа наплечного покрывала: так, например, ими закрывали в дождь голову и плечи (*Schvindt*, 1913, s. 150, 154).

С более отдаленных территорий как Карелии, так и Финляндии, мы не имеем данных о формах одежды подобных хурстут-аannua. При этом, как уже упоминалось, имеются достаточно надежные реконструкции женской одежды XII—XIII вв. как из восточной, так и из западной части Финляндии. Реконструкции же женской одежды из Перниё (западная Финляндия) и из Кауккола (восточная Финляндия), относящиеся к XII—XIII вв., свидетельствуют об одежде, состоявшей из рубахи и надетой поверх нее шерстяной глухой одежды без рукавов. Шерстяная ткань верхней одежды была изготовлена на вертикальном стане, так что полотнище соответствовало длине одежды и имело один боковой шов, а на плечах скреплялась фибулами. Новая реконструкция по материалам раскопок из Эура (западная Финляндия) предполагает, что в верхней части полотнище было двойным, что в общем не меняет принципа покроя (*Lehtosalo-Hilander*, 1978). Вряд ли этот тип одежды мог быть прямо связан с двухчастной одеждой на лямках типа хурстут-аannua. Тем не менее возникновение одежды типа полотнище на лямке говорит о том, что первоначально использовалась ткань, изготовленная на вертикальном стане, которая имеет ограниченную длину и потому должна скрепляться на плечах. В какой-то мере можно сопоставить и расходящуюся на одном боку аannua с одеждой из Перниё и Кауккола, которая была изготовлена из широкого куска ткани с одним лишь боковым швом. Не исключено, что одежда из Эура представляла собой два несшитых на боках и скрепленных на плечах фибулами полотнища. Реконструкции дают также несшитую на боках одежду на лямках, которую предположительно носили женщины в IX—X вв. в Бирке (Швеция) (*Hägg*, 1974, p. 108). Однако для столь отдаленных параллелей мы не имеем пока достаточных оснований. Обоснованными могут считаться лишь сопоставления ижорской одежды с одеждой населения Карельского перешейка, а именно — эвримёйсет.

Ижорская рубаха-рятсиня не имеет, как будто, прямых параллелей по покрою, так как перекидные (без шва) оплечья, составлявшие основу короткой станушки, трудно сопоставить с рубахами с поликами; достаточно далеки они и от туникообразных. Рубаха финнов-эвримёйсет имела косой нагрудный разрез (слева) и своеобразную вышитую трапециевидную вставку-*рекко* (rekko), которая приходилась на середину груди. Тем не менее некоторые черты покроя — вставная полоска на спине и отдельно выкроен-

Рис. 87. Женщины-ижорки из Лендовщины в начале XX в.:

а — вид спереди; *б* — вид сзади. Фото С. Паулахарью (Национальный музей, 3490:1289)

ные оплечья — позволяют предполагать возможность их родства с рятсиня. Других сходных с рятсиной форм рубах в ближайших районах мы не знаем.

Следует остановиться на ижорском сапано, представлявшем собой переходную форму от полотенчатого головного убора к сороке с длинным хвостом. В отличие от водских полотенчатых пайкас и пеапюхде, являвшихся лишь частью сложного головного убора, сапано ижорок — самостоятельный убор. Он был уже с приспособлениями-завязками и, видимо, двойной подшивкой на затылке, позволяющими прочно закрепить его на голове. К ижорскому сапано близки некоторые формы эстонских уборов, хотя они вполне могут быть просто конвергентными формами. На Карельском перешейке, напротив, большая часть известных полотенчатых головных уборов была не удлиненной, а близкой к квадрату формы, и носили их так, что на спину свисал один угол. Но наряду с этим там известны были и «головные полотенца» *-пяяпюхе* (pääpyyhe), которые сохранились в конце XVIII в. в остаточных формах: кое-где это был особый убор, который было положено надевать только молодкам, когда они шли в церковь (при-

ходы Куркийоки, Сортавала), в других местностях женщины, идя в церковь, несли такое полотенце перекинутым через руку. Видимо, аналогичное полотенце надевали невесте, когда она ехала венчаться, в приходах Яаски, Антреа, Кирву, Йоутсено (*Schvindt*, 1913, s. 25, 52—56, 70, 140, 158).

Определенные параллели с формой причесок женщин-эвримёйсет были в способе закручивания волос в три пучка у замужних ижорок. Правда, у эвримёйсет закручивать волосы жгутами и делать из них различные сложные прически начинали уже девушки на выданье, что ижоркам было, видимо, неизвестно. Замужние же женщины-эвримёйсет укладывали эти жгуты-сюкярет более просто и покрывали сверху головным убором.

Естественно возникает вопрос: прослеживаются ли в одежде ижорок какие-либо черты, говорящие о восточных влияниях, идущих с территории Поволжья? Не исключено, что ижорский «спинной пояс» имел близкую к поволжским, в частности мордовским, набедренникам форму. К сожалению, мы можем представить его себе лишь по описанию, так как он не сохранился ни в коллекциях, ни на рисунках.

Весьма существенные материалы о заимствованиях из Поволжья дал проведенный Э. Эпик анализ своеобразной формы ижорских колец-подвесок к серьгам. Ей удалось установить, что как их название — «таллукар»— представляет собой заимствование из тюркско-татарских языков, так и сама форма ведет в Поволжье и связана с находками позднего золотоордынского периода из Сарай-Берке. Вероятно, из тюркско-татарских языков заимствовано и название собственно серег — «тилдукат», или «тиллукайет». Однако при этом нет оснований считать заимствование особенно ранним. Наибольшее сходство ижорские таллукар обнаруживают с более поздними ушными подвесками удмуртов и весьма сходны с русскими «двойчатками» прошлого века, хотя тюркско-татарская терминология говорит все же в пользу непосредственного заимствования ижорой этой формы у тюркско-татарских народов Поволжья (*Öpik*, 1970, lk. 39—41, 123—126). В этой связи стоит вспомнить, что название водских серег-пелдушкат представляет собой заимствование из удмуртского.

Таким образом, видимо, можно говорить о каких-то непосредственных контактах с Поволжьем, причем относительно поздних. Об этом свидетельствуют и раковины каури, которые, как уже говорилось, появляются на территории Ингрии лишь во второй половине XIV в. Эта поздняя датировка весьма важна для изучения контактов с Поволжьем: она опровергает предположение И. Маннинена о том, что расселение славян в этих широтах прервало контакты между Поволжьем и Ингрией. Данные, суммированные Эпик, свидетельствуют не только о сохранении этих связей, но и о том, что некоторые заимствования не могли быть датированы ранее, чем XIV в. (*Öpik*, 1970, lk. 39—41, 123—126). Тем более это подтверждает заимствование нагрудного украшения *мюэци* вместе с татарским термином *муэнса*.

Так же, как и в водской одежде того времени, в ижорской не заметно русского влияния, если исключить некоторые термины (хурстут, рятсиня), которые могут быть весьма древними заимствованиями, не связанными с формами одежды, и, возможно, некоторые формы украшений — изобилие шейных бус и сложные височно-ушные украшения.

Материалы по одежде как води, так и ижоры, дающие их полную характеристику, относятся лишь к определенным частям территории Ингрии.

По води, как установлено, они собраны в основном в окрестностях Котлов, а ижорская одежда известна в первую очередь из более восточной части, из района д. Лендовщины (Хева) и нет никаких сомнений, что в одежде обоих народов существовали и какие-то локальные варианты. Мы имеем некоторые, хотя и не вполне ясные, сведения об этом от конца XVIII в. Прежде всего, тот же Туманский дал описание «ями», как он называет смешанное водско-ижорское население по нижнему течению Луги.

Об одежде этого населения он сообщает, что «одеяние женское держит у богатших нечто от ижерского, а у бедных просто» (*Öpik*, 1970, lk. 81). Из более поздних материалов известно, что женщины прилужских деревень носили своеобразную несшитую поясную одежду, которая называлась хурстут. Однако у Туманского, который ижорскую одежду знал в виде аннуа-хурстут, описанных выше, вряд ли речь может идти о несшитой юбке. К тому же об одежде прилужского населения, правда, в более ранние времена, у нас есть еще одно, хотя и косвенное, свидетельство. Опираясь на лингвистический материал, советские специалисты считают, что угнанная на территорию Латвии в XV в. группа води происходила именно из деревень, расположенных на Луге (*Ariste*, 1964). В середине прошлого века одежда потомков этого водского населения — кревингов — была зарисована во время экспедиции под Бауск, организованной Шёгреном. На рисунке, сделанном Петцольдом, изображены две женщины и мужчина [8]. Старая женщина (на переднем плане) одета в несшитую одежду, закрывающую все тело до подмышек и держащуюся на плече с помощью лямки. С одной стороны сквозь расходящуюся на боку одежду видна рубаха. Одежда совершенно аналогична ижорской ааннуа, в то время как покрывало на голове и плечах старухи напоминает водскую ыпкалина. Можно предположить, что именно такого типа одежда была у прилужского населения и во времена Туманского.

Кроме того, у нас есть известные основания полагать, что уже в конце XVIII в. в некоторых местностях Ингрии русское влияние на одежду води и ижоры было более сильным, чем это прослеживается в описанных Туманским комплексах. Прежде всего у Георги есть упоминание о том, что, идя в город, ижорки надевают кокошники и поверх рубахи — кафтан (*Георги*, 1776, с. 27). Хотя и неизвестно, что понимал Георги под кокошником, но он явно противопоставлял его обычному ижорскому убору, который он называл фатой. Кроме того, выбранная Георги для его альбома иллюстраций ижорка имеет на голове какой-то убор, очевидно, с жесткой основой. Под кафтаном же, застегнутым, как и пишет Георги, на пуговки, виден подол одежды с типичным для сарафана рядом пуговиц посредине. Таким образом, можно полагать, что где-то, возможно ближе к Петербургу, ижорки при выходе в город надевали одежду русского типа.

Не исключено, что аналогичные явления были характерны и для каких-то групп води. Вряд ли по ошибке в сведениях Шёнберга о води упоминается одежда, на которой спереди пришиты двумя тесными рядами сверху до низу пуговицы. Можно предполагать, что или где-то так украшали рукку, причем такое украшение могло возникнуть только под русским влиянием, или в тех деревнях, которые были известны Шёнбергу (нам неизвестно, к какой точно местности относились его сведения), вожанки носили и сарафаны (*H. O.* [*jansuu*], 1906, s. 5).

Эти не очень четкие и скудные сведения разрешают, тем не менее, предполагать, что переход к русским формам одежды, которые в конце XIX в., на первый взгляд, необычно быстро сменили старинные комплексы женского костюма и у води и у ижоры, исподволь подготавливался уже ранее.

В настоящей главе не представлялось возможным провести сравнение водского и ижорского костюма с одеждой эстонцев, живших на территории Ингрии, и подробно описать одежду живущих в Петербургской губернии финнов-савакот и эвримёйсет. Но одно обстоятельство представляется совершенно очевидным уже и из изложенных фактов: и водская и ижорская одежда в конце XVIII в. сохраняла множество архаических черт как в покрое, так и формах и способах украшений, чего не наблюдалось у эстонцев и финнов на этой территории (и тем более в Финляндии и в Эстонии). Водь и ижора, жившие в некоторой изоляции от окрестного населения — вследствие языкового барьера, отделявшего их от славянского населения, и религиозного, разделявшего их с финнами и эстонцами, сохраняли в одежде более архаичные формы. Последние представляют большой интерес как с точки зрения изучения истории формирования одежды населения Северо-Западного края, так и путей развития одежды вообще.

[1] Хранится в Национальном музее Финляндии, фонды финно-угорского отдела, коллекции В. Алава, № 4304:15.

[2] Именно исходя из сохранения чесярятид в старой форме мы сомневаемся в том, что этот передник с течением времени мог превратиться в передник из перекинутого через пояс полотенца, как предполагает Э. Эпик (*Öpik*, 1970, 143, комм. 56).

[3] У Лённрота названы еще и sukat, что обозначало, видимо, длинные чулки, тем более что Алквист определяет kapputa как получулок (*Öpik*, 1970, lk. 145—146).

[4] Национальный музей Финляндии, фонды финно-угорского отдела, коллекции В. Алава и Э. Сетяля, № 4304:12, 13; 4847:4.

[5] Э. Эпик, основываясь на украшении набедренников бронзовыми пронизками и сравнительном материале (*Vahter*, 1931), полагает, что этот элемент одежды восходит к раннежелезному веку (*Öpik*, 1970, lk. 144). Украшенные пронизками передники на территории Финляндии были также известны по археологическим материалам.

[6] Расхождение между данными Туманского и Георги заключаются в том, что у последнего «запоны» надеваются так, что распахиваются не на боку, а спереди. Но сведения Туманского подтверждаются и позднейшими данными.

[7] *Селга вюё*, хранившийся в Музее народоведения и датированный 1880 г., описан Н. Прытковой. Он представлял собой шнур шириной всего в 6 см, украшенный бисером и подвесками из раковин каури. С. Паулахарью, собиравший материал в 1910—1912 гг. в Хева-Коваши, вообще не упоминает этого пояса (*Прыткова*, 1930, с. 323—324).

[8] Рисунок известен по: *Pauli de P.* Description ethnographique Russie. St.-Pb., 1862.

Глава одиннадцатая

ОДЕЖДА НАСЕЛЕНИЯ МОЛДАВИИ XV—XIX ВВ.

*

В. С. Зеленчук, Н. М. Калашникова

Географическое положение и исторические судьбы Молдавии во многом определили характер развития молдавской культуры, в частности костюма. Немаловажную роль в формировании основных типов молдавской народной одежды сыграли особенности культуры древнейшего компонента молдавского народа — фракийского населения, а в дальнейшем влияние славянской культуры, а также культуры народов Балкан и Средиземноморья.

Литература и источники. Молдавская народная одежда до последнего времени оставалась мало изученной. Исследования, начавшиеся с середины XIX в., накопили довольно много материалов о крестьянской традиционной одежде. Однако они, как правило, не дают ни профессионального описания одежды, ни теоретического анализа. Научная классификация молдавской народной одежды впервые была предпринята в 1960—1970-х годах.

Значительный фактический материал о крестьянской и городской одежде содержится в работах русских этнографов и историков XIX — начала XX в. (*Защук*, 1862; *Мартиновский*, 1862; *Шмидт*, 1863; *Берг*, 1918, и др.), в работах молдавских и румынских этнографов XIX—XX вв. (*Crăiniceanu*, 1898; *Опреску*, 1960; *Manolescu*, 1898; *Barbul*, 1938; *Enăchescu-Cantemir*, 1938; *Nicolescu*, *Jipescu*, 1957; *Florescu*, 1961; *Banătianu*, 1965; *Alexianu*, 1971; *Pavel*, 1976; и др.). В ряде работ, появившихся в 1950—1970-х годах, наряду с описанием одежды предприняты исследования генезиса и первый опыт классификации.

Некоторые румынские этнографы рассматривают молдавскую одежду как элемент румынской культуры. Такой подход для нас неприемлем. Советская историческая наука исходит из общепризнанного положения о самостоятельном характере молдавской народной культуры при наличии в ней значительных общих черт с культурами других близкородственных восточнороманских народов. Исследования румынских ученых содержат, однако, важные источниковедческие материалы по одежде молдаван, на которые мы в дальнейшем будем ссылаться.

Если для XIX — начала XX в. по молдавской одежде есть обильные этнографические и литературные источники, то для ранних периодов, особенно XV—XVI вв., большое значение приобретают данные археологии, изобразительные источники, дающие возможность ретроспективного анализа. Ценным источником для изучения древних элементов костюма являются изображения фракийских (гето-дакийских) мужчин и женщин на монументе из Адамклисси и колонне Траяна, о которых говорилось в главе I. Для изучения костюма городского населения XV—

XVII вв. большое значение имеют археологические находки фрагментов тканей, металлических частей одежды (пуговиц, застежек) и головных уборов, хранящихся в музеях Кишинева, Ясс, Сучавы (*Калашникова*, 1978, с. 79). Ценным источником являются коллекции старинной одежды, хранящиеся в собраниях Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, Государственной Оружейной палаты в Москве. В частности, вышивки, погребальные покрывала, епитрахили, пелены, плащаницы дают представление об одежде молдавской знати и духовенства XV—XVII вв.

Говорить о сложившемся молдавском костюме (хотя отдельные его элементы возникают раньше) можно лишь с XV в. Начиная с этого времени, мы располагаем достоверными данными о терминах, относящихся к костюму и его главным частям. Грамоты молдавских господарей и документы феодалов XV—XVII вв. упоминают такие наименования одежды, обуви и украшений, как «кожок», «мэрамэ», «контэш», «щубэ», «сукман», «опинчь», «чуботе», «черчел», «инел» и др. (*Bogdan*, 1913). Для восстановления общего облика одежды раннего периода большое значение имеют изображения на иконах и фресках. Особенно широко представлена фресковая живопись XVI в. в церквах монастырей Воронец (1547), Молдавица (1537), Сучава (1534), в церквах Хумор (1535), Пробота (1532), а также в церкви Успения в Каушанах конца XVII — начала XVIII в. и др. Так, на фресках Воронецкого монастыря видны боярские верхние одежды с прорезями для рук, шерстяные пояса красного и желтого цветов, шапки типа «кушмэ», головные уборы горожан, аналогичные немецким, и т. д. (*Musicescu*, 1969). Другие типы головных уборов и верхней плащевидной одежды бояр можно увидеть на иконе XVI в. из монастыря Пынэраць из Нямц (*Icoane*, 1971). В церкви Успения в Каушанах важны портреты заказчиков в боярских одеждах XVII—XVIII вв.: видны верхние плащевидные одежды, головные уборы, прически, среди которых характерной чертой являлась длинная прядь волос на бритой голове. На молдавских иконах XVI—XVII вв. встречаются изображения княгинь в головном уборе «марамэ», известном как часть феодального и крестьянского костюма (*Mihail*, 1978, p. 15—16).

Менее богаты изображениями одежды миниатюры и гравюры рукописных и старопечатных книг XV—XVIII вв. Так, на миниатюре Четвероевангелия 1555 г. евангелист Лука изображен в крестьянской одежде типа «суман» с вырезным воротом; св. Георгий на миниатюре сказания Варлаама 1643 г. изображен в костюме воина с плащом в подпоясанной верхней одежде, напоминающей кафтан, в сапогах (Искусство Молдавии, 1967, с. 56, 61).

В изобразительных и частично в письменных источниках отражена преимущественно одежда феодалов и богатых горожан, а крестьянская — лишь в той мере, в какой элементы ее сохранялись в костюмах имущих классов (шапки, пояса и т. д.). Интерпретация костюма на иконах должна учитывать и другие данные, так как зачастую костюмы на иконах изображались по принятым византийским канонам.

Для изучения костюма XVII—XVIII вв. большое значение имели такие источники, как летописи Г. Уреке, Н. Некульче, М. Костина, С. Даскэла и др., а также акты этого периода. У валашского гуманиста

XVI в. Н. Олахуса и молдавского летописца XVII в. М. Костина мы находим первые попытки характеристики молдавской одежды в сравнении с одеждой других народов. Так, Н. Олахус отмечал отличия молдавской одежды от мунтянской (жителей Валахии.— *Авт.*) (*Bezdechi*, 1939, p. 75); М. Костин, используя труды предшествующих историков — Л. Тепельтина, Альфонса, Плавта и др., сравнивал одежду молдаван с одеждой римлян (*Костин*, 1957, с. 60—61).

Описания изображения костюмов встречаются в записках иностранных путешественников и зарисовках художников XVI—XIX вв. Среди них следует отметить записки Г. Рейхерсдорфа, А. Веранчуса, Фуркево (XVI в.). М. Бандини, П. Алеппского (XVII в.), Дель Кьяро (XVIII в.), Форитона (XIX в.) и др. Среди зарисовок художников — наиболее полные гравюры Раффе, К. П. Сатмари, И. Г. Мюнца, относящиеся к XVII—XVIII вв., рисунки А. М. Воробьева, М. М. Иванова, Е. К. Макарова (XIX — начало XX в.).

Во второй половине XIX в. появляется один из наиболее достоверных видов источников по истории костюма — фотография. Но в силу различных обстоятельств молдавская одежда XIX в. в целом мало отражена в фотографиях. Некоторые фотоматериалы имеются в ЦГИА (Ленинград), ЦГА МССР (Кишинев), ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, библиотеке Академии художеств им. И. Е. Репина (Ленинград), фототеке ГМЭ народов СССР (Ленинград) (*Калашникова*, 1978, с. 81).

Для воссоздания полного комплекса костюма прошлых веков необходимо сопоставление всех видов источников — как письменных и изобразительных, так и вещественных. Среди последних большое значение для восстановления крестьянской одежды имеют полевые этнографические материалы, собиравшиеся авторами в МССР. Систематические этнографические исследования молдавской крестьянской одежды на территории МССР начались в 1960-е годы, городского костюма — с 1970-х годов. В результате полевых исследований был накоплен значительный фактический материал (*Зеленчук*, 1959; *Зевина*, *Лившиц*, 1960; Молдаване, 1964). В ряде опубликованных в 1960—1970-х годах работ были обобщены данные о крестьянской и городской одежде и сделаны попытки ее классификации (*Зеленчук*, *Лившиц*, *Хынку*, 1968; *Димитриу*, *Зеленчук*, 1975). Источниками изучения городского костюма XIX в. послужили также художественная литература и архивные материалы, журналы мод, хроники в периодической печати, изобразительное искусство (*Вельтман*, 1977; *Горчаков*, 1850; *Халиппа*, 1900; *Крупенский*, 1912; *Липранди*, 1866; *Негруци*, 1956; *Руссо*, 1956; ЦГА МССР, ф. 2, «Мода», 1851—1861).

Материал одежды. Для изготовления одежды и обуви раньше всего использовались конопля, шерсть, кожа, позже — лен. С середины XIX в. для тканья стали употреблять также покупную хлопчатобумажную пряжу.

В условиях замкнутого натурального хозяйства ткани и одежду изготовляли дома. Лишь некоторые виды обуви, безрукавки, тулупы и шапки производились мастерами-ремесленниками. В каждой семье девушек с ранних лет учили искусству прядения, тканья, шитья и вышивки. Вместе с матерью девушка должна была готовить, по обычаю, свое приданое и подарки жениху и его родне. Еще в начале XX в. в селах

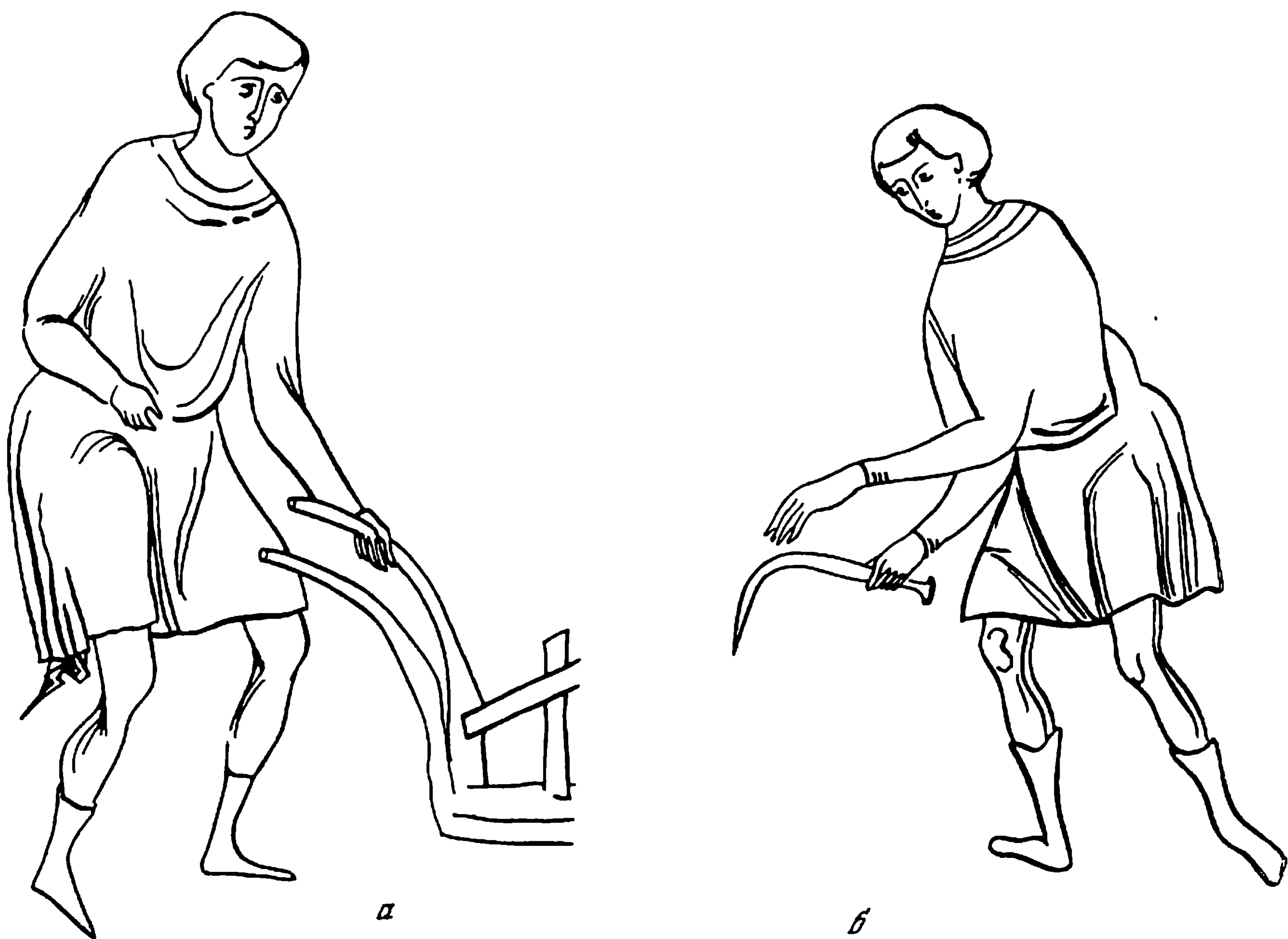


Рис. 88. Мужская одежда:

а — пахарь. Прорись фрески монастыря Воронец. XVI в.; *б* — жнец. Там же.

Рышканского р-на невеста до свадьбы должна была изготовить жениху две рубахи, штаны, красный пояс, вязаные шерстяные носки. Подобные обычаи были распространены и в других местах Молдавии.

Подготовка конопли и льна к прядению и тканью издавна включала сбор конопли и льна, сушку, вымачивание, вторичную сушку, мятье, чесание, прядение, промывку пряжи, пропускание пряжи через мотовило, отбеливание или окрашивание нитей, перемотку пряжи на кресты, снование, установку основы на ткацкий станок.

Изготовление тканей для одежды осуществлялось на горизонтальном передвижном стане с двумя навоями (*стативё*). В каждом крестьянском доме изготовлялись различные ткани для одежды — холсты и полотна для рубах и летних мужских штанов (*пынзэ*), различные сорта сукна для верхней одежды (*димиё*, *аба*, *шияк*, *суман*). Наряду с этим, уже начиная с XIV в., в документах упоминаются сукновальни, прядильные, ткацкие, сапожные мастерские, принадлежавшие боярам, монастырям, цеховым ремесленникам. *Мужской крестьянский костюм.* Основу костюма крестьянина составляла белая рубаха из домотканого полотна. Наиболее древним типом покроя был туникообразный. Исследователи румынской народной одежды возводят этот покрой непосредственно к одежде даков (*Pirvan*, 1926; *Florescu*, б. г.). Рубахи этого типа бытовали в основном в северных районах Молдавии. В некоторых селах на севере республики их можно встретить и в настоящее время. Характерное местное наименование этого типа рубах — *кэмашэ бэтрыняскэ* («рубаха стариков») — указывает, по нашему мнению, на его древность (рис. 88).

Туникообразная рубаха сшита из одного перегнутого полотнища, на месте сгиба прорезано отверстие для головы. К центральному полотнищу пришивали боковые прямоугольные вставки. Рукав прямого покроя обязательно сочетается с ромбовидной ластовицей (*павэ*). Бо́льшая часть рубах имеет вырезной ворот круглой формы. Видимо, это наиболее древняя форма ворота, характерная в прошлом для всех видов молдавской одежды, как мужской, так и женской.

Покрой туникообразной рубахи имеет несколько вариантов, в зависимости от формы боковых вставок, которые могут быть прямоугольными или клинообразными. По классификации Г. С. Масловой, такие рубахи относятся к подтипу туникообразных с бочка́ми (*Маслова*, 1956). Для молдавской народной одежды тип рубахи с прямоугольными вставками являлся основным; форма и размер вставок определяют ширину рубахи или ее конфигурацию, но не дают основания для выделения подтипов туникообразной рубахи. Самостоятельным подтипом туникообразной рубахи была рубаха, состоящая из двух частей (*кэмешэ ку фустэ*), нижняя часть которой (от пояса) шилась отдельно в виде юбки, стягивавшейся на резинке. Этот подтип рубахи распространен на севере Молдавии, а также в областях Бузэу, Нямц, Прахова, Рымникул Сэтар в Румынии. Кэмешэ ку фустэ генетически связана с аналогичной рубахой типа *фустанелла*, распространенной у ряда народов Балканского полуострова (албанцев, греков) и происходящей от одежды иллирийского населения.

Начиная с XVII в. древний туникообразный тип рубахи частично начал вытесняться распространявшейся из соседних губерний с украинским и русским населением рубахой-косовороткой. В результате этого в Сорокском, Оргеевском, Измаильском уездах в XIX в. основным типом мужской рубахи стала косоворотка с разрезом на левой стороне, которую носили не навыпуск, а заправляя в штаны.

Другой тип русской рубахи, получившей распространение в селах южного Попрутья на севере, в Приднестровьи,— рубаха с плечевыми вставками (поликами), получившая наименование *кэмашэ ку платкэ, кэмашэ ку петик*. Оба типа русских рубах (косоворотка и рубаха с поликами), попав в молдавские села, приобрели специфические черты, характерные для молдавской народной одежды (например, молдавскую орнаментику). Особенно богато украшались рубахи-косоворотки.

Со второй половины XIX в. из города в село распространилась рубаха на кокетке. Этот интернациональный покрой, попав в село, прижился и приобрел впоследствии характер народного покроя. В конце XIX — начале XX в. он был самым распространенным. Менее распространенной была рубаха с поликами, еще реже встречалась туникообразная, которая бытовала только в северных уездах Бессарабии.

Второй основной элемент мужского костюма — штаны. Эта часть одежды по покрою и материалу делилась на две разновидности: летние и зимние. Среди летних имелись два типа: холщовые — *измене* и шерстяные — *ицарь*. Наиболее древним типом были ицарь. Форма этого типа штанов — длинных, узких, тесно облегавших фигуру, так же как и материал (тонкая шерстяная ткань), свидетельствуют о том, что это — часть одежды пастухов, овцеводов. Ицарь могли быть длиной в полный

человеческий рост; на ноге собирались складками. Такие штаны характерны для горцев (аналогичный покрой встречается у румын, албанцев, македонцев, словенцев, гуцулов, живущих в горных областях). Одежда такого типа имеет большую древность: она была распространена у фракийского населения на Балканском полуострове в первых веках н. э. (*Florescu*, б. г., p. 587—588).

Другой тип летних штанов — измене — возник позже, в период существования молдавской народности, как составная часть одежды земледельцев. Измене, более широкие и короткие, чем ицарь, кроили из льняной или конопляной ткани.

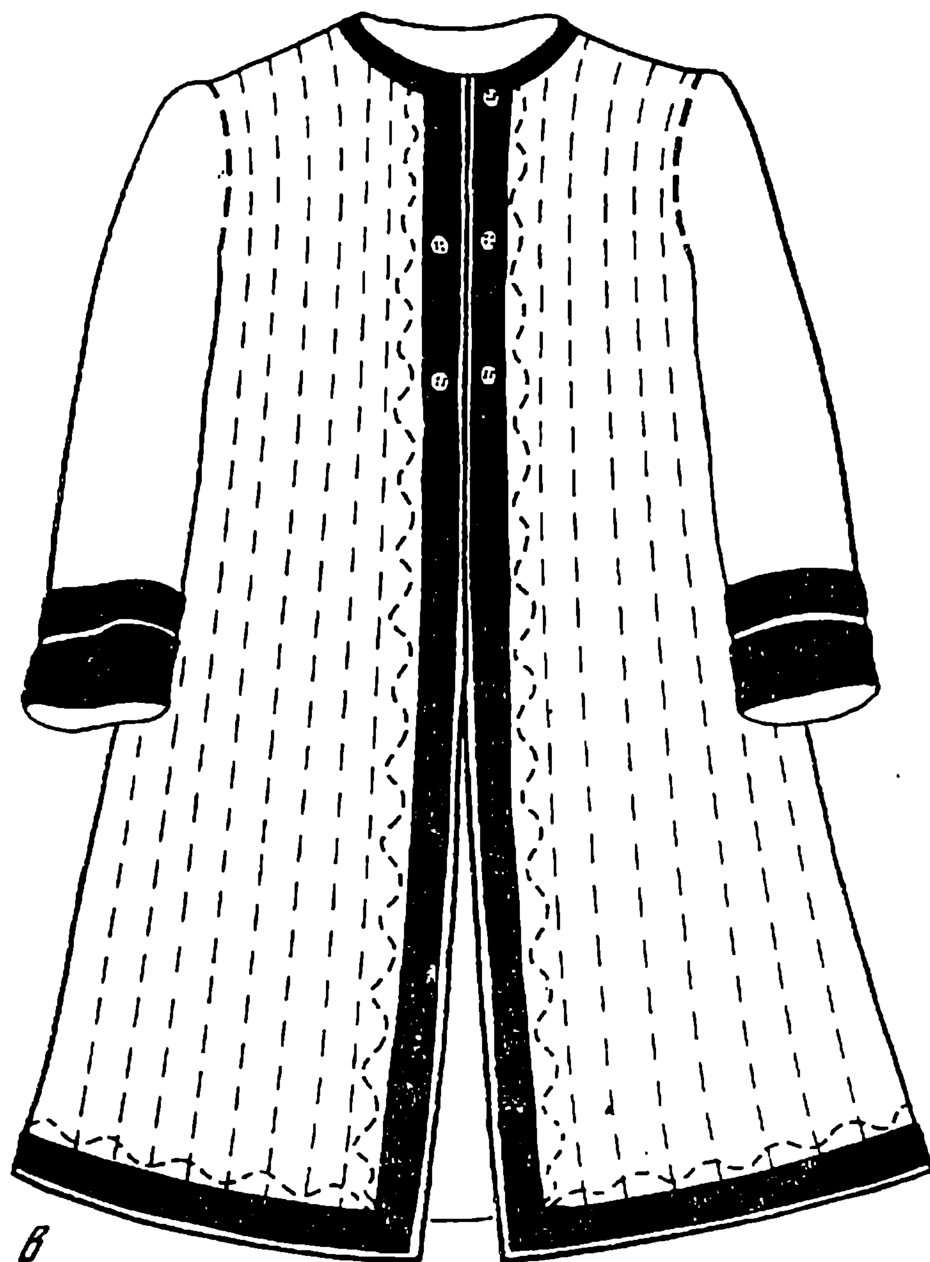
Зимние штаны назывались *берневичь* и *мешинь*. Берневичь кроились из толстого сукна с широкими штанинами. Одежда подобного типа и с аналогичным названием широко распространена на Балканах — *беневреку* (албан.), *беневречи* (болг.), *пэнэврэки* (аромун.), *беневрек* (тур.), *бенебреке* (серб.). По мнению многих исследователей, этот термин восходит к латинскому bracca, что указывает на его древность (*Mihail*, 1978, p. 76—77). Мешинь — штаны из овечьих шкур, сшитые мехом внутрь,— были зимней пастушеской одеждой.

В XIX в. с ростом украинского населения во многих молдавских селах получили распространение украинские шаровары синего или коричневого цвета. Как переходное явление в конце XIX в. бытовали брюки городского покроя, сшитые в селе из домотканого сукна. Новый элемент (городской покрой) сочетался со старой традицией изготовления ткани дома.

Важную роль в крестьянском костюме играл пояс. Пояса, аналогичные современным шерстяным, можно увидеть на дошедших до нас изображениях фракийцев II—III вв. Как показали раскопки, на территории Молдавии уже с V в. бытовали кожаные пояса с металлическими аппликациями (см. главу I), не отличающиеся от пастушеских поясов XIX в. Как и у славянских народов в древности, у молдаван существовали верования, что пояс придает чудесную силу. В селах Бендерского р-на в конце XIX в. был распространен магический обряд: весной перед севом крестьяне подбрасывали вверх свои красные пояса с пожеланиями, чтобы так же высоко росла пшеница.

Пояс могли носить лишь взрослые юноши и девушки. Соблюдались возрастные отличия и в форме поясов. В левобережных приднестровских селах девушки носили широкий цветной пояс, сшитый из покупного сатина, в то время как замужние женщины надевали узкий шерстяной пояс, вытканный на станке (*брыу це лынэ*).

Мужские пояса отличались от женских большей шириной (до 25 см). В древности для измерения ширины поясов пользовались мерой *палмэ* (пядь — от большого пальца до мизинца растопыренной руки — примерно 28 см). Наиболее широкие пояса достигали *палмэ домняскэ* («господарская пядь», больше обычной на 3 см). Длина мужского пояса доходила до 2 м. Другим отличием мужских поясов от женских была их расцветка. Мужские пояса чаще делали одноцветными — красными, синими, зелеными или белыми. Иногда их расцветка разнообразилась горизонтальными полосами другого цвета. Богатые крестьяне поверх шерстяного пояса (*брыу*) надевали узкий кожаный с медными бляшками



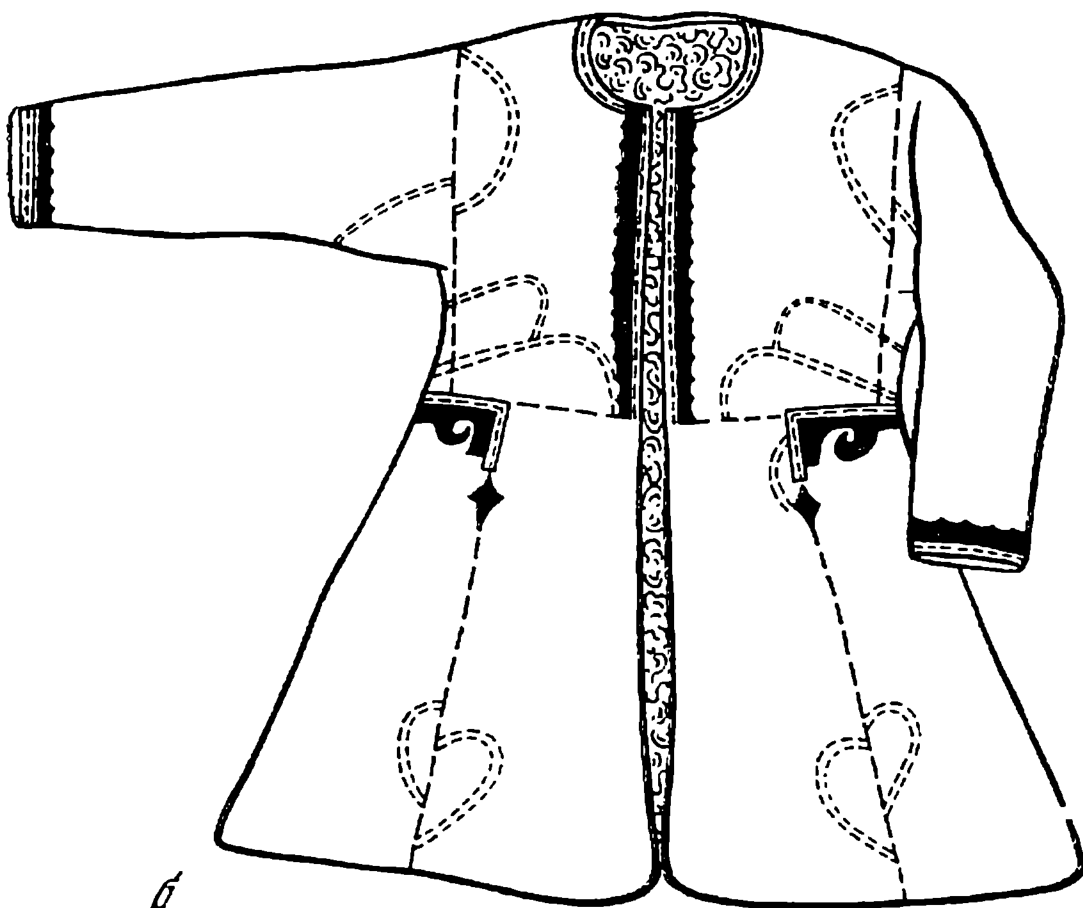


Рис. 89. Верхняя одежда:

а — женская меховая безрукавка «бондицэ»;
б — старинная мужская одежда «кожок»;
в — «бурнуз» — старинная женская одежда

(*куря*), имевший с внутренней стороны карман для денег, снаружи к куре привешивали трубку, нож.

Женские шерстяные пояса были намного у́же мужских. Пояс шириной 10—12 см назывался *кингэ*. Более узкими поясами (*фрынгие*) повязывали юбку. Пояса ткали на горизонтальном ткацком стане в две или четыре подножки.

Поверх рубахи в теплое время года надевали жилеты, зимой — распашную одежду — *суман*, овчинные безрукавки и тулупы (рис. 89). Жилеты (*жулеткэ*, *жубе*, *минтянаш*, *вестэ*, *илик*) шили или вязали из плотной шерсти темного цвета. Меховые безрукавки (*бондэ*, *бондицэ*, *пептар*) известны трех типов: с разрезом посередине и с застежками, с короткими пóлами без застежек, с разрезом и застежками на боку. Наиболее распространен первый тип.

Кожаные безрукавки относятся к древним и очень распространенным в восточной Европе видам одежды. По археологическим материалам известно, что их носили рудокопы позднего бронзового века в Тироле (*Кларк*, 1953, с. 221). Позже они вошли в одежду многих народов, живущих в ареале Карпат,— поляков, чехов, венгров, румын, молдаван, западных украинцев (*Зеленчук*, 1972).

Меньше распространены были куртки с рукавами — *антерие*, вышедшие к концу XIX в. из употребления. Аналогичная одежда (*антерия*) бытовала в Болгарии в прошлом и распространена в настоящее время, поэтому можно предположить болгарское происхождение молдавских антерие.

В холодное время года носили длинную одежду из домотканого сукна — *суман*. Ткань (также называвшаяся *суман*) могла быть крашеной или некрашеной и в зависимости от этого белого, серого или коричневого цвета. Суман — распашная одежда туникообразного покроя с клиновидными вставками сбоку внизу полы. Древние образцы ее не имели воротника, а кроились с круглым вырезным воротом и носились с поясом. В XIX в. появились суманы со стоячим и отложным воротником, пуговицами или завязками. Имели распространение и короткие суманы (*женукьер*). Праздничные длинные суманы, особенно те, которые изготовлялись для молодежи, щедро украшались орнаментом, по большей части аппликацией черным шнуром. В дождливое время года носили суман с пришитым к вороту капюшоном (*глуга*) или четырехугольным куском сукна. Помимо этого, имела распространение и более древняя одежда в виде отдельного капюшона из прямоугольного куска шерстяной ткани, покрывавшего голову и часть спины.

Богатые крестьяне зимой носили овчинную шубу мехом внутрь (*кожок*) свободного покроя с прямой спинкой. Другим видом верхней зимней одежды был *контэш* — шуба, покрытая тонким сукном (*шияк*). Контэш в прошлом имел широкое распространение в быту богатых горожан и бояр. Документы XV—XVI вв. часто упоминают контэш в числе ценных вещей.

Распространенной одеждой пастухов была короткая шуба из овечьих шкур, носившаяся мехом наружу (*губэ*, *буркэ*, *сарикэ*).

Головным убором в зимнее время служила островерхая барашковая шапка (*кушмэ*). Летом носили соломенную или войлочную шляпу. Молодые парни украшали праздничные шляпы лентами, цветами, павлиньими перьями.

Традиционной молдавской обувью были самодельные *опинчь* из свиной или коровьей кожи (аналогичные постолам). Бедные крестьяне плели обувь из камыша, липовой коры, называя ее также «опинчь». По форме опинчь можно выделить два типа. На севере бытовали опинчь с носком

(*опинчь ку гургуй*); в остальных районах Молдавии — опинчь без носка, равномерно стянутые складками спереди. Оба типа по своему происхождению восходят к древнему иллиро-фракийскому типу обуви (*Florescu*, 1957, p. 16). Общность молдавских и валашских опинчь с аналогичной обувью народов Балкан (греков, албанцев, сербов, болгар и др.) позволяет заключить, что опинчь, постолы и т. п. восходят к материальной культуре древнейшего населения Балкан, сложившейся до формирования там отдельных народностей.

С начала XX в. с распространением в селе фабричной и кустарной обуви — сапог, ботинок — самодельные опинчь стали обувью бедняков.

Специфических украшений у мужчин не было. Единственными украшениями в прошлом были перстни (*инел*). Иногда мужчины носили в одном ухе серьгу. Существовал обычай, по которому если в семье умирал ребенок, то следующему продевали в ухо серьгу, с тем чтобы ребенок «был живучим».

Женский крестьянский костюм. Основной частью женского костюма была рубаха, игравшая роль не только нательного белья, но и верхней одежды. В связи с этим верхняя часть рубахи, выполняющая роль кофточки, изготовлялась из лучшего полотна. Нижняя часть рубахи, обычно скрытая под юбкой, шилась из более грубой ткани. Покрой молдавских женских рубах сводится к четырем типам: 1) туникообразный; 2) с цельнокроеным рукавом; 3) с прямыми поликами; 4) на кокетке.

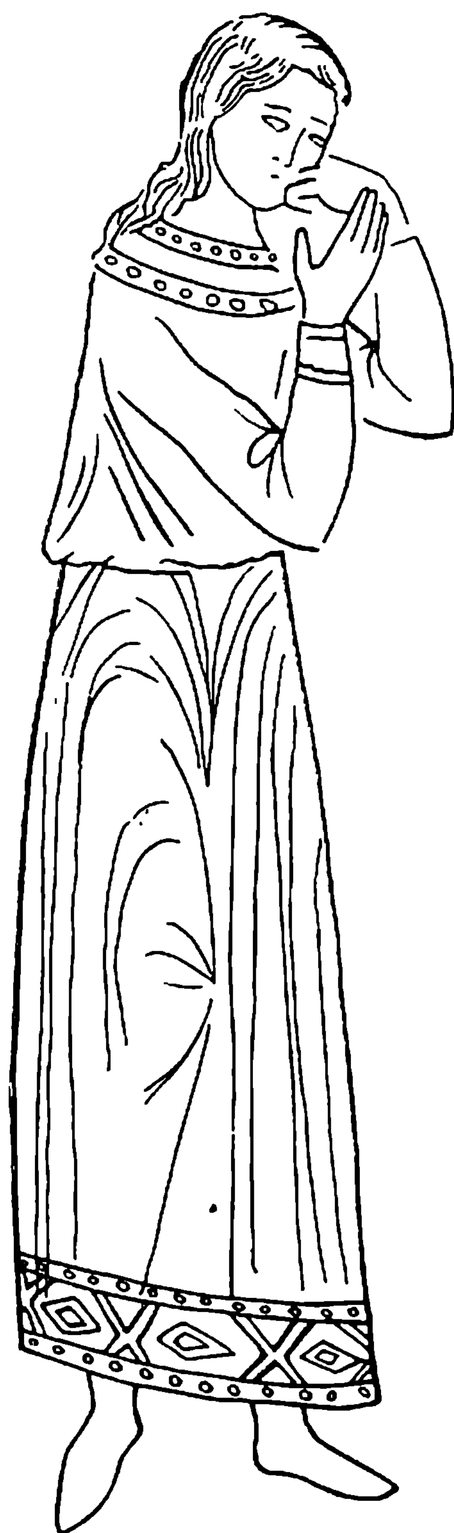


Рис. 90. Девушка. Прорись с фрески монастыря Воронец. XVI в.

Женская туникообразная рубаха, так же как и мужская, была распространена в основном на севере Молдавии. Как правило, рубахи этого типа украшаются вышивкой, образующей на груди три-четыре вертикально орнаментированные полосы. В старинных рубахах, сохранивших приемы орнаментации XV в., орнамент располагался не только на груди, но и на спине. На севере Молдавии вышивка располагалась на всей верхней части праздничной рубахи до пояса, включая рукава. Будничные рубахи были украшены скромнее, они часто имели только один орнаментированный прямоугольник на груди.

Рубахи с цельнокроеным рукавом характеризуются тем, что рукав слит с плечевой вставкой. Такие рубахи имеют косой шов, идущий от ластовицы к невысокому присборенному воротнику. Такой покрой придает особую форму рукавам. Будучи сборенными и немного приподнятыми, они делают фигуру шире в плечах, отчего талия кажется уже. Иногда кроили круглый вырез, который собирался на шнурке. Остальные особенности кроя этих рубах являются общими и для других типов: верхняя и нижняя части рубах шьются из разных материалов, в разрезе рукава имеется ластовица. Имея большую древность, этот тип женской рубахи был распространен у многих народов Европы. У восточнороманских народов

рубахи с цельнокроеным рукавом встречаются в памятниках I в. н. э. (рис. 90) (*Ferri*, 1933, p. 390—391). Можно предположить, что этот тип рубахи, сформировавшись в Юго-Восточной Европе, распространился впоследствии у народов Центральной и Восточной Европы, где на его основе сложились различные подтипы, например рубаха с поликами.

В Молдавии известны были три подтипа рубахи с цельнокроеным рукавом. Повсеместно бытовала рубаха, состоящая из нескольких полотнищ, которые вместе с верхней частью рукавов присобраны на шнурке и образуют ворот. Именно этот тип покроя получил в народе наименование *кэмешэ националэ*. Такие рубахи украшались больше, чем другие. Орнамент располагался вертикальными полосами на груди и рукавах. Второй подтип отличается тем, что рукава и верхняя часть рубахи скреплены стоячим воротником, у основания которого образуются складки. Он бытует на Буковине и на левобережье Днестра, в Молдавии распространен мало. Также редко встречается третий подтип — с длинным рукавом, скроенным так, что вместе с боковой вставкой он образует треугольник.

Рубахи с цельнокроеным рукавом украшались богаче, чем другие. Орнаментируется весь рукав, иногда начиная от ворота и кончая манжетой, украшенной тесьмой или кружевами. Орнаментируется также грудь. Манера размещения вышивки характеризуется контрастным сочетанием прямоугольного орнаментированного участка на плече и орнаментальных полос рукава. Прямоугольник (*алтицэ*) обычно располагается поперек рукава, а полосы (*рыурь*) — вдоль, так что они находятся под углом, образуя с ним единый комплекс, в котором гармонически сочетаются цвет и орнаментальный мотив. Такой декоративный комплекс вышивки характерен только для этого типа рубах.

В XIX в. в селах центральных уездов Бессарабии под влиянием русского и украинского населения появилась рубаха с прямыми поликами. Со второй половины XIX в. широко распространилась рубаха на кокетке (*кэмешэ ку петек*).

В отдельных районах центра и юга Молдавии до настоящего времени бытуют женские сарафаны. Сарафан не характерен для традиционного молдавского костюма. Это, скорее, локальный вариант молдавской женской одежды. Происхождение сарафана в Молдавии можно связывать с влиянием украинского и болгарского народного костюма. Молдавский сарафан носится в комплексе с рубахой и кофтой (ГМЭ, № 8710—16, 17, 18). Сарафан шили из плотной шерстяной ткани темного цвета, с расклешенной юбкой, на которую нашивались черные бархатные ленты. Выделяются несколько наименований сарафана — *шарафан*, *фустэ ку жюбя*. Один из вариантов — *запаскэ* — характерен тем, что его верхняя и нижняя части изготовлялись из ткани разного цвета.

Поверх рубахи в будничные дни крестьянки надевали кофточки, жакеты, блузы, жилеты. Их покрой и наименования чрезвычайно разнообразны и варьируются по областям. Имели распространение и белые орнаментированные кофты (*кэмешэ*, или *ие*). Они воспроизводили покрой верхней части рубахи с цельнокроеным рукавом.

В XIX в. получили большое распространение вязаные кофты и безрукавки из неокрашенной шерсти белого или серого цвета. Их местные

названия — *жюрся*, *илик*, *вестэ*. Название «вестэ» употреблялось также для обозначения жилетов темного цвета, сшитых из домотканой шерстяной ткани. Оно проникло в Молдавию из северной Буковины, где молдавское население находилось в длительном контакте с немцами.

В холодное время года женщины носили длинные шерстяные безрукавки, отороченные мехом (*минтянаш*) или короткие полупальто (*скуртейкэ*, *сукмэнел*). Чаще всего в качестве нагрудной зимней одежды носили овчинные безрукавки (*пьептар*, *бондицэ*). Их покрой был аналогичен мужским, отличие состояло в более богатом украшении — кроме аппликации, по коже вышивали разноцветными нитками.

Наряду с этим женщины носили такие же суманы, как и мужчины. Помимо суманов, имели распространение специфические женские одежды — *жюбя*, *зэбун*, *бурнуз*, *польк*. Каждый из этих типов имел характерные черты, но по покрою они все были родственны суманам.

Основной комплекс молдавской женской одежды включал рубаху и юбку, к которой в XVIII—XIX вв. иногда добавлялся передник, тканый или сшитый из фабричного материала.

Наиболее распространенным типом юбки является *катринцэ*, представляющая собой цельный, несшитый прямоугольный кусок ткани, оборачивавшийся вокруг корпуса так, чтобы одна пола находила на другую. Иногда одну полу юбки закладывали за пояс.

Другим древним типом несшитой юбки в Молдавии была *фотэ*, состоявшая из двух передников. Фотэ была менее распространена, чем катринцэ. Происхождение этой части одежды, как и других, рассмотренных выше (туникообразный покрой мужской рубахи, узкие и длинные штаны, женская рубаха с цельнокроеным рукавом), в научной литературе часто связывают только с культурой одной этнической общности — дакийцев или, в других случаях, с фракийскими народами. Однако наличие аналогичных типов одежды и у других народов (греков, албанцев, южных славян) дает основание предположить, что они складывались в более широком ареале и связаны с культурой южной ветви индоевропейских народов, а отдельные элементы восходят к более ранним культурным общностям.

По покрою катринцэ является продолжением древнейшего типа поясной одежды, распространенной у народов Восточной Европы и Ближнего Востока, начиная с эпохи неолита. Одежда подобного типа изображена на женских фигурках трипольской культуры, на монументе в Адамклисси (I в. н. э.) на похоронных стелах даков периода романизации (*Florescu*, 1959, p. 35; *Florescu*, 1942, p. 25). В более поздний период ареал бытования юбки типа катринцэ прослежен в Западной Украине (*обгортка*, *горбатка*, *дерга*), в Белоруссии (*кольшка*) (Маслова, 1956, с. 628—629). Родственная этому типу понева известна как основной тип юбки в период формирования восточнославянских народностей (*Маслова*, 1956а, с. 23). Несшитая юбка из двух передников также известна большой группе народов на Балканах, в зоне Карпатских гор и к востоку от них — болгарам, сербам, полякам, словакам, чехам, белорусам, украинцам.

У молдаван существовали специфические головные уборы, которыми женщины отличались от девушек. Девушки, по обычаю, до замужества

ходили с непокрытой головой, в середине XIX в. с появлением фабричных косынок и платков этот обычай был утрачен. Но возрастные различия в форме головных уборов и манере их ношения остались. В ритуале народной свадьбы имелся акт повязания невесты по-женски — только после этого женщина могла ходить в женском головном уборе.

Традиционным типом женских головных уборов были уборы полотенчатообразные — *нэфрамэ* (или *мэрамэ*) и *кырпэ*. Первый являлся праздничным, а второй — будничным. О широком распространении этих уборов в средние века можно судить по тому, что в документах XVI в. наряду с другими товарами часто упоминаются *мэрэмь*. Кырпэ представляла собой сложный головной убор. Основу его составлял деревянный обод, передние концы которого были срезаны, образуя рога (*коарне*), как у русской рогатой кики. Обод укреплялся на голове при помощи платка, сверху он покрывался полотенчатообразным убором — собственно кырпэ, концы которого могли спускаться под подбородок или на плечи. Праздничным убором являлась мэрамэ или нэфрамэ. Нэфрамэ — платок, по форме напоминающий длинное полотенце,— ткали на станке из тонкой хлопчатобумажной, льняной или шелковой пряжи. Его обертывали вокруг головы, спуская концы убора по плечам за спину. Этот головной убор придавал женскому костюму черты строгости. В качестве головных покрывал носили не только тонкие нэфрамэ, но и более грубые, также орнаментированные, *шервете де пынзэ*.

Помимо этого, в XVII—XVIII вв. существовали и другие головные уборы замужних женщин, среди которых наиболее распространенным был *капуряц* — головной убор сложной конструкции, состоявший из металлического каркаса, обтянутого тканью и украшенного вышивкой и металлическими подвесками и пуговицами. Невесты в день свадьбы украшали свою голову специальным убором в виде повязки, украшенной стеклярусом (*косицар*).

Во второй половине XIX в. старинные головные уборы постепенно исчезли из обихода. Описавший Бессарабию в середине XIX в. А. Защук отметил, что кырпэ можно встретить только на пожилых женщинах. Одновременно с ней исчезла и нэфрамэ. Их заменили головные платки фабричного производства.

Женской обувью издавна служили те же опинчь, которые носили и мужчины. Летом крестьянки в большинстве ходили без обуви. В холодное время, кроме опинчь, носили сапоги, мужские ботинки. Для старух шили из валяной шерсти или вязали мягкую обувь (*точочь*, *чупичь*, *тырыиць*).

С середины XIX в. в деревню проникает фабричная обувь — особое распространение получили женские ботинки на высоком каблуке с высокими голенищами (*пасапожь*). *Обрядовая одежда. Украшения.* Касаясь обрядовой одежды, следует отметить, что кроем и материалом она не отличалась от праздничной. К свадьбе жениху шили одежду праздничного типа, невесте, кроме одежды из лучшего материала, готовили фату; участников свадьбы перевязывали полотенцем через плечо, а посаженных родителей — двумя.

Смертной одеждой служила та же свадебная, если она сохранилась, или же шили новую по типу праздничной. Имела свои особенности об-

Рис. 91. Крестьянская одежда:

а — молдавский крестьянин летом. 1781 г. Альбом Г. И. Мюнца, ГИМ, отдел рукописей; *б* — молдавская крестьянка летом. 1781 г. Там же.

рядовая одежда в левобережных приднестровских селах, включавшая декоративные, вышитые покрывала (*нэфрэмице*), которыми покрывали голову, плечи, грудь.

Древней формой женских украшений были ожерелье из цветных бус, имевшее значение амулета-оберега (*згардэ*). В молдавских селах Буковины, в некоторых левобережных приднестровских селах, а также на юге Молдавии имели распространение ожерелья из серебряных монет. Типичным украшением в южных молдавских селах были металлические и серебряные пряжки для пояса (*колан, пафтале*) и металлические браслеты (*брэцар*), изготовлявшиеся сельскими ремесленниками. Общераспространенными женскими украшениями были серьги, кольца, перстни.

Комплексы крестьянской одежды. Для XIX в. в молдавской народной одежде можно выделить следующие комплексы (рис. 91 *а*, *б*). В мужской одежде наблюдается два варианта; повсеместно были распространены белая рубаха, жилет или безрукавка; штаны же на севере и в центре Молдавии носили узкие светлые, на юге широкие темные. Зимой к этому добавлялась барашковая шапка и шерстяное пальто или овчинный тулуп.

В женской одежде различалось несколько комплексов: 1) повсеместно распространенный древний комплекс, включавший полотенчатообразный головной убор, рубаху, пояс и несшитую юбку; 2) распространенный в северо-восточных районах комплекс из белого платка, рубахи, темной

кофты и сарафана; 3) распространившийся в начале XIX в. комплекс, включивший платье, кофту, многоклинную юбку и передник.

Городской костюм. Развитие основных форм городского костюма в Молдавии XV—XVII вв. было определено не только эстетическими, но и в первую очередь социально-экономическими условиями развития края. Молдавский феодальный город предъявлял требования к одежде разных слоев городского населения, диктовавшиеся общей стилевой направленностью эпохи, модой, выражавшейся в основных формах и пропорциях костюма, применении определенных материалов и цветовых сочетаний, характере украшений. Характерная для XIV в. мода восточ-

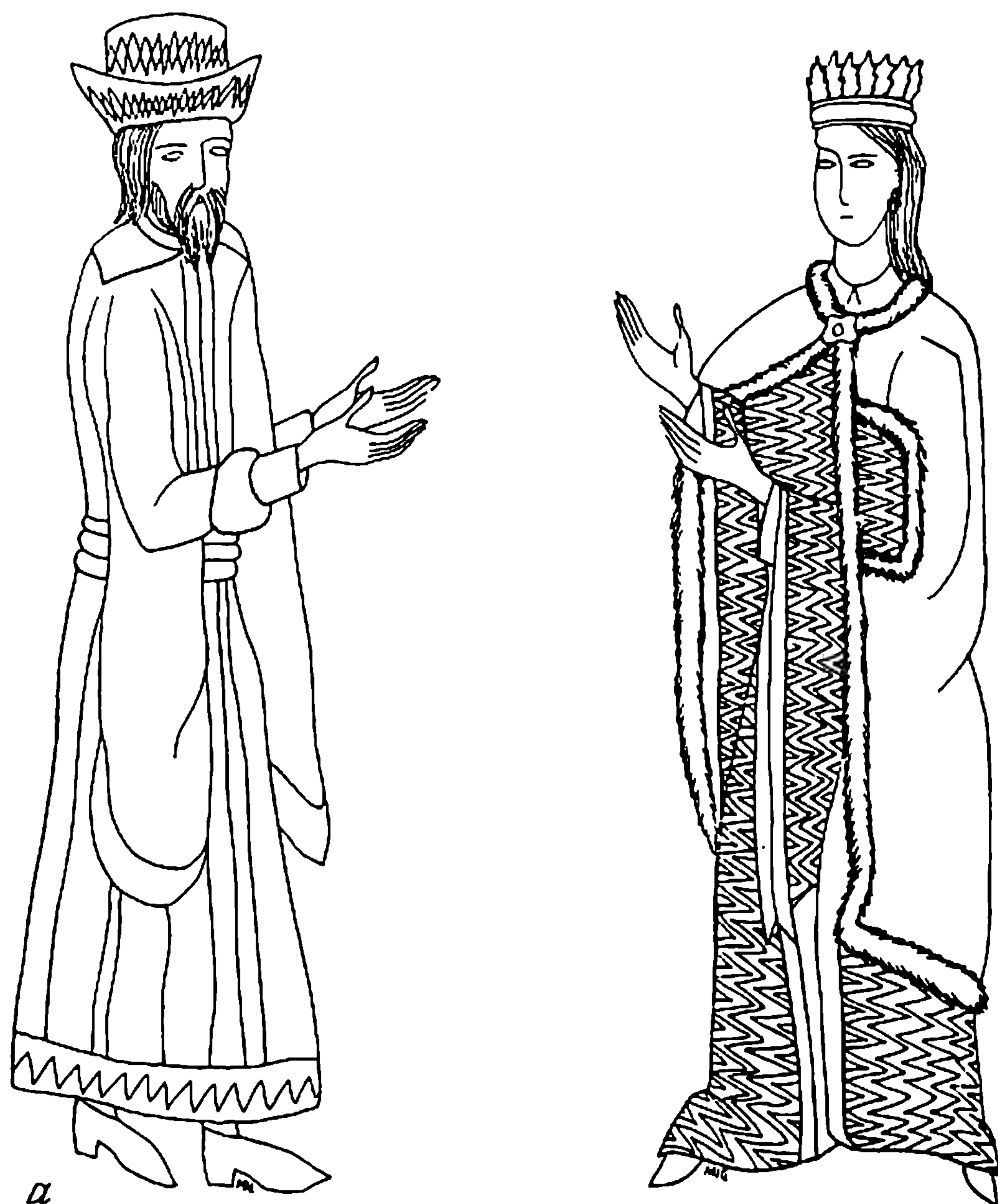


Рис. 92. Прориси:

а — Господарь Александр Добрый и его жена Мария. Прорись с епитрахили из монастыря Путны. XV в.;
б — молдавские сановники. Прорись с фрески из монастыря Арборе, XVI в.

новизантийского происхождения значительно обогатилась в XV—XVII вв. за счет западноевропейских заимствований эпохи Ренессанса, шедших через Польшу, Венгрию, Трансильванию (История, 1976, с. 82).

Анализ вещественных, живописных и письменных источников этого периода позволяет выявить костюм социальной верхушки города, для которого наиболее характерными были формы верхней наплечной распашной одежды. Среди церемониальных боярских костюмов довольно часто встречается шерстяная зеге из войлока или фетра. Опушенная мехом *кабаница* — первоначально императорская — постепенно становится одеждой боярства, сменяясь затем *контушем* восточного происхождения или *шармалой* — подбитой мехом одеждой из золотой ткани (рис. 92 *а*, *б*). Императорская мантия византийского происхождения — *хламида* — уступает место сначала западноевропейскому *ковадьону*, а затем господарской и боярской восточнославянской одежде с ложными рукавами — *кафтану*. Длинная восточная распашная одежда из легкой ткани *фереджя* — свидетельство постепенного вторжения восточной, турецкой моды в костюм молдавского патрициата.

Более чутко реагировали на изменения моды фасоны женских платьев и дополнения к ним (обувь, украшения и т. д.). Для XV в. были характерны длинные платья с узкими рукавами и манжетами, с вышивками на рукавах. Группа украшений, включавшая первоначально небольшое количество ювелирных изделий византийского и восточнославянского происхождения, в XV—XVI вв. пополнилась местными своеобразными произведениями: височными кольцами с тремя бусинами в виде соединенных цветков, серебряными серьгами, украшенными различными сочетаниями геометрических фигур, исполненных в технике зерни и скани, перстнями-печатками, пуговицами и пряжками с гравированным орнаментом (*Рикман*, 1961, с. 34—36; *Федоров*, *Полевой*, 1973, с. 365—385).

В развитии мужской и женской обуви наблюдается много общих черт. Повсеместно были распространены местного происхождения кожаные постолы — опинчи из цельного куска кожи на вздержке. Суконные и кожаные туфли с острыми носами известны в XIV—XV вв., сапоги на низком каблуке и башмаки — в XV в., туфли без задников восточного типа появляются в XVI в.

Рассказывая об Аккермане, путешественник указывает: «Крупной знати среди населения нет. Украшением всего населения посада являются купцы, а также муджахиды... В большинстве своем они носят татарские шапки. Надевают они овчинные шубы...» (*Челеби*, 1961, с. 58).

В XVI в. костюм горожан в сравнении с XV в. в основном остается без изменений, но в нем появляются элементы новых заимствований из Польши, которая, как уже сказано, в свою очередь, подвергалась влиянию мод европейского Возрождения. Это коснулось прежде всего части городского патрициата. Если иностранцы имели возможность ориентироваться непосредственно на страны—законодательницы мод — Италию, Францию, Испанию и др., то местная городская верхушка, ее наиболее зажиточные слои воспринимали новые веяния опосредованно, через торговлю, роль которой в экономике Молдавии велика. В этот период велась широкая торговля с Западом и Востоком, которая зафиксирована

Рис. 93. Распашная верхняя одежда с коротким рукавом. Боярин. Прорись с фрески монастыря Сучавица. XVII в.

торговыми грамотами, актами. Со времен Александра Доброго известно сукно из Англии, французские и венецианские головные уборы — митры, одежды из Львова. На рынках Молдавии можно было встретить товары из Венгрии и восточные ткани, привезенные из Крыма или Малой Азии. В XVI в. особенно модным становится западноевропейское золотое и жемчужное шитье, которым украшают воротники и манжеты верхнего платья — бархатного контуша. Одним из крупнейших поставщиков импортных тканей в Молдавию был Львов. Богатый ассортимент текстильных товаров, доставлявшихся оттуда, удовлетворял запросы различных слоев населения от представителей двора, армии, феодальных верхов до широких масс. Имеются свидетельства о выполнении портными заказов молдавской знати, во многих случаях — по западным образцам (*Подградская*, 1968, с. 124—132).

Усиление гнета Оттоманской империи в XVII в., сокращение внутренней, внешней и транзитной торговли сказались отрицательно на общем экономическом развитии страны. Определенная изолированность Молдавии от европейской культуры Запада, вызванная более чем 200-летним господством фанариотов, сказалась на формах костюма XVII—XVIII вв. (рис. 93). Важными чертами его были: значительное увеличение количества и разнообразия одежды знати, мода на одновременное ношение большого количества одежд (до пяти — шести), укрупнение объема и длины костюмов при одновременном расширении их книзу, дальнейшее развитие декоративности платья за счет применения новых тканей, обилие вышивки, украшений. В это время разница в социальном положении проявлялась в основном не в покрое одежды, а в ее количестве, качестве и ценности ткани.

В XVII — середине XVIII в. материальная культура Молдавии, в том числе и одежда, вновь попадает под влияние Западной Европы, проникавшее по-прежнему через Польшу, что нашло отражение в светском костюме, сохранявшем вместе с тем восточные элементы. Тяготение к западноевропейским заимствованиям в одежде городского населения Молдавии XVII—XVIII вв. можно рассматривать и как своеобразное выражение протеста местных жителей против турецкого ига. Для начала XVIII в. в одежде молдавской знати были обязательны женские шальвары, восточная обувь-*мешть*, шапочки-*фесы*, платки-*басма*, длинные платья из шелка, пояса, украшенные драгоценными камнями, верхняя одежда-*дулама*, кафтаны, шелковая и льняная полосатая одежда, меха

соболя и горностая. В середине и особенно к концу XVIII в. под влиянием западноевропейской моды начинает меняться покрой одежды, появляются новые ткани (дамаск и др.), особое значение приобретают аксессуары (перчатки, зонтики и т. д.). Анализ одежды разных сословий городского населения (воинов, бояр, ремесленников, крестьян) позволяет представить путь развития молдавского городского костюма: от полной приверженности моде Константинополя, через тяготение к европейским рынкам, к западноевропейской моде.

В качестве торжественного костюма использовали одежду как европейского, так и восточного происхождения. Носили длинные жупаны по польской моде, распахнутые на груди, с длинными откидными рукавами, перехваченные в талии поясом, к которому привешивалось оружие. Для церемонии надевали парадную *дуламу* из дорогого сукна с длинными рукавами, застегнутую на 24 пуговицы. В летнее время в качестве верхней употребляли фереджю — просторную восточную одежду с широкими рукавами, которую носили расстегнутой поверх комнатного костюма. В холодное время года надевали зеге из войлока или фетра, либо кожок — по крою и моде западную одежду без рукавов, богато опушенную мехом и изготовленную из дорогого сукна итальянского или азиатского происхождения.

Обязательной принадлежностью гардероба господаря, бояр, молдавской знати были шубы как восточного, так и западного образца. Причем мода касалась несколько раз и этого довольно стабильного вида одежды: шубу XIV—XV вв. из сукна, подбитую мехом, с рукавами, разрезанными до низу по польской моде, сменила кабаница XV—XVII вв.— опушенная мехом мантия из дорогой, вытканной золотом материи, с широкими, свисающими до земли рукавами. Развитием этого вида одежды явилась *ширвана* — торжественная мантия из позолоченной ткани, подбитая мехом и застегивающаяся на застежки или шнурки, а также контуш — элегантная церемониальная одежда восточного происхождения XVI—XVII вв. Верхняя одежда жен господарей, бояр (мантии, шубы) практически не отличались от рассмотренной выше мужской. Своеобразны были головные уборы, платья, украшения и обувь.

Естественно, что первоначально западный костюм был воспринят верхними слоями городского общества и лишь через определенное время — остальным населением. При этом следует отметить, что одежда большинства рядовых горожан (крестьян и части ремесленников) продолжала традиции сельского костюма.

Документы и настенные росписи XVIII в. изображают бояр в платьях из ткани «дамаск» с поясом, застегнутым на золотые пряжки, украшенные драгоценностями. На платья надевали *антерeу*, а поверх них *джуба* из атласа и других шелков, мех соболя и горностая. Дамы появлялись на вечерах в ожерельях из жемчуга, на голове была *нафрама* или *ишлик*. Жены помещиков и купцов носили блузы, вышитые золотыми нитками, атласные платья, на ногах — сафьяновые туфли, головными уборами были марамы, украшениями — кораллы, рубины, естественные или поддельные жемчуга. В холодное время года, в дождь надевали шерстяной зипун. Высокопоставленные бояре носили кафтаны с большими воротниками, подпоясанные поясами или дорогими шалями. Дамы но-

Рис. 94. Князья Шалашниковы. Акварель А. И. Воробьева из альбома «Народы России». ГРМ, отдел рисунка. 1850 г.

сили платья с овальными вырезами, открытые на груди и задрапированные газом или муслином. На плечи набрасывали дорогие турецкие шали, на голову надевали большие меховые шапки, украшенные по краям шнурами. Часто мужскую верхнюю одежду-*антерeу* подпоясывали шалями из восточных шелков, завязывая их в узел. Мужские кафтаны из тафты также отделывали мехом. Впереди они слегка расходились так, что был виден полосатый или затканный цветами материал нижнего платья.

К господствующим сословиям принадлежало и духовенство. В его повседневную одежду входили: ряса, шуба черного сукна, отороченная лисьими спинами, шапка из темно-синей китайки. Дополнял костюм посох, окованный желтой латунью. Духовенство носило кафтаны *дулама*, как и всю одежду, темного цвета. Костюм богато отделывался мехом (внутри лисьим, снаружи — куньим).

Процесс обновления восточного костюма, начинавшийся в княжестве в XVIII в., еще долгое время сдерживался присутствием турок. Так, по свидетельству путешественников, в 1805 г. ясские салоны были выставкой туалетов константинопольской моды и лишь появление русского

дворянства в 1806 г. начало изменять этот костюм на европейский лад. Введение новшеств происходило постепенно. Особенно консервативны в одежде были мужчины. Женщины быстрее изменили свой гардероб: сначала княгини, княжны, жены крупных бояр, боярыни низших рангов, а затем огромная масса горожан последовала примеру Ясс. Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. сыграло решающую роль в развитии молдавского городского костюма. Сосуществование восточных и западноевропейских элементов в костюме зажиточных слоев города (1800—1820 гг.) постепенно приводит к изменению восточного костюма, смешению стилей (1830—1840 гг.), а затем к его исчезновению, с сохранением лишь отдельных элементов.

В начале XIX в. только молодежь рисковала надевать французские рединготы, фраки и галстуки. Чрезвычайно смешно выглядели бояре на приемах в тяжелых шубах и шапках рядом с европейски одетыми женами.

Одежда высших слоев городов Бессарабии середины XIX в. свидетельствует о сочетании в ней черт западноевропейского направления моды, с характерным для Европы того времени романтическим уклоном (тяготеющим к Востоку), и местных национальных особенностей, имевших устойчивые, исторически обусловленные элементы восточного костюма (рис. 94).

* * *

В народной молдавской одежде отразились особенности формирования молдавской культуры, характерной чертой которой было длительное сохранение таких древних элементов одежды, общих для Юго-Восточной Европы, как туникообразный покрой мужской рубахи, кожаная обувь опинчь, покрой женской рубахи с цельнокроеным рукавом, несшитая юбка, состоящая из одного или двух кусков ткани, полотенчатообразный головной убор.

Второй культурный пласт в народной одежде, более поздний по своему происхождению, связан со специфической культурой Балкано-Карпатского ареала. К нему относятся такие элементы костюма, как специфические мужские головные уборы, меховая безрукавка, широкий кожаный пояс и др., сформировавшиеся у населения, занимавшегося овцеводством в горах.

В этническом плане на формирование обоих типов одежды большое влияние оказали фракийские, античные греко-римские, древнеславянские и южнославянские культурные традиции. Начиная с XII—XIV вв. в эволюции народной одежды большую роль играли восточнославянские влияния, а в XVII—XIX — русские и украинские, что отразилось как в покроях одежды, так и в ее орнаментации, терминологии. Переработка ряда культурных традиций, их дальнейшее творческое развитие, а также органическое соединение с собственно этническими формами создали своеобразную национальную специфику народной одежды.

Костюм горожан Молдавии XV—XVII вв. в зависимости от их социальной принадлежности складывался либо на местных народных традициях у беднейших и части средних слоев населения, либо под влиянием европейской, а затем восточной моды (у зажиточной части купцов и ремесленников, служилого люда и боярства); в XVIII—XIX вв. в городской одежде возобладала западноевропейская мода.

Приложение

МУЖСКИЕ РУБАХИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII В. ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА, ЦАРЕВИЧА ИВАНА ИВАНОВИЧА И КНЯЗЯ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО В АРХАНГЕЛЬСКОМ СОБОРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

*

Т. Н. Кошлякова

В 1963 г. в целях археологического и антропологического изучения останков царя Ивана IV, царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского было произведено под руководством М. М. Герасимова вскрытие их гробниц в Архангельском соборе Московского Кремля (*Векслер* и др., 1973).

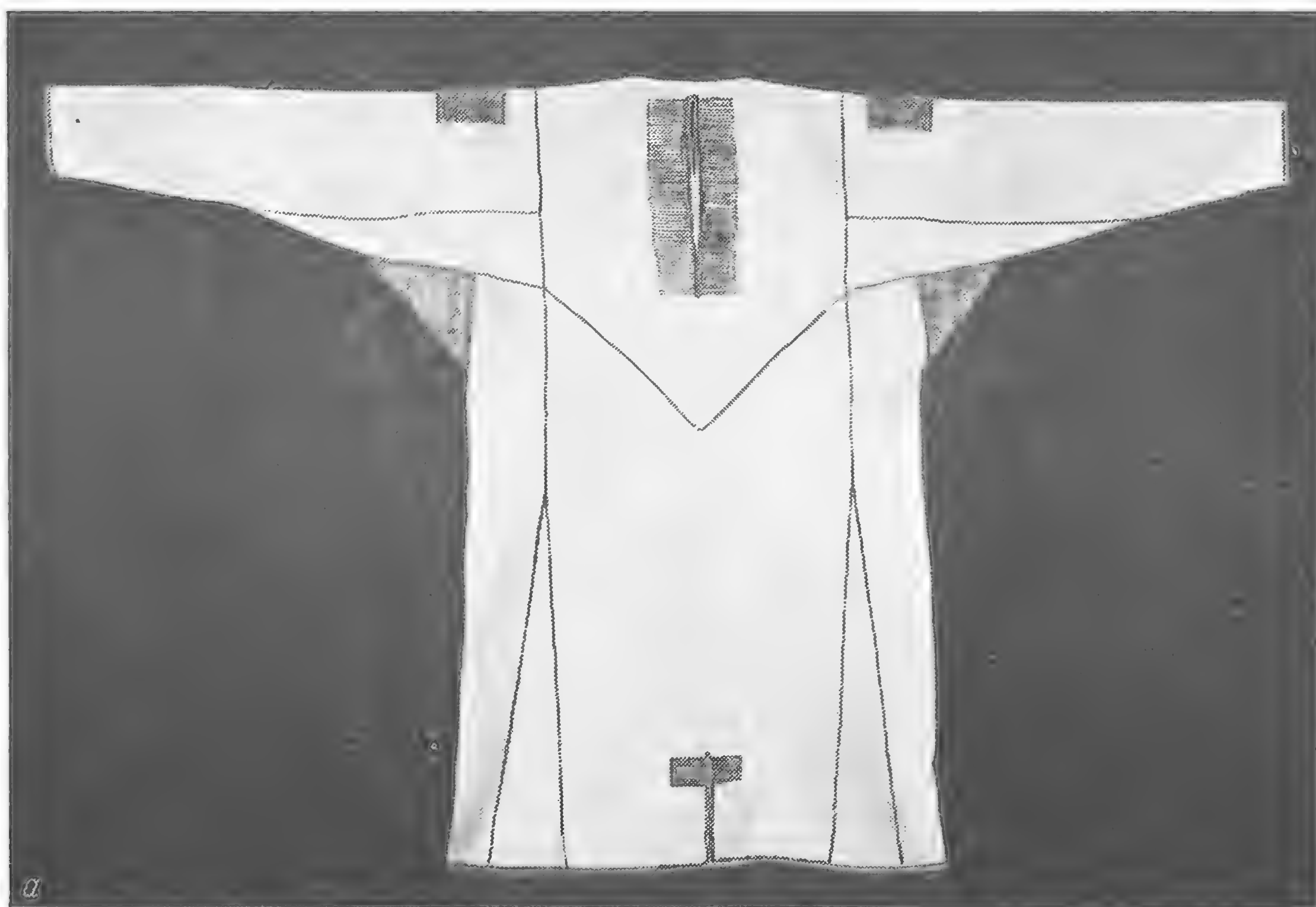
Извлеченные из погребений фрагменты одежды царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя Скопина-Шуйского были реконструированы реставраторами Государственных музеев Московского Кремля Т. Н. Кошляковой, М. Г. Баклановой и Н. Ф. Соцковой. Выяснилось, что все погребальные одежды относятся к известным по археологическим материалам и этнографии разновидностям русской рубахи с ее характерным покроем и декором.

Ткань рубах из погребений в Архангельском соборе полностью разрушена. Фрагментарно сохранилось лишь нагрудное, наплечное и наподольное шитье тесьмой, закрепленное на полосах подкладкой красной тафты. Уцелели также ластовицы, подпушка рукавов и подола из той же красной тафты. Сохранились тесьма и ленточки, которыми были окаймлены швы рубах, ластовицы, края рукавов и подол, что и дало возможность восстановить полностью покрой и орнаментацию рубах.

Туникообразные рубахи «строились» в древности из цельного полотна с полным использованием ткани, при котором ни один кусок не пропадал. Древний покрой отличался необычайной простотой. Главную часть рубахи составлял стан из сложенного пополам по утку цельного полотнища без швов на плечах. На месте сгиба делался вырез ворота. К рукаву был пришит клин, расширявший его в области плеча, к запястью рукав суживался. Ширины полотна, как правило, не хватало для полного объема рубахи, поэтому к основному полотнищу были пришиты с боков еще прямые куски в половину цельного полотна, согнутого вдоль. Под рукавами были вшиты ромбические ластовицы. К изнанке рубахи, на грудь и спину был для большей прочности подшит кусок полотна, имеющий треугольную форму — так называемая *подоплека*. Вставленные спереди и сзади четыре клина несколько расширяли рубахи книзу.

Длина рубах: Федора Ивановича — 130 см, (рис. 95, *а*, *б*), Ивана Ивановича — 131 см и М. В. Скопина-Шуйского — 119,5 см; рубахи, следовательно, были ниже колен.

На рубахах Федора Ивановича и Скопина-Шуйского швы были сделаны следующим образом: детали рубахи накладывались подогнутыми



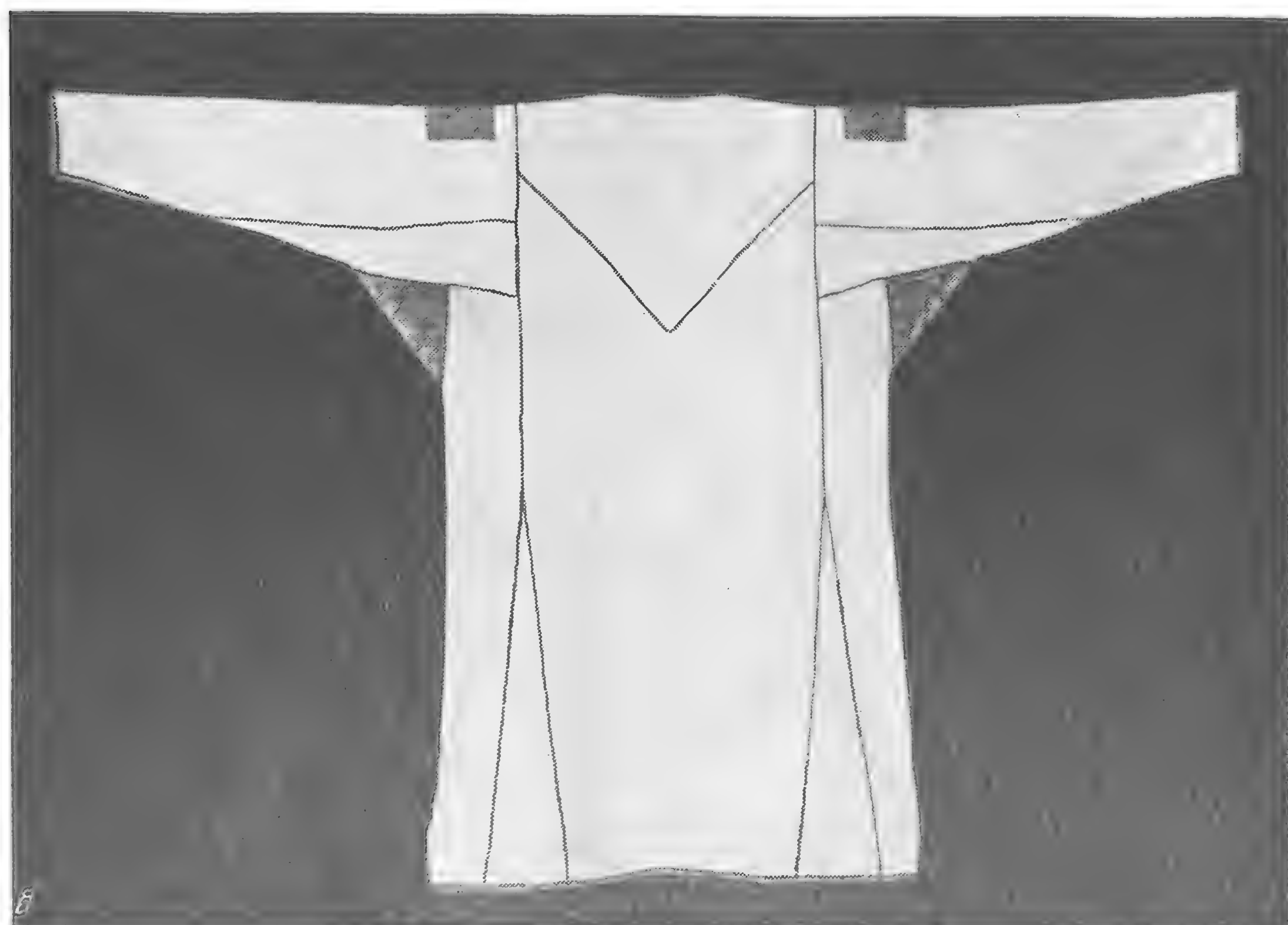


Рис. 95. Рубаха Федора Ивановича:
а — перед; *б* — спинка

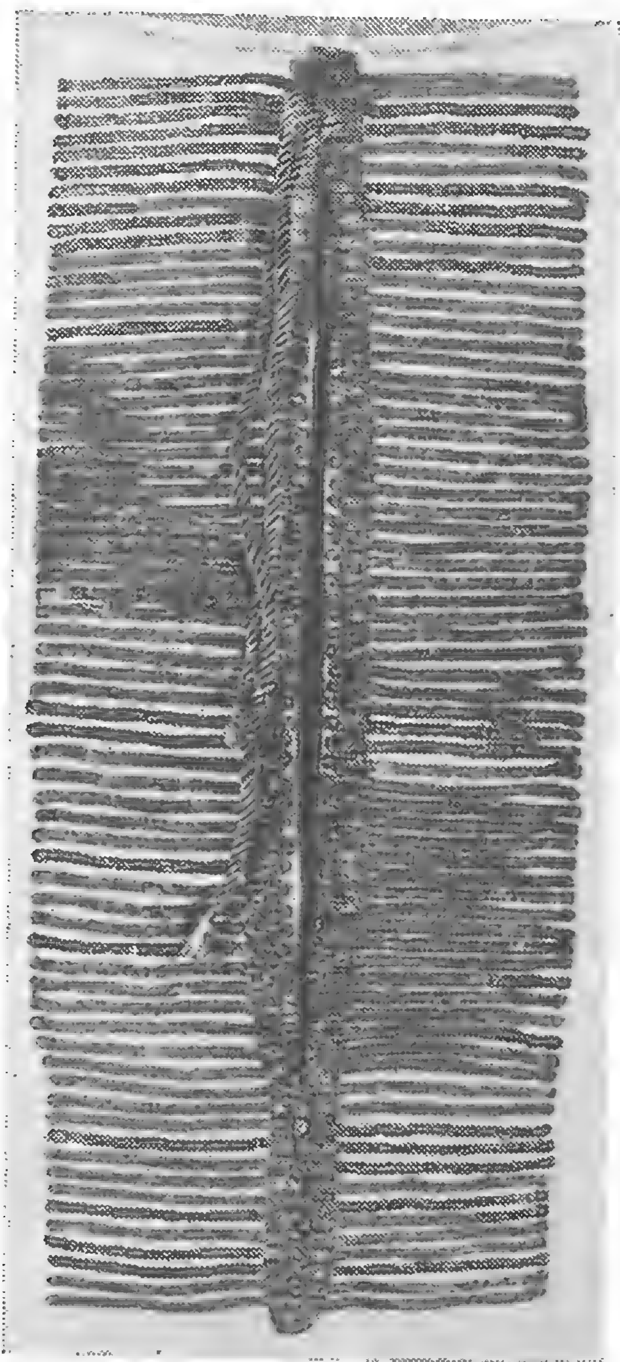


Рис. 96. Рубаха Федора Ивановича Вышивка ворота

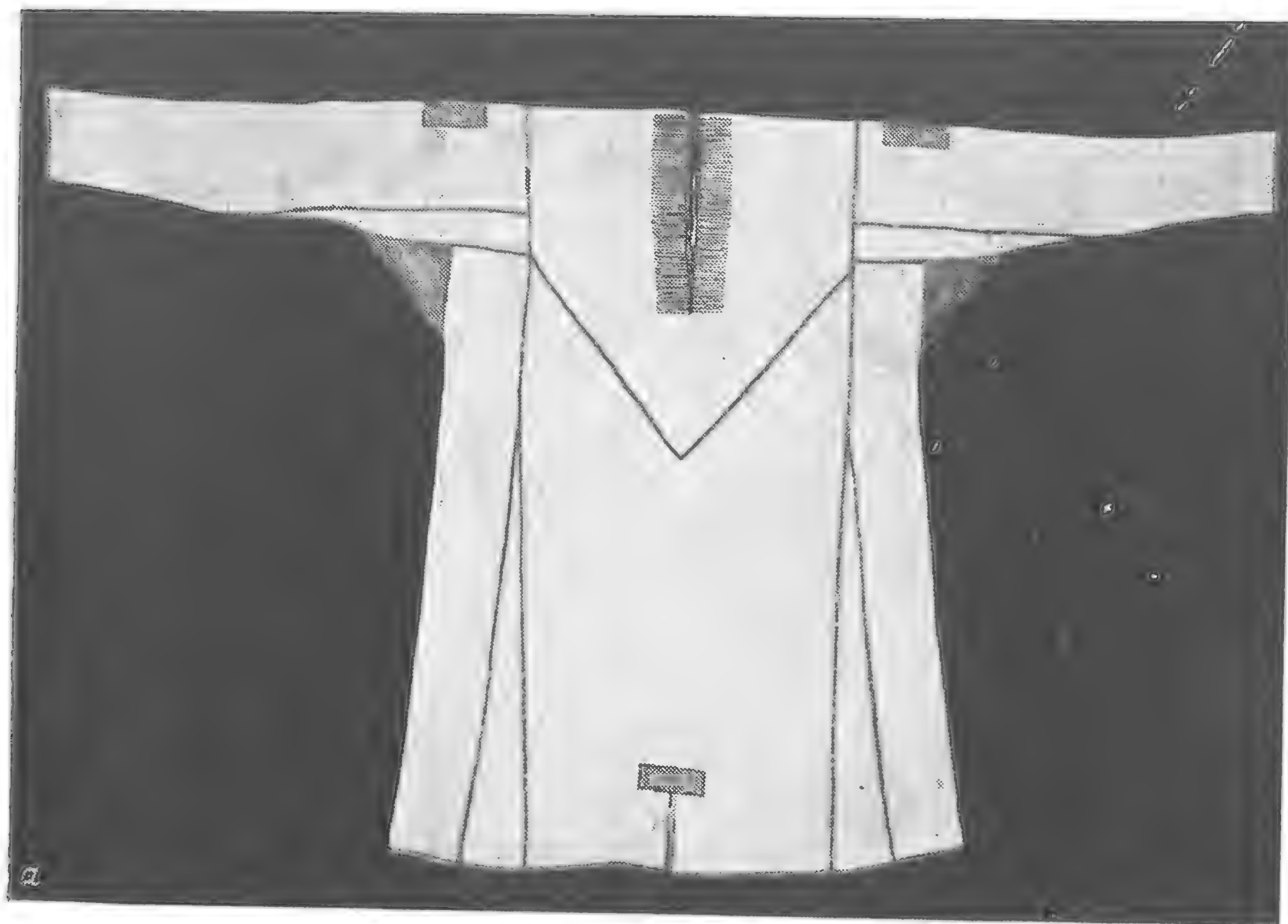
краями один на другой и сшивались. Эти швы, в виде двух полос строчки красным шелком по белому фону, помимо конструктивного назначения, служили также украшением. Вплотную к швам пришивалась декоративная червчато-золотая тесьма, сплетенная из 10 нитей,— четыре червчатых и шесть золотых, с чередованием 2 : 2 (рис. 95, 96). На третьей рубахе, Ивана Ивановича, для украшения швов использовалась ленточка из кромки красной шелковой тафты. Обрезанный край кромки прикрывался подвернутым краем ткани рубахи и прошивался также строчкой в два ряда красным шелком.

Украшения у всех трех рубах — нагрудные (*передцы*), наплечные (*вошвы*) и наподольные (*наподольники*) — однотипны, но отличаются в деталях.

На рубахе Федора Ивановича все они украшены нашивками тесьмы. Ряды тесьмы по обеим сторонам разрезов на груди, на плечах и на подоле прикреплены горизонтально, с расстоянием в один миллиметр. Эти нашивки служат как бы условной застежкой: при внимательном рассмотрении видно, что тесьма, шириной в четыре миллиметра, сшита из сложенного пополам отрезка сутажа. Перегибы обращены к разрезу рубахи. С одной стороны разреза перегибы образуют петельки, а с другой на сгибе тесьмы завязан узелок, который служит пуговкой. С внешней стороны концы сутажа загнуты внутрь и аккуратно зашиты. Ряды перегибов по наружному краю и петельки с пуговками внутри вдоль разреза образуют изящный рельефный контур (рис. 96).

На передце из шестидесяти восьми узелков-пуговок застегнуто снизу только тринадцать. На вошвах и наподольнике застегнуты все пуговки. Шелковая подкладка под вошвами и наподольником на рубахе Федора Ивановича не разрезана, хотя расположение тесьмы предполагает разрез.

Рубаха Ивана Ивановича украшена так же, но разница в том, что на неё нашита не тесьма, а имитация ее, из узкой полоски червчатой тафты, прошитой таким образом, что образуются две рельефные складочки с желобком посередине, как у сутажной тесьмы. Получилась как бы «шитая тесьма». Рубаха Ивана Ивановича вообще скромнее, на ней нет золота и червчатая отделка выполнена из неблестящего шелка (рис. 97). Декоративное убранство рубахи знаменитого полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского превосходит царские. Она украшена по тому же принципу горизонтальными полосами тесьмы, но сплетенной из одних золотых нитей и положенной поверх золотной же вышивки по красному фону. Вышивка представляет собой узор «побежок» с мотивами



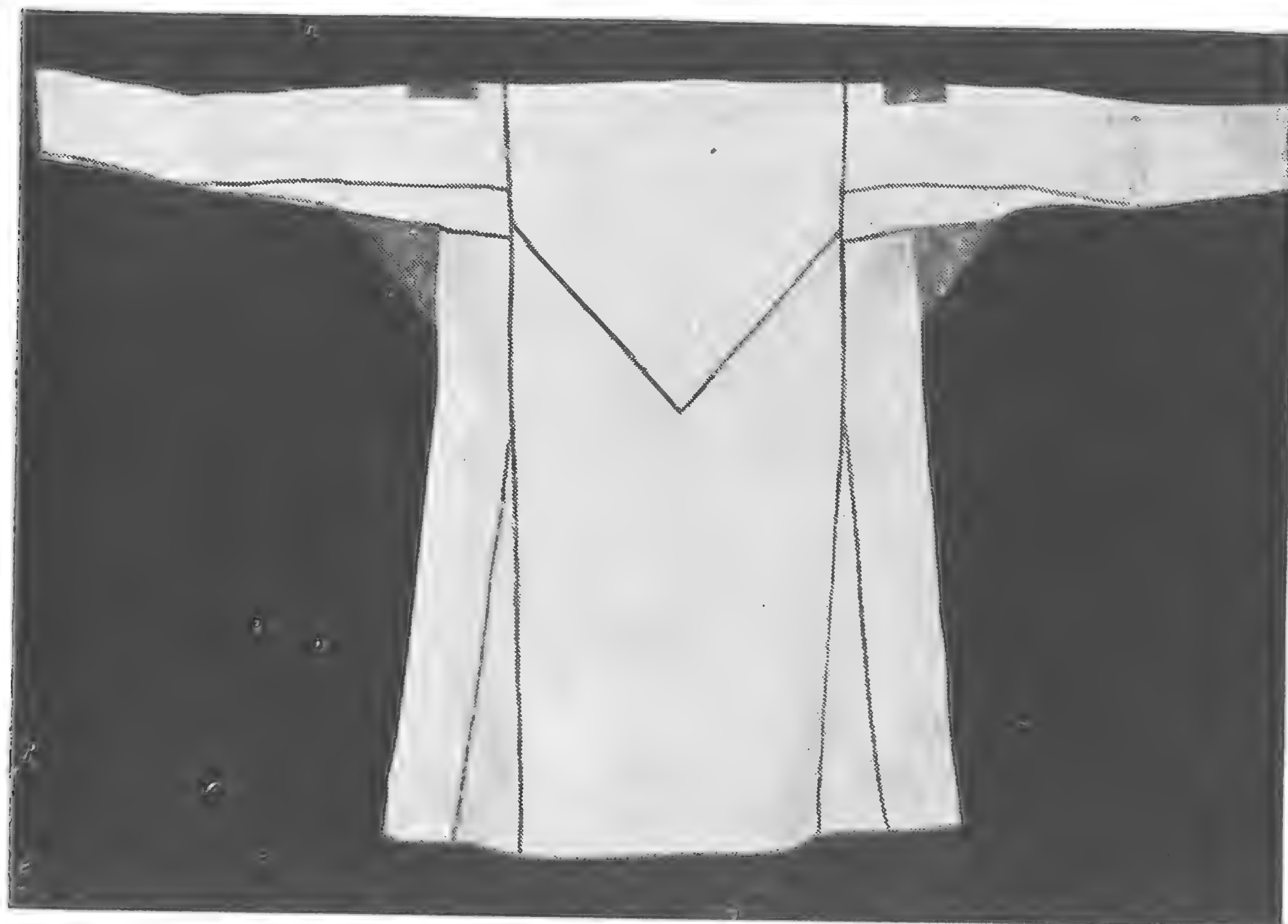


Рис. 97. Рубаха Ивана Ивановича:
а — перед; *б* — спинка

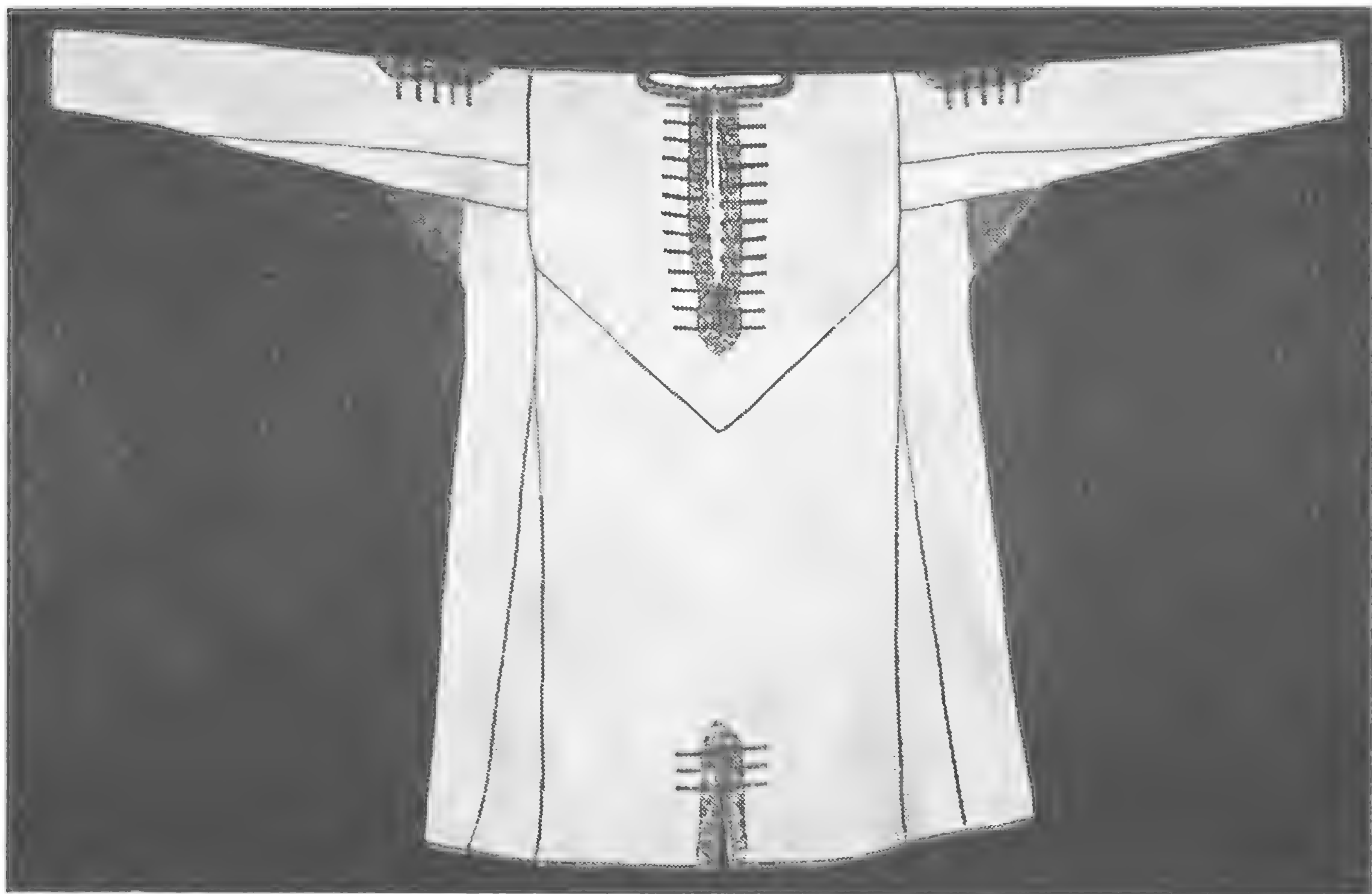


Рис. 98. Рубаха Скопина-Шуйского

древа жизни, выполненный пряденой золотной нитью — разновидностью тамбура (русское название «в петлю») с зацеплением нитью не одной, а двух предыдущих петель. Полосы тесьмы сгруппированы по три. Так же как на двух других рубахах, они образуют миниатюрные петельки и пуговки. На передце из тридцати девяти пуговок-узелков застегнуто девять нижних. На вошвах и наподольнике застегнуты все пуговки, но в отличие от рубах Федора Ивановича и Ивана Ивановича подкладная тафта здесь разрезана, и этот разрез очень заметен. Рубаха Скопина-Шуйского отличается еще и тем, что горловина у нее украшена узорным шитьем (рис. 98).

У ворота на всех трех рубахах одинаково пришиты завязки-шнурки.

Разрезы декоративных нашивок и края всех трех рубах имеют красную выпушку, двойную красную строчку, а рубахи Федора Ивановича и Скопина-Шуйского еще и тесьму (эти детали декорировки уложены в один сантиметр ширины).

Края подола и рукавов у всех трех рубах оформлены следующим образом: подогнутый край белой ткани рубахи наложен на красную подпушку и прошит двойным швом красным шелком, который также служит украшением. Около швов на рубахе Скопина-Шуйского и Федора Ивановича проходит червчато-золотная тесьма. Подпушка подвернута наизнанку так, что на лицевой стороне оставалась узенькая выпушка. Широкий же край подпушки пришивался к подолу и рукавам с изнанки. В результате на красной тафте с изнанки по внешнему краю не было швов.

При оформлении разрезов на груди, плечах и подоле красная выпушка получилась за счет слегка выступающего края подкладки под нашивками. Тесьма вдоль разрезов на завершении их образует выразительную петельку. На рубахе Ивана Ивановича, где нет тесьмы, на краях разреза такая же петелька образуется двойной красной строчкой.

Лаконичная простота отделки придает рубахам строгую выразительность. Покрой их максимально рационален, декоративное решение отмечено высоким вкусом и чувством меры, цветовая гамма построена на эффекте сочетания красного, золотого и белого.

Поражает мастерство исполнения декоративных нашивок. Они выглядят как бы кованными из металла на рубахе Федора Ивановича. Узор тесьмы здесь напоминает плетение золотой цепи на червчатом поле.

Выложенная складочками красная тесьма на рубахе Ивана Ивановича создает эффект светотеневой игры, усиливая тем самым декоративность звучания изделия.

Сутажные полосы на рубахе Скопина-Шуйского, положенные поверх золотой вышивки, выступают на белое полотно и особенно нарядно орнаментируют рубаху.

Помимо декоративных накладок, все рубахи украшают красные ластовицы и червчато-золотная тесьма или красные ленточки, проложеные по швам и как бы выявляющие строго продуманную конструкцию одежды. Реставрированные рубахи хранятся в государственных музеях Московского Кремля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общность исторических судеб, тесные взаимосвязи, взаимовлияния населяющих страну народов позволяют рассматривать европейскую часть СССР как обширную историко-этнографическую провинцию, в которой выделяются крупные области: Восточная Прибалтика, центральная лесная и лесостепная часть (собственно Россия, как ее называли уже в XVI—XVII вв.), южнорусские степи, или Северное Причерноморье, и Прутско-Днестровское междуречье.

Южнорусские степи отличались в древности той особенностью своей исторической судьбы, что они были как бы огромной дорогой, по которой приходили кочевники из Азии, проникая в зависимости от обстоятельств более или менее прочно и глубоко на территорию Европы. Часть их здесь оседала на длительный срок и завязывала тесные контакты с оседлыми соседями, причем происходил и оживленный обмен культурными ценностями.

К XVI—XVII вв. отчетливо вырисовываются уже и три группы народной одежды, соответствующие упомянутым историко-этнографическим областям — прибалтийская, восточнославянская и молдавская. В первых двух выделились и костюмы народностей — по три в каждой. Эти костюмы описаны в соответствующих главах настоящей книги. Причерноморские и приазовские степи в XVII—XVIII вв. были прочно заняты оседлым, преимущественно восточнославянским, русским и украинским населением, принесшим с собой из мест первоначального расселения и народный костюм. Имела свои особенности также одежда неславянских переселенцев этих мест. Среди многообразной одежды народов Прутско-Днестровского междуречья выделяется одежда молдаван.

Мы видели, что костюмы родственных народностей имели много общего между собой и вместе с тем сохраняли значительные локальные особенности, имевшие древние корни. Народы, населявшие восточноевропейскую провинцию, издавна тесно общались, и одежда их отражает также взаимные влияния. В древности такие взаимовлияния существовали и между кочевыми и оседлыми народами. Так, именно с кочевниками-скифами связывают многие исследователи распространение в Восточной Европе туникообразного покроя наплечной одежды, в частности рубахи. Мы видели, что этот древний покрой сохранялся, например, в восточнославянской мужской рубахе по крайней мере до XVI—XVII вв., а в женской отмер значительно раньше; у народов Прибалтики — как балтов, так и прибалтийских финнов — туникообразная женская рубаха держалась дольше — вплоть до XIX в. То же наблюдается в молдавском костюме Прутско-Днестровского междуречья.

На смену рубахе туникообразного покроя у восточных славян пришла рубаха с плечевыми вставками — поликами. Исследователи считают что богато украшенные вышивкой полики возникли либо от манеры носить рубаху из несшитых, застегнутых на плечах пряжками полотнищ, либо в результате развития швов, образующихся при вшивании рукава. Наличие вышивки и нашивок на плечах женских рубах народов Прибалтики объясняется влиянием восточных славян и рассматривается некоторыми исследователями как некий зародыш поликов. Со степного юга заимствовали в эпоху позднего средневековья украинцы широкие штаны — шаровары.

Для восточных славян, населявших лесостепную и лесную Россию, была в древности характерна богато вытканная несшитая набедренная женская одежда — понева (у украинцев — плахта). Юбку, распространившуюся позже, белорусы и украинцы заимствовали у западных соседей так же, как народы Прибалтики. Сарафан уже в XVI в. бытовал в русских городах, откуда распространился в сельские местности — сначала лесного севера, затем в XVII—XIX вв. продвинулся в южные лесостепные и степные земли.

Для женского костюма Прибалтики характерно четырехугольное покрывало, которое накидывали на плечи поверх рубахи. Костюму всех восточноевропейских женщин было свойственно обилие металлических украшений. Но в Прибалтике и балтские и прибалтийско-финские женщины носили их больше, чем славянки, а у народов Поволжья их особенно много. У восточнославянских женщин не было обычая носить разного рода «шумящие» привески, обшивать металлическими бляшками и цепочками края одежды, как это любили делать женщины Поволжья и Прибалтики. Почти у всех народов Восточной Европы были в употреблении разного рода фибулы — пряжки для застегивания одежды, но у каждой группы народов были особые их формы и манера ношения. Привески, вплетаемые в волосы или украшавшие головной убор, так называемые височные кольца, отличали славянских женщин как в Восточной, так и в Центральной Европе, причем для каждого славянского племенного союза были традиционными местные формы украшений, образующие своеобразный, присущий только данному племени или племенному союзу набор и в то же время имеющие общие черты, говорящие об общности славянских племен. У народов Прибалтики височные кольца не встречались вовсе (если не считать некоторых заимствований у славян). На территории Молдавии в древних славянских поселениях археологи находят множество украшений, характерных для восточнославянских племен — тиверцев и уличей, а в молдавских средневековых городах встречаются височные кольца с тремя напускными бусинами, характерные и для славянских городов XII—XIII вв.

Костюм горожан повсеместно отличался большим количеством входящих в него предметов, более значительной дифференциацией комплекса. В частности, порты и рубаха, бывшие зачастую единственной одеждой крестьянина, у горожанина играли роль нижнего белья, поверх которого даже летом обязательно нужно было что-то надеть — по крайней мере выходя на улицу. Зажиточные горожане стремились подражать костюму феодалов. Но если в русских городах четко прослеживается тесная гене-

тическая связь одежды (в особенности рядовых горожан) с одеждой сельского населения — и то же отмечают исследователи молдавской городской одежды,— то в городах Прибалтики такая связь прослеживается не повсеместно: в некоторых городах этой историко-этнографической области одежда горожан с самого начала испытывала сильное западноевропейское влияние.

В XIV—XVIII вв. городской костюм повсюду больше отражает различные иноземные влияния, чем костюм сельского населения. В общем можно сказать, что иноземные влияния передавались в сельскую местность через города.

В городах России в XIV—XVI вв. отмечается значительное влияние на одежду зажиточных горожан и знати восточной (кавказской, турецкой, иранской) и отчасти центральноевропейской (венгерской, польской) одежды. Еще ярче выражено влияние восточной одежды в костюме молдавской знати XV—XVII вв. Восточные названия материй и одежды проникали и в Прибалтику, но опосредственно — через Западную Европу — и связывались поэтому не с теми предметами (например, кафтан — с глухой безрукавной одеждой). На Украине и в Белоруссии сильнее было влияние западнославянской (в особенности — польской) одежды, в Прибалтике, как уже сказано, одежды западноевропейской (преимущественно немецкой). Можно сказать, что вообще западноевропейская мода воспринималась народами Восточной Европы чаще всего через немецкую. В конце XVII в. в России ярче выражена польская и венгерская мода, а в XVIII в. распространяется западноевропейский костюм (голландский, немецкий, французский). Это в особенности относилось к дворянам, которые в результате петровских реформ целиком следовали западноевропейской моде.

На Украине и в Белоруссии этот процесс шел не так быстро: казацкая старшина и местные феодалы во многом следовали еще польской моде, но и в самой Польше в соответствующих кругах все больше распространялась мода общеевропейская. В конце XVII—XVIII в. на европейский манер одевались и молдавские феодалы — бояре.

Но как бы ни менялась мода, в мужском костюме по всей изучаемой нами территории оставалась традиционная манера носить одновременно две верхние одежды: относительно короткую, более облегающую (иногда — без рукавов), и поверх нее — более широкую и длинную — например, зипун и кафтан, жупан и кунтуш, весту и жюстокор, позднее, в общеевропейском костюме,— жилет и сюртук или пиджак и т. п.

Особенности материала, покроя, орнамента были важными территориально и социально-дифференцирующими признаками, как и женские украшения. Этнодифференцирующая их функция была в древности сильнее, чем в позднем средневековье или тем более в новое время.

По мере социально-экономического развития народов росла и социально-дифференцирующая функция костюма. При этом костюм феодальной верхушки (там, где дворянство было той же национальности, что и крестьяне) отличался не только обилием и высоким качеством входящих в него предметов, но и раньше, чем костюм простонародья, утрачивал свою этническую специфику. Это в особенности относится к XVI—XVIII вв. У русских, сохранивших в течение веков государственную

самостоятельность, национальные черты в костюме феодальной верхушки были ярко выражены вплоть до петровских реформ; у украинцев, белорусов и литовцев, входивших в Речь Посполитую, сильнее было западнославянское (в частности — польское) влияние. У латышей и эстонцев местная знать и верхушка купечества были по большей части иноэтничны по отношению к коренному населению страны; это способствовало распространению западноевропейского костюма; у молдаван, как уже сказано, феодалы и богатые купцы одевались по турецкой и по западноевропейской моде. Приверженность в тот или иной период к костюму определенного типа характеризовала и политические симпатии высших слоев населения той или иной области Восточной Европы.

Основные массы народов (крестьяне в большей степени, чем горожане) воспринимали европеизацию костюма гораздо медленнее, чем их зажиточные слои. Коренные сдвиги в этой области относятся уже к эпохе капитализма.

Таковы некоторые выводы относительно развития одежды народов Восточной Европы, вытекающие из приведенных выше материалов. Дальнейшее изучение этой проблемы и картографирование полученных результатов помогут значительно уточнить и дополнить эти выводы.

ЛИТЕРАТУРА

Александров, 1971 — *Александров В. А.* Памфлет на род Сухотиных (XVII).— История СССР, № 5.
Алеппский, 1896—1900 — *Алеппский Павел.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидияконом Павлом Алеппским. М. Вып. 1—5.
Андреев, 1929 — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.
Аристэ, 1956 — *Аристэ П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
Артамонов, 1956 — *Артамонов М. И.* Население Скифии, его хозяйство, быт, обычаи и верования.— В кн.: Очерки истории СССР. М.
Артамонов, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Ленинград; Прага.
Археология УРСР — Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. другий.
Арциховский, 1930 — *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М.
Арциховский, 1944 — *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.
Арциховский, 1947 — *Арциховский А. В.* Царицынские курганы.— МИА, № 7.
Арциховский, 1948 — *Арциховский А. В.* Одежда.— В кн.: ИКДР.
Арциховский, 1954 — *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г. М.
Арциховский [б. г.] — *Арциховский А. В.* Одежда.— В кн.: Очерки русской культуры XII—XV вв. М. ч. 1.
Арциховский, Борковский, 1958 — *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.
Арциховский, Янин, 1978 — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М.
Ауліх, 1972 — *Ауліх В. В.* Зимнівське городище. Київ.
Базилевич, 1926 — *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV—XVI вв.— В кн.: ГИМ/Труды. Вып. III. Разряд общий исторический. М.
Баллод, 1911 — *Баллод Ф.* Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетия. М.
Бартенев, 1916 — [*Бартенев С. П.*] Московский Кремль в старину и теперь. М. Т. II. Государев двор.
Беларускае, 1975 — Беларускае народнае адзенне. Минск.
Белинский, 1845 — *Белинский В. Г.* Петербург и Москва.— В кн.: Физиология Петербурга. СПб., т. 1.
Берг, 1918 — *Берг Л. С.* Бессарабия: Страна, люди, хозяйство. Пг.
Березовець, 1952 — *Березовець Д. Т.* Харівський скарб.— В кн.: Археологія, VI.
Білецька, 1929 — *Білецька В.* Українські сорочки, їх типи, еволюція и орнаментація.— В кн.: Матеріали до етнографії і антропології. Львів, т. XXI/XXII, ч. 1.
Білецький, 1963 — *Білецький П.* Українське мистецтво XVII—XVIII ст. Київ.
Блаватский, 1961 — *Блаватский В. Д.* Античная археология. М.
Богоявленский, 1945 — *Богоявленский С. К.* Киевская и Московская Русь.— В кн.: Русский исторический костюм для сцены. М.; Л.
Боплан, 1896 — *Боплан Г. Л.* Описание Украины: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев. Вып. II.

Боровка, 1921 — *Боровка Г. И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана.— В кн.: Изв. Российской академии истории материальной культуры. Пг., т. 1.
Бритова, 1971 — *Бритова Н. Н.* Искусство античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. М., т. 1.
Брук и др., 1971 — *Брук С. И., Гарданов В. К., Гуслистый К. Г.* и др. Принципы и методы составления региональных историко-этнографических атласов.— В кн.: VIII Международный конгресс этнографических и антропологических наук: Труды. Токио, ч. 1. Теория и методология.
Вахрос, 1959 — *Вахрос И.* Наименования обуви в русском языке. Хельсинки. Т. 1.
Векслер и др., 1973 — *Векслер А. Г., Рабинович М. Г., Шеляпина Н. С.* М. М. Герасимов и история Москвы.— В кн.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.
Вельтман, 1977 — *Вельтман А.* Странник. М.
Венедиков, 1965 — *Венедиков И.* Клады болгарских земель. София.
Видонова, 1951 — *Видонова Е. С.* Детская одежда начала XVI в.— КСИИМК, вып. 36.
Волкайте-Куликаускене, 1979 — *Волкайте-Куликаускене Р. К.* Образование литовской народности.— СЭ, № 3.
Волков, 1916 — *Волков Ф. К.* Этнографические особенности украинского народа: Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг. Т. II.
Воолмаа, 1975 — *Воолмаа А.* Сходные черты в народной одежде финно-угров.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Саранск, вып. VI.
Воронин, 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, № 41.
Вязьмітіна, 1971.— *Вязьмітіна М. І.* Пам'ятки і культура сарматів: Одяг.— В кн.: Археологія УРСР. Київ. Т. другий.
Георги, 1776 — *Георги И.-Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, ч. I. СПб.; Изображение одежд, принадлежащих к описанию всех народов, обретающихся в Российской империи. Собрание 1. СПб.
Георги, 1794 — *Георги И. Г.* Описание российского императорского столичного города С.-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб.
Герберштейн, 1906 — *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. М.
Геродот — *Геродот.* История. Л., 1972.
Гильденштедт, 1892 — *Гильденштедт А.* Путешествие по Слободско-Украинской губернии. Харьков.
Гиляровская, 1945 — *Гиляровская Н.* Русский исторический костюм в изобразительном искусстве и на сцене.— В кн.: Русский исторический костюм для сцены. М.; Л.
Головацкий, 1877 — *Головацкий Я. О.* О народной одежде и убранстве русинов, или русских, в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб.
Головацкий, 1888 — *Головацкий Я. О.* Черты домашнего быта русских дворян на Подляшье, т. е. в нынешней Седлецкой и Гродненской губерниях, по актам XVI столетия. Вильно.
Гомер.— *Гомер.* Илиада. М., 1978.
Горелик, 1979 — *Горелик М. В.* Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды ираноязычных народов древности.— В кн.: III Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен»: Тезисы докладов. М.
Городцов, 1926 — *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— В кн.: ГИМ/Труды. М. Вып. 1.
Горчаков, 1850 — *Горчаков В. П.* Выдержки из дневника о А. С. Пушкине.— Москвитянин, № 2.
Граков, 1947 — *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, № 3.
Граков, 1954 — *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36.
Граков, 1971 — *Граков Б. Н.* Скифы. М.
Григорьев, 1954 — *Григорьев М. Г.* Древняя Москва.— В кн.: По следам древних культур: Древняя Русь. М.
Гринкова, 1955 — *Гринкова Н. П.* Височные украшения в русском народном женском костюме.— В кн.: Сб. МАЭ. Л., вып. XVI.
Громов, 1977 — *Громов Г. Г.* Русская одежда.— В кн.: Очерки русской культуры XVI в. М., ч. 1.
Гуревич, 1941 — *Гуревич Ф. Д.* Збручский идол.— МИА, № 6.
Гущина, 1969 — *Гущина И. И.* Янчокракский клад.— МИА, № 169.

Давидан, 1966 — *Давидан О. И.* Староладожские изделия из кости и рога.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., вып. 8.
Даль, 1957 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.
Даль, I, II, III, IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. I; 1979. Т. II; 1980. Т. III; 1980. Т. IV.
Даркевич, Фролов, 1978 — *Даркевич В. П., Фролов В. П.* Старорязанский клад.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
Дашевская, 1971 — *Дашевская О. Д.* Искусство поздних скифов в Крыму.— В кн.: История искусства народов СССР. М., т. 1.
Димитриу, Зеленчук, 1975 — *Димитриу М., Зеленчук В.* Костумул национал молдовенеск. Кишинэу.
Древности, 1872 — Древности геродотовой Скифии: Атлас. СПб. Вып. II.
Дубынин, 1967 — *Дубынин А. Ф.* Клад Щербинского городища.— КСИА, вып. 112.
Дубынин, Розенфельдт, 1966 — *Дубынин А. Ф., Розенфельд И. Г.* Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г.— КСИА, вып. 107.
Дьяковская культура, 1974 — Дьяковская культура. М.
Дэвлет, 1966 — *Дэвлет М. А.* Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакассии.— КСИА, вып. 107.
Ефимова, 1966 — *Ефимова Л. В.* Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э.— КСИА, вып. 107.
Жолтовський, 1978 — *Жолтовський П. М.* Украинская живопись XVII—XVIII вв. Киев.
Журжалина, 1961 — *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка.— СА, № 2.
Забелин, 1862, 1869 — *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа. М., 1862. Т. I. Домашний быт русских царей; М., 1869. Т. II. Домашний быт русских цариц.
Защук, 1862 — *Защук А. К.* Материалы для географии и статистики России: Бессарабская область. СПб.
Зевина, Лившиц, 1960 — *Зевина А. М., Лившиц М. Я.* Национальные костюмы Молдавии. Кишинев.
Зеленин, 1948 — *Зеленин Д. К.* Общие элементы в древних финских и русских костюмах.— УЗ ЛГУ. Сер. востоковедческих наук, 2.
Зеленчук, 1959 — *Зеленчук В. С.* Материалы к изучению молдавской народной одежды.— Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 6.
Зеленчук, 1972 — *Зеленчук В. С.* Основные типы традиционной молдавской народной одежды.— В кн.: Этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев.
Зеленчук, 1977 — *Зеленчук В. С.* Одежда.— В кн.: Молдаване. Кишинев.
Зеленчук, Лившиц, Хынку, 1968 — *Зеленчук В. С., Лившиц М. Я., Хынку И. Г.* Народное декоративное искусство Молдавии. Кишинев.
Ибн-Фадлан — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
Изюмова, 1959 — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого.— Новгородская археологическая экспедиция / Труды, Т. II.
Ильинская, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
Ісаевич, 1963 — *Ісаевич Я. Д.* Культура ї побут міського населення Галичини XVII—XVIII ст.— Народна творчість та етнографія, № 4.
Искусство Молдавии, 1967 — Искусство Молдавии. Кишинев.
История, 1976 — История народного хозяйства Молдавской ССР с древнейших времен до 1812 г. Кишинев.
Калашникова, 1974 — *Калашникова Н. М.* Коллекция женского национального костюма в собрании Государственного музея этнографии народов СССР.— Изв. АН МССР, № 2.
Калашникова, 1978 — *Калашникова Н. М.* Источники для изучения одежды населения молдавских городов XVII — начала XX в.— Изв. АН МССР, № 3.
Календарные обычаи, 1973 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX — начала XX в.: Зимние праздники. М.
Каспарова, 1967 — *Каспарова К. В.* Могильник и поселение зарубинецкой культуры у дер. Отвержичи.— КСИА, вып. 112.
Кацер, 1972 — *Кацер М. С.* Прикладное искусство Белоруссии. Минск.
Качанова, 1954 — *Качанова З. И.* О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры:— В кн.: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Кеппен, 1851 — *Кеппен П.* Водь и водская пятина.— ЖМНП, № 4—6.
Киевская старина, 1887 — *Могилянка Р.*, княгиня Вишневицкая.— Киевская старина, т. 19.
Киреева, 1976 — *Киреева Е. В.* История костюма. М.
Кирпичников, 1969 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки древнего Орешка.— АО, 1968.
Киселев, 1936 — *Киселев С. В.* Старинные одежды, найденные на метро.— В кн.: По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л.
Кларк, 1953 — *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М.
Клочко, 1979 — *Клочко Л. С.* Реконструкцiя скiфьских головних жiночих уборiв (за матерiалами Червоноперекопських курганiв).— Археологiя, 31.
Ключевский, 1867 — *Кирхманн П.* История общественного и частного быта: Чтение в школе и дома... Дополнено В. Ключевским. М. Ч. 1.
Колчин, 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия, М.
Корб, 1906 — *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). Спб.
Костин, 1957 — *Костин М.* Опере алесе. Кишинеу.
Костомаров, 1860 — *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. М.
Котошихин, 1840 — О России в царствование Алексея Михайловича, современное сочинение Григория Котошихина. СПб.
Кошлякова, 1976 — *Кошлякова Т. Н.* Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного.— СА, № 2.
Крестьянская одежда, 1971 — Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.): Определитель. М.
Кришан, 1978 — *Кришан И. X.* Совместное проживание даков с римлянами.— Румынские горизонты, № 7 (115).
Крупенский, 1912 — *Крупенский Я. Н.* Краткий очерк о бессарабском дворянстве, 1812—1912 гг.: К 100-летнему юбилею Бессарабии. Кишинев.
Крыжановский, 1923 — *Крыжановский Б. Г.* Женская одежда Центральной Украины. Пг.
Крылов, 1956 — *Крылов И. А.* Басни. М.
Куликаускене, 1975 — *Куликаускене В.* Литовская крестьянская мужская одежда в XIX в.— первой половине XX в.: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс.
Кульчицька, 1959 — *Кульчицька О.* Народний одяг захiдних областей УРСР. Київ.
Куфтин, 1926 — *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мещеры. М. Ч. 1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан.
Кухаренко, 1961 — *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, в. Е1—57.
Лаанест, 1966 — *Лаанест А.* Ижорские диалекты. Таллин.
Лассота, 1873 — Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного австрийским императором Рудольфом II в Запорожскую Сечь в 1594 г. СПб.
Латышев, 1893, 1896, 1904, 1906 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1896. Т. I. Греческие писатели. Вып. 1, 2; 1904—1906. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1, 2.
Латышева, 1954 — *Латышева Г. П.* Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г.— В кн.: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
Лаул, 1974 — *Лаул С.* Юго-восточная Эстония в период раннего железа (II—V вв. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин.
Лаул, 1975 — *Лаул С.* Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Саранск, вып. VI.
Лебедева А. А., 1980 — *Лебедева А. А.* Коллекции МАЭ по украинцам Закарпатья.— В кн.: Сб. МАЭ. Л., т. XXXV.
Лебедева Н. И., 1956 — *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.
Лебедева, Маслова, 1967 — *Лебедева Н. И.*, *Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в.— В кн.: Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.). М.
Левашова, 1959 — *Левашова В. П.* Изделия из дерева, дуба и бересты.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М.
Левашова, 1959а — *Левашова В. П.* Обработка кожи, меха и других видов естественного сырья.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М.

Левашова, 1966 — *Левашова В. П.* Об одежде сельского населения Древней Руси.— В кн.: ГИМ/Труды. М. Вып. 40.
Левашова, 1967 — *Левашова В. П.* Височные кольца.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.
Левашова, 1968 — *Левашова В. П.* Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Левинсон-Нечаева, 1954 — *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткани и одежда XVI—XVII вв.— В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.
Левинсон-Нечаева, 1959 — *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткачество.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.
Левинсон-Нечаева, 1971 — *Левинсон-Нечаева М. Н.* Материалы к истории русской народной одежды.— В кн.: Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.).
Липранди, 1866 — *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний.— Русский архив, № 8—9.
Лобачева, 1979 — *Лобачева Н. П.* Среднеазиатский костюм ранне-средневековой эпохи.— В кн.: Костюм народов Средней Азии.
Львова, 1908 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л. Вып. 10.
Ляпушкин, 1958 — *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 74.
Макаренко, 1908 — *Макаренко Н. Е.* Материалы по археологии Полтавской губернии.— Полтавская ученая архивная комиссия / Труды. Полтава. Вып. 5.
Маловицкая, 1971 — *Маловицкая Л. Я.* Сарматское искусство.— В кн.: История искусства народов СССР. М., т. 1.
Манцевич, 1975 — *Манцевич А. П.* К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья.— В кн.: Фрако-скифские культурные связи: Studia Thracica. София. Вып. 1.
Манцевич, 1976 — *Манцевич А. П.* Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи.— Archeologia, 1975, XXVI.
Мартиновский, 1862 — *Мартиновский В.* Черты нравов молдаван.— В кн.: Этнографический сборник РГО. СПб., вып. 5.
Маслова, 1954 — *Маслова Г. С.* Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды.— СЭ, № 1.
Маслова, 1956 — *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.
Маслова, 1956а — *Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. как материал к этнической истории народа.— СЭ, № 4.
Маслова, 1978 — *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.
Масса, 1937 — *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.
Матейко, 1977 — *Матейко К. І.* Украïнський народний одяг. Киïв.
Мейерберг, 1903 — *Мейерберг.* Виды и бытовые картины России XVII в. СПб.
Мелюкова, 1979.— *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.
Мерцалова, 1972 — *Мерцалова М. Н.* История костюма. М.
МИА ЛатвССР, 1957 — МИА ЛатвССР. Т. 1. Нукшинский могильник. Рига.
Миронов, 1971 — *Миронов В. В.* Міський костюм на Украïнi (конец XIX — початок XX ст.).— Народна творчість та етнографія, № 5.
Мирошина, 1980 — *Мирошина Т. В.* Скифские калафы.— СА, № 1.
Мода, 1851—1861 — Мода для светских людей (СПб.).
Мозолевський, 1979 — *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Киïв.
Моисеенко, 1974 — *Моисеенко Е. Ю.* Мастера-портные «немецкого платья» в России и их работы.— В кн.: Государственный Эрмитаж: Труды. Л., вып. XV.
Молдаване, 1964 — Молдаване.— В кн.: Народы мира: Народы европейской части СССР. М., т. II.
Молчанова, 1968 — *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов. Минск.
Молчанова, 1979 — *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов в XVI—XVIII вв.— ВИ, № 5.
Молчанова, 1981 — *Молчанова Л. А.* Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. Минск.
Монгайт, 1967 — *Монгайт А. Л.* Художественные сокровища Старой Рязани, М.

Моора, 1956 — *Моора А. X.* Об историко-этнографических областях Эстонии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа.
Моора, 1960 — *Моора X. А.* Из истории развития эстонской народной одежды.— ЭНО.
Моора X. А., Моора А. X., 1965 — *Моора X. А., Моора А. X.* Из этнической истории води и ижоры.— Slavi-Läänemeresoome suhete ajaloost (Tallinn).
Москаленко, 1965 — *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж.
Народы, 1964 — Народы европейской части СССР. М. Ч. 1.
Народы России, 1878 — Народы России. СПб. Т. 1.
Нахлик, 1963 — *Нахлик А.* Ткани Новгорода.— МИА, № 123.
Негруци, 1956 — *Негруци К.* Избранное. Кишинев.
Недошивина, 1968 — *Недошивина Н. Г.* О датировке Белевского клада.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Нидерле, 1956 — *Нидерле Л.* Славянские древности. М.
Никитский, 1869 — *Никитский А. И.* Очерки из жизни Великого Новгорода: Правительственный совет.— ЖМНП, ч. 145, № 10.
Николаева, б. г.— *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XIX вв. М.
Никулицэ, 1977 — *Никулицэ И. Т.* Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев.
Овидий, 1978 — *Овидий.* Письма с Понта.— В кн.: *Публий Овидий Назон.* Скорбные элегии: Письма с Понта. М.
Олеарий, 1906 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.
Опреску, 1960 — *Опреску Г.* Народное искусство Румынии. М.
Очерки по истории, 1969 — Очерки по истории украинского декоративно-прикладного искусства. Киев.
Оятева, 1962 — *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., вып. 4.
Оятева, 1965 — *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., вып. 7.
Оятева, 1974 — *Оятева Е. И.* Обувь из раскопок Переяславля Рязанского.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.
Патерик, 1911 — Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб.
Переписка, 1914 — Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. Пг.
Петрей, 1865 — *Петр Петрей де Ерлезунда.* История о великом княжестве Московском...— ЧОИДР, октябрь — декабрь, кн. 4.
Подградская, 1968 — *Подградская Е. М.* Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI—XVII вв. Кишинев.
Подобедова, 1965 — *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М.
Познанский, 1902 — *Познанский Б.* Одежда малороссов.— В кн.: XII археологический съезд в Харькове: Труды. М., т. III.
Покровский, 1897 — *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы.— В кн.: IX археологический съезд: Труды. М., т. II.
Поппэ, 1965 — *Поппэ А.* К истории древнерусской ткани и одежды: вотола.— In: Acta Baltica-Slavica. Bialystok, т. II.
Порфиридов, 1930 — *Порфиридов Н. Г.* Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея.— В кн.: Материалы и исследования Новгородского музея. Новгород, вып. 1. Каменное изваяние.
Прилипко, 1971 — *Прилипко Я.* Український народний одяг як джерело вивчення етнографічноі історіі.— Народна творчість та етнографія, № 5.
Прохоров, 1881, 1884 — [*Прохоров В.*] Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохоровым. СПб., 1881. Ч. 1; 1884. Ч. 3.
Прыткова, 1930 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда ижор и води.— В кн.: Западнофинский сборник. Л.
Рабинович, 1939 — *Рабинович М. Г.* Курганы в Поворовке.— В кн.: Сборник научных студенческих работ МГУ. М., вып. XI. История.
Рабинович, 1947 — *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX—XV вв.— В кн.: ТИЭ. Нов. сер. М.; Л. Т. 1.

Рабинович, 1957 — *Рабинович М. Г.* Золотое украшение из Тушкова городка.— КСИИМК, вып. 68.
Рабинович, 1957а — *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков.— СА, XXIX—XXX.
Рабинович, 1962 — *Рабинович М. Г.* Об этническом составе первоначального населения Москвы.— СЭ, № 2.
Рабинович, 1964 — *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М.
Рабинович, 1966 — *Рабинович М. Г.* Кто был Даниил Заточник по рождению? — Русская литература, № 1.
Рабинович, 1978 — *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.
Рабинович, 1978а — *Рабинович М. Г.* Свадьба в русском городе в XVI в.— В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.
Рабинович, 1981 — *Рабинович М. Г.* Бытовой аспект семейной драмы Грозного.— СЭ, № 6.
Рабинович, 1982 — *Рабинович М. Г.* Русские письменные источники как материал для этнографии города.— ОИРЭФА, № 8.
Радзивилловская летопись.— Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись: Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902.
Рафалович, 1972 — *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев.
Ригельман, 1847 — *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М. Ч. I—IV.
Рикман, 1952 — *Рикман Э. А.* Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире.— КСИИМК, вып. 47.
Рикман, 1961 — *Рикман Э. А.* Памятники древнего искусства Молдавии (по археологическим данным). Кишинев.
Рикман, 1976 — *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э. М.
Ровинский, 1900 — *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб. Т. 1.
Розенфельдт, 1980 — *Розенфельдт И. Г.* Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ.— СА, № 1.
Ростовцев, 1913, 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. I. Текст; СПб., 1913. Т. II. Атлас.
Ростовцев, 1917 — *Ростовцев М. И.* Эллино-скифский головной убор.— ИАК, вып. 63.
Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.
Русанова, 1966 — *Русанова И. П.* Курганы полян X—XII вв.— САИ, вып. Е1—24.
Руссо, 1956 — *Руссо А.* Избранное. Кишинев.
Рыбаков, 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.
Рыбаков, 1949 — *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, № 11.
Рыбаков, 1949а — *Рыбаков Б. А.* Новый суджанский клад антского времени.— КСИИМК, вып. XXVII.
Рыбаков, 1953 — *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, XVII.
Рыбаков, 1953а — *Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян.— В кн.: История русского искусства. М., т. 1.
Рыбаков, 1967 — *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут.— СА, № 2.
Рындина, 1978 — *Рындина А. В.* Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XI—XV вв. М.
Сабурова, 1967 — *Сабурова М. А.* Реконструкция женского убора по материалам клада Щербинского городища.— КСИА, вып. 112.
Сабурова, 1974 — *Сабурова М. А.* Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции).— СА, № 2.
Сабурова, 1976 — *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде.— В кн.: Средневековая Русь. М.
Сабурова, 1976а — *Сабурова М. А.* Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей.— СЭ, № 3.
Сабурова, 1978 — *Сабурова М. А.* О времени появления одной из групп корун на Руси (к вопросу о путях сложения русского традиционного головного убора).— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
Савваитов, 1896.— *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.

Сарматские племена, 1956 — Сарматские племена в Северном Причерноморье.— В кн.: Очерки истории СССР. М.
Седов, 1952 — *Седов В. В.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.— КСИЭ, XV.
Седов, 1953 — *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— СА, XVIII.
Седов, 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8.
Седов, 1978 — *Седов В. В.* Анты.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
Седов, 1980 — *Седов В. В.* Балты и славяне в древности (по данным археологии).— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов. Рига.
Седова, 1959 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— Новгородская археологическая экспедиция/Труды. М. Т. II.
Седова, 1978 — *Седова М. В.* Ярополчь Залесский. М.
Семевский, 1864 — *Семевский М. И.* Торопец — уездный город Псковской губернии. СПб.
Семевский, 1870 — *Семевский М. И.* Торопец: (Историко-этнографический очерк, 1016—1869) — Всемирная иллюстрация, № 57—59.
Скурат, 1974 — *Скурат К. У.* Даунія беларускія меры. Мінск.
Словацкое народное, 1953 — Словацкое народное искусство. Братислава. Т. 1.
Смирнов А. П. 1966 — *Смирнов А. П.* Скифы. М.
Смирнов Г. Д., *Рафалович*, 1965 — *Смирнов Г. Д.*, *Рафалович И. А.* Раннеславянские находки VI—VII вв. из Старого Орхея.— Изв. АН МССР. Сер. ист., № 12.
Смирнов К. А., 1974 — *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречий Оки и Волги).— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974.
Смирнов К. Ф., 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.
Смирнов К. Ф., 1975 — *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.
Сокольский, 1963 — *Сокольский Н. И.* Новые памятники сандской скульптуры.— КСИА, вып. 100.
Соловьев, б. г.— *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб. Т. VI.
Спицын, 1899 — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, август.
Спицын, 1906 — *Спицын А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке.— ЗОРСА, вып. 1.
Спицын, 1909 — *Спицын А. А.* Бухарский клад и Мономахова шапка.— ИАК, вып. 29.
Срезневский, I, II, III — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I; 1895. Т. II; 1903. Т. III.
Стамеров, 1978 — *Стамеров К. К.* Очерки истории костюмов. Киев. Т. 1. На укр. яз.
Стасов, 1877 — *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб.
Стельмах, 1956 — *Стельмах Г.* Украинцы.— БСЭ. М. Т. 44.
Суслова, 1981 — *Суслова С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX вв.: Рукопись кандидатской диссертации. Архив ИЭ.
Степанов, 1916 — *Степанов П. К.* История русской одежды. Пг. Вып. 1.
Страбон, 1964.— *Страбон.* География: В 17-ти книгах. Л.
Студенецкая, 1974 — *Студенецкая Е. Н.* Общие черты в мужской одежде Северного Кавказа и их отражение в терминологии.— В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.
Тальман, 1948 — *Тальман Е. М.* О ремесленном ученичестве.— ИЗ, т. 27.
Таннер, 1891 — *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М.
Тацит, 1969 — *Тацит К.* О происхождении германцев и местоположении Германии. 17 — Соч.: В 2-х т. Л. Т. 1. Анналы: Малые произведения.
Тиль, 1971 — *Тиль Э.* История костюма. М.
Тимощук, 1976 — *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ.
Токарев, 1954 — *Токарев С. А.* О культурной общности восточнославянских народов.— СЭ, № 2.
Толстов, 1930 — *Толстов С. П.* К проблеме аккультурации.— СЭ, № 1—2.
Толстой, *Кондаков*, 1889, 1890 — *Толстой И.*, *Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 1, 2; 1890. Вып. 3.
Толченов — Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974.
Украинское народное, 1961 — Украинское народное искусство: Одежда. Киев.

Улащик, 1963 — *Улащик Н. Н.* Изображения белорусских крестьян и их орудий труда середины XVIII в.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., т. XI.
Улащик, 1973 — *Улащик Н. Н.* Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.
Фасмер, 1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. Т. IV.
Федоров, 1953 — *Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья.— В кн.: По следам древних культур: Древняя Русь. М.
Федоров, 1969 — *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Криничное.— МИА, № 169.
Федоров, Полевой, 1973 — *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М.
Фехнер, 1959 — *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. М.
Фехнер, 1976 — *Фехнер М. В.* Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси.— В кн.: Средневековая Русь. М.
Флетчер — О государстве русском/Сочинение Джильса Флетчера. СПб., 1906.
Хавлюк, 1963 — *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— МИА, № 108.
Хавлюк, 1974 — *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. М.
Халиппа, 1900 — *Халиппа И. А.* Город Кишинев времен жизни в нем А. С. Пушкина.— В кн.: Бессарабская ученая архивная комиссия/Труды. Т. 1.
Ханенко, 1899 — *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Поднепровья. Киев. Вып. II.
Хвощинская, 1976 — *Хвощинская Н. В.* Население восточного побережья Чудского озера.— КСИА, 146.
Хорошкевич, 1967 — *Хорошкевич А. Л.* Быт и культура русского города по словарю Тони Фенне 1607 г.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М.
Челеби, 1961 — *Челеби Э.* Книга путешествия. М. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины.
Черепнин, 1969 — *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.
Чечулин, 1889 — *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб.
Шеляпина, 1973 — *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе.— В кн.: Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., т. 1.
Шестакова и др.— *Шестакова И. С., Зыбин Ю. Р., Богданов Н. А.* Отчет по теме «Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи».— Архив ИА, ф. 1 № 555. Прил.
Шмелева, 1948 — *Шмелева М. Н.* Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области.— СЭ, № 2.
Шмидт, 1863 — *Шмидт А.* Херсонская губерния. СПб. Ч. II.
Шпилевский, 1868 — *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб.
Штакельберг, 1962 — *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладоги.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., вып. 4.
Шульц, 1953 — *Шульц П.* Мавзолей Неаполя скифского. М.
Янин, 1975 — *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М.
Янитс, 1959 — *Янитс Л. Ю.* Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин.
Яценко, 1959 — *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.— В кн.: Труды/ГИМ. М., вып. 36.
Яценко, 1971 — *Яценко И. В.* Искусство скифских племен Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. М., т. 1.
Adomonis, 1976 — *Adomonis T.* Lietuvių išeiginiai drabužiai IX—XVI amžiuje.— Menotyra, N 6.
Ahlqvist, 1856 — *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jomte språkprof och ordförteckning. Helsingforsiae.
Alava — Архив Финского Литературного Общества (SKS), фонд V. Alava, Votika, XI.
Alexianu, 1971 — *Alexianu Al.* Mode şi veşminte din trecut. Bucureşti. V. I—II.
Appelgren-Kivalo, 1907 — *Appelgren-Kivalo H.* Finnische Trachten aus der jüngeren Eisenzeit. Helsingfors.
Ariste, 1964 — *Ariste P.* Velaarpalataalse sulghääliku «k» afrikaadistumine.— Tartu Riikliku Ulikooli toimetised, v. 162.

Ariste, 1965 — *Ariste P.* Vadja kohanimedest.— In.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tartu.
Balan, 1934 — *Balan T.* Documente bucovinene. Cernănţi, V. II.
Bănăţianŭ, 1965 — *Bănăţianŭ T.* Portul popular românesc. Bucureşti.
Barbul, 1938 — *Barbul Gh.* Portul romînese in secolul al XVII-les. Cluj.
Berciu, 1969 — *Berciu D.* Arta traco-getică. Bucureşti.
Bernotienė, 1974 — *Bernotienė S.* Lietuvių liaudies moterų drabužiai XVIII a. pab.— XX a. pr. Vilnius.
Bezdechi, 1939 — *Bezdechi Şt.* Nicolaus Olahus — primul umanist de origină română. Aninoasa Gorg.
Bezzenberger, 1892 — *Bezzenberger A.* Litauische Gräberfelder. I. Das Gräberfeld bei Schernen (Kr. Memel).— Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia (Königsberg), N 17.
Boga, 1928, 1929 — *Boga I.* Documente basarabene. Chişinău, 1928. V. I, Chişinău, 1929. Vol. II.
Bogdan, 1913 — *Bogdan I.* Documente lui Stefan cel mare. Bucureşti, V. II.
Brand, 1702 — *Brand J. A.* Reisen durch die Marck Brandenburg, Preusen, Curland, Liefland, Plesscovien, Gross-Navogardien, Twierien und Mascowien. Wesel.
Caune, *Zariņa*, 1980 — *Caune A.*, *Zariņa A.* Rīgas 13.—15. gs. vilnas cimdi.— Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis, N 1.
Crăiniceanu, 1898 — *Crăiniceanu Gh.* Igiena ţăranului român, Iocuinta, încălţămintea şi îmbrăcănuntea. Bucureşti.
Czarnecka, 1957 — *Czarnecka, I.* Polnische Volkskunst. Warszawa.
Deslandres, 1976 — *Deslandres Y.* Le costume, image de l'homme. Paris.
Enăchescu-Cantemir, 1938 — *Enăchescu-Cantemir A.* Portul popular romînese. Bucureşti.
Feodālā Riga, 1978.— Feodālā Rīga. Rīga.
Ferri, 1933 — *Ferri S.* Arte romana sul Danubio. Milano.
Florescu, 1942 — *Florescu F. B.* I monumenţi funerari romani nella Dacia inferiore. Bucureşti.
Florescu, 1957 — *Florescu F. B.* Opincile la romîni. Bucureşti.
Florescu, 1959 — *Florescu F. B.* Geneza costumului popular romînese.— Studii şi cercetări de istoria artei, N 1.
Florescu, 1961 — *Florescu F. B.* Monumentul de la Adamclissi. Bucureşti.
Florescu, [б. г.] — *Florescu F. B.* Monumentul de la Adamclissi. Bucureşti.
Frolec, 1977 — *Frolec V.* Drevnjeje zilišče narodov Vostočnoj Jevropy.— Narodopisné aktuality, t. XIV, i. 4.
Geijer, 1938 — *Geijer A.* Birka. Uppsala. V. III.
Ghibănescu, 1906 — *Ghibănescu G.* Ispisoace şi zapise. Iaşi. V. I.
Ghibănescu, 1907, 1909, 1912, 1914 — *Chibănescu G.* Surete şi izvoade. Iaşi, 1907. V. II; 1909. V. VI; 1912. V. VII; 1914. V. VIII.
Ginters, 1936 — *Ginters V.* Latviešu tautas tērpu aizvēsture.— Ievads latviešu tautas tērpu vēsturē. Rīgā.
Grigalavičienė, 1978 — *Grigalavičienė E.* Egliškių (Kretingos raj.) pilkapių tyrinėjima 1974 ir 1975 metais.— ATL 1974—1975 metais.
Grigalavičienė, 1979 — *Grigalavičienė E.* Egliškių pilkapioi.— Lietuvos archeologija, N 1.
Györffy, 1956 — *Györffy I.* Matyo Népviselet. Budapeşt.
Hägg, 1974 — *Hägg J.* Kvinnodräkten i Birka.— Aun, N 2.
Haltsonen, 1958.— *Haltsonen S.* Lönnrotin keräämät vatjalaiset itkut.— Virittäjä.
Haltsonen, 1958a — *Haltsonen S.* Antal Reguly vatjalais muistanpanot, 1841.— Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 60 : 3.
Hartcknoch, 1784 — *Hartcknoch C.* Alt und Neues Preussen. Königsberg.
Hedeman, 1936 — *Hedeman O.* Dzisna i Druja miasta mahdeburskie. Wilno.
Heikel, 1899 — *Heikel A. O.* Mordvalaisten pukuja kuosija. Helsinki.
Heikel, 1909 — *Heikel A. O.* Die Volkstrachten in der Ostseeprovinzen und in Setukesien. Helsingfors.
Heldt, 1968 — [*Heldt*]. Кодекс Сигизмунда Хелдта.— В кн.: *Reklaitis P.* Lietuvių gyventojų tipai XVI a. grafikoje: Adelhauser-Heldt-Vecellio.— Aidai, N 7.
Hirviluoto, 1973 — *Hirviluoto A.-L.* Raison Ihalan «vaskivaipat».— Suomen Muinasmuistoyhdistyksen Aikakauskirja, N 75.
H. O. [*jansuu*], 1906 — *H. O.* [*jansuu*] Henrik Gabriel Porthanin vatjalaisharrastukset.— Virittäjä.

Honko, 1962 — *Honko L.* Geisterglaube in Ingermanland.— FFC, N 185.
Icoane, 1971 — Icoane vechi române ti. Bucureşti.
Jovaiša, 1978 — *Jovaiša E.* Plinkaigalio (Kėdainių raj.) kapinyno tyrinėjimai 1977 metais.— ATL 1976—1977 metais.
Jovaiša, 1978a.— *Jovaiša E.* Raudonėnų kapinynas.— ATL 1974 ir 1975 metais.
Jucevičius, 1959 — *Jucevičius L. A.* Raštai. Vilnius.
Kaczyński, 1963 — *Kaczyński M.* Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego u 1934 r. w miejscowosci Mieżany, pow. Święciany, na Wileńszczyznie (LSRR).— Wiadomości archeologici, t. XXIX , z. 2.
Karnups, 1936 — *Karnups A.* Latviešu tērps pēdējos 350 gados.— Ievads latviešu tautas terpu vēsturē. Rīgā.
Katalog, 1896 — Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga.
Kieseritzky, *Watzinger*, 1909 — *Kieseritzky G.*, *Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin.
Kindlam, 1935 — *Kindlam M.* Heart-shaped Brooches.— In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1933. Tartu.
Kivikoski, 1961 — *Kivikoski E.* Suomen esihistoria. Helsinki.
Koppen, 1849 — *Köppen P.* Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Peter burger Gouvernements. St.-Pb.
Kostrzewski, 1972.— *Kostrzewski J.* Kultura prapolska. Warszawa.
Kresz, 1957 — *Kresz M.* Ungarische Bauerntrachten. (1820—1867). Budapest.
Kulikauskas, 1968 — *Kulikauskas P.* Kurmaičių kapinynas.— In.: Lietuvos archeologiniai paminklai. Vilnius.
Kulikauskienė, 1973 — *Kulikauskienė V.* XIX—XX a. lietuvių valstiečių vyrų drabužiai (3. Veltinės kepurėlės ir skrybėles).— MAD, A, 4(65).
Kulikauskienė, 1975, 1978 — *Kulikauskienė V.* XIX—XX a. lietuvos valstiečių vyrų drabužiai (1. Marškinių medžiaga ir sukirpimas).— MAD, A, 1975, 3(52); (2. Marškinių puošyba ir vilkėjimas).— MAD, A, 1975, 4(53); (3. Veltinės kepurės ir skrybėlės).— MAD, A, 1978, 4(65).
Kulikauskienė, *Rimantienė*, 1958 — *Kulikauskienė R.*, *Rimantienė R.* Senovės lietuvių papuošalai.— LLM, N 1.
Kuncienė, 1974 — *Kuncienė O.* XIII—XV amžių rytų Lietuvos moterų galvos papuošalai— MAD, A, 3(48).
Laanest, 1975 — *Laanest A.* Sissejuhatus läänemeresoome keltesse. Tallinn.
Latvijas arheoloģija, 1974 — Latvijas PSR arheologija. Rīgā.
Laul, 1966 — *Laul S.* Tekstiilijälgedest keraamikaleidudel Eestis.— In: Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn, 1966.
Laul, 1981 — *Laul S.* Tagapõll muinaseesti naise rõivastuses.— In: Eesti ajaloo probleeme. Tallinn.
Lehmann-Hartleben, 1926 — *Lehmann-Hartleben K.* Die Trajansäule. Berlin; Leipzig.
Lehtosalo-Hilander, 1973 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Punahame-sinihuntu-monien mahdollisuuksien muinaspuvat.— Vakkanen, N 2.
Lehtosalo-Hilander, 1978 — *Lehtosalo-Hilander P. L.* Euran puku — uusi tulokas suomalaisten muinaispukujen sarjaan.— Vakkanen, N 3.
Lehtosalo-Hilander, 1980 — *Lehtosalo-Hilander P. L.* Common Characteristic Features of Dress-Expressions of Kinship or cultural Contacts.— Helsingin Yliopiston Arkeologian Laitos, N 22.
Lepner, 1744 — *Lepner T.* Der Preusche Littauer. Danzig.
Lietuvos gyventojų, 1972 — Lietuvos gyventojų prekydiniai ryšiai. Vilnius.
Lõugas, 1971 — *Lõugas V.* Über die Typologie und Chronologie der ältesten Hirtenstabnadeln des Ostbaltikums.— Suomen Museo.
Manninen, 1927 — *Manninen I.* Eesti rahvariiete ajalugu.— ERMAr, III.
Manninen, 1957 — *Manninen J.* Die Kleidung.— Kansatietellinen Arkisto, 13 : 1.
Manolescu, 1898 — *Manolescu N.* Igiena ţaranului român. Bucureşti.
Mastonytė, 1961 — *Mastonytė M.* Dzūkijos moterų drabuziai XIX a. antroje pusėje.— XX a. pradžioje.— ILKL, III.
Mastonytė, 1964 — *Mastonytė M.* Žemaitijos moterų drabužiai, XIX a. — XX a. pradžioje.— ILKI, IV.
Michelbertas, 1967 — *Michelbertas M.* III—V amžių Veliuonos kapinynas.— MAD, A, t. 2(24).

Michelbertas, 1972 — *Michelbertas M.* V m. e. a. Daujėnų apgalvis.— Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija, XIII (1).
Michelbertas, 1972a.— *Michelbertas M.* Pajuosčio pilkapių (Panevėžio raj.) tyrinėjimai 1971 m.— AETL 1970 ir 1971 metais.
Michelbertas, 1978 — *Michelbertas M.* Pažarsčio. (Prienų raj.) pilkapiu tyrinėjimai 1975 m.— ATL 1974 ir 1975 metais.
Mihail, 1978 — *Mihail Z.* Terminologia portului popular românesc în perspectivă etnolingvistică comparată sud-est europeană. Bucureşti.
Moora, 1925 — *Moora H.* Hõbeaare Pilistverest.— ERMAr, I.
Moora, 1926 — *Moora H.* Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-ajal. Tartu.
Moora, 1938 — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr.— Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Tartu. II. Teil.
Musicescu, 1969 — *Musicescu M. A.* S. Ilea. Voroneţ. Bucureşti.
Nahlik, 1965 — *Nahlik A.* Tkaniny wsi wschodnioeuropejskiej X—XIII w.— Acta archaeologica Lodziensia, N 13.
Nakaitė, 1972 — *Nakaitė L.* Senovinis moterų galvos papuošalas. Krastotyra, 4. Vilnius.
Navickas, 1964 — *Navickas K.* Vilniaus gyventojų apavas XIII—XIV a.— ILKI, IV.
Nicolăescu-Plopşor, Zaharia, 1959 — *Nicolaescu-Plopşor C. S., Zaharia N.* Cercetările de la Mitoc.— Materiale şi cercetări arheologice, VI.
Nicolescu, Jipescu, 1957 — *Nicolescu C., Jipescu F.* Date cu privire la istoria costumului în Moldova, sec. XV—XVI.— Studii şi sercetări de istoria artei, N 2.
Niederle, 1913 — *Niederle L.* Slovanské starožitnosti: Oddil kulturni. Praha. D. 1.
Niederle, 1913a — *Niederle L.* Zivot starych slovanu. Praha, 1913.
Olearius, 1656 — *Olearius A.* Viel vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschriebung. Hamburg.
Ozols, 1939 — *Ozols K.* Senie latviešu audumi.— Senatne un māksla, N 2.
Öpik, 1970 — *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lõpul. Tallinn.
Pârvan, 1967 — *Pârvan V.* Dacia. Bucureşti.
Paulaharju, 1912 — *Paulaharju S.* Hevaan inkeroispuku.— Suomen Museo.
Pauli de P., 1862 — *Pauli de P.* Description ethnographique Russie. St.-Pb.
Pavel, 1976 — *Pavel E.* Portul popular moldovenesc. Bucureşti.
Pîrvan, 1926 — *Pîrvan V.* Getica. Bucureşti.
Poppe, 1965 — *Poppe A.* Materiały do dzejów tkaniny staroruskej: Terminologia źródeł piasanych. Wrocław; Warszawa; Kraków.
Prätorius, 1871 — *Prätorius M.* Deliciae Prussicae oder Preussische Schaubühne. Berlin.
Reklaitis, 1968 — *Reklaitis P.* Lietuvos gyventojų tipai XVI a. grafikoje.— Aidai, N 7.
Salminen, 1931 — *Salminen K.* Inkerin naisten puvisto ja käsityöt runoissa ukunattuina.— KV, 11.
Salminen, 1933 — *Salminen K.* Inkeroisten ja vatjalaisten hurstut vaate.— KV, 13.
Sadauskaitė, 1959 — *Sadauskaitė I.* Kairėnų ir Seiliūnų radiniai.— MAD, A, 1(6).
Schvindt, 1913 — *Schvindt Th.* Suomen kansan pukuja 1800—11a. Helsinki. V.I. Karjala.
Selirand, 1970 — *Selirand J.* Eesti naiste noatuped: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.
Sirelius, 1915 — *Sirelius U. T.* Suomen kansanpukujen historia.— Journal de la Societe Finno-Ougrienne, XXXI.
Slava, 1966 — *Slava M.* Latviešu tautas tērpi.— Arheoloģija un etnografija, VII.
Spekke, 1934 — *Spekke A.* Vecākie latvju tautas apģērba zīmējumi. Rīgā.
Šnore, 1938 — *Šnore E.* Dundagas kājauti.— Senatne un māksla, 2.
Tallgren, 1925 — *Tallgren A. M.* Esiajaloolised Eesti asjad Helsingi muuseumis.— EMAr, I.
Tallgren, 1925a.— *Tallgren A. M.* Zur Archäologie Eestis. Dorpat. Bd. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr.
Talve, 1972 — *Talve I.* Suomalaisen kansanelämän historialiset taustatekijat. Helsinki.
Tautavičius, 1970 — *Tautavičius A.* Vakarinės Žemaitijos dalies IX—XII a. moterų kepuraitės.— In: Muziejai ir paminklai. Vilnius.
Tautavičienė, 1974 — *Tautavičienė B.* Sarkų (Šilalės raj.) senkapis.— AETL 1972 ir 1973 metais.
Tõnisson, 1974 — *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh.— Anfang 13. jhs.). Tallinn.
Trefurt, 1783 — *Trefurt Fr. L.* Von den Tschuden.— In: Versuche in der livlandischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamtkeit von Fr. Gadebusch. Riga.
Trefurt, 1785 — *Trefurt Fr. L.* Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden.— In: Versuche

in der livlandischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamtkeit von Fr. Gadebusch. Riga.
Vahter, 1928 — *Vahter T*. Pronssikierukkakoristelun teknillisistä menetelmistä.— Suomen Museo, XXXV.
Vahter, 1931 — *Vahter G*. Der späteisezeitliche Mantel im Ostbalticum Congressus secundus archeologorum balticorum Rigae, 19.—23. VIII. 1930. Riga.
Vahter, 1932 — *Vahter T*. Kaatterit.— Suomen Museo, XXXVIII—XXXIX.
Vahter, 1952 — *Vahter T*. Varsinaissuomalainen kaarihuntu: Corolla archaeologica in honorem C. A. Nordman. Helsinki.
Valančius, 1972 — *Valančius M*. Raštai. Vilnius. V. I.
Vassar, 1939 — *Vassar A*. Iru linnapära: Muistse Eesti linnused. 1936—1938. a. uurimise tulemused. Tartu.
Viires, 1959 — *Viires A*. Eesti vanem leksikograafia ja etnograafia: Lisanded eesti rahvariiete ajaloole.— Emakeele Seltsi Aastaraamat, IV.
Volkaitė-Kulikauskienė, 1950 — *Volkaitė-Kulikauskienė R*. Linksmučiu (Pakruojo ráj.) kapinyno 1948 metais tyrinejimu duomenys.— Lietuvos istorijos Instituto darbai, I.
Volkaitė-Kulikauskienė, 1959 — *Volkaitė-Kulikauskienė R*. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuosalai.— ILKI, II.
Volkaitė-Kulikauskienė, 1964 — *Volkaitė-Kulikauskienė R*. Nauji duomenys apie Vakarų Lietuvos moterų galvos dangą ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu.— MAD, A, 2(17), 1964.
Volkaite-Kulikauskiene, 1970 — *Volkaite-Kulikauskiene R*. Lietuviai IX—XII amžiais. Vilnius.
Volkaitė-Kulikauskienė, 1970a — *Volkaitė-Kulikauskienė R*. Vieno kaklo papuošalo klausimu.— In: Muziejai ir paminklai. Vilnius.
Volkaitė-Kulikauskienė, 1971 — *Volkaitė-Kulikauskienė R*. Lietuvio kario žirgas. Vilnius.
Volkaitė-Kulikauskienė, 1975 — *Volkaitė-Kulikauskienė R*. Kai kurių VIII—XI a. Rytų Lietuvos pauošalų klausimu.— MAD, A, 4(53).
Voolmaa, 1975 — *Voolmaa A*. Põll eesti rahvatraditsioonis.— EMAr, XXVIII.
Vuia, 1962 — *Vuia R*. Portul popular din Ţara Haţegului. Bucureşti.
Waetzoldt, 1939 — *Waetzoldt D*. Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit.— Altpreussen, Jahrg. 3, H. 4.
Werner, 1950 — *Werner J*. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts.— In: Reinecke Festschift. Mainz.
Urbanavičius, 1970 — *Urbanavičius V*. Rumšiškenai XIV—XVI amžiais. Vilnius.
Urbanavičius, 1974 — *Urbanavičius V*. Senųjų tukėjimų reliktai Lietuvoje XV—XVII amžiais.— MAD, A, 3(48).
Urbanavičius, 1978 — *Urbanavičius V*. Jakštaičiu-Meškių (Šiaulių raj.) kapinyno tyrinėjimai 1974 metais.— ATL 1974 ir 1975 metais. Vilnius.
Urtāns, 1962 — *Urtāns V*. Kalniešu otrais kapulauks.— In: Latv. PSR Vēstures muzeja raksti: Arheologija, Rīgā.
Urtāns, 1962a — *Urtāns V*. Tīras purva depozīts.— Latv. PSR Vēstures muzeja raksti: Arheologija. Rīgā.
Urtāns, 1970 — *Urtāns V*. Archeoloģiskās rekonstrukcijas Latvijas PSR Vēstures muzeja ekspozīcija.— In: Muzeji in kulturas pieminekli. Rīgā.
Zariņa, 1970 — *Zariņa A*. Seno latgaļu apģērbs 7.—13. gs. Rīgā.
Zariņa, 1972 — *Zariņa A*. Daugavas lībiešu mežģītā pinuma jostas.— Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis, 4.
Zelenciuck, 1969 — *Zelenciuck V*. Tipurile principale ale portului popular din RSS Moldovenească.— In: Creaţia populară în contemporaneitate. Bucureşti.
Zelenin, 1927 — *Zelenin D*. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig.

СОКРАЩЕНИЯ

АВК — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна, 1864—1915. Т. 1—39
АГО — Научный архив Географического общества СССР
АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы в древней России. Киев, 1860. Т. I; 1863. Т. II
АМГ — Акты Московского государства, изданные Академией наук. СПб., 1890. Т. I; 1894. Т. II; 1901. Т. III
АО — Археологические открытия. М.
АСД — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867—1904. Т. 1—14
АФЗИХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. I; 1956. Ч. II
АШ — Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию города Шуи. М., 1853
АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1838
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1857. Т. I; 1862. Т. II; 1884. Т. III
БС — *Селифонтов Н. Н.* Описи документов архива бывшей Большесольевской посадской избы и ратуши, найденных в посаде Большие Соли Костромского у. XVI — XVIII ст. СПб., 1902
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
ГИМ — Государственный Исторический музей
Д — Домострой по коншинскому списку и подобным. М., 1908
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950
ДЗ — Домострой по списку общества истории и древностей Российских. М., 1882
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖС — Житие Сергия Радонежского. Рукопись XVI в. Государственная публичная библиотека им. Ленина
ЗОРСА — Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИЗ — Исторические записки
ИИ — Институт истории АН ЭССР
ИКДР — История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. I. Материальная культура
ИЮМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1871—1906. Т. 1—32
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава
КО — Крестьянская одежда населения Европейской части СССР (XIX — начало XX в.): Определитель. М., 1972
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводог. М.; Л., 1950
ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.

ПИГ — Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1950
ПВЛ I — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I
ПКБ — Повести о Куликовской битве. М., 1959
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.; Л.; М.
РГО — Русское географическое общество
РДС — Русская демократическая сатира XVII в. Л., 1954
СА — Советская археология
Сав. — *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896
САИ — Свод археологических источников
СДЗ — Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв.— В кн.: Памятники древнерусской литературы. Л., 1932. Вып. 3
СПИ — Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950
СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. М.
СЭ — Советская этнография
Т. Вор. УАК — Труды Воронежской ученой Архивной комиссии. Воронеж
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
ЭНО — Эстонская народная одежда. Таллин, 1960
AETL — Archeologiniai ir etnografiniai tyrinojimai Leityvoje. Vilnius
ATL — Archeologiniai tyrinijimai Lietuvoje. Vilnius
FFC — Folklor Fellow Communications
EMAr — Etnograafia Muuseumi Aastaraamat
ERMAr — Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat
ILKI — Iš lietuviu kultūros istorijos. Vilnius
KV — Kalevalaseuran Vuosikirja
LEB — Lietuvių etnografijos bruožai. Vilnius
LLM — Lietuvių liandies menas. Vilnius
MAD — LTSR Mokslų akademijos darbai
SKS — Suomen Kirjallisunden Seura
TWW — Tracht, Wehr und Waffen des späten Mittelalters (1350—1450) aus Bilderquellen. Praha, 1960